

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 4 / 2014
ИЮЛЬ –

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и ОАО «Кемсцинбанк»

Главный редактор
Сергей ДОНБАЙ

Редколлегия:
Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Александр КАТКОВ,
Виктор КОВРИЖНЫХ,
Иосиф КУРАЛОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Владимир МАЗАЕВ,
Олег МАКСИМОВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Марина ЧЕРТОГОВА

Николай РАХВАЛОВ
(ответственный
за распространение
журнала)

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

Содержание

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Ответы Митрополита Кемеровского и Прокопьевского Аристарха на вопросы журнала «Огни Кузбасса». Вопросы задавал **Б. Бурмистров**

ПРОЗА

Владимир Переводчиков. Кукушата. Главы из романа

Сергей Павлов. Кузбасская сага. Книга третья (продолжение)

Михаил Казанцев. Когда мы были на войне. Рассказ

ПОЭЗИЯ

Ирина Фролова. В новый день я верую и верю

Иван Тертычный. Придумать слова, чтобы песня взлетела!

Геннадий Скарлыгин. Память земли и неба

Светлана Голубева. Это с виду Россия простая

Татьяна Колач. Живу – молчанью вторя

КНИГА ПАМЯТИ

Гарий Немченко. «Последний матрос Севастополь покинул...»

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Письма **Виктора Баянова** к Михаилу Небогатову. Публикация **Нины Инякиной**

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Николай Коняев. На берегу Иртыша (Тобольский дневник)

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Николай Клюев. Стихи. Предисловие **С. С. Куняева**

Сергей Филатов. Не по Белинскому

ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор Коняев. И речи русской сладостные звуки

ЦИТАТА

Дневник читателя (Онлайн-встреча с известным литературным критиком **Вячеславом Лютым** (г. Воронеж) на сайте «Российский писатель». Ответы на вопросы).
Подготовил **С. Донбай**

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валерий Плющев. И чувства добрые я прозой пробуждала (о книге Л. Яковлевой «Калейдоскоп судьбы»)

Вячеслав Елатов. Живут поэты (о сборнике «Когда приходит вдохновенье...», г. Прокопьевск)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин**

ВИКТОР БАЯНОВ

1

2

п

К 700-ЛЕТИЮ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

ОТВЕТЫ
митрополита Кемеровского и
Прокопьевского Аристарха
на вопросы журнала
«Огни Кузбасса»

– В этом году исполняется 700 лет со дня рождения великого святого, просиявшего на земле русской, Сергия Радонежского. Несколько слов читателям о деятельности этого святого. И что значит сегодня для нас его имя?

– Преподобный Сергий Радонежский всегда очень почитался на Руси. Его духовные подвиги становились образцом для многих поколений наших соотечественников. В своем послании всей полноте Русской Православной Церкви в связи с 700-летием рождения святого преподобного Сергия Радонежского Святейший Патриарх отметил: *«Будучи образцом незлобия и скромности, преподобный Радонежский игумен, который не искал славы человеческой, был возвеличен самим Богом... Ему, смиренному труженику на ниве Господней, всегда избегавшему почестей и знаков власти, как светской, так и церковной, а также и его монастырю Промыслом Вседержителя было уготовано стать центром важнейших событий эпохи – событий, на века определивших судьбу нашего народа и всей нашей земли».*

Преподобный сыграл огромную роль в становлении единого Русского государства: он был миротворцем в княжеских междоусобицах, от которых Русь страдала не меньше, чем от татарского владычества, он же преподал благословение Дмитрию Донскому на сражение в Куликовской битве. Известный русский историк В. О. Ключевский отмечал, что при имени Преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое. Творя память Преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка.

Для Церкви Сергий Радонежский всегда был и остается угодником Божиим. Это значит, что он

«угодил» Богу своей благочестивой жизнью. В советское время образ Преподобного освещался лишь с одной стороны – как государственного деятеля, миротворца. Это, безусловно, неполноценное понимание личности святого. Он прежде всего подвижник, пример истинной монашеской жизни. Чем важен Сергий Радонежский для наших современников? Порой мне кажется, что мы так же, как и наши предки, находимся под игом орды. Но только сейчас орда – навязываемые нам ложные ценности мира потребительства. А подвиги Преподобного показывают нам истинный вектор – жизнь по евангельским заповедям.

– 2014 год указом Президента объявлен в России Годом культуры. Наш губернатор добавил: в Кузбассе «...и туризма». Есть ли у нас в Кузбассе православные места, куда бы могли приезжать паломники из нашей области, да и из других регионов России?

– Кузбасс является не только промышленным центром Сибири и России. Наш край – место подвига многих христианских подвижников. Сюда стремились и в древние времена Российской империи, и ссылались в период новейшей истории Советского Союза. Началось все с Василиска Сибирского, его сподвижника Зосимы, святого Петра Томского, продолжили историю святости в наших краях новомученики Григорий Аверин, Павлин (Крошечкин) и многие другие. На карте Кузбасса места их христианского подвига являются целью паломничества.

В Кемеровской области имеются места, куда приезжает достаточно много паломников из соседних регионов и митрополий. Это – святой источник в Салаире, где устроен с участием губернатора Кемеровской области и главы Салаира и Гурьевского района как сам источник, места для купания в нем, так и святой храм в честь иконы Божией Матери

«Державная», часовня в честь благоверных князей Петра и Февронии, пункт питания паломников и кедровая роща с местами отдыха в виде беседок и лавок. Само место расположения святого источника – очень живописное и благоустроенное.

Еще можно представить красивые места в Междуреченском районе, в местечке под названием Лужба, близ горы Мустаг. По своей природной красоте горная территория Междуреченска вполне может конкурировать с европейской Швейцарией. В указанных местах построены часовни и ежегодно проводят летний отдых дети Православного братства следопытов и воскресных школ Кузбасса.

Множество паломников посещает и другие исторические святыни Кузбасса. Это Троицкая церковь в селе Красное, Спасо-Преображенский собор, Ильинская церковь и, конечно же, Храм Рождества Христова в Новокузнецке. Мы указали лишь малую часть из перечня святынь Кузбасса, на поклонение которым регулярно выезжают паломники. В Кемеровской епархии есть Паломнический центр, где можно получить исчерпывающую информацию о святынях и с помощью которого можно совершить паломничество к ним.

– Во времена тотального вранья, духовного беспредела главная опора, щит и крепь – Православная церковь и Слово, данное нам Богом, язык наш – крепь наша духовная. Как остановить скатывание в бездну бездуховности, в бездну страстей безумных? Как воспитывать чад наших? Мне кажется, нужна программа, начинающая с детсадов, в школах, основанная на традициях русских, на вере. Отказываясь от воспитания детей на православии, тем самым отказываемся от своего прошлого, от своих корней, и потому будущее наше туманно.

– Вы совершенно правы. Процесс воспитания детей должен включаться усилиями родителей, педагогов и воспитателей, начиная с самого раннего возраста. Глубоко убежден, что преподавание **Основ православной культуры**, знакомство наших детей и молодежи с замечательным пластом мировой культуры, заложившим основу духовного и национального бытия нашего народа, имеет очень большое значение. На основе прочного фундамента христианских ценностей сформировалась не только культура, но и духовно-нравственный облик человека. **Христианская традиция является незыблемым камнем**, на котором нравственное начало человека может развиваться и принести добрые плоды. Если же говорить о **внерелигиозной морали**, то ее нельзя назвать камнем – это зыбкая почва. Почему зыбкая? А потому, что внерелигиозная мораль возводит принципы нравственной жизни не к абсолютному и непререкаемому Началу, которым является Бог, а к обстоятельствам жизни,

меняющимся историческому и культурному контекстам. Получается, что **внерелигиозная мораль влечет вместе с собой относительность нравственных понятий**. Что сегодня хорошо, то завтра может быть плохо. Что для одного народа хорошо, для другого может быть плохо. Что для богатых хорошо, то для бедных может быть плохо. Известно, что относительность морали порождает самые страшные, в том числе человеконенавистнические идеологии, жертвами которых становились миллионы людей.

Именно поэтому **нравственное возрастание личности на основе твердого фундамента христианской веры формирует нравственное здоровье общества**. Нравственное здоровье общества зависит не только от уважения людей к нравственным принципам, но и от воспитания личности в этой нравственной системе координат, на основании этих принципов.

Это самое главное сегодня для молодежи, потому что в современном информационном пространстве имеется огромное количество идей, мыслей, предложений, взглядов. Когда современный молодой человек через Интернет погружается в эту стихию, бывает очень трудно разобраться, где правда, а где ложь. **В современном информационном пространстве этой ясности нет: ложь может скрываться под правдой**. Самое гадкое, разрушительное зло может скрываться под личиной добра, и отличить добро от зла очень непросто, тем более что влиятельнейшие СМИ, к сожалению, нередко работают на то, чтобы пропагандировать зло, представляя его либо в качестве добра, либо в качестве одной из альтернатив поведения, вполне приемлемых для современного человека.

Однако воспитание личности на основе нравственных принципов христианства дает человеку возможность стоять на действительно прочной основе. Мы знаем, что **от фундамента зависит прочность здания**. Прочный фундамент – стоит здание долго. А если фундамент непрочный, с изъянами, уж не говоря о зыбкой почве, то на этом месте может быть построено прекрасное здание, но через некоторое время оно разрушится.

Вот для того чтобы личность человека никогда не разрушилась, фундамент должен быть твердым. **Православная духовная культура основана на этом фундаменте**. Поэтому, приобщаясь к культуре, к православной культуре, мы одновременно впитываем нравственные идеи, нравственные постулаты, автором которых является не тот или иной политический лидер, не тот или иной философ, не та или иная партийная группа, не та или иная мощная группа влияния, а Сам Бог. Именно благодаря абсолютной ценности и Божественному происхождению нравственности, она и существует в мире,

несмотря на то, что человек согрешает, всякий раз преступая тем самым Божественный нравственный закон.

Именно об этом мне хотелось сегодня сказать. Русская Православная Церковь неслучайно стремится к тому, чтобы Основы православной культуры изучало как можно больше людей, как можно больше молодежи. Мы хотим построить справедливое процветающее общество, из которого бы навсегда ушли коррупция и криминал. Наблюдая по телевидению страшные картины происходящего, все мы ужасаемся, включая тех, кто вносит свой вклад в разрушение нравственных христианских основ в жизни нашего народа. Поразительно то, что эти люди и СМИ не задумываются о том, что пилят сук, на котором сами сидят. Ведь разрушение нравственности затронет и их самих, их детей и семьи.

Главная задача родителей не в том, чтобы дать ребенку лучшую одежду, еду и игрушки, а чтобы образовать и воспитать его. То есть взрастить в нем образ Божий, спасти его душу, а остальное приложится.

Важно понять, сейчас не то время, когда росли и воспитывались мы, не говоря уже о старшем поколении. И без веры в Бога, без христианских нравственных заповедей, без православной культуры мы детей не воспитаем. Еще лет 20–25 назад можно было опираться в воспитании на общечеловеческие ценности, сегодня – нет. Время потеряно. Христианское, православное воспитание дает ребенку прививку, духовный иммунитет против всего того зла, которое усиливается с каждым днем. Вот для чего нужна вера. Если ребенок узнает, *«что такое хорошо и что такое плохо»* не по Маяковскому, а по Закону Божию, если получит в своей жизни стержень веры в Бога, если узнает, что за все наши дела мы дадим ответ не только за гробом, но и в этой жизни, он сможет противостоять миру и его злу. У Владимира Высоцкого есть слова: *«Если путь прорубая отцовским мечом, ты соленые слезы на ус намотал, если в жарком бою испытал, что почем, значит, нужные книги ты в детстве читал»*. И наша задача дать детям эти книги, то есть воспитание.

Вот для того, чтобы обострить нравственное чувство, **чтобы воспитать нравственно целостную личность**, способную отличать добро от зла, Президент РФ, губернатор Кемеровской области и Православная Церковь желают, чтобы в школах преподавались эти замечательные дисциплины. Сегодня это делает не только Церковь, но и педагогическое сообщество, которое активно включилось в преподавание Основ православной культуры. Нам важно, чтобы в православном Кузбассе все больше и больше людей выбирали именно этот модуль и изучали православную культуру в школьной программе.

– **Что для Вас означает понятие «русская культура»? Как Вы относитесь к массовой культуре, которая нацелена в основном на развлечение? Не слишком ли, на Ваш взгляд, современная российская культура увлеклась зрелищностью? Не отвлекает ли на себя современная массовая культура основное внимание, силы и средства, что ставит высокое профессиональное искусство в достаточно зависимое положение, поскольку серьезное искусство не в состоянии собирать стадионы?**

– У каждого народа есть в истории страницы, которыми он особенно дорожит, о которых любит вспоминать и рассказывать. В этих рассказах выражается искренняя любовь к отечественной истории, почтение к отдельным ее героям и персонажам. В них находят свое воплощение национальные идеалы – то, к чему устремлены желания и помыслы народа. Сегодня многие задаются вопросом: а что является идеалом нашего народа? И я хотел бы привести замечательные слова Владимира Сергеевича Соловьева, самого выдающегося, я считаю, русского философа конца XIX – начала XX века: *«Француз говорит о прекрасной Франции и французской славе, англичанин с любовью вспоминает о старой Англии, немец с гордостью говорит о немецком порядке и надежности, русский же человек, желая выразить свои лучшие чувства к Родине, говорит о Святой Руси»*. Вот идеал, подчеркивает философ, не либеральный, не политический, не эстетический, а **нравственно-религиозный**. Если эту идею мы облечем в совершенно конкретную современную жизненную философию, то мы и обретем ценностный фундамент нашей национальной идеи.

Именно святость как нравственный идеал является важнейшей категорией, определяющей народное восприятие образа идеальной личности в истории. Для русского народа такими идеалами являются и святые князья-страстотерпцы Борис и Глеб, и благоверный князь Александр Невский, и князья Дмитрий Донской и Даниил Московский и многие другие святые. Зримым воплощением такого идеала был и остается преподобный Сергей Радонежский. Собственно говоря, этот идеал и вошел в нашу культуру, в том числе через литературу – как средневековую, так и классическую; он сформировал образ положительного героя нашего народа. И как важно, чтобы этот образ не был растворен теми различными подходами к истории, теми различными взглядами на нашу национальную жизнь, которые иногда дерзко врываются в наше национальное сознание и пытаются разрушить эту ценностную основу.

– **Современные обучающие программы слабо ориентируют учителей и преподавателей на воспитание. Согласитесь ли Вы с тем, что обра-**

зование – это прежде всего воспитание? И в первую очередь – воспитание патриотов своей Родины. События на Украине убедительно показали, что всего за 5 миллиардов долларов можно полностью переформатировать молодое поколение. Как нам в России не допустить разгула заразных идей национализма и фашизма среди молодых? Одними запретами не поможешь. Как тогда?

– Сегодня человек, особенно молодой, ищет честного, прямого, ясного ответа на вечные вопросы бытия. Если в школе, в массовой общедоступной форме юноша или девушка не получают знаний о своей религиозной традиции, почти наверняка они увлекутся потом одним из религиозно окрашенных экстремистских учений.

Сегодня нужно добиться того, чтобы вся система образования и воспитания давала людям возможность увидеть силу, красоту и мудрость **своей собственной религиозной традиции**, а главное – найти единственный путь в небо, единственный путь к Божией правде. Путь, которым твердо и мужественно прошли наши предки!

Люди, хорошо знающие свою традицию и имеющие представление о других традициях, в том числе благодаря курсам истории и обществознания могут прекрасно взаимодействовать друг с другом, в то время как религиозная теплохладность и тем более **религиозный вакуум** на самом деле **сегодня опасны**. Вакуум религиозности не может длиться долго. Нельзя вытеснить из жизни человека, из человеческого ума и сердца Бога, вечные вопросы, поиск конечного смысла бытия. Этого не сделаешь при помощи любых товаров, услуг, развлечений, при помощи политической риторики. К сожалению, в тех местах, где существовал и до сих пор существует вакуум знаний о религии, о настоящей религиозной традиции, особенно связанной с историей твоего общества, твоего рода и твоего народа, получали наибольшее распространение **экстремистские учения**, весьма опасные и для самого человека, исповедующего одно из таких учений, и для окружающего общества, и, может быть, для всего мира.

– **Деятельность учреждений культуры и учреждений образования осуществляется, как правило, независимо друг от друга. Образовательные учреждения стараются дать ученикам необходимый объем информации для поступления в вузы, а учреждения культуры – развлечь и наполнить свои залы. В такой минимизированной культурно-образовательной программе от народа требуется лишь пассивное участие. При этом как-то забывается, что воспитание молодых граждан России – важнейшая государственная задача. И что воспитание –**

это совсем другого типа деятельность: воспитание требует активной жизненной позиции не только от учителя, актера и писателя, но и от ученика, зрителя и читателя. Уважаемый Владыка! Сколько у нас в области православных школ и как это в сравнении с другими регионами? В Кемеровской области есть духовная семинария (г. Новокузнецк) и филиал Свято-Тихоновской духовной академии. Сколько за прошедшие годы вышло выпускников и где они применяют на практике свои духовные знания?

– Нам не известен другой путь духовного возрождения нашего народа, кроме как перевести религиозный фактор исключительно из сферы фольклора, культуры в сферу реальных размышлений, в сферу реального творчества, чтобы религиозные истины помогали человеку справляться, в том числе и с кризисными явлениями, которые существуют в современной цивилизации и которые наверняка не исчезнут из этой цивилизации с окончанием текущего экономического кризиса. Другими словами, сегодня, чтобы сохранить себя, свою страну, свою культурную самобытность, чтобы нас не раздавил информационный поток, мы должны научиться сопрягать свои убеждения с реальностью.

Мы все должны воспитывать наших детей, все наше взрослое общество. Конечно, в первую очередь это должны делать родители. Именно они несут основную ответственность за те нравственные основы, которые закладываются у ребенка еще в дошкольном возрасте. Но это должна делать и школа. Если школа потеряет свой воспитательный характер, во что превратятся одиннадцать лет пребывания в ее стенах? Может быть, молодой человек и узнает что-то для себя полезное, но если при этом в него не будет заложена нравственная основа, это будут потерянные годы в нравственном отношении.

Если речь идет о государственной школе, главную ответственность должно взять государство. Должна быть соответствующая **государственная политика**, направленная на то, чтобы традиционные общечеловеческие ценности были детям знакомы и чтобы дети знали, что на этих ценностях должно строиться общество. Конечно, здесь государству и педагогам может помочь Церковь. В этом польза тех уроков религии или религиозной культуры, которые сейчас наконец появились в школьной программе. Хотя появились они, на наш взгляд, в не совсем правильном ракурсе: мы говорим о религии просто как о культурологическом феномене. Убежден, что мы должны больше внимания уделять нравственной составляющей.

В Кемеровской области действуют две Православные гимназии. В Кемерове – «Православная гимназия во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия» и в Новокузнецке – «Православная

гимназия во имя святителя Луки Войно-Ясенецкого». В Кемеровской Православной гимназии в настоящее время обучаются 146 детей. Выпускников 11-х классов – 7, 9-х классов – 18.

В Новокузнецкой Православной гимназии учатся 184 ребенка. Выпускников 11-х классов – 24, а 9-х классов – 72.

В епархиях Центральной России 26 православных школ и пансионатов. Имеются две гимназии в Новосибирской области. В Алтайском крае действует Православная школа. В Иркутской области и Красноярском крае функционируют две Православные гимназии. Уральский федеральный округ содержит 7 Православных гимназий.

В государственных учебных заведениях преподается модуль «Основы православной культуры» в рамках курса «ОРКСЭ». На 2014/15 учебный год данный модуль выбрали 23 процента родителей обучающихся. В 2013/14 учебном году количество выбравших модуль «Основы православной культуры» составляло 21 процент. Очевидна динамика.

В Кемеровской области мы открыли две Православные негосударственные гимназии: в Кемерове и Новокузнецке. Конечно, этого совсем недостаточно для Кузбасса. Но одной Епархии очень трудно содержать такие образовательные учреждения, нужна финансовая помощь для оплаты услуг ЖКХ и содержания обслуживающего персонала.

В 1994 году был открыт Кемеровский филиал Московского Православного Свято-Тихоновского богословского института. В 2004 году Институт был переименован в Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Всего за время существования Института и Университета окончили полный курс 105 выпускников.

Кроме того, в митрополии существует Православная духовная семинария, которая расположена с Новокузнецке. Она содержится также на средства Епархии, то есть на пожертвования верующих людей. Кузбасская Православная Духовная семинария начинала свою работу как Духовное училище в 1994 году. В этом году мы отметили двадцатилетие со дня основания духовной школы. Решением Священного Синода Русской Православной Церкви в 2007 году Православное Духовное училище было преобразовано в Новокузнецкую Духовную семинарию, получив статус высшего учебного заведения Русской Православной Церкви в Кузбассе. В 2012 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Новокузнецкая Православная Духовная семинария переименована в Кузбасскую Православную Духовную семинарию. Это учебное заведение, готовящее священно- и церковнослужителей. За прошедшие годы обучения семинария осуществила 16 выпусков студентов. Духовная школа Кузбасса выпустила 228 чело-

век: 123 клирика и 105 регентов церковных хоров. Множество замечательных церковных и общественных деятелей вышло из числа выпускников Кузбасской Православной Духовной семинарии и Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Среди них настоятели храмов, священники, преподаватели, богословы, ученые.

Глубоко верю, что, если весь наш народ сможет сопрягать небесное и земное, Божественное и человеческое, веру и знания, нравственность и проявления человеческой личности в социуме, мы будем очень сильными, мы будем сильнее всякого кризиса.

– Русские писатели часто предупреждают общество о негативных последствиях, которые происходят от якобы финансовой выгоды в той или иной сфере культуры. Еще в 90-е годы мы говорили о бесплатных книгах господина Сороса. Нас не слышали, заполнили библиотеки лживыми «историческими» изданиями. Сегодня мы говорим о необходимости защиты русского языка, об опасной пропаганде пошлости и насилиия в произведениях некоторых «деятелей культуры» и в программах на телевидении, разлагающих души наших детей. Как Вы думаете, нужны ли меры защиты от подобных негативных явлений, особенно в культуре?

– Молодые люди – предмет особой заботы Русской Православной Церкви и других традиционных конфессий, а работа с молодежью – это работа во имя будущего России, необходимое условие духовного здоровья и социально-экономического благополучия нашей страны и народа. Положительные духовные и нравственные основы, заложенные в юную душу, со временем могут стать твердым фундаментом, несокрушимой скалой, возвышающей человека над бурными волнами житейского моря.

Русская Православная Церковь однозначно разделяет заботу государственной власти России о молодом поколении, обращая особое внимание на развитие молодежного служения. Практически во всех выступлениях и обращениях Святейшего Патриарха Кирилла, в которых затрагиваются насущные социальные темы и вопросы духовно-нравственной жизни современного российского общества, неизменно пристальное внимание уделяется теме содействия делу воспитания духовно и нравственно здорового молодого поколения, возвращению в детей и молодых людей чувств патриотизма, любви к Родине, отечественной истории и культуре. Только духовно и нравственно здоровое общество может успешно жить и развиваться.

Важнейшая стратегическая задача, которая в настоящий момент стоит перед нами, на наш взгляд, заключается в следующем: необходимо объединить все разрозненные инициативы в це-

лостную многоуровневую систему воспитания детей и молодежи. И в этом важнейшем деле необходимо объединение усилий всех здоровых и ответственных общественных сил нашей многонациональной и многоконфессиональной Родины, необходимо целеустремленное сотрудничество государства, общества и религиозных организаций.

Среди тяжелых испытаний жизни последних лет, среди этого беснующегося моря неверия, безнравственности, страстей и пороков, когда горем и ужасом сжимается сердце, среди тяжелых дум, среди горестных предчувствий есть святая надежда на обновление и возрождение жизни, на великое ожидающее нашу Родину будущее. Ведь обновление и возрождение – в силе жизни духа, а не во внешних реформах государственного и общественного строя. На протяжении многих столетий Россия была **православной державой**, и здесь формировались и крепили христианские традиции воспитания, а главной их хранительницей всегда являлась семья. Здесь жили наши благочестивые предки, завещавшие беречь бесценное сокровище – семью, а теперь мы должны брать пример с них и учиться тем духовным истинам, которые они нам завещали.

Нам видится, задача литературы заключается в том, чтобы показывать людям не только окружающий мир, но и определенные пути, выходы из тех трудных ситуаций, которые Вы как писатели можете очень ярко показывать в своих сочинениях. У литературы всегда есть нравственная составляющая. Возьмем, например, Набокова. Я считаю его величайшим русским писателем – он владел русским языком, как, может быть, никто другой. Но нравственное начало у него совершенно притупляется и утрачивается. Чему учат его произведения, для меня совершенно непонятно. Для меня важнейшей составляющей частью литературы является ее нравственный аспект.

В то же время литературное произведение не должно превращаться в нравоучение. Есть пример другого великого русского писателя, который был по-настоящему велик в своих литературных трудах, но когда он вместо романов стал писать нравоучительные книжки для крестьян, то дело закончилось конфликтом с Церковью. Это Лев Толстой.

Мы хотим живой литературы, искренней, интересной, яркой. Но при этом хочется, чтобы книги не только отражали мрачную действительность окружающего мира, но и помогали человеку найти путь к свету.

– **В этом году исполняется 65 лет нашему журналу «Огни Кузбасса». Как Вы оцениваете его уровень и что Вы пожелаете на будущее?**

– Само наименование данного областного литературного издания, на мой взгляд, выбрано очень

удачно! Есть такое мудрое изречение: «*Как назовешь корабль, так он и поплывет*». Настоящее литературное творчество всегда согревает людские сердца и помогает за многопечительной повседневностью задуматься об очень важных вопросах, граничащих с фундаментальными мировоззренческими нотками нашего бытия. Поэтому, даже вчитываясь и размышляя о названии вашего издания (не говоря о его, несомненно, полезных содержательных публикациях), верю, что, во-первых, «Огни» согревают сердца читателей, во-вторых, освещают жизненный путь многих ищущих людей. Хотелось бы поблагодарить и создателей, и творцов публикаций за сотрудничество с Православной Церковью в лице Кемеровской епархии. Замечательно, что статьи духовно-нравственной тематики имеют место в предлагаемых читателю разделах. Хотелось бы поздравить вас со славным 65-летним юбилеем, а в качестве добрых напутствий как основателям, так и продолжателям журнала пожелать здоровья, творческих успехов, чтобы заданный высокий уровень вашего литературного потенциала год от года только возрастал.

– **Следующий, 2015, год объявлен Годом литературы. Каким Вы его себе представляете? Как Вы думаете, может ли произойти поворот в сторону литературы духовной, патриотической направленности, думающей?**

– Будем надеяться, что наши чаяния осуществятся, ведь действительно, Ваш вопрос не праздный. Особенно в молодежной среде просветительская работа через приобщение к литературным шедеврам чрезвычайно важна. Это ведь колоссальный опыт наших великих предшественников – классиков, поэтов. И отвести его за ненадобностью было бы, как минимум, неразумно. Убежден, что в рамках грядущего *Года литературы* важно разработать соответствующий план содержательных мероприятий и приобщить к ним в первую очередь молодежь. Если предложения о сотрудничестве в рамках обозначенной тематики будут присылаться в Кемеровскую епархию, мы сделаем все для того, чтобы и наши представители приняли участие в подобных лекториях, конференциях.

– **Мы стесняемся говорить, что мы русские. Нас пытаются убедить, что русских нет, есть некая смешанная народность – россияне, а до этого был советский человек. Наверное, это важно для объединения всех народов, проживающих в России. Но русские корни, традиции мы должны сохранить?**

– Ваш вопрос не такой простой, как может показаться на первый взгляд. В окружающем нас мире термин «русский» нередко используется с негативным, а иногда враждебно-деструктивным оттенком. Многие на волне такой «русскости», понимая ее ис-

ключительно буквально, а лучше сказать, узко и недальновидно, создают целые националистические сообщества и думают, что это и есть проявление духа подлинного патриотизма. Такие люди считают себя хранителями исконно русской цивилизации. Хотел бы сразу сказать, что подобные общественные формирования могут наносить лишь вред и мировоззренческую разгерметизацию в сознании современников. Это очень опасная философия по своей природе и содержанию, всегда протестующая и враждующая с альтернативными точками зрения. А кто такие русские, а лучше сказать, русский народ? Это целая матрица этносов, являющаяся носителем богатой национальной культуры, являющаяся творцом культурно-исторического мира. Русский народ – это бережный хранитель системы духовных координат, которые не были истреблены никакими самыми страшными революционными переворотами. Кстати сказать, русский мир простирается за пределы установленных политических государственных границ. Настоящий патриот, называющий себя русским, должен гордиться тем, что он является причастником неповторимого цивилизационного облика. Он призван к сохранению своих духовных традиций, к способности их передать неповрежденными последующим поколениям. Такой человек имеет право чувствовать меру своего соучастия в исторических процессах, происходящих в «русском мире», при этом он обязательно должен иметь способность осуществлять диалог со всеми сосуществующими с ним народами ради сохранения добрых межнациональных отношений.

Итак, свидетельство о том, что мы русские в правильном контексте, оно, безусловно, допустимо, а в некоторых ситуациях просто необходимо. Например Патриарх Кирилл, размышляя на тему стабильности в обществе, утверждал: *«Диалог народов, призванный внести гармонию в межнациональные отношения, не достигнет цели без присутствия в нем русских голосов и русского фактора».*

– Конституция РФ закрепляет права граждан страны. Мы не должны подвергаться насилию, унижению и так далее. Но почему нас не ограждают от духовного насилия, идущего от телевидения, СМИ, Интернета? Когда мы начинаем говорить об этом, нам отвечают: «Не смотрите телевизор, не читайте газеты, где пакость, вранье, разврат». Я считаю, это совершенно неправильный посыл... Невозможно уберечь миллионы семей, оградить детей наших от пагубных демонстраций. Изначально все должно быть без этого духовного беспредела. Пропаганда должна быть – только добролюбия и доброделания.

– Согласно части 1 статьи 17 Конституции РФ, в РФ признаются и гарантируются права и свободы

человека и гражданина по общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией. Данное положение надо учитывать в связи с тем, что в части 4 статьи 15 Конституции сказано, что если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Фактически имеется приоритет международного права над национальным (<http://www.avkrasn.ru/article-946.html>).

Как это работает? Например, телеканал СТС (ЗАО «Сеть телевизионных станций») – совместная частная и иностранная собственность.

Совет директоров:

Анжело Кодиньони – сопредседатель совета директоров, Италия,

Лоренцо Грабау – сопредседатель совета директоров, Италия,

Тамджид Басунья – член совета директоров (независимый), Великобритания,

Ирина Гофман – член совета директоров, Великобритания,

Вернер Клаттен – член совета директоров (независимый), Германия,

Александр Пентя – член совета директоров, Россия,

Йорген Мадсен Линдеманн – член совета директоров, Дания,

Жан-Пьер Морель – член совета директоров (независимый), Франция,

Тимур Вайнштейн – член совета директоров, Россия.

Это только один пример популярного развлекательного канала. Видите, с каким клубком международного права столкнется тот, кто дерзнет применить к СТС «неконституционные» требования. Государство Российская Федерация даже на Первом канале владеет лишь половиной акций, грубо говоря, контролирует лишь половину содержания. Получается, либо смотрим, что есть, либо меняем Конституцию РФ.

Когда мы находимся в гуще событий, в перипетиях современного общественного бытия, наше внимание часто переключается на иные цели и ценности. Те, кто использует видеокамеру, знают, что если вы переводите камеру с одного объекта на другой, а потом быстро переводите на тот объект, который вы уже снимали, то теряется резкость. Даже самые современные камеры не всегда способны сфокусировать объектив таким образом, чтобы не потерять эту остроту зрения. Вот так же происходит и с человеком: когда он сам переключает фокус своего внимания с самого главного на второстепенное, то главное теряется, размывается, перестает быть ярким и привлекающим внимание.

Я привожу этот пример для того чтобы сказать: главное дело, к которому мы призваны, – это дело служения Господу Спасителю, это осуществление миссии Церкви в очень специфической среде. А миссия Церкви имеет своей целью только спасение человека. Все остальное вторично. Все то, чем болеет наше общество, и не только наше, все эти политические перипетии, столкновения корпоративных, национальных, групповых интересов, вся эта борьба за власть и за влияние – все это вторично. Первично спасение человека, и первичность этой цели понимает каждый, кто на опыте своей жизни почувствовал, что означает движение ко Христу, что означает стремление к тому, чтобы обрести спасение своей души.

Полагаю, что необходим не только закон о защите журналистов, но и закон о защите общества от журналистов. К сожалению, регулярно люди, работающие в средствах массовой информации, бессознательно, но чаще, к сожалению, сознательно представляют обществу не ту картину, которую они видят своими глазами, а изображают то, на что они получили заказ. Порой этот заказ имеет материальную составляющую, и журналист пишет так или иначе, потому что ему за это заплатили, а бывает и так, что под влиянием каких-то идеологических парадигм или собственных взглядов и убеждений он пытается выдать желаемое за действительное и рисует картину, которая не соответствует реальности.

Читая журнальные и газетные статьи, а также публикации в Интернете, мне очень часто приходилось замечать, что иной раз авторы этих материалов, в том числе профессиональные журналисты, совершенно сознательно искажают действительность, чтобы представить обществу ту или иную заведомо тенденциозную картину. Сегодня наша пресса очень часто напоминает королевство кривых зеркал: процессы, происходящие в реальности, замалчивают, на них не обращают внимания, зато раздувают до гипертрофированных размеров процессы, не имеющие реальной значимости для общества, или же вообще пишут о том, чего не было вовсе.

Давайте посмотрим, что чаще всего показывают по телевизионным каналам в качестве художественной продукции, что у нас называется художественными фильмами. Это не картины о любви или супружеской верности, о создании крепкой семьи, воспитании детей. Как правило, главной темой фильмов становится всякого рода насилие. Вы можете в течение одного вечера переключать телевизор с канала на канал и будете видеть, что на одном канале убивают, на другом насилуют, на третьем происходит перестрелка, на четвертом льется кровь. И это насилие на телевидении воспринимается как норма, потому что именно такие фильмы

имеют наибольший коммерческий успех. Возникает – если таким является наше телевидение, если такие стандарты передаются через средства массовой информации, то каким же станет тот реальный мир, в котором все мы живем? Он будет все больше и больше похож на виртуальный мир, который формируется в соответствии с политическим или коммерческим заказом. Чем больше средства массовой информации будут коммерциализированы, чем больше журналисты и творцы кинопродукции будут финансово ангажированы и заинтересованы в коммерческом успехе своего продукта, тем меньше останется пространства в информационном сообществе для высоких нравственных идеалов, для высоких нравственных истин.

Давайте посмотрим, на каком языке сегодня говорят многие представители нашей молодежи, каков лексикон многих киногероев. По крайней мере, половина тюремного лексикона уже прочно вошла в повседневную жизнь, и вошла в нее «благодаря» средствам массовой информации. На протяжении многих месяцев и лет понятия криминальных сообществ через боевики, через фильмы, которые пропагандируют насилие, рассказывают о законах преступного мира, внедряются в обычный лексикон людей.

Язык, как известно, есть зеркало души: то, что происходит с языком, является отражением того, что происходит с душами людей. Поэтому мы вновь возвращаемся к вопросу о том, кто на кого влияет, кто кого формирует, влияет ли реальность на средства массовой информации или же наоборот. Думаю, это обоюдный процесс, процесс взаимовлияния. Но мне кажется, что для вас, людей, которые вращаются в интеллектуальной сфере, в том числе в сфере журналистики, ключевым вопросом должен быть вопрос о том, как вы можете через свое слово, свою профессиональную ответственность повлиять на жизнь нашего общества.

Для того чтобы наша пресса не превращалась в королевство кривых зеркал, и люди, взяв в руки газету или включив телевизор, могли получить объективные и адекватные знания о происходящих процессах, реальности, которая их окружает, должны существовать определенные этические правила внутри журналистского сообщества. Необходим некий общественный консенсус вокруг профессии журналиста, нужны нормы, которые обеспечивают право людей на получение объективной информации и защищают людей, если информация о них дается необъективно. Полагаю, должно быть принято какое-то комплексное решение, которое будет связано с определенной государственной политикой в отношении средств массовой информации. Должен быть общественный консенсус по вопросу о необходимости такого

рода реформы информационного пространства. И, конечно, Церковь и религиозные конфессии могут играть здесь самую активную роль.

Мне кажется, что ситуация в информационном пространстве сможет поменяться радикальным образом только в том случае, если информационная политика основных федеральных телеканалов в целом будет направлена на нравственное оздоровление общества.

– Писатели давно и плодотворно сотрудничают с Кузбасской митрополией. Это много добрых дел, издание книг, творческие встречи в семинарии, участие в крестных ходах, краеведческие изыскания. Учреждение Православной литературной премии им. Святого Павла Тобольского явилось результатом наших совместных духовных исканий и поддержкой русских писателей, пишущих на традиционные темы. Какие совместные проекты Вы видите в ближайшее время? Я думаю, писатели должны участвовать во Всерусском соборе, учрежденном в Кузбассе?

– Обращая внимание читателей на первую часть Вашего вопроса, хотел бы искренне Вас поблагодарить за разнообразное и плодотворное сотрудничество со всеми епархиями, входящими в состав Кузбасской митрополии, за Вашу плодотворную деятельность по утверждению Православной культуры в нашем регионе, добрые инициати-

вы. Сегодня это очень важно для утверждения нравственности в родном шахтерском крае. И, размышляя о перспективах нашего сотрудничества, хотел бы отметить, что общественные организации, несомненно, будут принимать участие в деятельности недавно открытой дискуссионной платформы. Региональное отделение собора имеет статус светской организации, и главной его целью является создание условий для обсуждения общественно-созидательными институтами непростых, но актуальных вопросов, волнующих наших соотечественников. Тематика их затрагивает экономические, социальные, правовые, культурные и, прежде всего, нравственные измерения. Приглашаем сотрудников «Огней Кузбасса» для участия в открытии первого Кемеровского областного форума Всемирного русского народного собора, который состоится в первой декаде декабря 2014 года и будет посвящен теме человека труда.

– Несмотря на многочисленные проблемы в нашем обществе, мы живем с верой и надеждой в наше будущее, в будущее русского мира. Просим Ваших архипастырских молитв.

– Помогай вам Бог – каждому на своем месте с дерзновением, с мудростью, с мужеством осуществлять то служение, к которому вы призваны!

Вопросы задавал
Б. БУРМИСТРОВ

Поздравляем с юбилеем прекрасную женщину, заслуженного учителя русского языка и литературы, обаятельного члена нашего писательского содружества, поэтессу Ирину Фролову! Всегда рады встречи с Вами и Вашими новыми произведениями!

Ирина ФРОЛОВА

В НОВЫЙ ДЕНЬ Я ВЕРЮ И ВЕРЮ

* * *

За чаем сидим у соседки:
Она на пирог зазвала...
Три вышитых гладью салфетки
Закрыли пространство стола,

Два крашенных шкафчика, печка
И два табурета впритык,
В бочонках овсянка и гречка
На полке стоят у плиты;

Как марля редки занавески
(Но с улицы щит для жилья),
Протянуты толстые лески
По верху для сушки белья;

Янтарные шарики лука
Висят в половинках колгот,
А рядом, по левую руку,
Герань на клеенке цветет;

В надколотом блюде обмылки
И сода – залог чистоты,
В советской молочной бутылке
Искусственные цветы.

Пирог исходил ароматом,
«Вспотела» салфетка кайма...
Соседка глядит виновато,
Мой взгляд удивленный поймал.

А в мойке с отбитой эмалью
Сочится из крана вода,
Глаза наполняя печалью.
«Так было при маме. Всегда...»

12

ПРОГУЛКА

Вслед за мягким ветерком
Рвется дождик шалый,
Мы идем гулять пешком
С внучкой годовалой.

Прошагали с полверсты
(И никак не меньше!),
Достаем свои зонты –
Каждая из женщин.

Мокнет, ежится листва:
Дождь пройдет нескоро,
И прислушалась Нева
К нашим «разговорам».

ФРОЛОВА Ирина Александровна родилась в Кемерове. Преподавала в Кемеровском областном колледже культуры и искусств. Публиковалась в областных и центральных газетах, в журналах «Огни Кузбасса», «Начало века» (Томск), «Врата Сибири» (Тюмень), «Алтай» (Барнаул), в коллективных сборниках «Поэты университета», «День поэзии-2008», антологии «Русская сибирская поэзия XX в.».

Автор поэтических сборников «Прошлогодний снег», «Линия сердца» (2004 год), «Приговоренная к любви», «Крохотки» (2007 год). Заслуженный учитель Российской Федерации. Лауреат литературной премии имени И. М. Киселева. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

В такт дождю – веселый плеск:
Зонт реке не нужен,
И сапожек яркий блеск
Высветился в луже.

На руках бы понести
Груз мой драгоценный,
Но она сама брести
Хочет непременно!

Внучка радости полна,
Я ей не мешаю:
Ведь два месяца она
Ходит «как большая»!

* * *

Качалка с пледом в уголке веранды,
Чай с медом остывает на столе...
Опухшие «заплаканные» гланды
Забыли о покое и тепле...

И бестолково сердце суетится,
Колотится своей обиде в такт...
Я знала: так должно было случиться.
Оно все и случилось. Точно так.

* * *

О, как загадочна беда,
Стекающая с края блюда...
Натянутые провода
Все время рвутся, рвутся, рвутся...

И подступают холода,
Кристалликами снов играя...
А блюде крутится всегда,
Заворожив отбитым краем...

Хоть говоришь ты иногда:
«Свою судьбу не выбирают»,
Но как загадочна беда:
Все время с краю, с краю, с краю...

* * *

Нежность была прозрачной и хрупкой,
Как первый лед на притихшей реке –
Я замерла с телефонной трубкой
В сразу слегка онемевшей руке.

Тихо песчинки в часах шуршали,
Наших бесед отмеряя срок,

«Женщины часто любят ушами», –
Правильно кто-то когда-то изрек.

Господи, разве я виновата
В том, что внушила нежность тебе?
Я попрощалась голосом мятым,
Севшим в предчувствии близких бед...

* * *

Акварельность осенних дней
Завораживает сильней,
Чем зеленая жаркая нега
Или безукоризненность снега.

Окрыленность весны светла,
Но мечты выгорают дотла:
Синь, прозрачность осенней тоски
Сердцу русскому с детства близки...

УТРО

Тьму ночную луч золотой прорежет,
Звякнет цепь, и покатится вниз бадья,
Плавню вверх поплывет – и знакомый скрежет
Обозначит границу, где сон и явь.

13

Это утро грядет! И контуры серые
Расплывутся, растают, исчезнут, как дым.
В новый светлый день я верю и верую,
Как в глоток колодезной чудо-воды!!!

ИЗ ЦИКЛА «КАПЕЛЬКИ»

* * *

Я замолила давние грехи
И сбросила тяжелые вериги:
Когда мне плохо – я пишу стихи,
Когда мне хорошо – читаю книги.

* * *

Хоть внутренний аспект возьми, хоть внешний,
Но с каждым днем становится видней:
Чем женщина уверенней, успешней,
Тем больше схожести с мужчиной в ней.

* * *

В твердой памяти, в здравом разуме,
Сохраняя свое естество,
Обрастаю «полезными связями»
И все думаю: «А для чего?»

* * *

*Укрывшись от людей за облаками
От почитания и от похвал,
Бог мне всего давал двумя руками
И, главное, детей – двойняшек! – дал.*

* * *

*Настойчиво и грубо
Реальный мир вторгается:
Иллюзии, как зубы,
Со временем теряются.*

**Владимир
ПЕРЕВОДЧИКОВ**
КУКУШАТА

(главы из романа)

МАТЬ ЗИНЫ МИХАЛЕВОЙ – СЫРАЯ ЗЕМЛЯ

День был солнечный, тихий, но грустный. Хоронить сиротку-удавленницу, красивую девочку Зину Михалеву на погост поднялись не только все обитатели Шиловского детского дома, но и многие жители села. Словно это была какая-то знаменитость, хотя Зина ничем не отличалась от других девочек-сирот, разве что характером своим неуступчивым. В толпе Василий увидел заплаканную Анисью Кайдалову, свою соседку по Карнауховскому дому. В детстве Вася и Оня иногда общались, доходило дело и до ссор, и до драк, но дети мирились быстро, словно ничего не произошло.

Здесь же он впервые увидел Веронику Романову, тетку Неверу, о которой шли невероятные слухи. В длинном темном платье она походила на игуменью. За ее подол держался увечный ребенок Кирия. Большие глаза этого странного создания отличались острой пронзительностью, лицо казалось умным, во всем облике и поведении читались сообразительность и терпение. Толпа молчала, кое-где тихо переговаривались сельчане: с чего бы такая напасть.

– Сиротство опостылело, – говорила старушка, концом темного цветастого платка промокая свои губы. – Мне да не ведать, почему сиротское лихо.

Она растолковывала своей молчаливой соседке:

15

– О двух годах осталась без матери. Мачеха вроде бы не строгая была со мной да с братишкой, но это всеж-ки не мать. Лихо-то было и не по ее вине, а при ней.

– Война вон сколь сирот натворила, что б ей пусто было! Оборони, господи, от войн да тюрем, – женщина сдвинула платок со лба на темя. Ее скорбное открытое лицо оказалось совсем молодым.

– Ни слез бы, ни...

– Куда без них, без слез? Все мы будем там, в сырой земле, – вступила в разговор стоящая рядом женщина, – и неведомо нам будет, плачут ли, печальтся об нас или радуются. Место лишнее освободили. Горемыка-удавленница тоже позаботилась – оставила свое место на земле кому-то. Развязала иному руки... иному ноги. Вот зарюют бедную, и никого не позовет этот бугорок, никто землицы не возьмет, оттаять сердце.

Речь сказать взялась Фрида Ароновна, встала лицом к гробу, подняла руку:

– Ребята, товарищи, мы провожаем в последний, но ранний путь, который она избрала добровольно, нашу сестру Зину Михалеву. Жила она на земле среди нас мало, очень мало, никому не мешала. Самое трагичное и обидное – не дождалась она свою маму. Ее мама, искупив свою вину перед страной, отбыв наказание, целый год искала свою дочь. Зиночка ушла, так и не узнав, что ее мама жива и что она ищет свою

ПЕРЕВОДЧИКОВ Владимир Андреевич родился в селе Нижний Калгукан Читинской области. Заслуженный артист РСФСР, лауреат международных конкурсов иллюзионистов. Коллективные сборники: «Дороже серебра и золота», «Война без побед» (Кемерово, 1996), «На родине моей выпали снега», «Не покидай меня...» (Кемерово, 1998). Автор семи книг. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

дорогую дочурку. Уже нашла, спешила приехать, узнать, точно ли ее дочь. Мы ждали Зинину маму вчера вечером. Видать, что-то приключилось в дороге. Зина, ты поторопилась уйти от нас, но мы тебя не забудем.

Заведующая говорила нарочито слезливо, и эта неестественность не вызывала в толпе скорбных чувств. В ее речи чувствовалась какая-то патетическая фальшь. Василий хотел сказать несколько слов от души, но нерешительность приморозила его к месту. Боязнь большого скопления народа сковала его.

Ароновна смахнула скупую слезу пальцем, потом достала белый отороченный кружевом платочек, но не применила его по назначению, а просто комкала в руках, как певица во время выступления. Опыта в проведении похорон у нее не было. Фрида решительно застыла, потом утвердительно мотнула головой гробовщикам. Последняя секунда, когда лицо умершей девочки было обращено к свету, небу, ко всему живому. Над ним зависла тень крышки гроба, и солнце скрылось. Взмахнув платочком, заведующая приказала Василию и его помощникам:

– Заколачивайте. – И обернулась на звук автомобиля.

Оставалось забить три гвоздя, как к подножию сопки подкатил грузовик. Василий с поднятым молотком оглянулся. Из кабины гаизика вышла молодая, но уже седая женщина. Шатаясь из стороны в сторону, она быстрым шагом стала подниматься по дороге «Последний путь». Фрида Шверубович подняла руку:

– Подождите! Вот она – мать.

Народ расступился, давая дорогу матери Зины. Она остановилась перед гробом, тяжело дышала. Медленно опустилась на колени, осторожно прислонила свою голову к крышке гроба. Слез у нее не было. Страшная бледность лица мало отличалась от седых прядей ее волос.

Фрида Ароновна, склоняясь, положила руку на ее крыльце:

– Простите нас, Елена Михайловна, не уберегли... не уберегли мы вашу дочь. – Заведующая повернулась к Василию: – Надо вскрыть. Похороны задержали на день, задержим и еще на минуту.

С большим трудом открыли гроб, подняли крышку, мать бросилась целовать свою дочь-покойницу.

Долго стояла тишина. Мать стали отнимать от гроба, но она только беззвучно мотала голо-

вой, как бы моля последний раз побыть со своей ненаглядной кровиночкой.

И тут детдомовцы заголосили. Все. Даже Василий и Фрида.

К Шверубович подошли два милиционера. Молодого рядового она видела впервые. Знакомый ей Чуманов был в звании старшего лейтенанта, новая форменка делала его неотразимым.

– Кто-нибудь из детдомовцев отсутствует? – козырнув по форме, спросил Чуманов.

– Все здесь, – подтянувшись, сказала Фрида, – кроме тех, кто готовит обед. – Она воздержалась сказать «поминки». – Повар Шура Подглазова и три девочки, что постарше.

– Парни все здесь? – почти угрожающе произнес милиционер. Получив утвердительный ответ, стал вглядываться в лица детдомовских мальчишек. Изображая из себя провидца, милиционер пристально смотрел на одного, пока не встречался с ним взглядом, потом переключался на другого. Естественно, мальчишки, встретившись взглядом со строгим милиционером, менялись в лице и начинали ерзать на месте. Только сухопарый Магнит старался улыбнуться в ответ. Он наклонил голову к плечу и сунул руки глубоко в карманы. На его лице вдруг отразилась глубокая заинтересованность, шкет протолкался ближе к гробу, сделал гримасу скорбящего брата.

Подавляя свою одышку, на сопку поднялся Стефан На́бор. На его плечах висели широкие белые ленты разорванной простыни. Он грубо отстранил молодого милиционера, сняв с плеча ленты, мотнул головой директрисе. Веревки-то похоронщики прихватили, да засомневались, выдержат ли они вес тяжелого гроба, грубо сколоченного из толстых сырых досок.

Замешательство затянулось. Распорядительница похорон Шверубович попросила Василия и Владика Кайдалова, гостящего у родителей, помочь подняться обессилевшей матери. Те взяли под руки почерневшую от горя женщину. Гроб, хрустнув, достиг своего вечного места, Елене кто-то дал горсть земли сбросить на крышку домины погибшей. Но мать держала эту землю в руке, как драгоценность.

В стороне, промокая концом платка слезы, стояла кастелянша Каткова. Особо пристально она наблюдала за действиями Василия Карнаухова. Со стороны можно было подумать, что она в чем-то его подозревает. Но сам Василий этого не замечал. Он мельком увидел стоящую с ней

рядом курчавую девушку в синем сарафане, глаза которой показались ему сильно знакомыми. Девушка ему улыбнулась, и эта улыбка во время похорон на кладбище была верхом кощунства. Василия охватила мистическая жуть. Словно это существо с другой планеты. Он приложил усилие, чтобы не посмотреть в ее сторону. А забывшись, машинально он глянул туда. Девушки уже не было. Он так и не узнал Зою Жилину.

Карнаухов попросил одного мальчугана подержать мать Зины. Он сбросил горсть земли в могилу и заменил Владислава, тот, в свою очередь, исполнил ритуал. Каткова тайком перекрестилась. Глядя на нее, перекрестилась воспитанница детского дома Маша Бушина. Все, кроме двух милиционеров и матери Зины, сбросили свою кроху земли и молча начали спускаться с горы. Над могилой поднялся сырой бугорок земли и заступил на свое вечное дежурство свежий, пахнувший жизнью крест. Маша Бушина задержалась дольше других и положила на холмик маленький букетик сухоцветов.

Достигнув подножия могильной сопки, детдомовцы, не опасаясь разбудить покойницу, заговорили. Некоторые даже стали улыбаться, гоняться друг за дружкой, толкаться. Жизнь продолжалась.

Жизнь продолжалась без Зины Михалевой-Стрельцовой. Елена Михайловна три ночи провела на кровати своей покойной дочери. Часами плакала в сторонке. Она втуне пыталась узнать самую близкую подругу ее Зины. Оказалось, что с ней дружили почти все, но самой близкой подружки у нее не было. Кто-то называл Зину своенравной, кто-то далекой, одна девочка назвала ее дикой.

Фамилию Михалева дали Зине в детском распределителе в Новосибирске. Ей не исполнилось и года, когда пришли за ее матерью, а отца, арестовав по ложному доносу, расстреляли. Те доносы рождались от страха за свою жизнь: не дай бог, на доносчика донесут другие. Родители Зины в официальном браке не состояли. Елену Михайловну осудили как пособницу врага народа «за сокрытие правды от властей». Отбыв срок, Елена Михайловна тут же начала разыскивать дочь, но той и след простыл, затерялся в куче бюрократических бумаг. Наконец ей счастье улыбнулось – нашла! Но оно только улыбнулось... и прошло мимо.

Едва придя в сознание, Елена Михайловна задалась: «А какой цвет глаз был у Зиночки?»

Фрида, пожав плечами, посмотрела в сторону поварахи Шуры Подглазовой. «Цвет не ваш, – сказала Шура, – глубокай, чайнай цвет, грустный цвет». «Его...», – с какой-то потаенной гордостью произнесла несчастная женщина.

На блюде с отколотым краешком скучало несколько остроугольных кусочков сахара. Фрида Ароновна и Елена Михайловна пили чай. Фрида из своей чашки, у которой была отломлена ручка. Елена – из граненого стакана, затыкаясь дымом от папиросы «Норд», продолжала рассказ о своей судьбе:

– Мы с ним даже не расписаны. Он был в официальном браке с первой женой, хотя та была уже за другим. За его командиром. Я ходила на последнем месяце беременности. Аресты еще не были повальными. Его забрали в марте, а в апреле родилась Зина. Дочь я назвала в честь его матери Зинаиды Арсеньевны. Это известная революционерка. С той поры меня за- таскали по допросам.

Елена рисковала, ведя разговоры, на которые она получила строгий запрет.

– Зину оставляла с подругой, на время вы- зовов. К родителям уехать не разрешали. А од- нажды зачитали постановление тройки, попро- щаться с дочуркой не дали, мол, о ней госуда- рство позаботится. Искала-то я Стрельцову Зину. За целый год докопалась, что ее под другой фа- милией увезли в ваш детдом. Тянула меня сюда радость, а выталкивает из Шиловска горе, – Еле- на Михайловна раздавила в пепельнице послед- ную папиросу.

Потом собеседницы сидели оцепенело, словно были истрачены все слова и мысли. За- тем Елена задала больной для нее вопрос:

– Как все-таки живется здесь сиротам?

– По советским меркам ребятишкам живется неплохо. Лучше, чем скитаться по подворотням. Много есть и таких... Антон Семенович Мака- ренко затеял доброе дело, да что-то затормози- лось. Вдуматься, это страшная несправедли- вость – сиротство.

– Мне кажется, неволя сирот сравнима с тюрьмой.

– Кто знает, Елена Михайловна. Главное другое. Мы делаем человека советской форма- ции, послушного, бескомпромиссного. Но ребе- нок без материнской ласки сравним с цыплен- ком из инкубатора. Мы выбираем, хотя фор-

мально, сами дети выбирают из своей среды вожатых, старост, других мелких начальничков. Но если верно, то детьми руководят не вожатые, а вожаки. Главное, вычислить их очень трудно. На вид они тихие, мирные, послушные. Но жестокие, непримиримые. Их дети боятся и пожаловаться на них просто не смеют. Нам точно известно, что Сеня Горин, прозвали его Чахлый, имеет какой-то авторитет и стоит под защитой бывшего воспитанника Митрофана Болтова. Этого типа никто не называет иначе, как Магнит. И весь детдом в «магнитной паутине». Нет, есть и нормальные дети, но есть... такие тупицы. Маргарита Петровна, учительница, мне про одного нашего «героя» говорила: «Его можно оставить на второй год, но нельзя же оставить его на второй век». И она права. Кстати, жена нашего воспитанника, хорошего тракториста. Меня всегда трогает, нужно ли всеобщее среднее образование. Некоторым грамота вообще ни к чему. Иные таблицы умножения не помнят. Плохо усваивают материал. Не потому, что они родились тупыми, а потому, что такая среда. Сирота видит мир другим, чего не способен увидеть любой ребенок, которого кто-то может защитить и пожалеть по-родственному. Им не для кого стремиться.

— Вы правы, Фрида Ароновна, не с кем поделиться....

— Большинство девочек покидает детдом нравственными калекками.

— Почему же так, Фрида Ароновна? Почему же так все погано?

— Таков закон сиротства. На вид это сплоченный коллектив. Как говорится, сразу все дружно — в разные стороны. По сути дела же, каждый живет в своем дупле — все себе, все под себя. Из девочек матери выходят никудышные, надо сказать, фальшивые. А как их винить? Подражать-то им некому. Для них ребенок — живая кукла. Они их ласкают, таскают, не дают сделать самостоятельного шага. Оберегают от всего, что может показаться опасным ребенку. По своему усмотрению устраивают будущее своих чад. Будущие спутники их детей должны отвечать их стандарту. Это одни мамы. Другие, напротив, бросают своих детей на произвол судьбы. Ребенок растет без материнской ласки, как росла сама мама. Это какая-то месть природе.

— Так случается и в благополучных семьях. А усыновления, удочерения бывают? — чего-то тушуясь, спросила Елена.

— Крайне редко. — Шверубович сжала кулаки, постучала по столу. — Этого я совсем не приемлю. Ребенок, проживший в детдомовском коллективе, трудно исправим: он уже не он. Ему знакомы проблемы «твое — мое». По должности я должна агитировать за усыновление, но по сердцу всем усыновителям — сочувствую.

— Но все-таки кто-то есть, кто может быть усыновлен?

— Не вижу смысла, не вижу толка. Может, где-то в другом детдоме. И в приюте. И в том случае, когда сирота только поступил.

— А все-таки, Фрида Ароновна, если, допустим, я бы кого-то хотела удочерить, кого бы вы мне порекомендовали?

— Вы что, серьезно?!

— Нет. Я так спросила.

Шверубович глубоко задумалась. И через тяжелую паузу:

— Басю Тунидо. Но она уже на выходе. И детства у нее уже никогда не будет. Прозвали ее Подлизой, а вот за что, я так и не смогла понять.

— Может быть, будущее поколение начнет понимать наше время и наш народ. Хотя еще до тридцать седьмого года наш народ был превращен в население, — выразилась Елена, но директриса ее не поняла. — Вас не угнетает, Фрида Ароновна, что вы разговариваете с врагинею народа?

— Что вы говорите, Елена Михайловна! Вы же... вы же....

— Хотите сказать, исправилась, поняла свою ошибку? В этом смысле я мало поддающаяся, бестолочь. Многие остались при своих интересах. Даже в несколько обостренных. Вы что, своих родителей не проклинаете, что они довели вас до такой жизни?

— Откуда вы знаете, Елена Михайловна, что мои родители репрессированы? Я вписана в метриках, как родная дочь моей тети. Откуда вам известно?!

— Я ехала сюда с бывшим шофером вашего отца Арона Моисеевича.

— Да-а-а?!

Прошло много времени, пока Фрида успокоилась.

Тема сиротства долго не могла отстать от этих двух несчастных женщин. Вдруг в дверях, сдерживая себя, со страхом в глазах возникла худенькая девочка, светловолосая, большие ресницы, прикрывая голубые глаза, взлетали, что крылья белой птицы. На фоне цветастого,

выгоревшего, из тонкого ситчика платья выделялись своей яркостью новые заплаты. Девочка – кулак в кулаке – затаила дыхание.

– Чего тебе, Славущка? – Ароновна присела перед той, взяла за руку.

– Это... там Фюрер... это, – глаза девочки выражали ужас. – Чахлый... это... Подлизу... это...

– Снова эти архаровцы! – Шверубович вскочила в дверь. – Стефан Сазоныч! Товарищ Карнаухов! Слышите? Примите меры!

Оказалось, Бася Тунидо заступилась за Серка. Его Чахлый спутал за задние ноги, и они с Фюрером потешались над собачонкой, та прыгала и падала, а Бася взяла и распутала Серка. Чахлый влепил ей оплеуху. Девочка не сдержалась и, схватив камень, раскровенила обидчику бровь. И тут Чахлый и Фюрер стали ее зверски избивать. Стефан Набор их едва растащил. Окровавленная Бася молчала, а Чахлый, размазывая по лицу кровь и слезы, грозил устроить Басе «экзю куцую». Набор закрыл «охламонуться» драчунов в казенке, где хранились старая телега, таратайка, сломанная мебель. Мальчишки сорвали со стены прибитую медвежью шкуру и разлеглись на ней. Чахлый, низколобой, большегубый, от злости не переставал заливаться слезами. Фюрер с прической, похожей на гитлеровскую, за что и получил броское прозвище, лежал, отвернувшись от сотоварища, плевал струями на кузов таратайки.

– Слышь, Сека, плюй ты на все, как я. А из Баськи мы с тобой сделаем колбаску. Покочумай малость.

После заката солнца Елена стояла возле забора, смотрела на окровавленное небо, о чем-то глубоко задумалась. Ей было жалко худышку Славущку. Она представляла на ее месте свою Зину. К Елене потянулась стая девочек. Ермолаевна замахала руками, запрещая девочкам подходить к несчастной матери. Фрида домой не ушла, пустые стены квартиры сегодня не тянули ее к себе. Она приблизилась к Елене. Они долго молча смотрели на светлую полосу угасающего заката.

– Какая она была, Зина? – не меняя положения, не повернув головы, спросила Стрельцова.

– Незаметная, какая-то вся в себе, ровно мечтала куда-то уехать. Гордая, но не хотела выделяться. Любила конфетки-подушечки, но детям их редко давали. По большим праздникам да во время выборов.

Когда я смотрела со стороны на сирот, будучи инспектором, мне казалось все упрощенно. Я могла проявлять себя с ними, как хотела. Но теперь я их, честно сказать, боюсь. Мне кажется, что им постоянно хочется есть, все время устраивать разборки. Нервные. Кучкуются, образуют какие-то группы.

– Голодный всегда зависим, – вздохнула Елена, – он не может себя защитить. А позиция руководства нашей страны: стоять до победы, лежать до конца. Страной должны управлять люди, которые любят народ. А наши правители любят только себя.

До Фриды не совсем дошли слова собеседницы, но она продолжила мысль о голодных детях:

– Вождь, правительство и начальство – областное, районное, местное – все хотят кушать. А хлебобоба-то извели: раскулачивание, индустриализация, заманивание в города – отсюда голод, эпидемии, утрата всяческой морали, родственных связей. Мне кажется, правительству выгодно, чтобы родственные связи распались, было бы больше сирот, людей, не помнящих родства. И все жили бы в коммунах, под одной крышей. Вон в Китае....

– Да, бараки выгодны – с версту длиной.

– У нас в Забайкалье отмечены случаи, когда родители убивали своих детей, чтобы съесть. Об этом даже жутко подумать. Убивали. Освободить от голода и от жизни. Из детских домов попадали дети. Сами ли убегали, крали ли их... И с какой целью.

– С профессиональными кадрами худо. Надо понять детдомовских трудяг. Нужны особые знания психологии ребенка. И любовь, главное – любовь к детям. Знать, где согласиться с ними, а где строго-настрого удержать их от их намерения.

– Это так, это так, Елена Михайловна. Выдели кого-то из детей особо – его тут же начнут ревновать, изводить. Объявят ему негласную обструкцию. Мне мерещится, что в детдоме обитает зло. Его не видно, не слышно, но оно живет в виде бестелесного привидения. Простите, я не суеверна, но....

– Зло всюду: в армии, на гражданке, в детдоме. Хотя в лагерях к злу заключенные в постоянной готовности... Они в нем и маринуются, – произнесла Елена глубокомысленно. – Добро – невидимка, но оно – абориген на этой планете, а зло – эмигрант. У эмигранта нет опы-

та, совести, нет ни обычаев, ни обрядов. А те, кто задумал сделать нового послушника, не объяснили, как.... Сами не знали. Потому что над людьми властвует партийная тайна. И страх. Вам надо простить и понять ваших этих... Чахлого и Гитлера.

– Фюрера.

– Фюрера вашего. Они действуют по советским законам.

– А что с ними сделаешь. Бить их, что ли? Не положено. Надо воспитывать, а как? Слова, советы и угрозы от них, как от стенки – горох.

– Нашли общий интерес, а быть точным, уразумели вкус мести. Меня давно точит мысль: у Сталина и Гитлера в биографиях есть общее – безотцовщина. Отсюда их природная жестокость, их ориентация в обществе....

– Елена Михайловна, вы такого не говорили, а я такого не слышала. – Директриса сделалась сухой, официальной, молча вышла. А, возвратившись с улицы, потеплела, но сделалась жалкой.

– Елена Михайловна, идемте ко мне. У меня борщ есть. Спать место найдется.

* * *

Все подарки, что приготовила дочери, мать Зины раздала девочкам-сиротам, самым тихим, скромным, с лицами несчастья. И уехала, канула, словно ее и не было никогда.

Врач-эксперт, женщина в годах, грузная, передвигающаяся с помощью костыля, сообщила Фриде Ароновне, что на теле Зины Михалевой следов насилия не обнаружено. Но она решила, что директрисе детского дома необязательно знать, что покойница была не девственница.

Девочка была задумчива, замкнута, мало общалась со сверстниками. Зина помнила, что у нее была мама. Только забыла, как она выглядит, и как зовут – не знала. Об отце в ее памяти было место пусто. Раздумывая об этом, Зина приходила к выводу: наверно, я родилась без отца. «Отец» у нее был, – отец «всех народов», и по праву она должна бы величаться Иосифовной. Но слишком много Иосифовичей – нелепо.

Смерть девочка приняла в безотцовщине и в безматеринстве.

Для Василия уход девочки без возврата так и остался вопиющей загадкой. «Ни отца, ни матери, ни кота».

Суть в том, что Магнит был безнадежно влюблен в нее и надругался над Зиной.

СКАЖИ МНЕ, МАМА

В год смерти Сталина, 1953-й, партия призвала сплотиться вокруг ее Центрального комитета. Не ведая, что там творится наверху, население страны размежевалось. У одной половины появилась надежда на большие перемены в лучшую сторону. Другая впала в уныние: вождь всех народов ушел, и неизвестно, найдется ли человек, достойный заменить его. Поговаривали, что вместо отца Иосифа Виссарионовича будет главой державы Василий Иосифович.

В печати появилось имя кандидата на пост главы государства. Председатель Совета министров Георгий Максимилианович Маленков. Потом лавиной надвинулась Хрущевская оттепель. И для глубинки наступили времена предвестия: рукой подать до коммунизма.

Лето 1953 года. Амнистия для заключенных. Для них светочем стал Лаврентий Берия. Из Мариинского женского лагеря Кемеровской области освободилась Елена Михайловна Стрельцова. Статью, по которой она отбывала срок, переквалифицировали, как она сама понимала, из политической в заблуждающуюся. Перевели ее на поселение в Чебулинский район в село Орлово-Розово. Там она и получила приказ об освобождении.

Елене ехать было некуда, кроме как к матери. Ей сопутствовала удача. Уже на второй день после освобождения Стрельцова на попутной машине в кузове поздно вечером ехала в Кемерово. Теперь Кемерово стал областным центром. Елена его еще не видела. Не знала, где и как живут ее мать и брат. Отца ее убили в Новосибирске, когда Лене было девять лет. Все те годы, что сидела в лагере, она

много раз вела мысленный спор с матерью. Сотни вопросов роились в ее голове. Но ответов она доискаться не могла. Обида давила и не давала покоя, «доставала» ее даже больше, чем тяготы жизни в лагере.

Она не раз прокручивала эпизод: прокуренная камера, за столом сидит холеный энкавэдэшник, напротив – она, измученная бессонными ночами, клопами, плохой пищей, нескончаемым потоком вопросов. Коричневые мешки под глазами оттеняли голубизну взгляда. У нее гудит в голове. Страж наклоняется и говорит с иронией и ноткой жалости в голосе, главное, деликатно:

– Кого ты прикрываешь? – От него пахнет табаком и кожей. – Врага народа?! Зачем? Он все равно не жилец. Против него доказательств до-

статочно. Каждый старается спасти свою шкуру и оклеветать другого. А ты сгниешь в лагере. Мать от тебя уже отказалась, а ребенка... О ребенке позаботится государство.

– Отказалась? Мама отказалась?! В жизнь не поверю!

– В жизнь? А документу поверишь?.. Этого делать нельзя, но ради истины... конечно, надеюсь, за собой вы меня не потащите?

Он вдруг перешел на «вы», вынул лист бумаги и положил перед задержанной:

– Читайте, только быстро.

Он встал и прошелся по кабинету.

– Если даже выживешь, кому ты нужна будешь! Ну?! Надумала?

Даже сейчас, по прошествии такого времени Елену обдало жаром, сердце заколотилось, и она вцепилась в борт грузовика. «Мама, как ты могла?! За что, мама?» Тогда, в той камере, Елена, собрав остаток сил, сказала:

– У каждого человека своя правда. И он поступает так, как велит ему его совесть. Бог им судья. Я не предаю никого – ни мать, ни мужа.

И сейчас она ехала к матери забрать свою дочь, она думала, что та находится у нее. Ненависти к матери не было, осталась хроническая горечь, осталась и обида, вросшая за эти годы в сердце, как язва, что прорывается, иногда кровоточит и болит, но эта боль уже тупая, ноющая. Не дающая забыть, но и не рвущая на части. Елена утро встретила на вокзале. Кое-как узнала, что ехать ей надо на правый берег. Трамвай ее благополучно доставил почти до самого места. Не скоро, но она нашла на верный след.

...Воскресный день. Светило солнце, но шел дождь. Его в Сибири называют «Сироты плачут». Регина Севостьяновна отдыхала на даче, стоявшей на краю березовой рощи, она сидела на диване в легком платье, просматривала журнал «Крестьянка». Дверь была раскрыта настежь, Елена вошла в избу бесшумно:

– Ты вернулась? Зачем? – спросила Регина, мельком взглянув на вошедшую.

– Вернулась... Мама, где Зина? – не поздоровавшись, спросила пришедшая. Лицо ее горело: она словно не вопросы, а два позорных шлепка получила по щекам.

В дверь только что вышла Вера, невестка Регины. Регина и подумала, что та вернулась.

Мать вздрогнула, сняла очки, в которых читала, и стала лихорадочно шарить рукой по дива-

ну. Она много лет считала свою дочь расстрелянной. Но по тому, что вошедшая назвала ее «мамой», а голос сильно отличался от Вериного, не поверила, но поняла, что это именно она. Ее дочь, несчастная дочь Оленка. Наконец другие очки оказались у нее в руке. Еще неясно увидев лицо вошедшей, она попыталась встать с дивана, но не смогла.

– Оленушка... помоги, – она протянула руки к дочери.

Елена подумала, что ее мать парализована, помогла подняться с дивана. Мать бросилась «блудной дочери» на шею, окаменевшая повисла на ней, долго молчала, потом нервно завздригивала. Она обрела способность стоять. Целуя лицо, глаза, щеки, Регина медленно и осторожно стянула с головы дочери косынку:

– Седа-а-ая! А я десять лет по тебе справляю поминки.

Мать пригласила дочь сесть на диван, та попыталась и присела на табуретку, стоящую у двери. Ее глаза тоже были на мокром месте. В избе стояла каменная тишина, потом Елена поднялась, села рядом с матерью и задала тот же вопрос:

– Где Зина?!

– Где Зина... Не знаю, где Зина. Три раза подавала запрос – ни ответа, ни привета. Чего же ты о себе не дала знать-то? Я ведь ее, внучку-то, даже ни разу не видела. Тарас тоже сколько искал.

– Тарас. Как живет Тарас?

– Трое детей, жена, живут тут рядом, в Кировском, работает на «Прогрессе». Вера только что вышла отсюда. Не встретились?

– Хочу видеть брата.

– С дороги... опнуть не успела. Я сейчас накормлю тебя.

– Не надо, я сыта... Скажите адрес Тараса, я поеду к нему.

– Успеешь, отдохни с дороги.

– Я не устала: десять лет отдыхала в «пионерских» лагерях. Как единственного родного брата не увидеть после такого «отдыха»?

– Брата увидишь. Но я же мать твоя. Ты воскресла из небытия. Расскажи, как ты жила. Что с тобой произошло? Где ты была? Здоровы ли ты? Ты же в детстве была не жид, а... так себе. Помнишь, небось, как ты задыхалась в скаплатине? Ангина, постоянный озноб, лихорадка, а кожа как твоя шелушилась, спасу не было. Ты мучилась, а я изводилась, ночей не спала. А барак «волков морозь» помнишь?

Мать моталась по избе со сжатыми кулаками. Потом подошла к комоду, достала из верхнего ящика пузырек с кровавой на вид жидкостью, скрылась за кутную занавеску. Послышался звук – она налила из кадки в стакан воды. Была пауза – мать капала в воду лекарство.

Елена обвела взглядом комнату. На самом видном месте висел в рамочке ее детский портрет в пионерском галстуке. Она пожала плечами, встала и вышла на крыльцо. По скрипнувшей половице мать поняла, что дочь уходит.

– Елена, стой, ты куда?

– К Тарасу.

– Обожди, я оденусь.

Шли они по каменистой улице, дочь не замечала, что мать отстаёт и старается нагнать ее. Она тяжело дышит, но блаженно улыбается. Потрясенная, она испытывает одновременно и материнскую радость, и жалость. А у дочери грудь сжимается от обиды. От того, что она не увидела свою Зину. И винила мать, досада в сердце закипала с новой силой.

Мать, чтобы прервать тягостное молчание, спросила:

– Какой он, город Мариинск?

– Большая деревня. Сто лет назад – село Кийское. Потом только название сменили на Мариинск, в честь царской благоверной. Но последний год я жила в Чебулинском районе, в селе Орлово-Розово.

...Тараса дома не оказалась, их встретила его жена Вера. Встреча была теплая, словно Вера и Лена давние знакомки. Они сели пить чай. Говорили о том о сем. Регина Севостьяновна была озабочена, чем-то расстроена и в разговоре участия почти не принимала, украдкой совала таблетки под язык. А Елена преобразилась, впервые за долгие годы разлуки мать увидела на ее лице улыбку. Она улыбнулась так, как улыбалась в детстве после болезни.

Вошел Тарас, бодрый, веселый. Поздоровался, поцеловал в щеку мать, кивнул сестре, сел за стол. Вера налила ему чай, он положил две ложки сахара, взял бутерброд с сыром и стал с аппетитом чаевничать.

– У Трошкина все в порядке. Отделался штрафом, – с удовлетворением сообщил он. – Взрыв был не по его вине.

– Тарас, ты когда подавал последний запрос на Зину? – спросила мать.

– Давно, полгода уже. Глухо. Такой, мол, не числится ни в одном детском доме. А у вас что,

новости какие? – оживился с надеждой Тарас. – Мама, говорите, вы что-то знаете?! Знаете про Зину?

Мать и гостя переглянулись. Тарас всмотрелся в гостью, видя у той повлажневшие глаза, изумленный застыл:

– Неужели?! Не верю... Жива?.. Воскресла? Лена, ты ли это? Лена, Леночка, сестренка!

Он выскочил из-за стола, схватил свою старшую сестру, стал кружить по комнате. Глядя на ее седины, все еще не верил, что это его сестра.

Поцелуи, слезы радости. Вбежали дети – мальчик, девочка с котенком на руках и еще мальчик с перевязанной головой, тупо уставились на незнакомку, что кружит по избе их папка.

– Вот, ребяташки, ваша тетка Лена воскресла.

– Которая умерла? – спросила Оля.

– Она. Только вот она жива.

Вера выскочила на кухню и вернулась с тремя брусочками белой пастилы:

– Вот вам от тети Лены. Пойдите в свою комнату.

Но дети не послушали мать, они расселись на полу около тети Лены и бабушки Регины.

Когда немного поутихли эмоции, взрослые долго еще рассказывали о поисках Зины, о переменах, произошедших за те годы, пока Елены не было с ними. Елена больше молчала и слушала. Когда она помогала Вере унести чашки, увидела маленькую комнатку рядом с кухней, дверь в которую была завешена занавеской. Вера сказала, что эта комната пустует, раньше это была кладовка, а теперь они решили сделать из нее ребячью комнату для Оли.

– А можно я пока поживу у вас? – спросила Елена.

– Да сколько угодно.

– Мама, я останусь у Тараса.

– Воля твоя, раз ты так захотела. – Регина смущенно засуетилась. – Ну, я пойду.

– Мама, я провожу тебя, мне надо проводить Ольгу Семеновну. Это по пути. – Вера удивленно оглядывалась то на мужа, то на Елену.

– Почему мама так быстро заспешила? – удивилась Елена.

– А у нее там постельная собачка Гавка. Третий год у нее живет. Она в ней души не чаёт.

– Я ее не видела.

– Днем она у нее в парнике отдыхает. А ты когда приехала? – поинтересовался Тарас.

– Сегодня утром, – ответила Елена. – А маму разыскала к вечеру.

– А ты разве у мамы не поживешь? Она будет очень рада.

– Нет... Не хотелось бы.

– Да ты что?! – вскинулся Тарас. – Лена, нельзя так. Всем нам нелегко было, и ей тоже досталось на коврижки. Не обижай ее. Хотя бы первое время поживи. Знаешь ты, нет ли, что ее из-за тебя отстранили от врачебной практики. Главный врач заступился за нее. Со скрипом оставили в ординаторской. Это уже во время войны, когда квалифицированных врачей не хватало, поставили ее заведовать отделением в госпитале. Ты знаешь, как на первых порах было трудно с госпиталями! Жители из домов несли все: посуду, мебель, постельное белье, всякие стиранные тряпки вместо бинтов. В июле сорок первого был открыт эвакогоспиталь номер двенадцать-тридцать. Начальником его была утверждена гинеколог Рудничной больницы Горбунова, и в числе пятнадцати врачей была и наша мама. В Кемерово из Новосибирска направил ее институт повышения квалификации врачей. Она вела какие-то курсы. Заведовала одним из пяти отделений. Мама наша была военврач третьего ранга. А когда в апреле сорок третьего госпиталь передислоцировали в Мариинск, маму забрали в обком профсоюзов. Тогда Кемерово стало областным центром. Это в январе сорок третьего года. Лена, у мамы большое сердце, а ты огорчаешь ее. Собирайся, пойдем. Где у тебя вещи?

– Узелок мой там, на даче, в сенях.

Мать сидела в темноте, все на том же диване. Тарас включил свет. Регина была без очков, глаза опухшие, волосы распущены. Елена заметила, что они покрашены. Рядом с ней лежала маленькая собачонка. Она вскочила, взъерошилась и залаяла на незнакомку.

– Гавка, уймись! – Регина нежно шлепнула ту. Но собачка не унималась. – Агафья, кому сказала! Свои. Лежи тихо. – Регина поднялась, обняла Елену. – Видишь, свои, – сказала, глядя на Гавку.

Принесла с улицы примус.

– Вари чай, – приказала сыну.

– Мама, да мы только что из-за стола.

– А я не видела... забыла. И стол-то был не матушкин.

...Утром мать и дочь поехали на левый берег, где у Регины Севостьяновны в самом центре Кемерова была двухкомнатная квартира. На са-

мом видном месте на стене висел ее портрет, копия того, что на даче. Только здесь галстук покрашен кумачом: постарался Тарас. Елена осознала, что у матери осталась только эта фотография. Альбом с остальными она оставила у себя в Томске. И теперь неизвестно, где он. А эта фотография – увеличенный снимок со школьной доски почета. И почему-то нелепо рядом с ее портретом висел портрет Бориса Бабочкина в роли Чапаева.

– Лена, занимай какую хочешь комнату, можешь – зал, можешь – спальню. – Мать не скрывала радости, суежилась – хотела угодить дочери.

В родном доме Елене душевно показалось не уютнее, чем в тюремной камере. Она много раз намеревалась спросить об отречении матери от дочери. Но что-то ее сдерживало. В ее сознании крепко зарубились слова матери, которыми она встретила Елену: «Вернулась? Зачем?». Елена понимала, что это недоразумение. Не такую встречу она предполагала и опасалась ее. Собачонка Гавка показалась ей соперницей. Мол, ее, Еленино, место заняла эта тварь в сердце матери. Гавка не приближалась, а выглядывала из-под кресла и внимательно следила за каждым жестом Елены.

23

Первая ночь в родительском доме. Елена, раскинувшись, лежала на раскладном диван-кровати. Не спалось. Она села, закурила. Из спальни вышла в длинной белой сорочке мать, молча села напротив дочери в мягкое кресло.

– Не спится? – через большую паузу заботливо спросила мать.

– Чего-то... ага.

– Давно куришь?

– Не помню. Наверно, как забрали Сергея.

– За что его?

– Ни за что, раз реабилитировали.

– Но ты-то за что пострадала?

– Я знала, что его оклеветали, и не хотела быть предательницей. Как некоторые родители отрекаются от своих детей.

– Да, знаю, и такие были. – Регина глубоко вздохнула.

– Были... – согласилась Елена и закашляла. Кашель был нервным, и продолжался, и продолжался.

Регина встревожилась, налила в стакан микстуру, подала Елене. Впервые за много лет погладила ее по голове и прижала к своей груди. Елена перестала кашлять. Обе женщины плакали, стараясь этого не показать друг дружке.

* * *

Елена стала замечать, что ее мать тщательно с мылом промывает ее пепельницу и всегда освобождает ее, если в ней находится хоть один окурок. И незаметно для нее проветривает комнату, даже если на дворе непогода. Она стала чаще ночевать у брата. И Тарас однажды заметил: «Лена, ты слишком много куришь. При матери не вздумай топить свое поддувало: ей это вредит». Елена перешла жить к брату постоянно. Занимала ту комнатку, что рядом с кухней, и была довольна.

В середине января Тарас с семьей и Елена приехали поздравить мать с днем рождения. Вечером за Тарасом пришла легковушка, Елене места не нашлось, и она осталась ночевать у матери. Они долго говорили на разные темы, но пока был на больную, и он оказался круче.

— Мама, сдается мне, что вы живете тоской по прошлому.

— Елена, ты обижена на все на свете. Я тебя понимаю. Тебя раздражает все. А главное, то, что другие живут, сообразуясь с обстоятельствами и обстановкой, мирятся с временными трудностями, надеются на лучшее. Ты напугана и не имеешь представления о реальной жизни. Оторвалась от всех.

— Нет, это вы оторвались от народа, который упрятали за решетку, как зверей, боитесь, что народ вас без этого не поймет. — Дочь говорила без эмоций.

— Непонятливых и надо оградить от общества, строящего новую жизнь. Кто может агитировать обратно к каменному веку? Только неразумные да сбитые с толку.

— Мама, вы в стаде, а я на воле, окруженная этим стадом, вы по своей нужде, блея, идете к светлому будущему, хотя оно для вас темно. Ваше будущее, мама, — кот в мешке. Вы называете его светлым, но вы не представляете, какого оно оттенка. Желтого, коричневого, хаки или серенького. Это мечта, а мечтать вольно о чем угодно. — Елена говорила рассудительно и не зло.

— А ты живешь без мечты?

— Вы продолжаете мечты коммуниста-утописта Жана Мелье. Представляете ли вы, что этот человек был чокнутый? Мама, вы-то уж наверняка знаете, что ваши социалисты-утописты утопили вас в своих идеях. А многих из вас не волнует и то, что реальный коммунизм, который вы строите, не соответствует идеалам социалистов-утопистов.

— Оленушка, ты отстала, ты не знаешь, что тебя ждет в будущем.

— А вы знаете?

— Знаем. Но вы же не хотите выслушать, затыкаете уши. Пойми, бунтовать и возмущаться легче, чем помогать делу. Указывать пальцем и советовать, что и как надо делать, может каждый, но сделать этого он сам не способный. Если он способный на что-то — будет свое дело делать молча. Завтра вы поставите нужного вам вождя. Но вы откуда уверены, что этот человек будет вас слушать? Тебе известно, что Советская власть сделала больше, чем предыдущие целые поколения.

— Мама, вы помните слова: «Познайте истину, и истина сделает вас свободными». Я истину происходящего познала и свободна сама в себе. Имею право на выбор, хотя вы лишаете меня этого права.

— Не смей. Я лишаю тебя?

— Хотя и в меньшей мере — да. Это неосознанно. Но дело не лично в вас. — Елена надолго замолчала, а потом спокойно и неуверенно спросила: — Мама, вы тогда меня любили?..

— Тебе не стыдно задавать этот вопрос? — Регина заморгала и отвернулась от дочери. Ее очень задело. Разве не из-за любви к ней она умоляла дочь покаяться и отказаться от упрямца. От неразумного, одолевшего ее «дьявола». Глубоко, как после плача, мать вздохнула и повернулась к дочери. Глаза были сухие. Наступила гробовая получасовая тишина. Но молчаливый диалог продолжался. Это было заметно по поведению матери и дочери. Потом, сдерживая себя, Регина спокойно проговорила:

— Ты разве не замечаешь, как далеко мы шагнули? Вспомни те года. А ведь мы одолели такую войну...

— Одолели. А какими жертвами? Да, мы движемся быстро, но движемся не туда, куда наметали. Вы поете, в коммуне остановка вашего паровозика. Что, остановитесь, разложите чемоданчики, и для вас кончилась цель? Это Вавилонская башня до небес. Кто из вас знает, какое расстояние до небес? Где начинаются небеса? Я, окруженная стадом, тоже иду туда, куда — неизвестно.

— Вот тут ты и расписалась. Идти надо к цели назначения, знать и видеть эту цель.

— Куда, как, зачем? Да, вы продвигаетесь с удовольствием, с энтузиазмом, пусть даже показным, а я — по принуждению, невольно... Лад-

но, мама, мы без компаса полезли в дебри. – Дочь отчего-то захохотала и стала одеваться.

– Ты куда? – встревожилась мать.

– Пойду покурю. А вы ложитесь спать. Утро вечера мудренее.

Рано утром Елена, по-казенному заправив диван-кровать, съела яйцо всмятку, выпила стакан чаю, попрощалась с матерью и ушла. Мать перенесла постель в спальную, подняла свой матрас взбить и перестелить по-новому. На панцирной сетке обнаружила бумаги. Удивилась, как она могла положить их туда и забыть. Она стала читать лист, лежавший сверху. Машинописный текст, слабо пропечатанный, и все же разобрать было можно: «...методов управления отшатнулись миллионы и друзья стали заклятыми врагами...» Регина заинтересовалась, вошла в зал, села в кресло. «...Товарищи по крови. Снимите ваши шапки и станьте на колени перед страданиями народа и ваших товарищей по борьбе. Это вы же виноваты в их муках – перед вами реки крови и слез. Помогите. Не ждите циркуляров и инструкций. Директива чрезвычайного съезда одна: Сталин и сталинцы должны быть уничтожены».

Регину охватила вожделенная жуть. «Это непременно Еленины бумаги. Но зачем, чтоб я на них спала?.. Специально или забыла?» Женщина хотела эту крамолу сжечь, уничтожить, забыть. Но ее любопытство вернуло в молодость. И, стоя у окна, она продолжала читать: «Наша власть – не советская, а большевистская, и притом тех большевиков, которые подхалимствуют и раболепствуют перед Сталиным, – истребила и продолжает истреблять многих честных сторонников Советской власти, социализма и коммунизма. Эта власть в нарушение Конституции сотнями тысяч арестовывает в огромном большинстве случаев ни в чем не

повинных советских граждан, ссылает и расстреливает их...»

Только теперь Регина осознала, что они с дочерью по разным сторонам баррикад. Им только кажется, что они слышат друг дружку. Она старалась понять душевный надлом Елены. Стала сознавать внезапный уход ее дочери из дома. Регина твердо решила выхлопотать для Елены квартиру и пошла по инстанциям.

Елену приняли на работу в больницу, определили в отделение геронтологии. Старички, старушки, инвалиды войны и труда общались с ней с удовольствием, делились наболевшим. Елена внимательно выслушивала своих пациентов.

Однажды Регина, приехав к сыну в гости, с загадочным лицом спросила у дочери: «Ленок, тебе окончательно нужно определиться, где жить: у брата с невесткой или у меня, – она сделала интригующую паузу, – а может, в своей квартире на левом берегу, но в конце города».

Справили новоселье. Обставили квартиру бывшей в употреблении мебелью. Из всех сил старался Тарас. Что-то он привез из своей квартиры, что-то – из материнной, а что-то – еще откуда-то. Вера постоянно была рядом, планировка квартиры, расстановка скудной мебели – дело ее рук.

И вот, Регина Севостьяновна сообщила дочери обнадеживающую новость, что из Новосибирского детского распределителя девочку Зину увезли в Забайкалье под фамилией Михалева.

Не пора ли нам вспомнить Шиловский детский дом?

P. S.

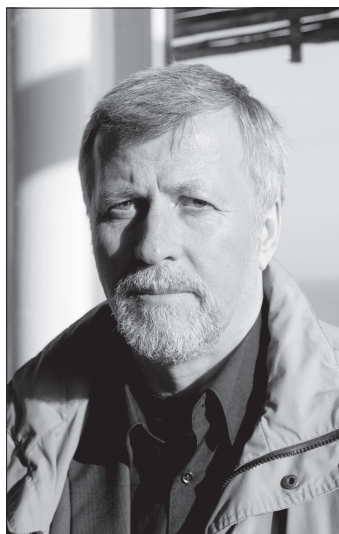
Только после смерти матери Елена узнает, что мать от нее никогда не отказывалась.

На КГБ работали талантливые почерковеды. Письмо матери – фальсификация.

Иван ТЕРТЫЧНЫЙ

ПРИДУМАТЬ СЛОВА, ЧТОБЫ ПЕСНЯ ВЗЛЕТЕЛА!

НОВЫЙ ГОД

Сияющее бездорожье.
Со всех сторон идущий свет.
И вдруг почудится тревожно,
Что ни Земли, ни Солнца нет.

И вновь – воображенью встряска:
И вот во всей красе видна
Не виданная мной Аляска –
Заманчивая сторона!..

А оглянусь – уже под ивой
У речки Рыбинки стою,
И брат, красивый и счастливый,
Подсвистывает соловью...

А вот еще одна картинка,
Нечаянная, родилась:
Скользит, подтаивая, льдинка
Оконная – у самых глаз...

И кажется: еще немного,
Чуть-чуть – и ясно разгляжу,
Как я нехоженой дорогой
К себе из детства ухожу,

И вижу все, что потеряю,
И что, теряя, обрету...

Зачем я зренью доверяю,
Счастливо щурясь на свету?..

С. М.

Оттуда,
Где пахнет простором и снегом,
Где птички звенят голоса,
Приходишь домой человек человеком,
Наполненный светом, щебечущим эхом,
И верящий вновь в чудеса.
О сколько их было за далью холмистой
Для слуха и юных очей!
Набеги поземки... Рождение листьев...
Сияние полдня... Бурление свистов...
Дыханье огромных ночей...
Цветенье любви и надежд, и мечтаний...
О сколько... о сколько всего!

Приходишь домой – и на телеэкране
Ты видишь окно и кусточек герани,
А там, за окном, и себя самого.

РАСКЛАД

Веселому – веселье.
Печальному – печаль.
Бездельному – безделье.
Мечтающему – даль.
Летающему – выси.
Бредущему – тропа.
Мудреющему – мысли.

ТЕРТЫЧНЫЙ Иван Алексеевич родился в 1953 года в Курской области. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор стихотворных книг «И было утро», «Рядом», «Подорожная», «Когда-нибудь...», «Лунный снег», «Живая даль» и сборников рассказов «Черная бабочка с белой оторочкой», «Безымянная вода». Член Союза писателей России, лауреат Международной премии имени Н. Гумилева. Живет в Москве.

Орущему – толпа.
А что – тебе?.. А что-то
Случайное почти:
То тень у поворота,
То тихое «Прости...»,
То странная улыбка,
Мелькнувшая в окне,
То золотая рыбка
В туманной глубине.

* * *

Зима закончилась вчера.
Такие вот дела.
Пора, в поля идти пора
На запахи тепла
И на трезвон небесных птах,
И на призыв воды.
Какая даль! Какой размах
Светлейшей высоты!
И вспоминаются слова,
Забывшие зимой:
Скворец, черемуха, трава,
Пчела, ополье, зной...

* * *

Гонимая ветром трава
В обочину мокрую хлещет...
Но как-то находятся легче
В такую минуту слова

О громе за дальним холмом,
О мчащихся в воздухе каплях,
О цаплях, о скрывшихся цаплях,
О том, что стемнело кругом,

О шуме глазастых машин,
О близком крутом повороте,
О доннике, пижме, осоте,
О том, что вот здесь я один,

О людях в больших городах,
О малых старинных селеньях,
О тысячелетях в мгновеньях,
О темных и светлых годах,

О том, что я вызван на свет
Для необъяснимого дела.

...В полях еще не просветлело,
Но грома давно уже нет.

РУССКИЙ

1

Мне вовсе не нужно полмира.
Мне хватит округи привычной:
От Пскова преславно до
Совсем не случайной Находки.

Легко мне, просторно и вольно
Средь трех океанов великих,
Один из которых – Небесный.

2

Три дела я сделал сегодня шутя:
Росою умыл дорогое дитя;
Приладил крылечко узорное к дому;
Дал вволю водицы дубку молодому.

Осталось мне сделать четвертое дело:
Придумать слова, чтобы песня взлетела!

РОМАШКА

А как звалась ты некогда, ромашка?
Мария?.. Нина?.. Светочка?.. Любашка?..

Твое веселое солнцеподобье
Смягчает вид тяжелого надгробья.

Белейшая!.. Легчайшая!.. Не знаю,
Не потому ли в облаках витаю,

Что ты, посланница из ниоткуда,
Собой являешь радостное чудо.

Вон там, внизу, белеют клевер, кашка,
А рядышком, где устье овражка,

Твои подружки собрались гурьбою.
Ты видишь их?.. Мне хорошо с тобою;

Мне хорошо, веселая ромашка,
Стоящая на краешке овражка.

* * *

Старый дом под крышей новой,
Устоялый дом дубовый.
В доме новый человек.
За калиткой – новый век.

Что ему жите былое –
Горевое, удалое,
Райское и со грехом –
В долгом времени лихом?

Что ему вот эти дали?
В них трудились, погибали
И лелеяли мечты
Под приглядом высоты.

Что ему до песен давних?
Он тайком прикроет ставни,
Чтобы новый человек
Не расслышал прошлый век.

Старый дом под новой крышей
Малость крышею возвышен;
И жилец, копая грядки,
Припевает: «Все в порядке...»

* * *

Из времени навеки уходя
В далекие неизвестные дали,
Я думаю, заметишь ты едва ли
Седые пряди летнего дождя.

И вряд ли залюбуешься травой
И пышною цветущей луговиной,
И яркою закатною картиной –
Открытой этой прелестью земной.

И разве озаботишься семьей,
Судьбой друзей, их долгими делами?
А вспомнишь, может, об отце и маме
Да о поре начальной золотой.

И высветится в памяти строка
Живущего без времени поэта
О том, что с ней ему не надо света.
Об этом вспомнишь ты наверняка.

* * *

А ласточки мне по душе
В июле, по-южному душном.
Летают в пространстве воздушном,
Звения на крутом вираже.

И снова снуют и снуют,
Спеши за незримой добычей,
А после охоты привычной
На белом обрыве поют,

И рядом птенцы гомонят,
Премилые Божьи создания,
Они обретают познания
И мир, и надежду, и лад

Под песни, под радостный зуд
Веселой трудящейся стаи.

А время осинку листает,
А ласточки снова снуют.

ПРИЯТЕЛЮ

На улице май, понимаешь?
На улице светится май!
Напрасно ты копыта ломаешь.
Не надо... Себя не ломай.

Уйди под зеленую ветку,
Уйди в подзаборную глушь,
Доверься высокому ветру
И блеску не высохших луж.

И вволю глаза буквоеда
Простой синевой напои.
Зачем тебе в споре победа,
Когда над тобой соловьи?

**Сергей
ПАВЛОВ**

КУЗБАССКАЯ САГА

*Часть 2. Когда кухарка
государством правит...*

Роман. Книга третья¹

ГЛАВА 1

Как после большого весеннего паводка, возвращаясь в свои исконные берега, вода обнажает глазу разруху и беспорядок, причиненные ею всему сущему на земле, так и ушедшая война являет человеку свои губительные последствия: руины, голод, страх перед завтрашним днем...

Год двадцатый наконец принес на сибирскую землю долгожданный мир. Где-то еще гремела артиллерийская канонада, сшибались в лобовых атаках конницы красных и белых, продолжали гибнуть русские люди, как с одной, так и с другой стороны, и все же война, оставляя Сибирь, уходила все дальше на Восток. Но наступивший мир лишь на мгновение порадовал сибиряков тишиной и покоем, потому как уже вскорости стало очевидным, что хозяйство огромного края, впрочем, как и хозяйство всей молодой Советской республики, оказалось разоренным. Бескрайние пашни, еще недавно радовавшие крестьян своими плодородными нивами, сейчас стояли брошенными и унылыми, потому как хлебопашцы (как мужики, так и лошади – они ведь тоже пахали землю!) частью были выбиты войной, другая же их часть еще продолжала воевать вдали от род-

29

ных мест, оставив свою землю без надзора и должного ухода – для них мир еще не наступил. Наконец, даже те, что вернулись в родные села и города, чтобы взяться за плуг или кузнечный молот, быстро поняли очевидную истину: крушить легче, чем строить. Немногочисленные газеты того времени пестрели заголовками, полными трагизма: «Костлявая рука голода взяла молодую Советскую республику за горло!». Голодало Поволжье, катастрофичным было положение с хлебом в обеих столицах, и даже южные области, искони славившиеся как житницы России, испытывали серьезные перебои с продуктами питания. И победившая власть, видевшая венцом классовой борьбы КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО, объявила наконец КОММУНИЗМ, добавив к нему всего одно слово – «ВОЕННЫЙ»... Но при коммунизме все равны, там не должно быть ни бедных, ни богатых... Россия же в начале двадцатых никак не соответствовала требованиям коммунистического общества, и потому новая власть попыталась все проблемы с нищетой решить одним махом: отнять все у богатых, пусть даже силой оружия, и разделить отнятое между бедными. Так на помощь новой власти пришла ПРОДРАЗВЕРСТКА!..

Ее вектор изначально был направлен против крестьянства. Откуда у пролетария мог быть

¹ Журнальный вариант.

ПАВЛОВ Сергей Михайлович родился в 1952 году в городе Белове, в семье шахтера. Подполковник милиции в отставке, член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Автор 13 книг. В 2003 и 2004 годах становился победителем конкурсов МВД России в номинации «Художественная литература и искусство». За серию книг о политических репрессиях в СССР Патриархом Московским и всея Руси Алексием II награжден орденом святого Даниила III степени. Публиковался в журналах «Всерусский собор», «Жеглов, Шарапов и К», «Огни Кузбасса», «Южная звезда». Живёт и работает в Кемерово.

хлеб? Ведь у него, если верить классикам марксизма, были только цепи... Вот у зажиточного крестьянина, которого теперь чаще называли КУЛАКОМ или МИРОЕДОМ, был хлеб, но вследствие своего классового антагонизма он не хотел им делиться с кем бы то ни было. Середняки тоже не горели желанием отдавать кровно нажитое, видимо, в силу своей малой сознательности. А бедняки, даже если хотели поделиться чем-то с городскими пролетариями, не могли этого сделать в силу того, что сами ничего не имели.

И тогда поползли по всей России продотряды. Выполняя задачи, поставленные советской властью, продотрядники агитировали несознательных владельцев хлебных запасов, а когда слов не хватало, в ход шли другие аргументы: угрозы, физическое насилие, аресты, а иногда дело доходило и до расстрелов... В Сибири эти продотряды иногда называли «красными колчаками», памятуя о том, как те грабили сибирских крестьян. Пользуясь общим недовольством, подняла голову недобитая контра, и на дорогах вновь стали хозяйничать банды грабителей, а поскольку основу некоторых из них зачастую составляли вчерашние красные партизаны, громившие Колчака, то и называли их соответственно – «красные бандиты». Наряду с ними продолжали промышлять разбоем и банды, состоящие из остатков колчаковского воинства, не захотевшего покидать родные края. Много таких банд было на территории Томской губернии – Лубкова, Новоселова, Родионова, Соловьева, Олиферова и печально известного жителям Кузнецка и Салаира Григория Рогова...

Один из таких отрядов, ставший на постой в селе Урском в июле двадцатого, увез с собой сельского доктора Иванова Кирилла Ивановича. Оказалось, что командир отряда был серьезно ранен и ему требовалась медицинская помощь. Проведав об этом, Кирилл Иванович сам пришел к отрядникам и предложил свои услуги. Тяжелая ранение в живот не давало никаких шансов раненому, и потому Иванов как можно более деликатно и осторожно высказал свое пожелание: нужна больница, нужна срочная операция. Покидая село, бандпартизаны силой увезли с собой доктора. Не могли сельчане помочь Кириллу Ивановичу: силен был отряд, до сотни сабель насчитывал, а в село еще не все мужики вернулись с войны. Да и сам увоз был настолько стремителен, что узнали о нем только на следу-

ющий день. Как и раньше часто бывало, послал Гордей Никитку с кринкой молока да десятком яиц к Ивановым, а тот обнаружил в запертой снаружи избе заплаканную Аграфену Ивановну. Закрыли бандиты ставни, дверь подперли снаружи, а поскольку жили старики уединенно и на отшибе, то никто и не заметил пропажи человека. Еще неизвестно, как бы сложилась судьба самой Аграфены Ивановой, не появившись там Никитка. Спустя много времени окольными путями дошла до села печальная весточка, что видели тело доктора Иванова в числе зарубленных бандитами в одном из алтайских сел...

А в Урском первый продотряд появился только осенью 1920 года. Из Кольчугино, только что ставшего уездным центром, на четырех телегах приехали шестеро мужчин. Четверо из них, похоже, мобилизованные крестьяне, правили лошадьми. За командира у них был крупный мужчина лет тридцати, в кожаной куртке и с маузером на боку, некрасивое лицо которого время от времени искажал нервный тик, а при нем – молодой и щуплый солдатик с винтовкой и в странном головном уборе, похожем на шутовской колпак, но с клапанами на ушах и красной звездой на лбу. Поглазеть на чудака сбежалось полсела: шутили, тыкая пальцем в его сторону, громко смеялись, пока тот не снял с головы свой убор и не объяснил, что его шапка называется «буденовкой», а названа она в честь знаменитого красного командира 1-й Конной армии товарища Семена Михайловича Буденного... Смех поутих, но старики с сомнением качали головой:

– В такой-от шапке коннику несподручно, не-е-т... Кулек-от звон как топорщится, а ежели на скаку, скажем, наметом или галопом, то его ветром снесет с башки... Опять же, уши болтаются, как у доброй лягавой, – неудобно, мешают – одно, так и в бою не услышишь толком, что у тебя за спиной творится... Нет, плохая одежка, – вынесли урские крестьяне свой приговор буденновке, – ранее-то все, кто с конями дело имел, в папахх воевали да в фуражках без козырька... А это – баловство одно!..

Огорченный услышанным, солдатик натянул свой колпак со звездой на голову и огрызнулся:

– Вам-то, мужикам лапотным, все равно такую одежду не носить, а вместо того, чтобы зубы скалить, лучше хлебушек свой, что припрятали, тащили сюда!..

Перестали смеяться мужики, нахмурились, ус-

лышав такие слова: «продотрядники» приехали – грабеж начинается!..

Пока «буденовец» разъяснял селянам преимущества своей ушастой шапки, старший продотряда, Кутько Богдан Иванович, представился встретившему их у крыльца харламовского магазина Ивану Кочергину уездным уполномоченным по хлебозаготовкам и потребовал привести к нему председателя сельсовета или, на худой конец, бывшего сельского старосту. Пока проворные пацаны бегали за Афоней Гвоздевым, к продотрядникам подошел Серафим Колесов. Назвав себя и представившись, как бывший партизан, он отозвал в сторонку Кутько и доложил о том, какая ситуация сложилась в селе на текущий момент.

– Никакой власти, товарищ, тут вообще нету... Давно бы контра башку свою подняла, да я ее тут прижал!.. – И он, сжав свой немалый по размеру кулак так, что пальцы побелели, поднял его на уровень носа собеседника. – И когда советская власть комиссаров нам пришлет?

Уполномоченный с усмешкой отвел кулак от своего лица и сказал негромко, но твердо – только для него:

– Эх ты, дядя! К-кулак-то у тебя большой, да умишко, видать, маленький?..

– А ты своим поделись, коли у тебя его много... 37

– И п-поделюсь, коли нужда в том есть... Самим н-надо власть брать, а н-не ждать, когда тебе ее привезут и отдадут... Вон в Салаире создали свою комячейку, в Г-гурьевске, в Б-бачатах... Советы выбирают, поселковые, сельские...

– Ага, попробовали в осьмнадцатом взять эту власть с Семкой Скопцовым да Ильей Гвоздевым...

– Ну и?..

– Побили...

– Как? – хохотнул, не сдержавшись, уполномоченный, но тут же посерьезнел. – Кто побил-то?

– Да были тут разные... конезаводчик жил здесь с оравой конюхов да ямщиков, купец один, мироеды разные, а нас всего трое было. Вот бы тогда комиссар какой к нам приехал в кожане, тогда бы по-другому все слепилось...

– И где же все твои мироеды да конезаводчик с купцом?

– А сбегли вслед за колчаками...

– Значит, явных врагов советской власти в селе нет?

– Да нет, вроде...

– А г-где твои хлопцы? Этот, как его... Семка и...

– ...Илья?

– Ну д-да...

– Да тут они, в селе... прервав разговор, они вернулись на площадь и обнаружили, что около магазина уже собралась большая толпа. Уполномоченный долго и пристально смотрел на стоявших полукругом крестьян, причем его ничуть не смущало, что те, в свою очередь, в упор разглядывают его самого и прибывших с ним продотрядников. Напротив, бесцеремонный взгляд его серых, чуть навывкате глаз, да нервный тик, время от времени уродующий и без того некрасивое лицо, заставлял селян отводить глаза в сторону. Вдруг Кутько ухватил бывшего партизана за ворот куртки, притянул его к себе и жарко зашептал:

– Вот что, Серафим Колесов, я сейчас тебя сделаю властью тут... представлю от лица уездкома, но ты уж клоуна из себя не строй! Ежели кто будет контру разводить – постороже с ними, можешь наганом пугнуть – это хорошо успокаивает... А теперь зови сюда своих дружков... хотя, ладно, потом им все сам объяснишь... А сейчас давай митинг проведем по факту установления в селе советской власти. Все понял?

– Так точно...э-э...

– Не «э», а Богдан Иваныч Кутько я... Я – начальник продотряда, уполномоченный уездного комитета по хлебозаготовкам... Но ты мне подскажешь, кого здесь можно тряхнуть?..

– Как это тряхнуть? – непонимающе уставился на него Колесов, пытаясь отцепить руку от своего рукава. – Да отпусти ты меня, ради бога, а то мужики подумают, что бить меня хочешь, и самого побьют...

Кутько отпустил своего собеседника, похлопал его по плечу и даже улыбнулся, хотя его улыбка была больше похожа на оскал волка.

– Я что с телегами приехал? Мне нужно в Кольчугино привезти сорок-пятьдесят пудов хлеба... ржаного, пшеничного – неважно... Шахтеры голодают, пойми, Серафим!..

– Понять-то не трудно, да только ежели ты сейчас скажешь, что будешь хлеб у них изымать – никак не сделаешь меня властью... никакие слова тебе не помогут... А то и побить могут!..

– Да не пугай ты меня, дур-рак, я уже пуганный...

– Оно и видно – до сих пор заикаешься и морду корчишь...

– Ох, и сволочь ты, Серафим Колесов, а я тебе помогать собрался!.. Меня вражий снаряд покалечил контузией, а ты насмехаешься!.. Первый месяц я слова сказать совсем не мог, а теперь вот с тобой, говнюком, разговариваю...

– Да что ты, Богдан Иванович, – изменился в лице бывший партизан, – шучу я так... Извиняй меня и помогай... и я тебе помогу... Только про хлеб ты сегодня и здесь ничего не говори... Скажи, приехал по поручению советской власти назначить красного партизана Серафима Колесова уполномоченным в село Урское ...

– Ну, скажу я так, а где же я х-хлеб-то возьму, а?

Теперь уже Сима Колесов ухватил уполномоченного гостя за рукав, притянул к себе и зашептал не менее страстно:

– Уже вечереет... Поедешь в Горскино, на мельницу. Туда сейчас со всех сел хлеб везут, и мельник Кузьма всю ночь мелет... Пока война была, то мужики на ночь пикет оставляли, для охраны, значит, а теперь там всего-то Кузьма да его сын-подросток... Мужики за мукой приедут только утром. Свяжешь их обоих, возьмешь, сколько надо и – ага!.. Кто вас утром-то где найдет?

– Ай да сукин сын ты, Сима!.. Ладно, объявляй митинг да зови сюда своих дружков – буду из вас советскую власть делать!..

Сказать, что в Урском ничего не слышали о голоде, охватившем центральную часть России, о продразверстке и о продотрядах, которые выполняли эту самую ненавистную продразверстку, было бы неверно. Знали, слышали... Кто-то из селян ездил в Брюханово, Гурьевск или даже в Томск, а уж туда-то весточки быстро долетают: телеграф отматывает версты лент с новостями со всего света; газеты, небольшие и немногочисленные, а и те доносили до граждан обновленной России самые горячие новости. А вот о костлявой руке голода, сомкнувшей пальцы в смертельной хватке на горле пролетариата, в Урском узнали тоже из газеты...

...Возвращался как-то Пахом Бутаков из Томска с инженером, что путь свой держал на Гурьевский завод. С ним-то, с извозчиком, пассажир почти не разговаривал. Казалось бы, как без этого: путь дальний, с ночевкой в дороге. Иной пассажир, а их-то у Пахома за четверть века всяких перебивало, всю свою биографию расска-

жет, покается, согрешит и снова покается, а этот все курил фабричные папироски, молчал да насвистывал что-то себе под нос, а то засыпал, несмотря на жуткую тряску, пугая лошадей своим мощным храпом. Но это уж потом он так дорожное время проводил, а в первый-то день пути все газетками шуршал. Почитает молчком, хмыкнет, крикнет, а то и выругается в голос, и опять дымком потянуло – закурил, значит. Пахому делать нечего – крутил и он свою сигарку да молча таращился на болтающиеся хвосты лошадей. Уже надумал предложить этому странному пассажиру скидку за проезд, с тем чтобы тот с ним разговаривал в дороге... Одумался вовремя: жена не простит ему такой поступок, да и деньги нужны были позарез – зерна хотел прикупить впрок, поскольку уже наслышан был от других извозчиков, что творится на Урале да в Поволжье. А тут, когда высадил своего инженера в Гурьевске, то обнаружил в боковом кармане коляски те газеты, которыми шуршал пассажир. В аккурат у него курительная бумага закончилась тогда, а тут такой подарок! На радостях-то он сразу две «козьи ножки» скурил – охотку сбил, а потом принялся картинки рассматривать да читать пробовал, что крупными буквами написано было. Вот там-то и усмотрел заголовок про «костлявую руку голода». Мало того, там и картинка была рисованная: старая и страшная женщина, лысая и с огромными круглыми глазами цепко держала за горло мужичка, видно, из рабочих. В пиджачке он был да в картузе, каких деревенские не носят. Долго рассматривал он картинку, удивляясь тому, какие страшные бывают бабы, и в душе потеплело от того, что его Анисья против этой пучеглазой городской бабы настоящая красавица. А вернувшись домой, он первым делом зашел в магазин к Ивану Кочергину, чтобы похвалиться газетой. Пока тот обслуживал кого-то из покупателей, бабы, кои всегда подолгу торчали в магазине, дабы поделиться своими бедами да радостями, упросили Пахома дать им газеты посмотреть... Читать не читали, потому как почти все были безграмотные, но картинки какие да фотографии изучали внимательно. Глянула Глафира, жена Ермохи Лукина, на бабу с костлявой рукой и даже взвизгнула от страха:

– Страх божий, каки бабы городские!.. Без волосьев совсем, а шары-то, шары-то какие!.. Нет, подружки вы мои, наши деревенские красивые городских! – сделала она такой вывод под общее одобрение сельских красавиц. И только

Иван Кочергин не согласился с ними: разложил газетку на прилавке, огладил ее своей единственной рукой, пробежал глазами заголовки, картинку рассмотрел и заржал как жеребец перед случкой:

– Бабоньки, так ведь это картинка, а не карточка!.. А нарисовать-то что угодно можно!.. Это, вроде, как смерть схватила рабочего за горло... голодно у них там... Да и пишут вон, что продразверстка проводится в стране... излишки зерна и прочих продуктов изымаются без... БЕЗ-ВОЗ-МЕЗД-НО... Вот как...

– Это как же это «без-воз...»? – насторожились женщины.

– А это значит бесплатно. Зерно заберут, а денег – шиш!

– Свят! Свят! Это что же, опять что ли колчаки пойдут по нашу душу, только не белые, а красные? – возмутился Пахом.

...Таким вот образом в один из летних дней двадцатого года долетела весточка о продразверстке до маленького сибирского села Урское. Через месяц-другой слухи дошли, что продотрядники хорошо распотрошили лабазы в Брюханово, в Бачатах, но села, что поменьше и победнее, эти отряды пока обходили стороной. Как бы то ни было, но домовитые сибирские мужики все же решили часть хлеба припрятать, рассуждая про себя: подальше положишь – поближе возьмешь!.. И сейчас, завидев гостей при четырех пустых подводах, урские сразу уразумели: дошел черед и до них – надо открывать закрома для новой власти, и уже готовы были поругаться, повоевать за каждый пуд своего зерна...

Но старшой отряда Богдан Иванович вдруг повел разговор на стихийном собрании совсем о другом: от имени Кольчугинского уездного комитета партии провозгласил в селе Урском советскую власть, а ее представителем объявил Серафима Колесова, коего обязал в течение месяца со своими помощниками приехать в Кольчугино за получением мандатов и необходимых распоряжений. Добавил также, что теперь советская власть «насовсем пришла», и потому все ее распоряжения надлежит выполнять беспрекословно, а тех, кто пойдет ей наперекосы, объявят врагом революции. А с врагами разговор короткий – к стенке!

Недлинная, но эмоциональная речь уполномоченного Кутько, сопровождаемая заметным заиканием и устрашающими ужимками, произвела на селян удручающее впечатление.

– Ежели там все такие трясунчики да заики, то с ними срамно даже на одной версте садиться, – вполголоса заявил Ермоха.

Он с утра был уже в изрядном подпитии и потому мог позволить себе любую вольность. Народ, что стоял поближе к нему, засмеялся, а Кутько, не поняв причины смеха, еще больше занервничал и стал рукой зачем-то поправлять деревянную кобуру маузера.

– Ты, мил человек, баб наших да детишек не пугай своей пушкой, – с плохо скрытой угрозой в голосе проговорил здоровяк Василий Bronский. – Мы сами партизанили не один день и не такие пушки видели... Ты лучше скажи, зачем ты с собой четыре пустых подводы пригнал? Неужто будешь хлеб отымать у нас?

– Никто у вас «отымать» хлеб не будет. Для других целей эти телеги, – несколько растерянно ответил Кутько, – хотя когда-нибудь хлебушком и вам придется поделиться с рабочими, которые в городах пухнут от голоду...

– Ну, раз оне пухнут там, значить нас будут здесь «кспроприировать», так? – снова подал голос Ермоха Лукин.

– Павтар-р-ряю... никто у вас хлеб отбирать не будет! – громко заявил Кутько и почти неслышно добавил: – ...сегодня...

Не расслышав его последнее слово, жители Урского заметно повеселели, заговорили громче, а завидев, что продотрядники усаживаются на телеги, то и вовсе оживились, а едва их обоз скрылся за поворотом, как мужики собрались в «бистро» и заказали Ивану Кочергину водочки: власть новая, а традиции старые, и крестьяне их блюли...

...А на следующий день окрест разнеслась тревожная весть: на горьковского мельника Кузьму ночью совершили налет какие-то бандиты и увезли более пятидесяти пудов муки, а самого мельника и его сына связали и посадили в погреб. Посчитали, что этот набег сделал один из бандитских отрядов, что еще нет-нет, да напоминали о себе в уезде, а потому мужики, что везли зерно на помол, теперь снова организовали круглосуточную вооруженную охрану мельницы. Человек с ружьем – это еще одна примета военного коммунизма в России...

Серафим Колесов, объявленный уполномоченным по хлебозаготовкам Кутько представителем новой власти в Урском, только в январе

двадцать первого года вместе с Семеном Скопцовым и Ильей Гвоздевым сумел добраться до Кольчугино, чтобы получить там необходимые документы, подтверждающие их полномочия, и новые распоряжения по обустройству советской власти на месте. Немало времени им понадобилось, чтобы отыскать в просторном двухэтажном здании уездного комитета партии Богдана Ивановича. Видимо, от волнения, которое он испытывал на собрании, Серафим совсем не запомнил должности своего благодетеля, да и фамилию вспоминал постепенно и с трудом: Кутко, Кутак, Кутькин, Кутько... Часовой на входе, низкорослый рыжий татарин, слушая его путанные объяснения по поводу того, к кому им нужно попасть на прием, неожиданно даже вспылил:

– Какой кутак? Зачем кутак?! Нехорошо говоришь про начальник... такая нету тут!..

Чуть успокоившись, часовой перевел значение слово «кутак» с родного ему татарского на русский, и прикусили деревенские мужики свои языки с перепугу: боевого революционера, представителя власти они по своей глупости и неведению называли детородным мужским органом. Хоть и по-татарски, а все же обидно!.. За такую ошибку можно было попасть в разряд «контры»...

Оказалось, что Богдан Иванович Кутько совсем не такой большой начальник и командир, каким он показался в Урском, а самый скромный служащий уездного комитета, коего даже «чиновником» нельзя было назвать. Слово это вообще временно выбросили из обихода, поскольку оно уж больно крепко срослось в сознании граждан с ненавистным понятием – «царский чиновник», а нового, взамен ему, еще не придумали, вот и приходилось выстраивать длинную череду слов: уполномоченный по проведению хлебозаготовок в Кольчугинском уезде Томской губернии... А у Кутько даже стола своего не оказалось – с тремя мужиками близкого возраста сидел он на лавке в просторной, изрядно задымленной и замусоренной комнате, в ожидании приказа, который им объявлял человек, выходявший из комнаты с обшарпанной дверью. Только подошел Колесов со товарищи, как дверь приоткрылась, и пожилой мужчина бросил коротко в их сторону сидящих на лавке:

– Мусийко, Чегошев – вот вам предписание, получите оружие и на двух повозках живо в городскую баню!.. Там в дровянике нашли десять

кулей зерна! Свезете их на Петрухинские склады да не забудьте взять расписку!

Двое мужчин сорвались с места и рысцой побежали вниз по лестнице, оставив уже знакомых Колесову Кутько и паренька в буденовке на лавке. Серафим за короткое время пребывания в здании комитета уже приметил, что люди тут пешком почти не ходят: все бегут куда-то, кричат, хохочут, сапогами топчут, как лошади. Тяжело деревенским мужикам к такому шуму да гаму привыкнуть...

– Здорово, Богдан Иваныч! – сказал Серафим, занимая освободившееся место рядом с Кутько.

– О-о! Советская власть из Урского!..

Колесов, не заметив, что большой палец уполномоченного перевязан несвежей тряпкой, крепко пожал ему руку, заставив того вскрикнуть.

– Куда ты жмешь?! Видишь, я с раной!..

– Ой, извиняй, Богдан Иваныч, не приметил! Кто тебя так?

– Да укусил один змееныш, когда хлеб забирала из амбара... Третий день болит... Жаден народ, ой, как жаден! Зубами держится за свое!

– Так кровное-то всегда жалко... – робко заметил Семка Скопцов.

– Вот, и это называется сознательный боец революции! Нет, Колесов, мало ты работаешь со своими людьми! И почему так поздно? Я же говорил – через месяц...

– Делов всяких много было... – уклончиво ответил Колесов. Не хотелось ему говорить, что мужики отказали ему в лошадях, чтобы ехать в Кольчугино, даже Гвоздев-старший и тот не дал своему сыну, а у Семена Скопцова лошадь вдруг охромела – не пешком же идти за десятки верст?! Опять же, слякотная была осень – лошадей жалели! Так и сказали: управимся со всеми делами, на святочной неделе и дадим лошадей, там делов немного будет...

– А как тогда вы хлебушек-то забрали на мельнице?

– Как-как... Мельника с пацаном связали да в погреб... План выполнили... А что там слышно было?

– Да все путем, Богдан Иваныч, на бандитов все списали...

– Ну и ладно! Никого не убили, да и не себе же, в конце концов! Мужик-то он себе еще пасодит да вырастит, а тут тяжело с хлебом... А мы буденовку-то сховали, морды свои пылью подсрамили и вперед! Ха-ха-ха!..

– Ну, бог вам судья, а мужики-то потом дежурство установили на мельнице, круглый день да с оружием...

– Ладно, мы уж туда больше не ездили... Нас в одно место другой раз не посылают: говорят, чтобы морды не приелись мужикам, а то ведь их и набить могут... Так? Нет?

– А зараз! – твердо сказал Серафим. – И к нам бы тебе тоже пока не ездить, запомнили мужички твою обличность с того раза, обидишь их, как требовать хлеб станешь, а через тебя эта обида и на меня падет! А мне это надо? И вот что, Богдан Иванович, мои помощники тут насоветовали: отряд посылать в святочную неделю, до Рождества...

– А что так?

– А тогда мужик разговляется, отдыхает, самогон гонит. А у пьяного душа всегда нараспашку... Приходи и бери, туды ее в душу! – И Колесов громко рассмеялся тому, как ловко он увязал одну «душу» с другой.

– Так что ли, хлопцы? – не скрывая усмешки, обратился к Семену и Илье Кутько.

– Точно так, – поспешил с ответом Гвоздев. – Сейчас самое время...

– М-да... – Кутько пытливо поглядывал на молодых сельских активистов. – И не жалко вам своих землячков?

– А чо их жалеть, если они погреба под крышку набивают, чай, не обеднеют, да и вы не все же отберете? – под пристальным взглядом Скопцова Илья стушевался и замолчал.

– А ну, если и вас под одну г-ребенку со всеми, как оно? – похоже, Богдан Иванович уже куражился над своими помощниками, провоцируя их крайне неудобными вопросами.

– А мы мало содим, мало собираем, и с нас много не возьмешь... – подал голос Семен Скопцов.

Кутько в его тоне послышался плохо скрытый вызов, и он, развернувшись к нему всем телом, уставился в упор.

– А что так? Лень одолела?

– Семья малая да едим скромно – чай не буржуи какие!..

– Молодец, парень! Семен, что ли?

– Семен...

– Ну давай, Семен, и дальше в таком духе!..

– Богдан Иванович, а сельским активистам разве послабка не положена? – осторожно спросил Колесов.

– П-послабка? Так ведь с-справки-то вы будете с-составлять д-да под-тверждать... Неужто

себя обидите? Но только, чур, на людях не куражиться и языком не трепать! Советская власть не п-потерпит такого!

– Понятно, Богдан Иванович, учтем вашу, так сказать, революционную критику, а все же самому тебе лучше не появляться у нас в селе – запомнили тебя люди... Не огорчай их своей требовательностью...

– Ладно, отговорюсь, другого пошлют, а вы подмечайте там, кто и чем дышит, сколько собирает урожая, куда прячет... Советской власти это завсегда интересно будет! Все на заметочку берите, а как приедет ЧеКа, продотряд или какая другая комиссия, то вы их старшего в сторонку отведите, при народе-то не надо балабонить м-много... Это на м-митингах надо г-говорить м-много и г-громко, а в таких делах – надо все делать тихо да быстро... Сейчас я вас отведу к одному человеку – он вам все по полочкам разложит... А вот про злобу людскую против разверстки ты, Серафим, правильно заметил: хватает ее у мужичков! У нас уже шесть отрядников прибили...

– Мужики, что ли?

– А то бабы, что ли?

– Да я к тому, что бандиты, может?

– Может, и бандиты... Сволочи, одним словом!

Дверь, около которой они сидели, снова открылась и пожилой мужчина выкрикнул:

– Кутько, Зайцев, получите предписание и...

– Иван Степанович, – перебил его Кутько, – я провожу сельских делегатов к Карманову, а потом мы зайдем к вам... Издаля мужики добирались...

– Ну ладно, Богдан, одна культя здесь, другая – там!

– Да, Богдан Иванович, я же тебя с дружками толком-то не познакомил... – Серафим ухватил уполномоченного за рукав.

– Да на кой они мне... Вон этого, рыжего, лучше в п-писаря поставить – морда шибко хитрая... Будет председателем сельсовета – из-за него мужики всю советскую власть проклянут!.. Он хоть г-грамотный?

– А то! У него батя всю жизнь в сельских писарях ходил...

– Вот, вишь, глаз – алмаз у меня! Враз угадал! Я и контру за версту чую! Батя-то при царе все писарил, а сын вот при Советах писарить будет! Ну, а этого можно и на сельсовет поставить... я подскажу Карманову...

— А мне-то какую власть дашь? Я что, коровам хвосты крутить буду? — взвился Колесов и зашептал прямо в ухо уполномоченному, чтобы его не слышали Семен и Илья.

— Ох, к-как тебя задело! Командовать любишь? Успокойся, из тебя партийную власть делать будем, п-партийного секретаря! Запомни: партия у нас всему голова!..

— Так я же не член партии? — испугался Колесов, — как же я...

— Было бы желание начальства и твое, а там... Сейчас напишешь 3-заявление в партию, и вы тоже... Я рекомендацию вам дам, еще найдем кого-нибудь, — ячейку будем создавать в селе... А через пару недель приедете с отчетом о работе и получите билеты... Оружие есть?

— Винтовки дома...

— Ну, с винтовками вы гулять не будете по селу — не то в-время...

— Гранаты есть...

— Тоже не то... Р-раз грохнешь — и все... Да и не будете же вы их в руках носить, как яблоко, вот они мы какие! Тут наган нужен: висит он себе на боку, кому надо — страху нагонит и мозга прочистит... Просите у Карманова наганы сразу же, с-сегодня... Скажите, обстановка сложная...

— Хм, а где же твой маузер-то? И кожаная нет?

— Да-а... их нам дают на выезд... для солидности... Пока не хватает на всех, но обещают... Я же говорил, что шестерых уже наших угробили — как же тут без нагана... Ну ладно, пошли, а то Степаныч заждался...

...Домой они возвращались уже потемну. И всю дорогу разбирали по косточкам наказы товарища Карманова: с чего начинать советскую власть в селе... Столько наслушались за день, что все три головы кругом пошли, но уже под скрип колес мало-помалу новые сельские начальники определили для себя главное и перво-степенное: регулярно проводить собрания и митинги по разным значительным событиям, о которых им будут сообщать заранее, выявлять мироедов и всякую контру недобитую, своевременно сообщать о них в уездный комитет и ЧК, молодежь подготовить к вступлению в комсомол, субботники проводить и следить, чтобы никто не отлынивал от работы, а перво-наперво определиться, где устроить сельсовет, комнату для партийного секретаря, избу-читальню... Жаль вот, с оружием осечка случилась — не хватает пока на всех наганов да маузеров, но со

временем товарищ Карманов обещал всех вооружить, как того требуют условия жесткой классовой борьбы...

Уже в дороге под скрип колес телеги новоявленные начальники твердо решили харламовский дом забрать под сельсовет — первый этаж, а магазин ужать до предела — все равно тех богатств, что были при купце, сейчас нет, негде взять! Хорошо бы его совсем закрыть, да село не оставишь без лавки — народ обидится, да и Карманов отговорил: мол, потребкооперация скоро развернет торговлю, и магазин тот еще сгодится... На втором этаже Серафим облюбовал себе служебную комнату как главному партийцу на селе, а также комнатку под жилье... Комнатку для проезжих гостей надо выделить: негоже, чтобы товарищи Карманов или Кутько, если приедут с проверкой, вставали на постой к кому-то из селян. Места много в купеческом доме — и для гостей место найдется, и под архив... А главными хозяевами здесь будет он, Серафим Колесов, да Семка с Ильей... Кочергину-то хвост прижать не трудно — власть все-таки!.. Ничего не сказал в этот вечер Колесов своим соратникам, а для себя уже решил, что выгонит из избушки вдову Филиппа Жукова, бывшего харламовского дворника: хватит, пожила свое, пусть теперь едет к дочке в Дмитриевку. У нее там, говорят, дом крестовый, хозяйство большое — мать-старушку прокормит, а он туда поселит Моку. Одному ему места там хватит, да и всегда рядом будет... Время очень беспокойное, и такой баши-бузук всегда под рукой должен быть...

Только завели разговор про дом Федосеева, как Илья, опережая всех, заговорил страстно, с напором:

— Нам надобно переехать туда... Батя с маткой старые уже, у меня семья, детки... Мой батя-то столько для земляков сделал хорошего, все же власть был... А на первом этаже откроем избу-читальню...

Слушал Серафим горячую речь Гвоздева, мысленно уже представляя себя хозяином огромного купеческого дома, и машинально кивал головой в такт его словам, а Семен, приняв это за одобрение, не посмел перечить. Что ни говори, а отец Ильи и в самом деле все время на виду был: то писарь, то староста села... Это тебе не батя Тимофей Иванович, инвалид, травленный немецкими газами, хотя и георгиевский кавалер, а все же не начальник... Или, скажем, дед Иван Скопцов — «два Ивана — два болвана»...

Нет, у русского мужика язык хлесткий: припечтает один раз – всю жизнь не отмоешься... А потом уже и сам он стал искать оправдание своему решению: дом у нас большой, матери, сестре да ему, холостяку, в нем просторно, тем более что сестру уже просватал парень из села Пестери... Отойдет она на сторону, так им с матерью вовсе вольно будет в избе, тем более, что батя, царствие ему небесное, успел-таки пристроить флигелек... Опять же, никто здесь не мешает, а то в сельсовете собрания разные будут проводить партийцы, заседания, опять же, Колесов там жить собирается – хорош сосед! Да и земляки не будут так коситься, что позарился Семка на чужое... Гвоздевым-то всегда было плевать, кто и что подумает: им, хоть что в глаза – все божья роса! А Сима Колесов вообще чужак! Как знать, может, так же и сбежит внезапно, как и появился... Но тут же память поправила ход его мыслей: это ведь они с Ильей сами и зазвали его к себе в село из мятежного Санкт-Петербурга в 17-м году. Сами виноваты, и потому сейчас терпеть приходится...

ГЛАВА 2

Решение, принятое Томским губчека о размещении в центре Кольчугинской волости 4-го сводного отряда, на какое-то время возымело действие: в окрестных деревнях и селах жизнь стала спокойнее, все реже заявляли о себе разбойничьи шайки, а центр бандитской активности постепенно сместился на северо-восток губернии, в Мариинский уезд. Едва выследили банду Лубкова, а самого его сонного расстрелял посланный в отряд чекист, как здесь же появились новые бандитские группы, которые теперь состояли преимущественно из числа бывших красных партизан. А причин появления «красных бандитов» было немало...

...Ушла война на Восток вслед за отступающими остатками колчаковских войск, но напряженность в Сибири оставалась. Мало того, что многие из партизан, привыкшие за последние полтора-два года только воевать, не смогли сразу войти в мирную жизнь, злую шутку с ними сыграло их непонимание политической ситуации. Советская власть, стремясь скорее разрядить внутреннюю обстановку в стране, каждый год объявляла амнистию тем, кто выступал против Советов, и прежде всего тем, кто был насильно мобилизован в Добровольческую Сибирскую армию, что вызывало негодование у бывших крас-

ных партизан. Надышавшись партизанской вольницей, многие из них готовы были и дальше вести борьбу по уничтожению прощенных Советской властью врагов. «Власть простила, да мы не простим!» – рассуждали они и, сбившись в ватаги и отряды, с новой силой принимались бить своих вчерашних врагов.

...Только два месяца Совет народных комиссаров РСФСР отводил красному террору, с 5 сентября по 6 ноября 1918 года, но вчерашние красные партизаны, не утолив жажду крови, продолжали вершить самосуд, и жертвами их становились как бывшие купцы, священники, кулаки, так и простые крестьяне. К политическим мотивам сплошь и рядом примешивались меркантильные вопросы: имущество казненных переходило в руки красных бандитов. В Мариинске главным красным бандитом стала милиция во главе с ее начальником Калиняком и полномочным представителем Томской ГубЧК Зыбко. На их совести были десятки расстрелянных и ограбленных людей. После ареста банды милиционеров в Мариинске в срочном порядке были набраны новые кадры из числа надежных и проверенных большевиков, а некоторые соседние губернии для организации оперативно-розыскной работы в регионе делегировали в служебную командировку своих лучших оперативных работников. Одним из таких сотрудников был Фриц Дитрихович Войтман...

Этот субботний августовский день для помощника начальника Мариинского УЧК Войтмана Фрица Дитриховича начался задолго до рассвета. В его холостяцкую комнатку, которую он снимал неподалеку от места работы, постучал помощник дежурного уездной милиции Быков. Ему только недавно исполнилось двадцать лет, и в органы милиции он был направлен по путевке комсомола. Невысокого роста, худощавый, от природы застенчив, и потому, когда волновался, начинал заикаться. Но Войтману нравился этот парень: старательный, усидчивый, четко формулировал свои вопросы и всегда делал правильные выводы из того, что слышал и видел. Одно плохо: заика! Но тут же успокоил себя: ведь не всегда заикается, а когда сильно волнуется... Авось пройдет со временем!.. «Надо бы его в угро перевести, – решил для себя Фриц. – Вот вернется начальник из Томска – поговорю»...

На легкий стук в дверь Фриц откликнулся быстро:

– Кто там?

А рука между тем уже сжимала холодную сталь револьвера, покоившегося на табуретке у изголовья. Годы работы в ЧК заставили его поверить словам старых подпольщиков: от того, как быстро проснешься, порой зависит, придется ли тебе еще когда-нибудь спать. Сжимая в руке наган и ступая босыми ногами по холодному полу, он подошел к двери и встал сбоку от нее.

– Кто там? – повторил он вопрос, и тут же услышал ломающийся голос Виктора Быкова.

– Товарищ Войтман, у нас ЧП: на Базарной площади была драка... Пять человек доставлены в отделение...

– Послушай, Быков, – недовольным голосом проговорил хозяин комнаты, открывая дверь. – У нас каждый день кто-то кому-то бьет морды, что же теперь каждый раз будить начальство среди ночи. Сколько сейчас?

– Н-не знаю, Фриц Д-дитрихович... Ч-часов у меня нет, но было около пяти часов, когда из дежурки уходил...

– Эх ты, Витя! Еще целый час я мог бы спать...

– Т-товарищ начальник...

– Стоп, Виктор, отставить заикаться! Ничего страшного не случилось, говори спокойно! Вот будешь бандита допрашивать и начнешь заикаться, а он подумает, что ты его боишься. А это значит, что первый ход ты уже проиграл...

Фриц понял, что сон его нарушен окончательно, и потому не преминул использовать воспитательный момент в отношении молодого сотрудника. И тем более странно это выглядело: в свете утренней зари, осторожно заглядывающей в окно комнаты, один человек, облаченный в белое исподнее белье, но с наганом в руке, поучал другого, силуэт которого едва угадывался в темном коридоре. Сам хозяин комнаты был не намного старше ночного визитера и был так же худощав и невысок ростом.

– Ну, что молчишь?

– Слушаю вас, товарищ начальник...

– Во-первых, начальник наш в Томске... И потом, ты пришел меня слушать или доложить о происшествии?

– Так точно, доложить...

– Так докладывай!.. А что, дежурный не мог сам разобраться с пьяными? Обязательно надо меня поднимать?!

В его голосе все еще звучали нотки недовольства, и потому молодой милиционер стал снова заикаться:

– Т-товарищ Войтман, эти пьяные были задержаны с винтовкой, и... од-дин из них – милиционер первого участка Кузнецов...

– Ну спасибо тебе, Быков! Вот теперь ты меня окончательно разбудил!.. Покури пока, я сейчас оденусь да вместе пойдем в отделение...

Уже прибыв на место, Дитрих понял, что поторопился: винтовка была обычная, мосинская, без патронов, а все участники драки еще не проспались, и допрашивать было некого, разве что тех милиционеров, что их задержали. Приказав им написать рапорта о случившемся, он заварил чаю покрепче, зажег керосиновую лампу и взялся за документы, солидной кучкой лежавшие на его столе...

Ближе к десяти он уже хотел распорядиться, чтобы к нему доставили задержанного накануне милиционера, как в комнату вошел дежурный по отделению Селянин и доложил, что на прием к начальнику просится некто Кротов по важному делу.

– А ты сам не можешь его опросить, взять заявление?

– Могу, но... он хочет видеть начальника... Вы же помощник начальника...

– Ладно уж, только пришли ко мне Быкова, если он еще не сменился... Пусть сядет без всяких вопросов вон на ту табуретку в угол и послушает, о чем здесь речь пойдет... Да, и впусти этого Кротова... Надеюсь, он без винтовки придет в кабинет?

Всего двадцать шесть лет исполнилось помощнику начальника Мариинского политбюро Томской ГубЧК. Латыш с немецкими корнями, Фриц Дитрихович прожил их так, как и многие его сверстники, родившиеся на стыке веков. Небогатое детство в семье родителей в Курляндской губернии, два класса обучения в волостном училище, работа с пятнадцати лет, служба в армии и знакомство с революционерами из латышской секции РКП(б). А потом была служба в разных городах Сибири в ЧК. Десять лет своей жизни он посвятил революционной борьбе, сколько интересных и умных людей он узнал, сколько разных судеб раскрылось для него, и потому в душе он считал себя много старше своих лет, старше тех сверстников, кто не прошел той школы революционной борьбы, что выпала ему. И сознание

этого позволяло ему почти по-отечески опекать и учить своих товарищей и подчиненных основам оперативной работы. Вот и сейчас он вызвал к себе в кабинет молодого милиционера Быкова для того, чтобы тот слушал и учился, как допрашивать тех, кто так или иначе причастен к совершению преступления. Любому следователю и оперативному работнику такие знания необходимы для успешной работы.

В дверь тихонько постучали и вкрадчивый голос поинтересовался:

– К вам можно, гражданин начальник?

Не успел он ответить, а на пороге уже стоял невысокого роста, крепко сбитый человек лет тридцати с лунообразным лицом и широкими скулами.

– Мое фамилие Кротов Иона... Я бывший партизан отряда имени Степана Разина, из конной разведки я... У меня к вам важное дело.

И он положил на стол серый лист бумаги, испещренный неровными строчками текста. Войтман, кивнув посетителю, чтобы он присел на табуретку у двери, взял листок и принялся читать. Почти неслышно дверь открылась, впуская Быкова. Боковым зрением Фриц проследил, как тот сел на табурет в углу комнаты и застыл в ожидании. Содержание заявления Котова немало удивило Фрица, и потому он прочитал его дважды...

«Сводка за 27.08.1921 г. Мною вчера расследовано дело по улице Никольской, 65, гор. Мариинска у Иннокентия Маркова. У него дома есть аппарат для гонки самогонки. А у его брата, служащего милиции, я купил винтовку за 10 тыс. рублей, и он, Петр Кузнецов, сообщил мне, что у него в Никольском сорганизовано 25 молодцов против коммунистов, и он просил меня познакомиться их с нашей организацией. Он обещался выдвинуть весь первый участок милиции в руки нашей организации. К сему. Секретный агент конной разведки отряда имени Степана Разина Иона Кротов».

Какое-то время Войтман молча изучал своего посетителя, пошелев листком со «Сводкой» и, наконец, спросил его:

– А где же ваш отряд имени Степана Разина? Вы что же, всем составом к нам в Мариинск приехали?... И, кстати, откуда вы приехали?

– Вас понял, товарищ начальник... Отряда нашего, наверное, уже нет... В двадцатом меня ранило, и меня списали на гражданку, вот... Война-то кончилась, потому, наверное, всех партизан распустили по домам... Я так думаю...

– Ну а что же вы тогда пишете про какой-то отряд, про конную разведку?

– Для солидности, только ради этого, чтобы вы не подумали, что я с улицы пришел к вам с этим важным делом...

– Так откуда же вы все-таки пришли или приехали? Раньше я вас в городе не видел...

– Нетутошний я, это вы верно заметили... Из Тайги мы с другом...

– У вас еще и друг имеется?..

– А то как же – Лева Горький. Тоже бывший партизан... Его ваши работники по ошибке забрали сегодня ночью... Не сдержался Лева, классовым врагам морды набил, а его сразу в каталажку! Я вам ценные сведения и врагов революции прямо тепленькими сдаю, а вы мне Леву возверните, заслуженного красного партизана, понимаете ли...

– Партизана заслуженного? Ну, и что же вы у себя в Тайге не партизаните, а на наш город набег сделали? – Войтмана уже стал раздражать этот самоуверенный мужичок из Тайги. – Или вы у себя уже всех врагов революции переловили, а теперь за наших взялись, так, что ли?

– Наверде этого, товарищ начальник, да и нас там все знают – работать невозможно... Я ведь состою при... – тут он сделал многозначительную паузу и с опаской оглянулся на сидевшего в углу Быкова.

– Это наш сотрудник, не бойтесь, – успокоил гостя начальник.

– Ага, понял... Так вот, я состою в Тайге при ЧК по осведомлению, так сказать...

– Так-так, понятно... – уже заинтересованно проговорил Войтман, – а теперь обо всем подробнее...

Через полчаса Фрицу была ясна вся картина случившегося вчерашним днем и ночью. Отпустив «разведчика», но строго обязав его никуда из Мариинска не выезжать без разрешения, он велел доставить на допрос всех участников драки. Уяснив для себя, что трое мариинцев, с которыми подрались Горький и Кузнецов, есть «жертвы пьяного случая», Войтман вынес им наказание в виде трудового взыскания – уборки общественного туалета на Базарной площади, а участкового милиционера обязал проследить за их работой. Потом, перекурив, допросил Горького и Кузнецова. Картина прояснилась, но вопросы оставались... То, что сделал «конный разведчик» Кротов, широко использовалось чекистами с первых дней после революции – «активная

провокация в отношении социально подозрительных лиц» – и по ее результатам, как правило, применялись самые жесткие меры, вплоть до расстрела в военное время. Но сейчас время мирное, хотя контра нет-нет да и поднимает голову то в одной волости, то в другой. Казалось бы, все есть для ареста и наказания виновного, но уж больно странный получался «контрик Кузнецов»: здоровенный, сильный, русоволосый с наивными глазами ребенка. Именно таким он представлял героя русских сказок, которые в детстве он слышал от своей бабушки Эльзы, – Ивана-дурака... Воистину дурак этот Кузнецов, и влип по-дурацки. Сейчас время хоть и не военное, но запросто можно в концлагерь попасть лет на пять, а то и под расстрел. Не был Фриц Дитрихович сентиментальным человеком, видно, не дано это чувство хладнокровным и прагматичным прибалтам, а все же жалко стало этого несуразного человека. Его размышления были нарушены крепким храпом, доносившимся из угла. Это был Витя Быков, о котором он совсем забыл, а тот, видимо, постеснялся напомнить о себе, но бессонная ночь на дежурстве сделала свое дело. Он сидел на табурете в углу и, откинувшись к стене, спал, громко похрапывая. Фриц невольно рассмеялся: в таком щуплом теле и такой мощный храп – чудно! Он подошел к пареньку и слегка потрепал по плечу:

– Виктор Иванович, проснись...

Быков поспешно вскочил и забормотал что-то в оправдание:

– Простите, товарищ начальник... случайно... я больше не буду...

Войтман рассмеялся еще громче:

– Вот видишь, Виктор Иванович, и даже не заикаешься, значит, можешь говорить нормально? То-то же... Это ты не сердись на меня... Ты же ночь не спал, а я тебя на допрос...

– Я слушал, Фриц Дитрихович, я все понял...

– Ах, ты все понял? Тогда садись и докладывай...

Они сели за огромный двухтумбовый стол, который занимал едва ли не половину кабинета, Войтман – на свое место, а Быков – на табурет, на котором только что сидел «секретный агент конной разведки».

– Ну-с, какой же приговор ты вынесешь нашему контрику?

– Да мне кажется, что он совсем не контрик, а... дурачок. Выпил лишку и... Они ведь выпили две четверти самогона, а то и больше...

– А откуда ты знаешь? Ты же спал?

– Не-ет, Фриц Дитрихович, когда вы допрашивали, я еще не спал, а слушал. Это уж потом, когда вы стали думать, я нечаянно уснул...

– Вот как, тогда ладно... А запомнил, как задавать вопросы, в какой последовательности?

– Так точно. Если разрешите, я еще посидел бы там в углу и послушал...

– Ладно, сегодня ты уже две смены отработал, иди домой и отсыпайся, но прежде возьми винтовку этого контрика и сдай ее в нашу оружейку, и пусть Пахомыч напишет мне справку, какой номер у винтовки, где она числится, да пусть справку потом сразу же мне занесет. Знаешь, зачем этот документ?

– А то! Вы же осматривали ее, записали номер, а Пахомыч, значит, должен затвердить, что это его оружие, Кузнецова...

– Все, ступай, и пришли ко мне этого разведчика!

Подробно опросив еще раз Кротова и Горького, Войтман порекомендовал им больше не делать подобные рейды в Мариинске, ежели они не хотят сидеть в концентрационном лагере до окончания мировой революции...

– Это же, граждане, называется провокацией, а провокаторов мы на своей территории не потерпим... Идите да не болтайте попусту!

Выпроводив Горького в коридор, Кротова он придержал в дверях:

– То, что у тебя есть желание и энергия защищать советскую власть – похвально! Ты на телеграфе работаешь, люди разные там бывают, информации всякой море: слушай, запомнай, своим чекистам докладывай, ну а если я или от меня кто-то будет в Тайге и к тебе заглянем, так уж ты и с нами поделись своими наблюдениями... по старой дружбе, идет? За драку-то я твоего дружка мог тоже наказать, так? Нет?

– Я понял вас, товарищ начальник! Мне все ясно, разрешите идти?

– Иди, иди... – в задумчивости произнес чекист, наблюдая, как за ретивым «конным разведчиком» закрылась дверь. – Тебе хорошо, тебе все ясно, а мне еще предстоит решить, что же делать с этим милиционером-пьяницей...

К делу Кузнецова Войтман смог вернуться только после обеда: сначала он вел прием посетителей, которые жаловались на действия участкового милиционера в селе Ольховка, по-

том выезжал в соседнее село, где ночью сгорела изба-читальня.... Тревожное время. Обстановка в Сибири на три месяца признана неблагополучной по бандитизму. Около двадцати разных банд ликвидировали милиция, ЧК с помощью «групп секретной разведки» и войсковых частей в минувшем и текущем году. Если верить оперативной сводке ГубЧК по Сибири, за это время уже расстреляно более пятисот бандитов, полторы сотни направлены в концлагеря, более шестисот сосланы на Север. Гражданская война закончилась, давно отменен «красный террор», и даже расстрелы на какое-то время были под запретом, но, видно, рано понадеялась власть, что враг сломлен, потому как в верховьях Томи и на Алтае вновь зашевелились «красные бандиты» Новоселова, Соловьева, Алферова, Уткина, Родионова. Эти грабили и убивали всех подряд: священников, купцов, зажиточных крестьян, продотрядовцев, комсомольцев, прощенных властью бывших колчаковцев, сельских коммунистов. Они далеко были от Мариинска, но общая оперативная обстановка в крае оставалась крайне напряженной, а значит, не было покоя чекистам и народной милиции...

– И обстановка горячая, и погода, словно сбесилась: весь день жара стоит невероятная, – размышлял Войтман, вытирая пот со лба и отхлебывая остывший чай из алюминиевой кружки, после чего приказал доставить к нему на допрос в кабинет задержанного милиционера Кузнецова...

...Солнце перевалило свою верхнюю точку на небосклоне и теперь медленно клонилось к западу, жара, наконец, пошла на спад. Одноэтажное деревянное здание, где располагались уездная ЧК и отдел милиции Мариинского уисполкома, было предусмотрительно отгорожено от улицы высоким деревянным забором, а на ночь дежурный милиционер закрывал на ворота замок. События последних лет в Мариинском уезде лишний раз подтвердили необходимость соблюдения безопасности как со стороны простых граждан, так и со стороны работников милиции. «Красный бандитизм» – именно так были квалифицированы трибуналом действия бывшего начальника Мариинской милиции Калиняка и его подручных. Долго они терроризировали население уезда. Мало того, узнав, что в Мариинский уезд едет новый заведующий политбюро Осокин, эти «красные бандиты» готовились расправиться с ним, дабы замести следы своих пре-

ступлений. Не случилось, и слава богу. Фриц Войтман был атеистом, как и положено сознательному члену РКП(б), а все же, про себя, он иногда произносил эти слова – «слава Богу». Много лет проживший в России, Фриц уже давно отметил странности характера русских людей: одинаково часто поминать в разговоре и черта, и бога. Пойди и пойми после этого, чего же у них больше в душе, от бога или от черта...

Войтман знал всю предысторию бывшего начмла Калиняка. Знал, что ситуация в уезде после ареста и расстрела «красных бандитов» по приговору Томского губернского ревтрибунала стабилизировалась, заметно снизилась преступность, а продналог по уезду выполнен на сто процентов, и вдруг этот новый эпизод с «красным бандитом» Кузнецовым и этими двадцатью пятью милиционерами с первого участка! Что это, глупость или рецидив старой болезни? Какое принять решение?

За окном послышались какие-то сторонние голоса, и во двор въехали три телеги, одвуконь. Пятеро мужчин, одетые в рабочие одежды, были чем-то взволнованы, а шестой недвижно лежал на средней подводе. Они о чем-то переговаривались меж собой, но даже через раскрытые настежь окна Фриц не мог разобрать их слов. Он хотел было окликнуть дежурного, чтобы выяснить цель появления подвод на дворе милиции, но, увидев, что тот уже подбежал к незнакомцам, промолчал, а уже в следующее мгновение младший милиционер ввел в его кабинет задержанного Кузнецова. После утренней беседы он сильно изменился: лицо опухло, глаза красные, а руки дрожали. По всему было видно, что он сильно перепуган. Наверное, вспомнил судьбу бывшего начальника милиции...

– Ну, что, Кузнецов, назовете мне фамилии тех милиционеров первого участка, которые готовы поддержать контрреволюционные выступления в уезде?

– Не знаю!.. Вот вам крест и честное слово – не знаю!..

Он говорил громко, с большим нервным надрывом, а по щекам его текли обильные слезы.

– Вы что, не знаете фамилии милиционеров своего участка?

– Знаю, знаю, но... никто из них не хотел... это я по пьянке... Видит бог, без ума был...

Все нужные вопросы этому милиционеру-недотепе Войтман уже задал на утреннем допросе, ответы записал в протоколе, но все же он надеял-

ся услышать еще что-то, что могло бы окончательно убедить его в виновности или невинности задержанного и его товарищей по службе. Он понимал, что в той обстановке, что сложилась в Сибири летом двадцать первого года, надеяться на снисхождение трибунала Кузнецову нельзя, и потому многое теперь будет зависеть от того, какое заключение по делу сделает он, Фриц Войтман. Опять же, если он сейчас отпустит его под честное слово, а тот сотворит диверсию или теракт, то кто потом оправдает самого Войтмана перед Ревтрибуналом за допущенную служебную халатность и политическую близорукость?

...В коридоре послышались тяжелая поступь нескольких человек и сдержанный говор. Дверь приоткрылась, и заглянул милиционер дежурной части:

- Товарищ Войтман, можно?
- Я занят!
- Тут к вам...
- Я занят!

Никогда Фриц не срывался на подчиненных, но в этот момент он не мог себя сдержать. Видимо, вопрос, мучивший его с самого утра, довел его до высшей точки нервного напряжения. Видя, что милиционер все еще топчется в дверном проеме, он крикнул на него:

- Выйдите вон, и без вызова не заходите!

Милиционер исчез за закрытой дверью, но через мгновение она вновь распахнулась, и в кабинет решительно вошел человек средних лет. Лицо его было туго обтянуто кожей, темной от загара и пыли, а у глаз и у уголков рта пролегли морщины, придававшие лицу какое-то выражение скорби и печали.

- Я занят!

– У меня к вам срочное дело... Прошу выслушать, но сначала отпустите этого человека...

– Что?! – Войтман вскочил из-за стола и решительно двинулся навстречу незнакомцу. – По какому праву вы тут командуете? Кто вы такой?

– Я вам представляюсь, но сначала уберите отсюда этого человека!

– Кто вы такой, черт побери?! – Войтман весь кипел. Если обычно в разговоре его прибалтийский акцент был почти незаметен, то сейчас он его выдавал с головой.

- Я – Кузнецов...

– Что-о?! Вы пришли спасать своего родственника, предателя и бандита?! – в руках чекиста оказался револьвер. – А ну, к стене вместе с этой контрой!

Пожилой человек застыл в двух шагах от Войтмана. Ему прямо в грудь смотрело дуло нагана, но лицо незнакомца оставалось спокойным, и только желваки выдавали его волнение. Они стояли у раскрытого настежь окна и люди, сидевшие на подводах, могли видеть, что происходило в кабинете. Один из них, усатый мужчина в тельняшке, легко спрыгнул с подводы и, сделав несколько шагов, что-то метнул в окно, сопровождая его криком:

- Ложись! Граната!

Сидевший перед столом милиционер Кузнецов рухнул на пол.

Войтман резко дернул головой в сторону окна, но в это время Федор ударом ноги выбил у него наган и успел поймать его на лету. В мгновение ока ситуация в кабинете в корне изменилась, и теперь чекист находился под прицелом незнакомца.

– Вы... вы с ума сошли! – сквозь зубы произнес Войтман. – Я вас сейчас арестую! Сажин!

Дверь распахнулась, но, увидев направленный на него наган, милиционер, не дожидаясь команды, вскинул руки вверх и встал у стены.

– Прошу всех сохранять спокойствие и не делать резких движений, иначе я стреляю без предупреждения! Сейчас вы, Сажин, так вас называл товарищ Войтман, отконвоируете задержанного в камеру, потому как сегодня вашему начальнику с ним заниматься будет некогда, потом спокойно остановитесь около подводы, напротив окна, дабы убедиться, что с вашим начальником ничего не случилось... Не вздумайте поднимать тревогу, иначе граната действительно прилетит и сюда, и в дежурку. Вам ясно?

Милиционер молча смотрел на начальника, ожидая его команды.

- Выполняйте... – коротко бросил Войтман.

Когда дверь за конвоиром и задержанным закрылась, Федор вынул из нагрудного кармана рубахи мандат Томской ГубЧК и предъявил его хозяину кабинета. Тот внимательно прочитал документ, осторожно положил его на стол, затем сел на свое место и охватил голову руками.

– О, майн гот! – негромко произнес он, но тут же вскинулся, вскочил со стула. – Извините меня...

– Я ничего не слышал, успокойтесь... Был тяжелый день?

– Да, и он начался для меня в пятом часу... Измена среди милиционеров, оружие, поджог избы-читальни...

– Я знаю, какая оперативная обстановка у вас, я понимаю вас... Извините, Фриц Дитрихович, но мою наглость я могу объяснить только тем, что у нас раненый истекает кровью, он на второй подводе, срочно нужен лекарь...

– Да-да, конечно, – Войтан подошел к окну и, увидев Сажина, который уже успел доставить арестованного в камеру и теперь, как и было ему велено, находился у подвод во дворе милиции, приказал ему:

– Алексей, найди лошадь и гони за доктором Эгле... Скажите, я прошу его срочно приехать сюда, к раненому...

– Артем, бери первую подводу и быстро за доктором... вот Алексей Сажин тебя будет сопровождать... – эту команду отдал уже Федор Кузнецов человеку в тельняшке.

– Я получил телеграмму из Томска, что здесь будет работать группа чекистов, но я думал, операция закончилась... ведь банду Лубкова уже разгромили...

– Так-то так, да не совсем так, Фриц Дитрихович. Убили атамана, а банда рассеялась по тайге... Их ищут секретные группы, а нам передали приказ отследить двух связных, что идут из Китая... По всему видно, господа офицеры из РОВС и шли они в банду Лубкова, да припозднились... Теперь они знают о его судьбе, но у них должен быть запасной вариант, и потому нам важно их отследить и обезвредить... Непокорно на Транссибе, на участке Тайга – Анжерка диверсия за диверсией, а диверсантов поймать не можем, ведь так?

– Точно так, товарищ Кузнецов! Никак не можем выйти на их след...

– И я о том же... Не мог же я при постороннем раскрывать себя... мы же простые плотники, ездим по деревням, рубим бани, срубы домов и прочее...

– Ваша группа называется...

– Группа секретной разведки Томской Губчека, а для всех мы – плотницкая артель...

– Вас всего шесть человек? Так мало?

– Да, нас мало, но каждый стоит троих, а то и пятерых. Сам выбирал из ЧОНа, проверены не единожды – орлы! Почему мало?... Крупные банды уничтожены, потому и ЧОНЫ распустили... Ведем разведку, а в случае обнаружения очага контрреволюции имею полномочия привлекать к операции любые воинские части на территории Томской губернии. В прошлом году в соседнем

уезде по нашей наводке были уничтожены «красные банды»... Карпенко и Замятина...

– Я слышал об этом...

– У вас в Сосновке нынче пожар был? Избачитальня сгорела... И два тайгинца у вас болтаются второй день, так? Нет?..

– Да, я лично выезжал. Там мои работники работают... Вы хорошо информированы, товарищ Кузнецов...

– Тем и живем, товарищ Войтман...

Молодой латыш с восторгом смотрел на своего гостя, но, заметив на его лице усталую улыбку, встрепнулся, предложил сесть на свое место за столом и спешно вышел из кабинета, а через минуту вернулся с двумя кружками чая, ковригой хлеба и двумя кусками колотого сахара.

– Попьем пока чайку, а то я сегодня тоже без обеда... ваших ребят сейчас накормят.

Тут и Федор, наконец, позволил себе расслабиться. Он сел за стол и с облегчением вытянул ноги.

– Чай да еще с сахаром – замечательно! Третьи сутки без сна... Идем по следу этих бандитов, а путь они держат, похоже, в Тайгу... Хотели их взять, да где-то промашку дали... Почуяли они нас, стали отстреливаться и одного бойца ранили, а сами скрылись в лесу. Сейчас бы нам отдохнуть чуток, и снова в погоню... Да, а доктора-то привезли?

Убедившись, что раненого бойца отправили в больницу под присмотр доктора Эгле, Федор попросил Войзмана вернуть тайгинцев для беседы.

– Очень надеюсь, что ваш летучий конный разведчик может нам помочь... Они еще, наверное, на станции ждут поезда... Только поторопись, Фриц Дитрихович...

...Уже через час Иона Кротов и Лева Горький, изрядно похмелившиеся после вчерашней гулянки, снова сидели в коридоре Мариинской милиции в ожидании очередного допроса. И, как видно, здорово накипело на душе у бывшего конного разведчика: едва Федор задал ему первые вопросы по обстановке в Тайге и ее окрест, о подозрительных людях, как Иона разразился целым потоком признаний.

– Я, товарищ начальник, как вы уже поняли, человек шустрый, на месте не люблю сидеть... Вот, в Мариинск приехал по делам... в Анжерке был... Да, слышал, что на перегоне Тайга – Анжерская стало много аварий с эшелонами... У

меня в Тайге дружок есть, тоже из бывших партизан, Ваня Матвейчук, метельщиком работает на станции, дворником... Так вот он рассказывал мне, что на одиннадцатом околотке станции Анжерская работает путевым обходчиком странный тип генеральской наружности...

— Генеральской? А ты генералов-то живых видел, Иона?

— Я — нет, но Ванька его так обрисовал, что я сразу понял: генерал, не меньше... Весь такой из себя!.. — Изобразив на лице презрительную мину, Кротов капризно дернул плечом, — он на людей смотрит, как на вошь тифозную, опять же бородка буржуйская... Тип очень скрытный, старается все больше молчать и глядеть исподлобья... В общем, имеет довольно подозрительный и наставляющий на многие размышления вид... И еще одно — он слегка косит на левый глаз... Вот как он объявился у нас, то и пошли эти аварии на дороге...

— А сможешь указать, где он живет, этот генерал твой?

— Смогу... ей-ей...

— Вот и хорошо! В ночь не поедем... неспокойно в округе, а вот завтра спозаранку... Фриц Дитрихович, — обратился Кузнецов к хозяину кабинета, — где-то надо расположить наших гостей до утра, а завтра, с утра пораньше, мы вместе с ними поедем в Тайгу. Не возражаешь, товарищ Кротов, чтобы еще послужить делу революции?

— Со всем нашим пролетарским желанием, товарищ Кузнецов!..

— Эх, мне бы с вами поехать за теми связниками, да нельзя милицию оставить без руководства, а начальник еще в Томске... — с досадой проговорил Войтман.

— Ничего, Фриц, сами справимся... ребята у меня brave, а если что — тайгинцев подключим: их территория... У меня есть такие права... ..

ГЛАВА 3

...Будка путевого обходчика одиннадцатого околотка, куда привел свою команду Федор Кузнецов, представляла собой засыпную избушку, установленную на двухметровых столбах, и потому пол ее был вровень с железнодорожной насыпью, к которой от порога домика был проложен дощатый настил с перилами. Встречая проходящий состав, путеец выходил по нему к полотну с флажком, семафорил условным сигналом и так же возвращался в помещение. Отряд Кузнецова остановился в густом лесочке в

полусотне шагов от будки, где Федор и произвел расстановку сил:

— Действовать будем так: повозку с пулеметом оставим здесь, в кустарнике, для прикрытия... Леша прикрывает нас, в случае перестрелки — дашь очередь над головой, но если совсем худо будет — бей на поражение... Мы ведь не знаем, сколько их там, да и там ли они вообще...

— Там, Федор Михалыч, — твердо заверил Артем Дымба, — сейчас только в окошке морда мелькнула, похоже, того толстяка в красной рубахе...

— Ну и отлично, коли так, — продолжил Федор, — значит, мы с Ионой и Алексеем остаемся здесь, Артем скрытно перебирается на другую сторону насыпи и занимает позицию против будки, но себя не выдавать! Николай и Архип обходят будку справа по кустам и залягут со стороны Анжерской в полусотне шагов... Начнем по моему сигналу...

— По какому? — спросил Артем.

— Может, свистну, может, выстрелю... Надо их как-то вытащить из будки... А то, не дай Бог, займут круговую оборону, дотянут до темноты и уйдут поодиночке... Путейца надо брать только живым и хотя бы одного из связников! Нам надо узнать, откуда они и куда тянут свои щупальца!..

...Уже несколько часов лежали бойцы Федора Кузнецова в лесопосадке, не имея возможности подобраться ближе к будке. Полоса отчуждения была полностью зачищена от кустов, мало того, чья-то хозяйская рука тщательно выкосила даже траву вдоль тропинки, тянувшейся параллельно дорожной насыпи, и потому любое движение по открытому месту будет замечено, если кто-то из окна будки ведет наблюдение. Надо ждать темноты, и под ее покровом приблизиться к будке, а там... как получится. За все время ожидания со стороны Анжерской прошел только один поезд, но он прошел на такой скорости, что путеец даже не успел встретить его: дверь будки только приоткрылась на мгновение и снова затворилась. Надо было ждать темноты...

Вечерело медленно. И хотя августовское солнце уже всерьез вознамерилось уйти на покой, надежно обосновавшись на острых верхушках елей и пихт, плотной стеной обступивших железнодорожную ветку по обе ее стороны, но по-прежнему было светло, и помышлять о наступлении не приходилось. Федор с револьвером в руке лежал почти недвижно, ни на секунду не

упуская из виду будку и ее окрестности. Густой кустарник надежно укрывал его от посторонних глаз, а пряный запах недавно скошенной травы неумолимо бередил его память, возвращая в закрытые многими годами юность и молодость...

Когда же он в последний раз вот так упивался ароматом разнотравья? Пятнадцатилетним пацаном, когда вместе с друзьями гонял лошадей в ночное? Или позже, когда на ранней зорьке они с Гордеем сидели с удочкой над прохладной и прозрачной гладью Ура? А, может быть, после армии, когда вместе с отцом выкашивал траву на неудобнице, где и познакомился с Аленой?.. Сколько же лет прошло с тех пор? Двадцать? Двадцать пять?! Целая жизнь!.. А что потом было хорошего? Тюрьма, каторга, конспиративные квартиры и душные, пыльные города...

Иона же не мог лежать спокойно: он то ворочался с боку на бок, отчего верхушки кустов вокруг него раскачивались из стороны в сторону, норовя его выдать. Устав от лежания, он как суслик, вытягивался, стоя на коленях, и вертел своей лохматой головой в разные стороны, также рискуя выдать себя в любую минуту. Но когда и это надоедало, он просто ворчал недовольно, мешая воспоминаниям Федора.

— Товарищ Кузнецов, ну что же они там сидят и сидят? Даже до ветру не выходят? Аль в ведро наладились, как у нас в деревне в морозные ночи?..

— Иона, — с досадой в голосе отозвался Федор, — вот возьмем их сейчас, тогда и спросишь, почему они до ветру не ходили... А пока лежи спокойно и не высовывайся! Эти враги — битые-перебитые, всю Сибирь прошли и не попались...

— Ничего, от конной разведки не уйдут!..

Где то вдали со стороны Тайги послышалось пыхтение одинокого паровоза, и сразу насыпь ожила, загудела нутряным гулом, а по стальным ниткам рельсов пробежал дрожащий звук, намного опережая источник своего беспокойства. Опять Иона принял стойку суслика и воззрился на приближающийся локомотив. Федор рывком уронил его рядом с собой.

— В конной разведке тоже должна быть дисциплина!

Но поздно, молодой чумазый кочегар разглядел в кустах, уже подернутых вечерней дымкой, странного человека и, проезжая мимо будки, крикнул путевому обходчику, стараясь перекрыть грохот колес и шипенье пара:

— Эй, кто там у тебя в кустах прячется?!

Не разобрал его слов путеец, но бросил взгляд туда, куда кочегар указывал рукой, и заметил прятавшегося в зарослях человека. Тот нырнул в кусты, но путеец, выхватив из кармана револьвер, направился в его сторону, при этом осторожно оглядываясь по сторонам. Из будки выскочил толстяк, в руке которого тоже был наган.

— Вы куда, Александр Иосифович?

— Да там, в кустах, кто-то прячется... Обличье мне знакомое показалось...

— Осторожнее, как бы чекисты не наведались...

— Если вы не привели за собой, то не наведуются... у меня тут спокойно, — и уже с угрозой крикнул прячущемуся в кустах человеку, — а ну, живо сюда, или пристрелю!..

— Я п-пошел... — прошептал Федору Иона, медленно вставая из кустов с поднятыми вверх руками и делая шаг навстречу хозяину будки.

— Не торопись... пусть он подойдет поближе... — только и успел в ответ прошептать в спину Кротова Федор и взял на прицел приближающегося вооруженного человека.

Те пятьдесят шагов, что разделяли будку от засевших в кустах чекистов, оказались слишком маленьким расстоянием, и уже через несколько мгновений путеец и Иона встретились на тропинке.

— Ба, да это наш телеграфист-пьяница! Кажись, Иона Кротов, так? Нет?!

— Так точно, ваше превосходство...

— Что-о?!

— Что там, Александр Иосифович? — крикнул сверху толстяк, продолжая тревожно осматривать кусты, подернутые вечерним туманом.

— Да землячок тут пожаловал, Иван Евгеньевич...

Похоже, от страха на Иону напала икота, и на путейца пахнуло самогонным перегаром.

— Пьян как свинья, однако признал во мне офицера... Что будем делать?

— Кончайте его! Темнеет уже... уходить надо...

Железнодорожник с презрением смотрел на пьяного человека:

— Кругом и... марш в кусты!

Иона стоял с поднятыми руками, пытаясь что-то сказать, но вдруг резко ударил путейца по руке с наганом. Прогремел выстрел и оружие упало в траву. В следующее мгновение Кротов обхватил железнодорожника, упал вместе с ним, и борьба продолжалась уже на земле.

Сверху прозвучали два выстрела: стреляли толстяк и третий, что находился в будке. Уже после выстрела донесся звон разбитого стекла. Федор выстрелил в ответ, заставив толстяка спрятаться за угол будки. Не прекращая борьбу, Иона и путеец вплотную подкатились к кустам, где лежал Федор. Рывком он бросился на клубок человеческих тел и с силой ударил рукояткой нагана железнодорожника по голове. Громко охнув, тот завалился набок, а Иона, подхватив с земли наган, сделал несколько выстрелов в направлении будки.

— А-а-а! Все пропало! — взревел толстяк.

Не переставая стрелять в сторону кустов, где залегли Федор и Иона, он попятился назад, переступая рельсы и намереваясь укрыться по ту сторону железнодорожной насыпи. Федор не слышал выстрела, но видел, как человек в красной рубашке дернулся всем телом и медленно сполз по насыпи вниз головой. «Артем подстрелил...» — мелькнуло в голове Федора. Уже в следующее мгновение из будки метнулся третий, одетый в длинную солдатскую шинель. Почти не целясь, он выстрелил в Федора, в Артема, что оставался за насыпью, после чего легко перемахнул через перила, ограждавшие дощатый настил, и бросился в сторону Анжерской. Вслед ему прозвучала пулеметная очередь: это Алексей обнаружил себя.

— Не стрелять, Алешка! — закричал Федор, бросаясь вслед бегущему офицеру.

— Я над головой, Федор Михалыч! — уже вдогонку ему прокричал пулеметчик.

Офицер бежал туда, где не было выстрелов и где, по его расчету, не было людей. Он надеялся, что густые кусты и наступившие сумерки помогут ему спастись. Уже на бегу Федор следил за беглецом и радовался, что Николай и Архип до сих пор не выдали себя. Он был уверен, что этот-то бандит от них не уйдет.

— Обыщи его и свяжи, — приказал Федор Ионе, указав на лежащего с окровавленной головой железнодорожника, и поспешил к будке, куда уже прибежал из-за насыпи Артем.

— Товарищ командир, — оправдывался матрос-красавец, — только один раз-то и стрельнул — и на тебе!...

— Жалко, Тема, но и так бывает... Оружие и документы взял?

— Так точно...

В следующее мгновение он уже переключил свое внимание на убегающего бандита в шине-

ли. Их разделяло уже около сотни шагов — не догнать, но там были Николай и Архип... Вот они резко поднялись из засады и закрыли ему путь к бегству. Незнакомец судорожно вскинул руки вверх.

— Оружие на землю! — донесся издали зычный голос Николая. Едва заметное движение рукой — и наган полетел в густую траву, а человек резко взмахнул правой рукой, а сам нырнул в сторону, под защиту большого камня-валуна, притулившегося на обочине тропинки. Грохнул взрыв. Чекистов раскидало в разные стороны, а трава окропилась кровью. В следующее мгновение человек в шинели вскочил на ноги и, сжимая голову руками, неверными шагами устремился к темнеющим кустам. Еще мгновение и он растворится во тьме. Поняв, что его уже не догнать, Федор поднял револьвер. Он долго целился и, когда, казалось, беглец уже скроется в кустах, выстрелил. Человек в шинели резко выпрямился, взмахнув руками, сделал несколько шагов назад и упал навзничь...

— Артем... проверь его и посмотри наших ребят...

Он устало опустил у столба, держащего на себе угол избышки, и выдохнул с горечью:

— Эх, ребята!.. Как же вы так-то?!.

Тем временем Иона привел из кустов связанного пленника, положил на землю вниз лицом рядом с Федором, а сам метнулся в будку, откуда вернулся с зажженным фонарем.

— Вот, товарищ Кузнецов, этот самый генерал... — подняв пленника за воротник куртки, приблизил фонарь к лицу, — полюбуйтесь...

Федор, удрученный гибелью своих бойцов, через силу заставил себя оглянуться и не смог скрыть своего изумления:

— Головацкий?! Александр Иосифович?! Вот так встреча!

— Радуюсь, Кузнецов? Победил?

— Ребят жалко, но что тебя, палача, поймал, то мне радостно! Я, пожалуй, не буду ждать трибунала, а сейчас, вот здесь тебя и пристрелю! При попытке к бегству...

— Охолонь, Кузнецов, ты лучше глянь на того, кого ты там подстрелил, вот уж обрадуешься...

Артем, поддерживая под руку, вел раненого бандита в шинели к будке. Тот шел тяжело, несколько раз падал и громко хрипел, но усилиями Артема снова поднимался и брел к будке. Его длинные ноги, упакованные в высокие офицерские сапоги, едва слушались хозяина.

— Вот эта сволочь, — сквозь зубы проговорил Артем. — Живой еще... Разрешите мне его пристрелить?

— Успеем еще, Артем... — взяв у Ионы фонарь, Федор наклонился над раненым и тотчас отпрянул от него.

— Колодный?!

— Узнал, сволочь, — просипел в ответ полковник Колодный. — Твоя взяла... — но уже в следующее мгновение он дернулся всем телом, и голова его бессильно откинулась назад...

— Кончился полковник... — бесцветным голосом отозвался бывший начальник Кутомарской тюрьмы, — очередь за мной...

...Не стал чинить расправу над царским палачом Федор Кузнецов в ту августовскую ночь. Как ни кипела его душа, но революционная сознательность победила. Уложив на подводу тела убитых и посадив на ее задок связанного Головацкого, чекисты в мрачном молчании отправились в Тайгу. Связавшись по телеграфу с Томской ГубЧК, Федор доложил о событиях последнего дня и получил приказ с остатками своего оперативного летучего отряда доставить в Томск пленного тюремщика и получить новое назначение...

...Еще долго и обстоятельно расследовалось ВЧК, а позднее ОГПУ дело о царских тюремщиках, отнесенных в разряд особо опасных государственных преступников. Изучались архивы Верховного суда РСФСР, «Общества политкаторжан и спецпереселенцев», разыскивались уцелевшие от царских репрессий революционеры. Одним из фигурантов этого дела стал Александр Иосифович Головацкий... Лишь в 1925 году ему был вынесен справедливый приговор: высшая мера социальной защиты — расстрел!

...Уже осенью 1922 года красноармейцы 4-го сибирского сводного отряда, как следовало из секретных депеш, направляемых уездными чекистами в Томскую ГубЧК, стали «творить всякие безобразия» в близлежащих селах: воровать у крестьян сено и лошадей, а встретив сопротивление, избивать их, перестали подчиняться законным требованиям местных милиционеров и даже разоружали их. Наконец, в деревне Гавриловка ими был убит крестьянин Иван Бедарев. По приказу командующего войсками ЧОН Томской губернии И. Г. Макаренко из Томска в Кольчугинскую волость для разрешения конфликта в

спешном порядке был направлен отряд чоновцев под командованием проверенного чекиста и выходца из этих мест Федора Кузнецова. Его отряд насчитывал двести сабель и четыре пулемета, а главная задача его состояла в том, чтобы при содействии местных чекистов и милиции разоружить распоясавшихся бойцов, выявить главных зачинщиков и препроводить их в Томскую губчека. Также отряду ЧОН предстояло провести зачистку территории от всякого рода бандитских формирований...

...Как ни спешил отряд Федора Кузнецова, но к моменту его прибытия в Кольчугинский уезд оказалось, что мятежный отряд уже разоружен и содержится под надзором вооруженных нарядов милиции в одном из пустующих купеческих домов Гурьевска. Под домашним арестом находились командир и комиссар отряда, а пятнадцать бойцов, замешанных в убийстве, разбоях и грабежах, были арестованы и содержались в поселковом домзаке. По распоряжению Томского губчека местные чекисты начали следствие, по окончании которого всех виновных, а также командира и комиссара отряда надлежало доставить под конвоем в Томскую ГубЧК для завершения следствия и передачи дела в ревтрибунал. Остальных бойцов отряда, не участвовавших в бандитской деятельности, надлежало отправить без оружия и под надзором работников милиции к месту их постоянной дислокации. Все эти вопросы обсуждались на экстренном совещании, которое Федор Кузнецов как полномочный представитель Томской ГубЧК и командир отряда ЧОН провел с руководящими работниками Гурьевского поселкового исполкома и Салаирского волысполкома Советов, милиции и полномочным представителем ЧК.

— Банда Новоселова в этом году в наших местах не появлялась, что значительно снизило напряженность среди населения, — докладывал совещанию начальник милиции третьего участка Суворов. — Сам же факт разложения четвертого сводного отряда объясняю неопытностью и бесхарактерностью командира Дудина, отсутствием какой бы то ни было идеологической воспитательной работы со стороны комиссара отряда Леонова, а также несогласованностью действий милиционеров разных участков. Именно эти факты породили грабежи и убийство мирных граждан...

— Иван Семенович, — спросил милиционера Кузнецов, — имеются ли сейчас на вашей терри-

тории какие-либо банды, кроме Новоселова, и какое настроение у крестьян близлежащих сел и деревень?

— Никаких крупных банд в округе в настоящее время нет, хотя... — милиционер как-то ступешевался, но быстро взял себя в руки и уже твердо добавил: — хотя в последние два-три месяца у нас все же были зафиксированы факты бандитских нападений в Салаирской волости, ограбление крестьян на выселке Сосновский, попытка поджога сельсовета в селе Урском, а также убийство продотрядников около поселка Барит. По свидетельству очевидцев, банда небольшая — три-пять человек, но все хорошо вооружены, действуют нагло и хорошо ориентируются на местности. Есть подозрение, что действуют бывшие богатеи, что не ушли с Колчаком. Но сейчас сотрудники угро стоят на верном пути... одного из нападавших на обоз опознал старший продотряда, случайно оставшийся в живых, уполномоченный по хлебозаготовкам Кутько Богдан Иванович... Осталось только добиться признательных показаний у задержанного Кузнецова, и дело можно передавать в ревтрибунал...

— А остальных бандитов вы думаете ловить, или пусть гуляют? — не без иронии спросил докладчика Федор. Его слух резанула фамилия задержанного — Кузнецов, но развернувшееся дальнейшее обсуждение доклада как-то отодвинуло ее на задний план его сознания.

— Конечно, мы будем искать и остальных бандитов... Надеемся на вашу помощь, Федор Михайлович...

— Помочь мы вам, конечно, поможем, ну уж и вы мобилизуйте все местное население, комсомольцев...

— Позвольте мне добавить к докладу Ивана Семеновича по поводу настроения крестьян в округе, — поднялся с места председатель Салаирского волисполкома Григорий Тузовский. — Сейчас политические настроения у наших крестьян стали более оптимистичные, нет явных протестов и недовольства, нет антисоветских выступлений... Отмена продразверстки хорошо сказалась на настроении людей, а продналог у нас собирается согласно планам...

— Позвольте, продразверстку отменили почти полгода назад, вы собираете и очень успешно продналог, а бандиты убили у вас четырех продотрядников, это как понимать? Вы что здесь самоуправством занимаетесь?

Суворов, закончивший свое выступление, уже успел присесть на табурет, но услышав вопрос уполномоченного ГубЧК, быстро вскочил с места:

— Я, наверное, не так выразился... Это был не продотряд... У одного врага революции были экспропрированы незаконно нажитые вещи и их везли на склад, а бандиты убили возчиков, охранника и ранили товарища Кутько... Это не продотряд, по сути дела, это... это был обоз с казенным имуществом...

— Вы уж подбирайте правильные слова, товарищ Суворов, а то ведь люди вас совсем понимать перестанут... А теперь, товарищи, совещание считаю закрытым... Наш отряд будет находиться в вашей местности около десяти дней. У нас есть свой план действий на этот период... А ваши чекисты и милиционеры должны закончить проверку по грабегам и убийству бывших красноармейцев... Организуем поимку остальных бандитов, что участвовали в нападении на ваш... продотряд... с казенным имуществом. Обо всех ЧП в районе немедленно сообщать лично мне. Специальная группа нашего отряда будет постоянно находиться в боевой готовности и выступит на помощь по первому сигналу.

...Как день минувший был для Федора спокойным, так и ночь выдалась тревожной. Ему приснилось вдруг, что он приехал в родное село, распахнул настежь двери отчего дома, а там его встречает Гордей. Ни улыбки на его лице, ни одного слова в приветствие, только смотрит ему в глаза с каким-то укором и молчит... Уже утром, стряхнув остатки тяжелого сна, Федор понял, что его мучило всю ночь, и первый вопрос, который он задал появившемуся Быстрову, касался задержанного за убийство продотрядников Кузнецова...

— Я сейчас заглядывал к нему в камеру — его допрашивают...

— Кто?

— Наш чекист, большевик с дореволюционным стажем, бывший работник завода Мышкин и Богдан Кутько...

— Иван Зотеевич, но Кутько же у вас за хлебозаготовки отвечает, он-то здесь с какого бока?

— Человек проверенный, энергичный и просится в ЧК. Давно взяли бы, да у него после контузии иногда припадки случаются... решили пока повременить, но помаленьку приобщаем к секретной работе...

– Какой же здесь «секрет», если он, как вы говорите, видел этого Кузнецова при нападении на обоз? Он же свидетель получается?

– Ну, свидетель... Вот он и помогает Мышкину, чтобы тот Кузнецов быстрее во всем сознался...

– Вы что же, подследственных бьете?!

– Да нет, но... придавить-то надо – как-никак, а убийца...

– Иван Зотеевич, а вы знаете, что политика красного террора советской властью уже давно отменена? – строго спросил Федор и распорядился привести арестованного Кузнецова в кабинет.

...Гордей медленно и как-то натужно переступил высокий порог кабинета начальника милиции. Лицо его было бледным и осунувшимся, глаза опущены в пол, а впалые щеки заросли многодневной щетиной, некогда черной, но теперь богато приправленной сединой.

– Шагай давай! – конвоир слегка подтолкнул его в спину, и он, непроизвольно сделав несколько шагов вперед, оказался перед самым столом, за которым сидели двое мужчин. Подняв глаза выше, он уперся ими в одного из них, что был одет в военный френч без погон и так же в упор смотрел на него широко открытыми глазами... Левую сторону груди Гордея словно ошпарило кипятком, в глазах помутилось и, уже падая, он потянул за собой стол. Он не сказал, а просто-наль только одно слово:

– Фе-е-дя-я!..

...Легкий тарантас слегка потряхивало на ухабах, коими всегда был богат Крестьянский тракт. Гордей, обессиленный за те трое суток, что он содержался в одиночной камере домзака, теперь крепко спал, уронив голову на свернутую вдвое попону, и никакая дорожная тряска не могла нарушить его сон...

...Все три дня нахождения под арестом Гордея казались нескончаемым кошмаром. Несносно болела голова, разбитая в схватке у горящего сельсовета и наскоро перевязанная какой-то тряпицей поселковым фельдшером перед тем, как отправить его в камеру. Сибирские ночи в конце сентября прохладные, а милицейское начальство, видимо, экономя на дровах, не торопилось отапливать арестантские камеры, отчего стылость, что исходила от каменных стен, разгоняла ночной сон узника, заставляя его по-

стоянно двигаться, чтобы согреться. Все же дневное время его занимали допросы...

Только сейчас, убаюканный дорожной тряской, Гордей уснул и как провалился в какую-то черную глубокую яму. Но и там, похоже, ему не было покоя, а все события, предшествовавшие аресту, словно ожили, заставляя его заново пережить тот кошмар...

.....

...Допоздна засиделись Гордей с Иваном в «бистро», а когда чуть похолодало, перешли в торговый зал кочергинского сельпо и продолжили гульбу там. Только за полночь отправился, наконец, Гордей домой. Его пошатывало, голова кружилась, но настроение было хорошее – давно у него не было такой дружеской пирушки. Кочергин, тоже изрядно захмелевший, проводил друга до угла особняка, раз за разом задавая один и тот же вопрос:

– Гордей, ты сам-от дойдешь? Может, тебя проводить? Я, наверное, смогу...

– Тс-с... не надо...

Молча отодвинув друга в сторону, Гордей тронулся в путь, а Иван, едва завернув за угол дома, справил малую нужду. И справлял он ее долго, упоенно, пьяно удивляясь тому, что человеку порой надо так мало, чтобы испытать минуты блаженства...

...Гордей неуверенно направлялся к мосту через Ур, но едва он поравнялся с высоким крыльцом сельсовета, как в нос ему ударил резкий запах керосина. Он остановился и стал оглядываться. Было темно. Словно покусанная неведомым чудовищем, луна робко пряталась в облаках, которые тянулись нескончаемой чередой по осеннему темному небосклону. Гордей никого не разглядел во тьме, но ему явно почудилось, что там, за дальним углом сельсовета, кто-то есть. Какое-то время он еще размышлял: нырнуть ли ему за угол, чтобы проверить, кто же там прячется в такое время, или продолжать путь домой. Выбрав последнее, он уже сделал несколько шагов по направлению к мосту, как услышал приглушенный металлический звук из-за угла, а уже в следующее мгновение в темное осеннее небо взметнулся огненный столб, а на фоне его замаячила темная человеческая фигура.

– А-а, бандит! Стой! – взревел Кузнецов и, натянув поглубже на голову картуз, кинулся к месту пожара. Огибая крыльцо, он увидел висящее «било» и, задержавшись на мгновение, ударил

несколько по металлу шкворнем, висевшим рядом на веревке. В притихшей темноте дрожащий звук металла легко долетел до окраин села, а Гордей, не выпуская из поля зрения фигуру бегущего впереди человека, продолжал преследование. «Эх, меньше бы выпил – уже догнал бы!» – на бегу мелькнуло в его голове. Но и так ему удалось сократить расстояние, а потом, изловчившись, в прыжке он повалил беглеца наземь и со всей силы ударил его по лицу своей костистой кулестей. Неизвестный как-то по-женски взвизгнул и обмяк. Едва переводя дыхание, Гордей поднялся на ноги и, схватив поверженного противника под мышки, потащил ближе к огню. Придя в себя, последний зарычал совсем позвериному и бросился на Гордея, но следующий удар снова уронил его на землю. Схватив поджигателя за грудки, Кузнецов повернул лицом ко все ширящемуся огню и вскрикнул от неожиданности:

– Окаянный?!.

Уже в следующее мгновение страшный удар по голове повалил его с ног, и он потерял сознание. Пожар между тем все ширился, огромные языки пламени жадно лизали стену дома, уже занялся угол крыши, а железные листы, которыми она была покрыта, с недовольным скрежетом стали корчиться от огня. Во дворе усадьбы обнаружилось какое-то движение, раздались крики, в близлежащих домах темные окошки взялись слабым светом – верный признак, что хозяева проснулись...

...Кочергин уже взялся за ручку двери, ведущей в его магазинчик, как услышал металлический звук «била». Никогда не расстававшийся с браунингом, который ему удалось отыскать на поле боя с роговцами еще в августе девятнадцатого, своей единственной рукой он успел проверить карманы галифе – пистолета не было. Ругнувшись, он побежал туда, где прозвучал сигнал тревоги. Над противоположной стороной дома разгоралось зарево пожара и тянуло гарью. Не добежав до пожара, он увидел раскинутое на осенней пожухлой траве тело, а шагах в тридцати в сторону проулка, между бывшим домом Гвоздевых и усадьбой Федосеевых, бежали двое мужчин. Наклонившись над лежащим, в свете огненных языков пожара Иван узнал Гордея.

– Гордей! Дружи, что с тобой?!

Лежащий только простонал в ответ, но глаз не открыл. Почувствовав боль в ноге, Иван вспомнил, что браунинг во время гулянки с

Гордеем он зачем-то переложил из кармана за голенище своего широкого сапога и забыл. Не без труда стащил он сапог, схватил пистолет и, продолжая сидеть на земле рядом с Гордеем, произвел несколько выстрелов вслед убегающим, но те благополучно скрылись за высоким забором бывшей Федосеевской усадьбы, а удаляющийся топот копыт лошадей говорил о том, что поджигатели благополучно покинули место пожара. Огонь ширился, все больше охватывая угол сельсовета, в крайних окнах со звоном стали лопаться стекла. С винтовкой в одной руке и багром – в другой вокруг пожара бегал Мока, а Колесов, в одном исподнем, размахивая наганом, пытался организовать тушение пожара...

...Только час спустя удалось потушить пожар. Любопытная луна, наконец, избавилась от преследовавших ее облаков и теперь, казалось, с недоумением поглядывала на большой красивый дом, словно измазанный с одного угла черной краской, на топлящихся рядом с ним таких же чумазных и возбужденных людей. Убедившись, что пожар полностью потушен и теперь ничто не угрожает сельсовету, Колесов, оглядывая стоявших стеной мужиков и баб, крикнул:

– Спасибо, товарищи! Враг хотел застать нас врасплох, тайно и ночью ударил советскую власть под дыхло... Но мы очухались, мы не сломались, а этих гадов мы еще найдем и примерно накажем! – выкрикивая эти заряженные праведным гневом слова, Серафим глазами искал кого-то в толпе. Увидев Ивана Кочергина, он поманил его к себе и что-то прошептал на ухо, а потом продолжил свою речь:

– А теперь, товарищи, от лица пострадавшей советской власти я хочу всех пригласить в «бистро» Ивана Кочергина. От имени сельской власти я хочу угостить вас стаканчиком доброй водки! Ура, товарищи!

Доселе молча слушавшие оратора мужики дружно взревели «Ура!» и повалили за уцелевший от огня угол сельсовета, в «бистро»...

...Через два дня после пожара в Урском на тракте, близ поселка Барит, было совершено бандитское нападение на подводы, которые везли в Гурьевск имущество, конфискованное у одного из справных мужичков, разбогатевшего при колчаковском режиме, но успевшего скрыться от возмездия новой власти...

А еще сутки спустя за Гордеем приехали ночью...

...Обо всем этом Гордей поведал Федору уже в тарантасе на пути в Урское, пока его не сморил сон. Все трое суток, пока он содержался в одиночной камере, Мышкин и Кутько почти непрерывно, по очереди, проводили изнуряющие допросы, не давая ему спать. Вместо пищи давали только кружку теплой воды. Много позднее, во второй половине тридцатых годов, такая методика ведения следственных действий – «конвейер» – будет повсеместно использоваться работниками НКВД, но сейчас, в 1922 году, такие приемы в работе были вновь для чекистов, а многим большевикам, отбывавшим наказание в тюрьмах и на каторге, они, наверное, напомнили бы действия царской охраны. Как единственный выживший свидетель разбойного нападения на конвой с реквизированными товарами, Кутько сумел убедить руководство Гурьевской милиции в собственной незаменимости при расследовании этого дела. Но так случилось, что молодой, более энергичный и нагловатый уполномоченный по хлебозаготовкам стал играть ведущую роль в тандеме Мышкин – Кутько. Именно от него исходила инициатива морить задержанного голодом и не давать ему спать. Удивлялся старый рабочий изощренности молодого помощника, но под его напором и с одобрения некоторых чекистов Гурьевской ЧК соглашался с действиями Кутько, и только тогда, когда тот во время одного из допросов в запале ударил Кузнецова кулаком по лицу, Мышкин приказал ему выйти из кабинета, а перед арестантом извинился: «Парень молодой, горячий...».

– Не столько больно, сколько обидно, и все по-подлому... Вы бы мне руки-то развязали, так извиняться не пришлось бы... я уж сам бы как-нибудь сладил с ним...

– Да-да, я сейчас вам их развяжу, только уж вы не деритесь... И зачем он это все делает?.. А вот если вы окажете сопротивление, то усугубите свое положение, Кузнецов, – увещевал Гордея бывший старый рабочий. – А ведь я, кажется, вас вспомнил, Гордей Михайлович. Вы не работали на заводе в кузнечном цехе в конце девяностых?

– Работал, но потом женился и вернулся в село...

– А я сначала чернорабочим работал, потом масленщиком... И только потом меня в доменный цех взяли... Мышкин я, Иван Евсеевич, – представился следователь, но руку не протянул...

Гордей исподлобья смотрел на своего следователя, словно пытаясь понять, чем вызван его доверительный тон: годы молодые вспомнил или готовится к новым пыткам и допросам...

– Неужто пытать людей вам больше нравится, чем железо плавить?

– Политическая обстановка, Гордей Михайлович, требует, чтобы я на данном, так сказать, этапе занимался этой работой, и я ей занимаюсь...

– А если завтра эта обстановка потребует, чтобы вы без разбору садили людей в тюрьмы, мучили, избивали и, не дай бог, расстреливали? Вы будете это делать?

– М-да... это политическая борьба, Гордей Михайлович. Иногда приходится чем-то жертвовать в этой жизни...

– А разве правильно это, по-божески, когда ради своих шкурных интересов... ради какой-то политики ломать чужие жизни, но при этом совсем не рискуя своей жизнью? Ведь каждому она одна задана, зачем же ею так вертеть?

– Гордей Михайлович, вы подозреваетесь в убийстве трех человек...

– Я никого не убивал!

57

...Пока фельдшер и секретарша хлопотали над Гордеем, приводя его в чувство, Федор собрал в кабинете ПП УЧК по Гурьевску экстренное совещание, куда пригласил начальника милиции, всех оперативных работников и уполномоченного по хлебозаготовкам Кутько, после чего потребовал кратко, но аргументировано доложить о ходе расследования разбойного нападения на обоз с конфискатом...

Из докладов милиционеров и чекистов вырисовывалась следующая картина... Все лето в окрестностях Гурьевска, Салаира и села Красное действует небольшая, но очень дерзкая банда, жертвами которой уже стали сельские активисты, советские работники... После поджога сельсовета в Урском подозрение пало на местного жителя Гордея Кузнецова, который, будучи нетрезвым, первым оказался около пожара, но участия в его тушении не принимал. Спустя всего два дня недалеко от Барита неизвестными лицами были убиты два возницы и солдат охраны, лошади и повозки с конфискованным имуществом были похищены. Уцелевший от расправы Богдан Кутько заявил, что нападавших было четыре человека, а за главного у них был высокий худощавый мужчина лет пятидесяти, который

был одет в длинную солдатскую шинель, а на голове его был картуз с поломанным козырьком. При осмотре места происшествия этот картуз был найден, и на его подкладке были обнаружены надписи химическим карандашом: «Куз. Ур.». Этот картуз и привел сыщиков в Урское, в дом Гордея Кузнецова...

...Вечерело. Тарантас в сопровождении десятка всадников приближался к Горскино, а справа, в полуверсте от него, темнела согра. Та самая, где в августе девятнадцатого Гордею и его тогдашним спутникам пришлось принять неравный бой с пикетом роговцев. Немного отдохнувший за время пути, Гордей теперь выглядел бодро и даже принялся рассказывать брату о тех давних событиях. Продолжая думать о чем-то своем, Федор тем не менее живо слушал Гордея и задавал вопросы...

Отправляясь в родное село, он взял с собой для сопровождения десятков бойцов во главе с Артемом Дымбой. Непокойно было на тракте, а хотелось доставить Гордея домой без приключений – досталось ему за те три дня пребывания в холодной... Да и самому лишний раз не хотелось рисковать. На всю жизнь осталась у него в памяти та ночная схватка с беглыми каторжанами на Крестьянском тракте... Четверть века прошло, нет уже у него былой прыти, да и хозяйничают теперь на дороге не беглые арестанты, а бандиты, получившие опыт в боях Гражданской войны, набившие руку на разбоях да убийствах мирных граждан. Но не только этим было вызвано решение Федора взять с собой такую солидную охрану: он надеялся, что за то время, что он будет гостить в Урском, ему удастся отыскать след и уничтожить банду, где, со слов Гордея, находится Федор Харламов. Настырный гад и жадный, пока не сожжет отцовскую усадьбу – не уймется, и потому брать его надо именно здесь...

Отправив в передовой дозор трех конных бойцов, шестерых он оставил в арьергарде, а на козлы вместо кучера посадил Артема Дымбу. В ногах, накрытый попоной, лежал ручной пулемет. Еще один пассажир ехал в тарантасе – Иван Мышкин. Его он взял для того чтобы тот осмотрел место пожара и допросил очевидцев этого преступления. Намеревался он взять с собой и Кутько, но, как доложил ему начальник милиции, тот поздно вечером «отбыл в Кольчугино по личному вызову товарища Карманова, заместителя уездного исполкома Советов». Действительно

ли был такой вызов или Кутько просто сбежал, опасаясь за все свои прегрешения, Федор не знал, а разбираться у него не было времени. Прежде всего надо было снять все подозрения с Гордея, проверить оперативную обстановку в близлежащих селах и, наконец, попытаться найти и уничтожить бандитскую шайку, державшую всю округу в страхе...

– Да, Гордей, пришлось вам тогда хлебнуть лиха! – заключил Федор, дослушав рассказ Гордея о событиях девятнадцатого года. – Хорошо, что все обошлось...

– Да, обошлось, – согласился Гордей, – но седых волос у меня и у Алены тогда много добавилось... Ее ты не узнаешь теперь: она же всегда черноволосая была... только седая проседе, как и у матери, а сейчас побелела моя Аленушка... – и с такой нежностью сказал это Гордей, что Федору вдруг стало неудобно перед братом за то прошлое, что единило и одновременно разделяло их троих...

– Товарищ командир, товарищ командир... – от передового дозора отделился один всадник и стремительно приближался им навстречу.

– Что случилось, Сачко?

– Федор Михалыч, там в кустах убитый мужчина и... паренек... живой, но как будто не в себе... А мужик-то, похоже, казак: шаровары на нем с лампасами, сапоги под шпоры деланы...

Когда подъехали ближе, то увидели лежащего на траве мужчину, на груди которого темнели кровавые пятна, рядом стояла телега с широко раскинутыми оглоблями, на ней и на земле были раскиданы вещи из незатейливого гардероба путника. Паренек лет шестнадцати, с несходящей с лунообразного конопатого лица улыбкой, то подходил к лежащему мужчине, то обращался к бойцам передового дозора и говорил заученно одну и ту же фразу:

– Папаня поспит маненько, и мы поедем...

Теми же словами он встретил Гордея и Федора.

– Как же тебя зовут, сынок? – с горечью в голосе спросил Гордей.

– Ганя... Асаул... мой тятя Асаул, и я Асаул, а ты тоже мой тятя?..

Федор и Гордей молча переглянулись, после чего Гордей взял паренька за руку и посадил в тарантас, потом попросил Артема собрать раскиданные вещи.

– Гады, убили мужика, добро все распотрошили, суки! – Красивое лицо матроса было ис-

кажено от злости. — Наверное, та же банда, Федор Михайлович...

— Возможно, Артем... Сюда следы тянутся... Надо, чтобы они здесь и закончились... Брать надо эту банду! А еще, ребята, надо похоронить казачка, не по-христиански будет оставлять его так, — а потом добавил, глядя на мальчика: — А Ганю мы в детприют сдадим — советская власть не даст пропасть ребенку.

— Нет, Федя, парня я себе оставлю! Это, похоже, Божье знамение мне за то спасение. Меня спасли — и я должен кому-то помочь, спасти живую душу... Если та же банда, значит, одной бедой мы с этим пареньком повязаны...

— У тебя же Никитка?

— Ну и что? Они, должно быть, ровесники... Чай не пропадем все вместе-то, да и Никитке веселее будет...

— Да он же не в себе... дурачок, вроде...

— Не дурачок он, а блаженный. Давно ты, Федя, по чужим краям ездешь, забыл, должно быть, что на Руси в селах всегда блаженных привечали. Сам не смогу поднять этого парня — единоземцы помогут — на том стоит русская деревня по сию пору...

— Русская деревня, может быть, и стояла на этом, но сейчас другие времена, Гордей. Деревня-то у нас сейчас советская...

— А по мне так, Федя, во все времена надо человеком оставаться...

...В Урское отряд въехал уже потемну...

ГЛАВА 4

...Ходики, что висели в углу сельсовета, не показывали еще и восьми часов, а на улице уже было темно — сентябрь катился к концу, теперь каждый день становился короче и короче... Выпроводив домой Скопцова и Гвоздева, Серафим кликнул Моку и велел ему закрыть все двери да обойти всю усадьбу с проверкой, а сам поднялся в свою комнатку на втором этаже, чтобы, попив чайку, лечь спать пораньше. Впрочем, это была не комнатка, а большая и светлая комната, где, со слов бывших купеческих слуг, именно здесь почивал Харламов со своей молодой женой и где помер при странных и страшных обстоятельствах. Но Серафим не был суеверным человеком, и потому к этим рассказам отнесся с презрительной усмешкой: красных бойцов на испуг не возьмешь!..

...Внизу послышались мужские голоса и лошадиное ржание. В одно мгновение спина Сера-

фима покрылась испариной, а в животе, чуть выше пупка, что-то заглохло... Если в течение двух-трех минут ситуация не менялась, то вслед за этим на Серафима напала неуправляемая икота. Если при этом оказывался сторонний человек, то Сима, стараясь как можно более солидно, заявлял: «Это у меня нервное... еще с фронту...». Как правило, ему сочувствовали, успокаивали... Неприятно, конечно, но лучше уж икота, чем каждый раз в такой ситуации бежать в кусты, снимая на ходу штаны...

Колесов, чуть убавил фитиль керосиновой лампы, стоявшей на столе, и осторожно вынул из кармана наган, который ему, как и всем другим сельсоветчикам, выдали в Кольчугино.

— Неужто банда?.. — шевельнулась в голове секретаря страшная догадка.

Неделя не прошла, как пытались спалить сельсовет, и на тебе — снова набег! Хорошо, что тогда всем миром отстояли здание, да, видно, не уймутся бандиты, пока не сожгут его вместе с «партийным секретарем» Колесовым. Позднее Кочергин рассказал им в сельсовете, что Гордей Кузнецов узнал в поджигателе купеческого сына Федьку Харламова... Не очень-то поверил ему Серафим: скорее всего Кузнецов сам по пьяному делу запалил дом по какой-то одному ему ведомой причине да не смог довести дело до конца, потому как был сильно пьян. А Ванька Кочергин, его друг и собутыльник, чуждый советской власти элемент, решил покрыть друга. Но вскоре все встало на свои места, когда на месте убийства отрядников под Баритом нашли кузнецовский картуз, и потому он, Сима Колесов, находясь в Гурьевске по своим делам, с чистой совестью изложил следователю свои мысли о поджоге, да еще чуть прибавил о нелояльности Гордея Кузнецова к общественной жизни села, а еще напомнил о том, что его сын ушел с Колчаком... И слова возымели действие, потому что через день Гордея Кузнецова арестовали...

...Колесов осторожно вышел из комнаты и направился к лестнице, ведущей вниз, где встретил Моку с винтовкой. Ужаса в глазах того не было, но он заметно нервничал.

— Кто там, Мокей?

— Не разберу, Серафим Иванович, но голос, похоже, Гордея Кузнецова... Десятка полтора их там на конях, да еще на коляске приехали...

— Как Кузнецов? Его же арестовали?! Сбежал что ли? Да еще банду привел с собой для расправы?

Едва Сима подумал так, как на него напала неудержимая икота. «Эх, как не вовремя! – с сожалением подумал Серафим, дергаясь всем телом, – самое время затаиться бы где-то, а тут на тебе!..»

– А нич-чо, Серафим Иваныч, у меня еще граната есть, – и Мока вынул из кармана халата гранату, – даст Бог, отобьемся!

В дубовую дверь сельсовета громко постучали.

– Должно быть, прикладом, – подумал Колесов, – а следом раздался незнакомый властный голос:

– Колесов, откройте дверь! Я уполномоченный Томской губчека...

Серафим с облегчением перевел дыхание, а икота пошла на убыль: главное, что это были не бандиты...

– Мока, открывай! – и они вместе спустились в контору сельсовета.

– Так-то вы встречаете гостей, товарищ Колесов? – вместо приветствия сказал Федор Кузнецов, когда наконец двери сельсовета открылись, впуская приезжих. – Артем и Мышкин – со мной, а остальные ожидайте на улице... Да, вот еще что... Товарищ Колесов, через минуту я вернусь, – с этими слова Федор вышел на крыльцо. На площадке перед сельсоветом в свете луны угадывались фигуры тарантаса, пеших бойцов, всадников, слышалось фыркание лошадей.

– Устали, бедолаги? – обратился он к сидящим в тарантасе мужчине и пареньку. – Ничего, мы здесь недолго, а ты, Гордей, с Ганей езжайте домой – предупреди Алenu... Примешь нас троих – меня, Мышкина и Алексея? Про Ганю не спрашиваю – ты его уже пригласил к себе...

– О чем ты говоришь, Федя! Всех приму!

– Ну, насчет всех я тебе не обещаю... В общем, Алексей, садись на козлы и с Гордеем Михалычем и Ганей езжайте... Гордей покажет куда... Да пулемет не потеряйте... Сейчас разберусь в обстановке, определю ребят на постой, и с Иваном Евсеевичем приедем верхами... Ступайте! А вы, хлопцы, подождите здесь, да по сторонам смотрите, а то, не дай Бог, бандиты снова сельсовет подпалят... видите какой угол черный, даже ночью видать, как его поджарили... Ну, все хлопцы...

Когда он вернулся в контору сельсовета, Мока уже угощал чаем Мышкина и Артема Дымбу.

– И вам, товарищ командир, кружку чая с сахарином, пожалуйста! – при всей своей громоздкой фигуре Мока довольно проворно согнулся, приглашая Федора к столу.

– Что ж, с дороги не помешает, – согласился тот, присаживаясь на табурет, и охватил кружку обеими руками, словно грея ооченевшие руки. – А ты, мил человек, водички хоть вынеси моим бойцам на крыльцо, а то наглотались они пыли за дорогу-то...

– Изладим, товарищ командир, – и, схватив с лавки железное ведро с водой и глиняную кружку, Мока стремительно вышел из комнаты.

– Как дела, товарищ Колесов? – отпив глоток чая, нарочито громко спросил Федор. – И что так долго таились от нас?

– Да спать уже ложились... пока то, пока се... – уклончиво ответил Серафим. – Вы же знаете русскую поговорку, что торопиться надо только в трех случаях?

– А ну, расскажи, когда торопятся у вас в селе мужики? – усмехнулся Федор, взглядом приглашая Мышкина и Артема послушать хозяина.

– Ну, значит, при ловле блох – это будет первое... При поносе, стало быть, – второе и третье... когда хороводишься с чужой бабой... Чтобы, значит, мужик ейный не поймал... – пояснил Колесов и первый громко засмеялся... Мышкин и Артем только улыбнулись ему вслед.

– Ну, Серафим Иваныч, такому-то молодцу да с такими кулаками, по-моему, никакой муж не страшен, а, мужики?

Теперь уже все громко рассмеялись.

– Еще один случай знаю, когда нужно спешить... Когда банду ловишь в ночи! Вас как поросят на костре чуть не поджарили! Неделя не прошла, а у вас все тишь да гладь, вроде и бандитов не было... Ни дозоров тебе, ни сторожа, хотя бы с берданкой какой-то. А ведь бандиты где-то на воле!..

– Как на воле? Из чеки приезжали и забрали поджигателя-то...

– Да ну? И кто же он? – с ехидцей спросил Федор.

– Так, этот... Гордей Кузнецов...

– Это кто ж тебе на него указал-то? Уж не Кутыко ли?

– Он самый, Богдан Иваныч... проверенный большевик... Картуз выдал бандита, когда он этих мужиков-то под Баритом побил... Опять же, Иван Кочергин сказал...

– Что, Кочергин указал на Кузнецова как на поджигателя?!.

– Н-нет, он, наоборот, стал его выгораживать... оно и понятно – нэпман! Ксплотатор!

– Эх, Серафим Иванович, ты же здесь вроде как партийная власть, так? Нет? – Федор с плохо скрываемым сожалением смотрел на этого здорового и одновременно такого беспомощного мужика. Он и за себя ничего не знает, а тут должен за других что-то думать и решать... – В общем так, Серафим Иванович, время позднее, мы с дороги, да и у тебя, наверное, день был трудный...

– Трудный, как есть трудный... – поспешил согласиться секретарь. – Но все вопросы ваши сейчас решим, вот только Илья Гвоздев подойдет сюда...

– А когда это ты успел послать за ним? – удивленно спросил Федор. – При нас таких команд не давал...

– А что нам рисоваться перед начальством... мы тут дело туго знаем... Сейчас Мока приведет его – поговорим...

– Однако ты, Серафим Иванович, не так прост... – усмехнулся Федор. – Нам нужно определить на постой бойцов... Пробудем мы у вас несколько дней... Сколько точно, пока не скажу... Поможем вам банду ловить...

...Когда Федор с Мышкиным приехали в отцовский дом, было совсем темно, а неполная луна своим робким светом лишь слегка подсказывала им дорогу. Алена встретила их на крыльце, сидя «на троне», на котором любил вечерять ее свекор, Михаил Андреевич. Перед ней на небольшом, но крепко сбитом столике стояла керосиновая лампа. Когда мужчины поднялись на крыльцо, она поднялась им навстречу, приветствовала поклоном, а потом осторожно и целомудренно трижды поцеловала Федора в небритые щеки:

– С приездом в отчий дом, Федор Михайлович! И вам здравствуйте, уважаемый!.. Уж не сердчайте, хозяин уже почивает... устал Гордей сильно, измотанный весь... Завтра будет баня, будет встреча, а сейчас Федор покажет вам, где рукомойник на дворе, там полотенца найдете... Собак я закрыла, чтобы греха не случилось – люди новые, не дай бог, укусят...

– Алена Ивановна, это Иван Евсеевич, следователь чека...

– Я так и думала... Вам, уважаемый Иван Евсеевич, я накрыла в летней кухне, справа от две-

ри... Там и снедь оставлена... Алексей-то, верно, еще не спит, а вот паренек уже уснул... Горемыка он, намаялся...

– Спасибо, Алена Ивановна, двери я проверю, ложитесь отдыхать...

– ...А вам, Федор Михайлович, я постелила в избе, на вашей кровати... Никитка рядом...

Ёкнуло сердце Федора. Попытался он встретиться взглядом Алены, хоть так отблагодарить ее за то, что ночь проведет рядом с сыном, но темнота не позволила ему это сделать.

– Спасибо, Алена... – только и проговорил он тихо.

Мышкин начал спускаться вниз, а Федор еще задержался около хозяйки, словно желая еще что-то сказать, но, похоже, не решился.

– Ну, тут, я думаю, вы сами управитесь, а я пойду... – нарушила затянувшуюся паузу Алена. – На столе найдете пироги и молоко в кринке... Приятных снов вам, Федор Михайлович, в родном доме!..

– Все эти годы, Аленушка, только ты и снишься!.. – с какой-то невыразимой горечью прошептал Федор.

– А вот это, Федя, я не могу и... не хочу тебе запрещать... Во сне-то все можно, то не большой грех... Уж прости меня...

Намаявшись накануне, и хозяева, и гости на следующий день проснулись поздно. Только Алена встала до зари, задала корм скотине, подоила коров и даже стол накрыть успела. За завтраком Федор определил задачу каждому на весь день.

– Как чувствуешь себя, Гордей?

– Да, слава богу, ничего... А вот если бы я еще морду набил этому Кутько – совсем хорошо было бы...

– Охолонись, Гордей, – одернула мужа Алена. – Федор нынче здесь, а завтра опять куда-нибудь уедет, а этот упырь все время рядом, а наши-то бездельники так и кружат подле него – выслуживаются... Как говорят старики, ЕГО не тронь – оно не пахнет...

– Боюсь, что это не так, Алена Ивановна, – сказал Федор, отпивая мелкими глотками из кружки горячий чай. – Не угомонится он... Затаится на время, переждет, когда мы уедем... Слабоват характером начальник милиции, чем и пользуется Кутько... Увы, друзья мои, но любая революция всегда столько всякого мусора под-

нимает наверх, что впору потерять ее главные цели. Но в другом, Гордей, Алена права: не надо на беду нарываться, не надо выступать на людях да еще против власти – сразу запишут в «контры», даже если Кутько – самый большой злодей на свете... Работайте, детей растите... вон, прибавка у вас теперь... – и он бросил взгляд на Ганю, который молча, но азартно поглощал все съестное, до чего мог дотянуться. – Изголодал малец! Вы уж его откормите немного, – продолжал Федор, – а ты, Никита, не обижай его... Как брат тебе он сейчас, головой только слаб... Обучите работать по хозяйству...

– Ладно, разберемся, – откликнулся Гордей. – Троих подняли, как-нибудь и этого выкормим... Что думаешь делать сегодня?

– Мы сейчас с Иваном Евсеевичем поедem в сельсовет – там народ должен собраться... митинг проведем по вопросу поимки банды... может, еще какие вопросы откроются... А ты Гордей отдыхай, сил набирайся, жене помогай: она ведь без тебя сколько дней одна?! К вечеру баньку стопи да кликни дружков наших старых... Яшку Чуваша, Ивана Кочергина... Кого еще?

– Может, Гриню Павлова? – спросил Гордей, – как туго бывает, так обращаемся друг к другу... Других уже не осталось, а новых-то не поймешь сразу...

– Ну, смотри, Гордей, ты – хозяин, тебе и приглашать...

...После закрытия митинга народ долго еще толпился на площадке перед сельсоветом, обсуждая услышанное, а Федора обступили его старые товарищи – Иван Кочергин, Гриня Павлов, Яшка Яковлев, Ермоха Лукин. Каждый из них старался пожать ему руку, сказать что-то теплое, а потом завалили вопросами. Не прерывая беседы, Федор старался держать в поле зрения всю площадь. Он видел, как к Артему подошел мужик средних лет, что-то шепнул ему на ухо и быстро засеменял к лошади, запряженной в коляску.

– Вот что, хлопцы, вопросов у вас много, да и у меня их немало, и потому приходите-ка вы сегодня часам к семи к Гордею – там и поговорим, а сейчас нам недосуг...

– По деревням поедете, Федор Михалыч? – спросил Гриня Павлов.

– А с чего ты взял?

– А как же банду-то искать? Только так... Вам бы нас с собой взять: мы – люди местные, все

тропки знаем, по соседним селам есть родня да знакомые, а вам-то мужики могут не открыться просто так-то?..

– Это ты верно заметил, Григорий... запомнял, как твоего отца звали?

– Андреевич я, Федор Михалыч... Мы бы тоже верхи – да с вами... Полчаса на сборы нам хватит? – он оглянулся на Яшку, Ермоху и Ивана. Последний заметно ступсывался:

– Да куда я с вами... И магазин у меня...

– Все так, мужики, – подвел итог разговору Федор. – Иван остается здесь и ждет нашего возвращения, а потом все – к Гордею!.. Мы делимся на группы по трое... Ермолай, Яков и Гриша, присоединяйтесь по одному в любую из групп. Лошади запасные у нас есть, наганы дадим, гранаты... Домашних предупредите, что задержитесь до вечера... до ночи... Едем по окрестным селам Барит, Дмитриевка, Горскино...

Заметив, что к нему направляется Колесов, Федор велел всем идти к бойцам, которые уже разобрали оружие из пирамид и усаживались на коней.

– Федор Михалыч, какие будут указания?

– Я все сказал... пусть люди занимаются своими делами, а мы отъедем от села на какое-то время, так вы постарайтесь, чтобы вас тут снова не запалили... А часов в шесть вечера давайте соберемся у вас в сельсовете и обсудим результаты дня...

Вечером все группы отряда собрались в зале сельсовета. Потеснив Кочергина с его магазином, Колесов не стал городить новую стенку в помещении. Справа от входа стояли столы всех местных начальников: его самого, Семена Скопцова, Ильи Гвоздева да громадный металлический сейф, доставшийся в наследство от Михаила Харламова. Слева от них стояла большая печка-голландка, покрытая изразцами, – и красиво, и тепло. Эта печь как бы делила все помещение на две неравноценные половины: где поменьше – контора сельсовета, побольше – зал, где проходили сельские собрания. Просторный, свободный от всякой мебели, кроме некрашенных лавок, расставленных в два-три ряда вдоль стен, в обычные дни он пустовал, а когда собирался сельский сход, по нынешним временам – собрание сельского актива, лавки выставлялись на середину зала, а секретарь партиячки или председатель сель-

совета, не вставая из-за своего рабочего стола, могли вести собрание.

...Усталые, потные, покрытые дорожной пылью, бойцы, молча, выставили лавки на центр зала, расселись и так же молча стали ждать, что скажет командир.

— Курить-то можно, хозяин?

— Курите, товарищи, у нас мужики завсегда здесь дымят, — благосклонно разрешил секретарь партячейки, и сам полез в карман за кисетом. Кроме бойцов отряда, Яшки Яковлева, Ермолая Лукина и Грини Павлова на совещании присутствовали Илья Гвоздев и Семен Скопцов. Федор изучающе оглядел всех собравшихся, потом оглянулся на Скопцова:

— Семен Тимофеевич, кликни сюда Кочергина, если он еще не ушел...

— Да нет, здесь он — вон, шебуршится за стеной... — и потом Семен вдруг крикнул громко, как в лесу заблудшие, — Иван Иваныч! Кочергин! Подь сюда!..

Через пару минут Иван Кочергин уже занял место среди бойцов, а Федор, оглядев всех собравшихся, сказал негромко:

— А теперь, братцы, расскажите, что узнали по деревням...

Доклад получился сумбурный, сбивчивый, порой несколько человек говорили сразу, а эмоции хлестали через край... Внимательно выслушав всех, Федор, не вставая из-за стола, поднял руку, требуя тишины.

— Ясно одно, товарищи, банда есть, и прячется она где-то рядом... Все следы ведут в леса за Баритом, в сторону Копны. Как помню с детства, там были заимки наших пасечников... Леса и травы там хорошие, вот и разводили пчел, а сейчас как?

— И нонче так же, — ответил Кочергин. — Пять или шесть там пасек... кто-то летом только живет, а Иван Козин так круглый год из лесу не вылазит. Овдовел он года три назад, детей нет, вот и коротает бобыль со своими пчелами... А мед у него хороший, на разнотравье собранный... Он всегда мне по несколько бочонков привозит на продажу...

— Как часто?

— Раз в месяц, а зимой выбирается к нам или в Барит, чтобы керосина взять, сахара, муки...

— И давно он был у тебя?

— Давненько уж... Недели три назад я его ждал, да все нет...

— И что же у нас получается, дорогие товари-

щи? Кто-то пожег сено вдоль дороги, что ведет в ту сторону, которое стоговали мужики по лету...

— Это только свинья гадит, где спит, а им-то к чему? — спросил Гриня Павлов.

— А к тому, чтобы мужики не ездили туда за сеном... Нет его — ехать незачем, а так поедут, да вдруг и проследят их ненароком... Второе, этот ваш ямщик, Пахом Бутаков, кажется, что тебе сказал Артем?

Артем поднялся с места и доложил:

— Гражданин Бутаков сообщил, что на прошлой неделе ночью возвращался из Красного и остановился перед развилкой, там, где сворот на пасеки, чтобы подпругу подтянуть, и видел, как со стороны тракта туда, в тайгу, ушел конный отряд о пяти-шести всадниках. Так и сказал мне: недобро сердце екнуло, когда он их увидел, но, благое дело, что они его в темноте не заметили...

— Где-то здесь же побили продотряд... А что по Горскино?

— Там никаких следов банды, — доложил боец, который руководил разведгруппой в том районе.

— Нет, говоришь, а паренька того, Ганю... Асаула, где мы нашли?

— Точно, товарищ командир, не доезжая до Горскино... Так это значит...

— Это значит то, что группа легка на ногу, хорошо знает все дороги...

— Погодите, товарищи, — поднялся из-за стола Колесов, — какой Ганя Асаул? Почему мы не знаем?

— Поясняю, товарищ Колесов, — ответил Федор. — Вчера, когда мы шли сюда из Гурьевска, в двух-трех верстах от Горскино, в согре, у дороги нашли убитого мужчину и паренька по имени Ганя. Видно, сын был этого мужчины... Гордей приютил его у себя... Не в себе этот парень, блаженный... То ли напугали его, то ли от роду такой... Что у нас еще есть на эту банду?

— Федор Михайлович, — отозвался Семен Скопцов, — тут по лету, где-то в начале августа, между Красным и Баритом нашли телегу и мужика убитого... Лошадь, видно, выпрягли... вещи раскиданы... женские вещи, но бабу не нашли...

— Это тоже рядом... Бандиты орудуют ночью, а днем отсыпаются... Команда будет такая: о нашем совещании никому ни слова! Завтра в девять утра надо собрать человек пятнадцать-двадцать с оружием... У кого — ружья, у кого — винтовки, гранаты, наганы... Про банду — ни

слова... Скажите, что обלאву на волков делаем... приказ уездного комитета... Серафим Иванович, зови надежных людей, кто в армии служил, кто партизанил... А сейчас всем отдыхать и готовить оружие...

Уже на крыльце Федор спросил Колесова:

– А где же наш Иван Евсеевич?

– А он все свои дела закончил и отправился к Гордею... там его ищите...

– Федор Михалыч, – кто-то тронул его ногу. Оглянувшись, Федор увидел стоявших Ивана Кочергина, Гриню Павлова, Яшку Яковлева и Ермоху Лукина. – Ты про нас забыл, али отменяется все? – Словно уверовав в свою неотразимость, Яшка стоял и улыбался во все свое широкое и плоское лицо чуваша.

– Ах, черт!.. А я ведь и вправду забыл... Завтра такой день, а тут... Как не вовремя это!..

– Зря ты так, Федор Михалыч, мы завтра все как штык будем, – за всех сказал Кочергин, – да только, не дай бог, кому-то не повезет завтра... Обидно будет, что встречу не отметили...

Федору стало стыдно перед земляками за свои слова, и будь кожа на его лице не так обожжена солнцем и овееяна ветрами, наверное, заалел бы, как маков цвет.

– Виноват, мужики! Едем, конечно, едем! Там и Гордей, наверное, заждался...

– Командир, мы отбываем? – Это Артем подъехал к Федору с другой стороны. – Завтра в девять в полной боевой готовности, так?

– Так, Артем! Ночью дозоры не снимать... Как у вас с провиантом?

– Земляки ваши нанесли – на неделю хватит!..

– Ладно, отдыхайте... Да не пить мне!..

– Само собой, командир... А пулеметик-то не забудьте завтра прихватить, Федор Михалыч!..

– Ох, Артем, куда я без твоих шуточек!..

В доме Гордея гостей ждали давно. Уже с обеда баня дышала жаром, ожидая своих гостей. Леша-пулеметчик и Иван Евсеевич уже помылись и теперь, розовые, блаженно улыбались. Вопрос встал, когда решали, с кем отправить в баню Ганю Асаула. Вроде немаленький уже, а что случится... С Никитой отправлять тоже страшно: как-то поведет себя блаженный в жаре да в банной тесноте? Алена решила:

– Гордей с Федором помоются, мужчины за стол сядут, а уж я Никиту и Ганю потом свожу в

баню: невелики еще женихи, не умрут от стыда, а я хоть осматрю его, здоров ли, побрею наголо, чтобы вши не завелись, а ты, Никитка, наблюдай, как и что делать, потому, как потом ты будешь с ним в баню ходить...

Урские мужики отказались идти в баню – у каждого дома своя есть.

– Ну, мужики, поскучайте недолго без нас, а я пока брата попарю, – сказал Гордей, забирая с собой все банные принадлежности. – По чарке-другой выпейте, но нас ждите... Мы недолго...

...Размяк, разомлел Федор на широком полке бани, которую когда-то помогал строить своему отцу. Это уж потом Гордей подновил пол да печку новую поставил. От сухого пара волосы на голове трещали. Дважды пропарил его Гордей, и уже потом, попив холодного кваса, сидели они в просторном предбаннике, словно узнавая друг друга заново. Вспомнили, как ходили когда-то втроем в баню: Федор, тринадцати-четырнадцати лет, семилетний Гордей да пятилетняя Малашка... Ни ахов, ни охов – все как в любой крестьянской семье: отец с матерью идут мыться да париться, а старший младших ведет и наблюдает, чтобы те хорошо отмывали свои худые загорелые тела. Уж потом мать стала брать с собой дочку, отец – Гордея, а заметно подросший Федор норовил мыться один... Вспомнили, посмеялись с той нежной грустинкой, которая всегда сопровождает дорогие воспоминания из детства и юности...

Гордей не стал мыться и сидел в кальсонах, в то время как Федор был совсем наг. Как ни пытался он отогнать от себя плотские думы, а в непослушном мозгу, как молнией, мелькнуло: вот так же когда-то он, молодой, сильный и распаренный, сидел на этой же самой лавке, а перед ним – обнаженная и улыбающаяся Алена... его Алена... Три месяца и было-то всего у них той счастливой семейной жизни, чуть больше, сто дней...

– ...А ведь он так и не женился, да и сына своего не может назвать так, как должен бы... – уже думал Гордей, глядя на отдыхающего после парной Федора. – Боже, как же он так живет?!

И вдруг вместо какой-то уже далекой, отблевшей досады и невысказанной обиды в его душе появилось чувство неимоверной горечи за близкого человека, и, прикрыв глаза, Гордей троекратно перекрестился: помоги ему, Господи, вынести это...

– Все, Гордя, больше не пойду, а то сердце выскочит! – сиплым голосом проговорил Федор,

выходя из парной. — Я ведь так парился в последний раз... — он внезапно замолчал и ступал, потому что в последний раз он парился в этой же бане в апреле 1906 года, как раз накануне возвращения Гордея из японского плена, но только тогда напротив него сидела она... Алена, — ...в общем, давно это было...

Гордей понял причину заминки брата и, словно вживую, ощутил, что здесь, сейчас в слабо освещенном керосиновой лампой просторном предбаннике меж ними сидит его Алена... нет, не его... не только его, а их Алена... одна на двоих! Бывает ли так в жизни? Нет, не должно быть, не по-божески это, не по-христиански, ну а если это уже случилось, то как же быть?! Неужто гнев и злобу в сердце на всю жизнь оставить? Неужто месть и зависть?.. Нет, не приняла душа Гордея эти чувства, и, решив для себя один раз, он никогда ни словом, ни взглядом не напомнил никому о том больном для себя вопросе...

Пока Федор крупными глотками жадно пил квас из кринки, Гордей сделал над собой неимоверное усилие и спросил брата совсем о другом:

— И как же вы решили банду ловить, или мне как «контрику» уже нельзя знать об этом?

Нет, Гордей ни на минуту не сомневался, что Федор верит ему и не считает его «контриком», но спросил об этом специально: только такой острый вопрос мог увести их от тех нежелательных пронзительных воспоминаний, которые, он был уверен, одолевают сейчас и Федора.

Федор с теплой улыбкой посмотрел Гордею прямо в глаза, покачал головой и сказал:

— Молодец, братка! Спасибо тебе за все и еще раз — прости меня!.. А насчет банды... Я еще буду говорить за столом. Ермоха с Гриней не проболтаются?

— Гриня — никогда!.. Ермоха, конечно, лопух по жизни, но Иудой не был. А что ты удумал?

— Если они действительно на пасеке, то незаметно подкрасться днем трудно, наверняка, они дозоры выставили... Значит, надо в открытую, вроде как в пьяном загуле. Ванька же мед от него ждет? Вот бы знать, сколько их там? Мы знаем, что четыре-пять, может, их там еще десять или двадцать, а может, и пулемет у них есть? Хорошо бы собрать всю мою дружину в кулак — сутки-двое понадобятся, да и бандиты могут это прознать и раствориться в тайге, как мыши в старой листве — ищи-свищи потом, пока снова кого-нибудь не убьют или не ограбят...

— И что же ты придумал, Федьша, не томи?..

— Придумал, но рискованно!..

— Ну, так что же?

— Понимаешь, Гордя, я бы сам пошел, но не получится это... Поймет Федька, что я здесь неслучайно, и тайно уйдет в тайгу... А вот ты готов рискнуть жизнью и здоровьем своим?.. Подумай, брат...

— Та-ак... Это вроде как на живца брать будем?

— Вроде как... Гордей, а по-другому — никак... уйдет Окаянный! Готов ли рискнуть головой?

— Ради башки Федьки Окаянного я и свою готов отдать!..

— Э-э, нет, брат, такой цены не нужно... Лучше я сам пойду вместо тебя...

— Да не бойсь ты, Федьша, это я так... за ради красного словца... Не маленький... не куплюсь на Федькины подлости... Возьмем злодея, если он там прячется!..

— Ну, это другое дело! Рискнем, братка!.. Только сдыхать не надо... Лучше пусть он сдохнет, Федька Окаянный!..

ГЛАВА 5

...Харламовский тарантас мягко уминал резиновыми колесами грунтовую дорогу, ведущую вглубь леса, туда, где не один десяток лет сибирские мужики строили охотничьи заимки, избы и омшаники для своих пчел. Иван сидел на козлах и управлял лошадьми, что-то нарочито громко и пьяно распевая, а Гордей лежал на полу тарантаса, укрытый попоной. Рядом с ним стояла корзинка, накрытая тряпицей, под сиденьем — ружье, а за голенищем сапога таился нож...

— Вань, ну что там вокруг, видно кого иль как?

— Да никого не видать, только какое-то облачко вылетело из лесу... второе уже вижу... Глянь-ко, Гордей!

— Так не велел же Федор мне торчком-то сидеть... Я же пьяный в лежку должен быть...

— Да все равно никого нет... но ты глянь... На пчел, вроде, похожи...

Гордей, не вставая с дощатого пола тарантаса, повернулся на другой бок и увидел темный, глухо жужжащий рой пчел над поляной. Как-то неуверенно они летели в одну сторону, затем, словно передумав, взмыли вверх, а потом снова повернули к лесу.

— Брошенный рой, Иван. Кто-то порушил их улей, согнал с места, вот и маются бедолаги!.. Если никто не отловит их, так и помрут, или птицы поклюют...

– А кто их мог согнать-то?

– Да хоть медведь, хоть дурной человек... Много ли ума и силы надо, чтобы обидеть этих крошек... Второй, говоришь, рой-от видел сегодня?

– Да, и все из этого леска... Уж не Ваньки ли Козина пчелы?.. И сам куда-то подевался... Дорога, что влево уходит – в аккурат к его пасеке...

– Ладно, Иван, ты глазами-то не пчел выглядывай, а Федьку Окаянного да его супостатов... Да пой по-пьяному, как Федьша наказывал. Нако вот глотни еще анисовки, чтоб веселее пелось...

Как-то неожиданно из кустов вынырнула избушка, огороженная пряслом, за ней ютился небольшой сарайчик, и ни души кругом.

– Ива-ан! Ванька, и где ты пропал, а ну выходи! – блажным голосом заорал Кочергин, – тащи свою медовуху – гулять будем!..

Лошадь остановилась перед закрытыми воротами и принялась пощипывать траву.

– Ну, Гордей, я пошел, помоги мне, Господи!

– С Богом, Ваня!.. – глухо отозвался из-под попоны Гордей.

Кочергин не без труда слез с козел и неверной походкой направился к воротам, которые, как и все прясло вокруг избы, были изготовлены из веток ивы. Отворив их настежь, Иван, покачиваясь, направился к небольшому крыльцу, ведущему в дом.

– Иван!.. Ты где?..

В одном из окон словно тень мелькнула, и почти в то же мгновение на крыльцо вышел парень лет двадцати пяти, в косоворотке, в темных штанах, заправленных в сапоги и подпоясанный кожаным пояском, за которым торчал наган..

– Эй, дядя, ты что ревешь белугой? Кого здесь потерял?

Иван резко остановился, словно лбом ударился об стенку, и недоуменно уставился на незнакомца.

– Что зришь, дядя? А ну, чеши отсюда!..

– Э-э, нет, Антоша, не гони ты моего старого друга и бывшего слугу, дай мне с ним поговорить...

Из-за угла дома с обрезом в руках вышел Федор Харламов, из бокового кармана у него выглядывала рукоять нагана. С хищной улыбкой на лице, заросшем грязным волосом и опухшем от постоянных пьянок, он неторопливо подошел к Кочергину.

– Ну, здравствуй, Ваня, или не признал?

– Федор?! Как же не узнать-то?..

Как ни готовил себя Кочергин к этой встрече, но при первых словах Харламова он как-то растерялся и, казалось, забыл, что он должен был играть роль пьяного.

– Что за нелегкая занесла? – Харламов стоял напротив Кочергина, тупое рыло его обреза было направлено в живот последнему. – Антон, а ну, пошарь по его карманам! Сдается мне, не зря он залетел сюда...

Обыск ничего не дал, и парень уже хотел отойти в сторону, но Харламов остановил его:

– Лопух ты, Тоша! А ну глянь у него за голенищем!

– Во как! Смотри, какой ножище!.. А я бы не нашел...

– Не изменил привычке своей, Ваня, ножичек-то всегда при себе носишь?..

– Так времена нынче беспокойные, а насчет того, что нож всегда ношу... Ты не с Филькой ли Змазным меня перепутал? Тот завсегда с ножом ходил... бандит, одним словом...

– Ну разве можно так, Ваня?.. – и на крыльце, где только что стоял Антон, появился Филипп Змазнев. – Что ж ты меня в бандиты записал, или в чеку записался? – За поясом у него торчал наган, на плече висела винтовка. – Может, расцалуемся, Иван Иванович? Мы так давно не делились... А ведь отцы-то наши по соседству жили в Подкопной...

– Ага, только я-то батяню до старости опекал, а ты своего зарезал!..

– А я и тебя зарежу, как курицу, ежели ты в мою сторону будешь таки слова бросать!..

– Ладно зубатиться, – прикрикнул Федор, – ты лучше спроси его, Филья, какого черта он здесь ищет, не нас ли с тобой?..

– Обещал мне Иван Козин бочонок меда довести еще с месяц назад... я ему и деньги вперед дал, а он все не едет... Торговать нечем, вот я и заехал к нему... обещал медовухой в усмерть напоить...

– Ну-ну... Эй, Андрюха, сторож ты наш ненаглядный, что там видать со стороны тракта? – обратился Харламов к молодому парню лет двадцати, который, незамеченный, пропустил тарантас к избушке и теперь приближался к нему с тылу с ружьем в руках.

– Да все спокойно, Федор Михалыч... Вот только эти приехали...

– Какие «эти»? – Харламов впился глазами в своего дозорного. – Он что, здесь не один?

– Да вроде кто-то еще лежит в коляске-то, пьяный или раненый... шевелится...

– Кто это? – резко повернулся к Кочергину Окаянный.

– Да я же сказал тебе, Федор Михалыч, что с дружкой загуляли, пьяный он лежит, а сюда нас водка да черти привели...

– Это ты верно сказал – черти!.. И кто там у тебя лежит?

Иван стоял, покачиваясь, и медлил с ответом. Он был уверен, что Харламов, едва узнав, что в тарантасе находится Гордей, тут же застрелит его. И как же это Федор Михалыч так неразумно бросил своего брата в лапы этому зверю... Впрочем, еще утром, слушая команды Федора, он тоже не видел ничего необычного в том, что с ним поедет Гордей – ну не Ермоху же брать с собой, в конце концов? Гриню тоже отмели – он только-только привел в дом молодую жену с дочкой, не подставлять же его под пули... Уж лучше бы Яшка пошел, хотя от него жди любой проказы, а тут дело серьезное... Выбор пал на Гордея... Да и сам тот настоял на этом... И только здесь, едва взглянув в серые свинцовые глаза Харламова, понял Иван, что Гордей обречен, впрочем, и ему самому вряд удастся уйти отсюда без урона...

– Ну, что молчишь, Ванька?! А ну, Андрей, ковырни его собутыльника ножичком в ж...пу –

67

вмиг протрезвеет...
Едва харламовский помощник двинулся к тарантасу, как из него, громко хлопая крыльями, взмыл вверх черный голубь. От неожиданности бандит отпрянул от коляски, а потом заорал благим матом:

– Смотри, смотри, Федор Михалыч, голубь!..

– Что орешь, как оглашенный, вижу!..

– Я его сейчас подстрелю, Федор Михалыч...

Раздался один выстрел, другой, но голубь, сделав незаmysловатый пируэт, стремительно набирал высоту. Антон и Змазнев тоже принялись стрелять по птице.

– Перестаньте стрелять, идиоты! У вас же патроны пулями заряжены, а птицу надо дробью бить... Лучше приведите-ка мне Ванькиного собутыльника... Хочу спросить, зачем он взял с собой этого голубка?

Ткнув прикладом в бок, харламовский вояка заставил Гордея встать на ноги и идти на зов главаря, а сам подхватил корзину, накрытую платком, и пошел следом.

– Бог мой, кого я вижу! Гордей Михайлович?! – похоже, Харламов был так поражен

встречей с Гордеем здесь, что какое-то время не мог решить, как же себя вести с ним. – Тебя же заарестовали в чеку? Тебя же Филька чуть не убил около сельсовета?.. А помнишь, как мы тебя с Иваном колотили под Горскиным?.. Не дал Ванька тебя добить, сволочь!.. Ну, ничего, тогда я ему тоже башку хорошо поправил... Сколько лет ты беспамятный ходил, Ваня?..

При этих словах Кочергин дернулся было в сторону бывшего хозяина, но ему в живот снова уперся обрез.

– Вы посмотрите на них: только что были пьяные, а теперь уже совсем тверезые!.. Ха-ха-ха! Ничего, посидите у меня здесь в чулане, а потом я вам устрою кровавую баню. Отведи-ка, Филька, их в сарайку, к Лизавете нашей, пусть они перед смертью поиграются с ней, а то мы ей уже надоели, должно быть...

– Отпустил бы ты нас, Федор. Много лет мы жили бок о бок, дружили, как могли, так неужто рука поднимется на своих земляков? – взмолился Кочергин.

– Если скажешь правду, зачем ты сюда пришел и кого с собой привел – оставлю, может быть, тебе жизнь, а Гордея Михалыча-то я тут вот и закопаю, за него даже не проси, только за себя проси! Уж слишком ты жизнь мою покорежил, Кузя!.. Не сделал я Алену своей женой, так сделаю вдовой, ха-ха!..

Гордей находился шагах в десяти от Харламова, а между ними стоял Кочергин. После слов Харламова Гордея словно молнией пронзило: он вздрогнул всем телом, склонил голову вперед и готов уже был идти на своего злейшего врага, но почувствовал удар прикладом в спину – это конвоир напомнил о своем существовании.

– Полегче, дядя!..

Гордей медленно повернулся лицом к нему и вперился ненавидящим взглядом.

– Что там, Андрей? Не слушается тебя? – с издевкой в голосе спросил Харламов.

– Наверное того, Федор Михалыч, помирать-то кому хотца?!..

– Тоже верно... А что за корзина у тебя?

Продолжая удерживать ружье в правой руке, парень поставил корзину на землю и снял тряпку. Тотчас из нее, громко хлопая крыльями, вверх взмыл белый голубь, а бандит снова испуганно отшатнулся от корзины и заорал:

– Еще один г-голубок, Федор Михалыч... Только белый...

– Вижу, вижу, что белый... Это какие же знаки ты подаешь, Гордей Михайлович, и кому? Теперь-то я вижу, что не проста ты тут, а пришел по мою душу... Неужто с этим калекой ты хотел меня взять, ха-ха-ха!.. Пришли по мою душу, а свои оставите...

В это время из-за избушки, из глубины двора, раздался чей-то отчаянный крик, а следом раздался выстрел.

– Что это, Филя? – Харламов дернулся всем телом.

– Н-не знаю... Должно быть, Кирилл... он там в дозоре...

– Бегом туда! – заорал Федор, размахивая обрезом, – Антон, помоги ему!..

Едва бандиты скрылись за углом дома, как Гордей рывком что есть мочи: «Бей гадов!» и бросился на своего охранника, повалив его на землю. В то же мгновение могучий кулак Кочергина опустился на искаженное злобой лицо Харламова. Удар был настолько силен и неожидан, что тот, громко хрюкнув, пролетел несколько шагов спиной вперед, с грохотом ударился о стену дома и обмяк. Обрез его полетел в сторону, наган выпал из кармана и Кочергин устремился к нему. Гордей легко подмял под себя бандита, и так случилось, что ружье последнего оказалось у него на груди. Заученным приемом, как когда-то в схватке с японским конвоиром в далекой Маньчжурии, Гордей рывком передвинул его к горлу противника и с силой нажал. Сухо хрустнула гортань, и парень задержался в конвульсии. Заслышав звуки борьбы, Филипп Змазнев и его помощник поспешили вернуться назад, где оставались Гордей и Кочергин, и с ходу открыли по ним беспорядочный огонь, но в это время пулеметная очередь заглушила все выстрелы и крики. Пули с громким чмоканьем впились в потемневшие от времени бревна избы, зазвенело разбитое стекло. Змазнев в мгновение ока упал наземь и змеей уполз за угол дома, другой же бандит открыл огонь по пулемету, но уже следующая очередь опрокинула его навзничь, и на груди бандита стали расплываться два больших кровавых пятна.

– Лежать, Иван! Не поднимай головы... – командовал Гордей, но уже минуту спустя со стороны тракта раздался топот конских копыт, и вскоре около тарантаса остановил своего коня Федор Кузнецов и радостно закричал:

– Гордей, Иван, живы, черти?!.

– А то как же, Федор Михалыч, – расслабленно улыбаясь, откликнулся Кочергин, – будь по-

другому, разве ж мы с Гордеем сунули бы свои дурные головы в это дело...

В одно мгновение Гордея и Ивана окружили земляки, что находились в оцеплении. Они подняли их с земли, отряхнули от пыли, жали руки и хлопали по спинам, бурно радуясь, словно те вернулись с того света. В этой гогочущей компании были Яшка Яковлев, Ермоха Лукин, братья Бронские, Гриня Павлов, Спиридон и другие мужики. Вскоре к крыльцу подтянулись бойцы отряда, а два красноармейца привели бандита со связанными руками.

– Успел, гаденыш, крикнуть и даже выстрелить, – докладывал Федору Артем Дымба, – хорошо, не попал ни в кого...

Из запертого на замок сарая привели девушку. Она была боса, в короткой грязной ночной рубашке, волосы ее были запорошены соломенной трухой. Глаза девушки были полны слез и горели каким-то безумным блеском. Она испуганно бросала взгляды на окружавших ее мужчин.

– Ты кто ж такая? – участливо спросил Федор.

Поняв, что перед ней находится человек, которого все должны слушаться, девушка схватила его за рукав и негромко запричитала:

– Дяденька! Лиза я Воронина... Мы с тятей ехали с базара, а они... они убили тятю, а меня... – она давилась слезами, и все ее красивое, но измученное тело тряслось мелкой дрожью. – Дяденька, спасите меня!.. Вы же не будете сильничать, как они?... Я уже больше не могу... мне везде больно...

Федор осторожно погладил ее по голове и попытался успокоить:

– Лизонька, никто тебя не тронет! Мы спасем тебя... Сколько же тебе лет-то, девонька?

– Шишнадцать было... Какая я теперь девонька... осрамотили они меня...

Федор нашел глазами Артема и подозвал к себе:

– Накормите ее, одежду найдите и в тарантас! В больницу ее надо быстро доставить...

Тут же он приказал тщательно провести обыск всей территории пасеки, собрать и погрузить оружие и награбленные вещи на подводы, каких здесь оказалось три, а также пять лошадей. Выбрав минуту, Федор подошел к распластанному на земле человеку, около которого группой стояли его земляки.

– Знакомого встретили?

– Да вот, смотри, Федор Михалыч, Федька Окаянный...

– Живой ли он? Похоже, не дышит... – Федор склонился над Харламовым, но заметив, как у того дрожат ресницы, вздохнул облегченно, – кто ж его так приложил?

– Иван Иванович постарался...

– Да уж, никого никогда так не бил, – признался Кочергин, – думал, что прибил до смерти, а нет, жив гаденыш, сейчас очухается...

– Федор Михалыч, – отозвал командира отряда в сторону боец, – там, в шагах трехстах, в леске, мужик повешенный... Уж не хозяин ли паеки?..

– Все может быть... Его снять надо...

– Я уже дал команду... ребята сейчас принесут его сюда...

Оставив земляков у бессознательного тела Харламова, Федор пошел проверить, как исполняются его приказания.

– Федор Михалыч, может, добьем этого гада, а то он опять сбежит, – вдогонку спросил Яшка Яковлев.

– Нет, мужики, мы его судить будем!.. Мы же не бандиты...

– Значит, этим гадам можно нас убивать, а нам их – нельзя? Почему? – возмутился Гриня Павлов. – Его бы сейчас на кол посадить!..

– А ты ступай, Гриня, в банду, там и отведешь душу... Слыхали, мужики? Нельзя его на кол, нельзя его убивать... – устало произнес Гордей.

– Во-во, он же только что сказал, что тебя здесь закопает, – продолжал возмущаться Кочергин, – а ты его защищаешь...

– Да не защищаю я его... Сказал же Федор, что судить его надо... Ну-ка, поднимите его, кажись, очухался уже...

Ермолай и Гриня рывком поставили Харламова на ноги и прислонили к стенке:

– Стой, говнюк, а то щас по стенке размажем!..

Медленно возвращалось сознание к купеческому сынку, но наконец его взор прояснился, и теперь он уже со страхом и ненавистью смотрел на стоявших полукругом земляков.

– Что, радуется, голожопики? Ваша взяла? Всю жизнь мы вас давили, всю жизнь вы нам ж... пу лизали...

– Кончилось твое время, – перебил его Гордей, – тебе вообще недолго осталось свет коптить!.. Как пить дать, казнит тебя советская власть за все твои преступления... Помнишь, как

братца своего двоюродного волку скормил?.. С тех пор ты и стал Окаянным!..

– Да уж, много он людям горя принес... Отца сгубил, говорят, мачеху опозорил... – сказал Гриня Павлов.

– А как ты в плену всех нас бросил, Иуда! – грозно надвигался на своего бывшего хозяина Иван Кочергин. – Я же, считай, из-за тебя руки лишился!.. А что ты потом дома нагородил нашей родне? Сколько стариков померло после твоего вранья?..

– ...И я в плену у самураев мало радостей видел, – подал голос Яшка.

– Вы!.. Вы... Ненавижу! Все равно все сдохнете раньше меня или вместе со мной...

– А вот хренушки тебе, похоже, ты отпрыгался!.. – вставил свое слово Ермоха Лукин. – Эх, не Федор бы Михалыч, мы бы тебя сейчас всем миром засудили и пристрелили как собаку...

– А вы застрелите, ну?! Что, кишка тонка? То-то же... – он громко застонал, обхватил голову руками, потом одна его рука скользнула за пазуху и обратно появилась уже с гранатой. – Все сдохнете сейчас!..

В то же мгновение раздался выстрел, который отбросил его к стене дома, а граната упала к ногам мужиков... Гордей держал ружье, отнятое у бандита, наперевес, а палец – на курке. Он-то и прервал угрозы Окаянного выстрелом и тут же накрыл своим телом гранату. Прошло всего несколько мгновений, но всем, кто был рядом, они показались вечностью. Раненный в живот Харламов корчился от боли, стараясь подняться на ноги. Оцепеневшие от ужаса ожидания взрыва, урские мужики широко раскрытыми глазами смотрели на стонущего бандита, на застывшего на гранате Гордея. Наконец, поняв, что взрыва не будет, Гордей сел на земле и поднял гранату:

– Слава тебе Господи, что этот гад не успел чеку выдернуть...

Громкий вздох облегчения раздался вслед словам Гордея.

– Все равно сдохнете!.. Все сдохнете!.. Ненавижу!..

Опираясь на стену дома, Харламов сумел подняться на ноги. Казалось, еще мгновение, и он ринется на своих врагов в последнюю атаку. Правой рукой он держался за окровавленный живот, а левая его рука упорно искала что-то в кармане кафтана.

– Осторожно, мужики, может у него еще одна граната?! – крикнул Гриня Павлов.

– Когда-нибудь мы все померем, ты правду говоришь, Харламов, – мрачно проговорил Иван Кочергин, – но ты сегодня сдохнешь! Сейчас!.. – Он поднял наган и выстрелил в своего бывшего хозяина.

– Уми, гад! – процедил сквозь зубы Ермолай Лукин и выстрелил из обоих стволов своего ружья.

– Будь ты проклят!.. – подвел черту Гриня Павлов и также разрядил свое ружье в обездвиженное тело.

– Век тебе жариться в аду!.. – и Яков выпустил заряд из обреза в уже недвижимое тело.

– Что за стрельба здесь? – тревожно спросил Федор Кузнецов, появляясь из-за дома в сопровождении матроса.

– Мы подлеца здесь судили, Федор Михайлович, нет ему жизни среди людей... – сказал Гриня Павлов.

– Мужики, я же говорил...

– Федор, он взорвать нас хотел, – негромко произнес Гордей, все еще сидя на земле, и протянул брату гранату.

– Что ж, собаке – собачья смерть!..

* * *

Простились братья легко, словно загадали наперед новую встречу, а не случилось, не сбылось... И если Гордей крепко был привязан к родной земле, его родившей и вскормившей, то Федор всей своей непростой и суровой жизнью словно платил за чей-то первородный грех. Вот уж над кем действительно «вихри враждебные веяли», раз за разом обрекая его на новые тяжкие испытания...

...Сразу по окончании операции по наведению революционного порядка в Кольчугинском уезде Федор Кузнецов, сдав командование отрядом ЧОНа, был откомандирован в Туркестан на борьбу с басмачами, откуда с должности командира полка был направлен в Москву на годичные курсы красных командиров. После этого гарнизона, где пришлось служить Федору Кузнецову, менялись, как картинки за окном быстро бегущего поезда: Томск, Забайкалье, Харбин, снова Томск, Дальний Восток... Судьба, казалось бы, хранила его от смертельных ран, но сам ритм жизни и три контузии, полученные уже в мирное время, делали свое недоброе дело, изнутри подтачивая древо жизни отчаянного и преданного своему революционному долгу большевика Фе-

дора Кузнецова, не давая ему время на передышку, на то, чтобы зацепиться за край родной земли, пустить корни, и тем самым, возможно, продлить свою жизнь... Только к шестидесяти пяти годам время для него замедлило свой бег и остановилось... Но тогда, осенью 1922 года, ни сам Федор, ни Гордей, никто иной не могли знать, как сложится их дальнейшая судьба...

.....

...А между тем мирная жизнь в Урском стала налаживаться... Когда Никите исполнилось семнадцать, решил Гордей отправить его на завод, чтобы получил сын какую-нибудь профессию: а вдруг не захочет он потом всю свою жизнь от сохи строить? Опять же, все в их роду получили рабочую специальность – кузнецами были! А Маша, которая уже давно освоила работу бухгалтера-счетовода, написала как-то в письме, что «...весною закончили ремонт старой домны, под музыку ее открывали, а в газете прописали, что это было «Крещение Домны Гурьевны...». Скоро готова будет мартеновская печь... строится новый прокатный цех... Так что рабочие на заводе нужны, и необязательно, что только кузнецы...»

Письма приходили редко, и подписывала их Маша теперь другой фамилией – Мария Барбашова... Расстроил-таки Рогов со своей бандой Машину свадьбу – у войны своя логика. И Курако не погулял на ее свадьбе, не довелось, потому как смерть рано забрала к себе этого доброго и талантливого человека. Зарегистрировали свой брак супруги Барбашовы в Гурьевском волисполкоме, а под квартиру занимали теперь комнату в старом здании заводской конторы, брата же Никиту, если он решится ехать работать на завод, она намеревалась поселить у тех приветливых стариков, у которых она сама жила не один год. Так, в конце 1924 года переехал Никита в Гурьевск, где был принят на работу учеником слесаря...

Но не задалась заводская карьера у Никиты Кузнецова, а все потому, что познакомился он с дочкой немецкого техника Ганса Энгарта Мартой, что работала в приемной управляющего заводом, где раньше была Маша. Через нее-то и состоялось их знакомство...

В 1922 году Ганс Фридрих Энгарт, инженер по обогащению угля, с женой и дочерью приехал в Кузбасс по приглашению Себастьяна Юстинуса Рутгера для работы в автономной индустриаль-

ной колонии «Кузбасс». Не просто было им после цивилизованного и ухоженного Запада оказаться в суровой и дремучей Сибири. И работа колонистов не всегда ладилась, а тут еще морозы сибирские раз за разом поджимали... Не прошло и трех лет, как застудилась и умерла жена Энгарта, Хильда, а вскоре разговоры пошли о закрытии самой колонии. Не захотел пожилой немецкий специалист уезжать из Сибири от могилы своей любимой жены, да и не к кому было возвращаться в Германию. Единственным родным человеком на всем белом свете для Ганса теперь оставалась восемнадцатилетняя красавица-дочь Марта, которая за этот короткий период пребывания в Сибири успела хорошо выучить русский язык, освоить работу секретаря-письмоводителя и даже курсы счетоводов окончить, а главное, полюбила суровую, но привлекательную своей неожиданностью природу сибирского края. Зная о печальной участи АИК «Кузбасс», директор Гурьевского завода Г. Е. Казарновский пригласил некоторых немецких специалистов к себе на завод. Одним из них был Ганс Фридрих Энгарт. Поначалу сомневался он, принимать ли такое предложение, но когда узнал, что русские, вопреки всем догматам иностранных ученых и металлургов, намереваются плавить чугун на сыром каменном угле, загорелся желанием постичь эту технологию и... дал согласие.

Рьяно принялся за новую для себя работу Ганс Энгарт, с утра до позднего вечера пропадая в цехах завода, часто выезжал на шахту, где добывался уголь из пласта «Мощный», оставляя свою дочь скучать по вечерам в одиночестве. Но однажды, поздно вернувшись из очередной поездки на шахту, он обнаружил у себя в комнате молодого приятного человека. Судя по тому, как его дочь легко и весело разговаривала с парнем, он сделал вывод, что они давно знакомы, а чуть позже заметил, какими влюбленными взглядами обмениваются молодые. И хотя у русского парня было неказистое имя – Никита, в разговоре он выказывал большую начитанность, имел собственные взгляды на многие вещи и события, к тому же самостоятельно готовился к поступлению в горный техникум... Но этому знакомству не суждено было быть долгим. Однажды у Ганса Энгарта случился сердечный приступ, и врачи не смогли ему помочь – обширный инфаркт...

Единственной опорой на всем белом свете для осиротевшей Марты остался ее любимый

друг Никита... Зарегистрировав свой брак, молодожены стали жить в комнате, которую занимали отец с дочерью. Узнав, что Никита женился, не испросив разрешения родителей, Гордей негодовал от возмущения и вообще был готов отказать от своего сына-ослушника, но потом вместе с Аленой приехали они на завод в гости к молодоженам. Каково было их удивление, когда они узнали, что Марта уже на пятом месяце беременности, и пришло время думать, где и как она будет рожать. На семейном совете, в котором приняли участие и супруги Барбашовы, было решено, что после родов в гурьевской больнице Никита с женой и ребенком вернется в Урское... Так все и случилось, и в канун 1927 года Никита, получив расчет на заводе, вернулся в отчий дом со всем своим семейством...

А в начале 1929 года Иван Петрович Бардин, друг и ученик Курако, получил предложение возглавить стройку будущего металлургического гиганта – Тельбесского (Кузнецкого) завода. Вслед за ним отправились на стройку в Кузнецк многие из тех специалистов, что приехали в Сибирь вместе с Курако весной 1918 года. В их числе была и семья Барбашовых...

ГЛАВА 6

65

Любой человек, переживший глубокое потрясение, норовит найти покойную минутку, чтобы прийти в себя, набраться сил, а потом шагать дальше по жизни, насколько ему Богом отпущено. Так и сибирское село, превозмогшее Гражданскую войну с колчаковскими грабежами, красными реквизициями и последующей продразверсткой, а потом еще перетерпевшее пору бандитского шабаша, в середине двадцатых робко, но облегченно вздохнуло: военные страсти наконец-то остались позади, костлявая рука голода с Поволжья не дотянулась до Сибири, а раз так, то жить надо, обустроиваться, детей растить... «Тяжелее были времена, и то не пропали!..» – словно подстегивал себя такими словами русский мужик, все натузившее налегая на плуг или все более яростно вгрызаясь в твердокаменную сибирскую землю: кто в копах – за углем, коего оказалось здесь немерено, а кто в шурфах – за скупыми золотыми подачками Салаирского края. И тем легче дышалось мужику, чем больше в его жизнь входило так до конца и не понятое ему слово «НЭП». И главное, что он развязал мужику руки: работай, продавай, покупай... Конечно, не все сладко да гладко было, но

советчиков находилось, хоть отбавляй: то артели надо было организовывать, то товарищества разные, к примеру ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли), а то и вовсе коммуны предлагали строить, где не только все имущество должно быть общим, но и женщины тоже, поскольку они объявлялись «достоянием всего трудового народа». Не здесь, конечно, не в Сибири, все эти безобразия проявлялись, а «в Европах», под Москвой... Попробовали такие коммунары встряхнуть Россию, да не тут-то было: устояла Русь патриархальная, а любителей наготы и прочей срамоты закидали камнями да картошкой, чтобы другим неповадно было, а где и арбузы в ход пошли. Но Сибирь миновала сия чаша: только слухи дошли до ее глубинки, да не так слаб сибирский мужик, чтобы от дурной молвы надломиться...

...Осторожно, без прежней широты и веселья, встретили жители Урского в 1927 году светлую Пасху. Десятый год все дела в стране вершились под жестким контролем Советов. С первых дней после победы Октябрьской революции народу было объявлено, что религия для него есть опимум, а она все жила в голове и сердце того самого народа. Сколько священников было побито в страшном угаре Гражданской войны, сколько их позднее отправили в концлагеря да исправительно-трудовые лагеря, а вера в своего Спасителя продолжала греть и поддерживать в трудную минуту простых русских мужиков и баб. Сколько храмов было разрушено, а то просто передано под склады и клубы, но молитвы и псалмы продолжали звучать во всех городах и весях российских, если не под сводами церковными, то по избам крестьянским. И хоть проводить крестные ходы на праздник Пасхи сельсоветы, как правило, запрещали, но запретить красить яйца, печь куличи и христосоваться с родными и близкими они не могли. Уследишь разве за каждым домом-то?!

Тихо, по-семейному отметили праздник Кузнецовы да пришедшие к ним в гости Кочергины, Иван да Евдокия. Все чинно было, как в прежние времена. Похристосовались при встрече, расцеловались троекратно, простили друг другу все обиды, отслужили молитвы урочные, а тогда и за стол праздничный сели. Когда стали крашеными яйцами биться, то оказалось, что всех побил Иван Кочергин. Когда он разбил у Гордея пятое к ряду яйцо, тот не выдержал и выскочил в сени,

где стояла про запас еще чашка с крашеными яйцами. И в этот раз Иван вышел победителем, да все как-то хитро улыбался при этом. Решили закончить безрассудную битву и порчу провизии, выпили, а когда Иван потянулся за закуской на столе, то нечаянно обронил на пол свое крашеное бойцовское яйцо, и оно, отозвавшись звонким деревянным стуком, укатилось под стол, сопровождаемое громким смехом веселой компании. Лишь Гордей еще долго недовольно пыхтел, поглядывая на товарища:

— Э-эх, Иван, шалопай ты и жулик!.. Да как же ты в такой светлый праздник на жульку пошел, а?

После того, как Гордей повторил это в третий раз, Иван не выдержал и на полном серьезе повинулся перед всеми за свою дурацкую шутку, а затем, встав перед божницей, громко прочитал покаянную молитву, только после этого Гордей перестал дуться на него. Разговоры пошли, песни теплые да светлые, как сама весна. И только в минуту затишья за столом, вставила Алена:

— Ждали в празднику-то Машу с мужем, да не дождались... Накануне письмо пришло от нее, где она строго настроено просила не привозить на Пасху никаких куличей и крашеных яиц, потому как они с Сергеем комсомольцы, строители новой жизни, и такие штучки им могут не простить.

— Ничего, мать, после праздника поеду в Гурьевск, навещу дочку-то да провианту им отвезу, — успокоил жену Гордей. — В письме-то ничего не пишет об том, а я уже промеж букв это вижу, что трудности у них появились в провиантом...

...А когда стал Гордей собираться в Гурьевск, невесть откуда прознал об этом Ермоха Лукин и стал напрашиваться в попутчики.

— Все одно туда едешь, и мне надо...

— А тебе-то зачем? — спросил недовольно Гордей.

— Да, понимаешь, у моей Глафиры стиральный чугунок треснул, в каком она белье кипятит, ну а как без него-то?

— А что сам-то не едешь? Лошадь есть, телега есть...

— Так-то оно так, да, понимаешь, Гордей Михайлич, телега у меня никудышная, боюсь не доеду до завода-то... Опять же Борька собирается на жеребце огород пахать, а у меня коняжка-то одна, да и в такую даль в одиночку надо ездить с опаской... А у меня и ружья нет... Вот, ежели попадется там, то куплю в этот раз...

– Ну, Ермоха-гармоха, все рассчитал... Так и норовишь всякий раз на чужом загривке прокатиться!.. Ладно, лошади мои, коляска моя, зато харчи твои будут... Смотри, весть день уйдет на поездку – бери больше!

– Возьму, Гордеюшка, и самогону возьму, не боись...

Гордей только поморщился от этих слов: он знал, что самогон у Ермолая хоть и крепок, да вонюч, потому что не умеет он очищать его от лишних примесей, а то из скупости своей первач может запросто смешать с остатками браги: чтобы, значит, побольше было самогона, а плохой он или хороший – не то главное... На селе все давно знали о том, как Ермоха гонит его – сам же и проболтался, когда пьяный был...

Ехать надумали в последний день апреля...

...Как-то сдержанно встретила дочь Гордея – едва чмокнула в щеку, а так все поодаль от него держалась, когда чаем угощала под пирожки да шанежки, что мать прислала, а в разговоре нет-нет да на «вы» сбивалась... Опечалился было Гордей, хотя виду старался не подавать: отдалилась дочка совсем. Мало того, что больше года в гости не навещалась, так еще и «выкать» стала отцу родному... Уже потом немного отошел сердцем, когда решил про себя, что это от культуры своей Маша стала его на «вы» звать. Отметил про себя, как чистенько да аккуратненько она одета. Небогато, но с каким-то особым изыском, какого деревенские девки отроду не знают... С мужем разговаривает ровно да серьезно... Ни шуток тебе, ни каких-то шалостей, как было всегда принято у них в семье, да и сам Сергей сидит, напыжившись... Сметнул Гордей, почему так, когда Маша сказала, что мужа приняли кандидатом в члены ВКП(б), что он теперь главный снабженец завода и часто ездит в разные командировки... Услыхав это, Гордей и сам невольно подтянулся, словно и его в эту партию приписали да по командировкам заставляют ездить...

...Пятую кружку чая допивал Гордей вприкуску с комковым сахаром (варенье-то решил не трогать – городским оно нужнее), а про себя уже решил, что ночевать его здесь не оставят, хотя две комнатки у них отдельные и диван в зале свободный... Да и не собирался он ночевать – Ермоха, должно быть, уже заждался его у скобяного магазина, – а как понял по настроению хозяев, что его не пригласят к ночевке, все равно

где-то в глубине неприятно екнуло: отдалилась дочка, отдалилась...

Рассказав уже на третий раз все деревенские новости, засобиравшись он в обратную дорогу, а они ему вежливо так стали помогать в сборах, и уже прощаясь у порога, всплакнула дочка: «Папенька, матушку поцелуй крепко от меня... Скучаю я по ней шибко...».

– Ну хоть так, и то ладно, – потеплело немного на душе у Гордея, – не все, видать, потерялось у нее на этом заводе... мать-то жалеет...».

– Ну что ты, Гордей, так долго?... – подступил к нему с упреками Ермолай, – я тут уже половину харчей изжевал, сидя на завалинке, да первачка своего пригубил... Давай-ка топерь ты попробуй...

– Да нет, Ермоха-тютеха, есть я не хочу: дочка чаем напоила да Алениными пирожками накормила, а твой мутный первачок я пить поостерегусь... дома анисовки своей изопью...

– Ну вот, я думал, за компанию выпьем да поговорим прямо в дороге-то...

– Это, видать, твои матушка с батюшкой научили тебя водку пить в телеге на ходу? Они ведь любили на своих страшных лошадках разъезжать по гостям...

– Да ладно, Гордей, не поминай моих родителей все, какие бы ни были, а жизнь мне дали...

Не хотел Гордей обижать понапрасну Ермолая, и потому предложил ему заскочить на минутку в кабак, где когда-то сидели они с Федором, выпить по стаканчику казенной водки да съесть по чашке щей с кашей...

Все-то в кабаке, казалось бы, как и прежде: тот же пьяный гул да сизый дым под давно не беленым потолком, такие же проворные половые, та же горькая водка... Не было только девочки, поющей слезные песни... не было брата рядом... да и молодость ушла куда-то навсегда...

Солнце – к закату, а мужики – к дому...

...Едва они проехали Малую Салаирку, как Ермоха вытащил из-под сиденья корзину с провизией и снова принялся уговаривать Гордея выпить по стаканчику самогона, но тот упорно отказывался от угощения и, сидя на козлах, правил лошадьми.

– Ну, как ты не понимаешь душу русского мужика: не могу я пить в одиночку, мне этот нужен... как его...

– Событьи́льник! – со смехом подсказал Гордей, – а ведь у магазина-то один пил или кого-то приглашал?

– Да господь с тобой! Чужого да незнакомого?!. Да у меня водка в горле застрянет!..

– Да, Ермолай Лукич, однако ты уже хорош, а до дому нам еще часа три ходу... Уснешь да свалишься где-нибудь в канавке, а я и не замечу... Мне ведь за лошадьми глядеть надо, не до тебя, Ермоха-дуреха!.. Хотя вон впереди какой-то мужик вышагивает в нашу сторону... Подсадить, что ли, к тебе заместо событьи́льника?.. – и он громко рассмеялся.

Вскоре они поравнялись с путником. Им оказался мужчина лет шестидесяти, с седой гривой волос и такой же бородой. Крутой высокий лоб говорил за упрямый характер его хозяина, а шишковатый нос смешно топорщился на худом, изможденном лице мужчины. Одет он был в темную грязную, а местами рваную рясу, на груди на шелковом шнурке висел медный крест. Хоть и не таились урские мужики, а, поравнявшись с пешеходом, похоже, напугали его. Он как-то неловко отпрянул на обочину дороги, какое-то время изучал их своими большими серыми, чуть навывкате глазами, а потом, подавляя внутренний трепет, спросил приглушенно:

– Люди добрые, ответствуйте за ради Бога, вы православные? 68

– А то как же? – откликнулся Ермолай и широко перекрестился, удерживая в левой руке бутыл с самогоном.

– А ты чьих будешь, калик перехожий? – спросил Гордей. – По одежке видать, ты поповского сословия?..

– Все скажу, люди добрые, помогите только... Третьи сутки без сна и без пропитания...

– Да куда ж тебя несет нелегкая?

– Все скажу... – и вдруг он разрыдался в голос, упал на колени.

Гордей с Ермолаем бросились поднимать его, усадили в коляску, дали воды испить, а Ермоха изловчился и сунул в руку новому попутчику железную кружку с самогоном. Тот ее выпил одним махом, а потом долго откашливался. Перекусив остатками ермохинской провизии, мужчина хотел что-то рассказать, да голос его совсем потух, глаза закрылись, и, рухнув на пол коляски, забылся он тяжелым тревожным сном, изредка жалобно вздыхая.

– Эх его умотало-то! – проговорил Гордей. – Староват он для таких походов-то...

– Гордей, смотри, – потянул его за рукав Ермоха, – у него левый сапог без подошвы напроць!.. Как же он идет-то?..

– Видать, крепко его жизнь в оборот взяла... Пусть поспит до села... заночует у меня, а там видно будет...

– А не страшно, Гордей? А вдруг басурман какой, что тогда?

– Сразу видно, Ермоха, что, сидя у мамки с папкой за печкой, ты ни одного басурмана-то и в глаза не видел, а говоришь... Поп он, видно же по одежке, по кресту, опять же говорит, как молитву читает...

– А что ж тогда он такой... чумазый?

– Время сейчас для их брата тяжелое да опасное. Сколько сгубили в войну, так и сейчас продолжают изводить это сословие. Совсем Русь-матушку советчики хотят от Бога оторвать, да не выйдет у них это, не выйдет!.. Русский мужик с Богом-то бок о бок тыщу лет живет да поклоны ему шлет, а они со своими книжками да партиями за десять лет все изломать хотят... Не получится!..

– Верно ты говоришь, Гордей, верно, да только не надо бы так громко, а то, не дай бог, беда случится!..

– А ты не болтай попусту – беда и не случится! Эх ты, Ермоха-дуреха! Ты ведь старый уже, а все пугливый...

– Потому и пугливый, что старый, а старый, потому что всегда пугливым был, потому и живу пока...

– Чудишь, парень! Ладно, пей свою самогонку, да двинемся в дорогу... Надо бы накрыть его попоной, что ли... Сдается мне, от властей он бежит...

* * *

В село они въехали, когда уже стемнело, и потому вряд ли кто из земляков усмотрел, кого привез с собой Гордей Кузнецов. Ермолая он высадил у моста да наказал еще раз не болтать о путнике, которого они встретили на тракте, на что получил самые горячие заверения о молчании. На том и расстались.

Уже на дворе, распрягая лошадей, отправил он Никиту, который хотел ему помочь с лошадьми, подтопить баню.

– А зачем, тятя, не суббота ведь?

– Надо, Никитка, хоть и не суббота... В коляске человек один спит... тяжело ему, умаялся в дороге... Матери скажи, чтобы на стол собрала

да еще скажи, что Ганя сегодня будет спать в доме, на гопчике, а в летней кухне гостя уложим... ступай уже...

Алена, стоявшая на крыльце, слышала весь разговор отца с сыном и только спросила с сомнением:

– А надо ли так, Гордей? А если тать какой?..

– Бог с тобой, Аленушка! Поп это... божий человек, а ты его в вороги записала...

– А ну кто донесет Колесову да его ватажникам, и снова тебе контру припишут?

– Да никто никому не скажет, успокойся! Мы ведь только с Ермохой были...

– Вот он-то и расскажет!.. Первый болтун на селе!..

– Да слово он дал, что молчать будет... Авось сдюжит в этот раз-то?

– Ну-ну, клуют тебя советчики раз за разом, а ты все свое гнешь! О семье бы хоть подумал! Егорке еще года нет, да и Ганя – чуть лучше грудничка...

– Ну ладно, Аленушка, денек-другой отлежится да дальше пойдет по свету или сам властям сдастся...

– Так ты даже не знаешь, что он натворил и в дом ведешь, Гордей?!

– А-ле-на! – чуть нараспев проговорил Гордей, тем самым показывая, что его терпению приходит конец. – Человек трое суток не спал и не ел... упал вот на дно коляски и все проснуться не может, а ты хочешь, чтобы я справу навел у него?! Говорю же тебе – человек божий, а как ему не помочь, коли сам в Бога веришь?

– Ой, ладно, Гордей! Все одно тебя не переделаешь... Белье сейчас вынесу... Гостя-то пока не буди... пусть баня протопится, тогда и разбудишь, а я стол накрою...

...Зарозовевший после бани, Михаил Борисов представился хозяевам как священник Никольской церкви, что была в селе Черкасово Прокопьевского района. Накоротке осенив себя троеперстием, Кузнецовы заняли места за столом, а гостя Гордей посадил во главу стола и пригласил отведать их скромное угощение. Окинув взором просторную горницу, батюшка встал и, обернувшись лицом к иконе, прочитал молитву, сопровождая ее крестным знамением:

– Очи всех на Тя, Господи, уповают, и Ты даешь им пищу во благовремени, отверзаешь Ты щедрую руку Твою и пополняешь всякое животное благословением. Аминь!

Приученные к чтению молитвы в голос только по большим праздникам, Кузнецовы поначалу несколько растерялись, но потом дружно поднялись со своих мест и хотели поддержать гостя, да не успели – больно коротка молитва! Зато последнее «Аминь!» они словно выдохнули...

Только после этого отец Михаил принял из рук Гордея стакан анисовки, выпил и принялся за еду, но еще долго с какой-то затаенной опаской в глазах, подернутых слезами, смотрел по сторонам да изредка приговаривал:

– Спаси Господи, что на добрых людей мя вывел!..

За столом сидели Алена с Гордеем да Никита, Ганя расположился на полатах, а Марта качала люльку с маленьким Егором и не принимала участия ни в поздней трапезе, ни в разговоре.

В неторопливой беседе гость поведал, как незадолго до встречи на тракте с Гордеем и Ермолаем хотел он зайти в Малую Салаирку, чтобы попросить милостыню да какую-нибудь обувь (сапог-от совсем без подошвы был), так «молодые комсомолы», что на взгорке у дороги играли в городки, в ответ на его просьбу, после того как разглядели на груди крест, освистали и погнались прочь, кидая вдогонку биты, отчего он несколько раз упал, корчась от боли, а в довершении всего пустили вслед такую же молодую и злую, как сами, собаку. И целую версту гнала она его, старого человека, сопровождая злобным лаем... Спасибо, что Гордей Михайлыч со спутником пресекли это издевательство и усадили к себе в тарантас...

– И за что же, батюшка, все беды на вас? – осторожно спросила Алена. – Или грех ваш так велик, или люди, что рядом с вами, совсем обезумели?..

Поняв этот вопрос как приглашение к рассказу о причинах своих мытарств, рассказал старик о том, что в день Светлой Пасхи получил он разрешение в милиции на проведение в своем селе крестного хода с песнопениями, молитвами и заходом в избы крестьян. И все-то было чинно да ладно, пока не увидел старый священник в избе у одной из крестьянок рядом с божницей вырезанные из газеты фотографии красных командиров – Ворошилова да Буденного. Закипела душа старца, сорвал он их со стены и бросил на пол со словами: «Пошто рядом с ликом Божиим картинки навешали?!». Такая же участь постигла карточки в другой избе, после чего все участники крестного хода, кто потихоньку, кто порезвее в

испуге разбежались по домам, не дожидаясь последней проповеди батюшки и окропления святой водой...

А спустя два дня старшему милиционеру села Черкасово Языкову на стол легло письмо, подписанное церковным старостой Ефимом Мальцевым и председателем церковного совета Вячеславом Куколевым, где подробно описывались минувшие события, а заканчивалось оно так: «Совершенное Борисовым является преступлением и ненавистью к Советской власти. На основании того просим привлечь его к законной ответственности и отдать под суд».

... Не ведал старый священник о существовании данного письма, но нутром своим почувствовал, что его пасхальный демарш не пройдет ему даром, и потому уже на следующий день, сложив в небольшую котомку самое необходимое, он ушел... пустился в бега...

— Да как же ты, батюшка, такой грех на Светлую Пасху устроил? — спросил удрученно Гордей.

— А разве не грешно то, что слепцы эти... вот именно, слепцы! — вдруг резко, будто самого себя убеждая, выкрикнул священник, — рядом с ликом Божиим карточки прохвостов разных наклеили? Это ведь с их попущения, если не приказа, жгли и жгут церкви, предают смерти слуг Божиих? И как это можно терпеть?..

— Много в ваших словах правды, батюшка, — грустно произнесла Алена, — да, видно, на роду у нас так написано — терпеть власть супостатов. Бог терпел — и нам велел...

— Как раз Вседержитель-то наш не стал терпеть сатанинские происки власть имущих в Иудее, возвысил свой голос в заступу сирых и убогих, в защиту веры истинной, за что и был распят отступниками... Мог бы, по разумению человеческого, промолчать и отказаться от Веры своей, за что, наверное, был бы пощажен жестоким судиею своим и порочным Синедрионом, но тогда не стал бы он тем, кем он явился всему миру христианскому... Да, дочь моя, Богочеловек терпел... муки свои, что принял на кресте, за веру свою, за правду свою, стоически терпел и нам завещал это терпение... Но нельзя, Алена Ивановна, равнодушно зреть, когда веру истинную ломают, когда святые образа поганят да человека принижают до состояния поросенка только потому, что он не молится на их антихристовы звезды. Грешен я, что не дал укорот гневу своему, но что он рядом с их грехом? Я отмолю его, даст

бог, молитвами, воздержанием, но эти богоборцы себя явили равными Богу и топчут тысячелетнюю веру православную, а с нею и души всех верующих русичей. Татарове, что держали нашу Русь в ярме долгие годы, и те Веру не трогали! И как же нам терпеть все эти принижения и издевательства?

— Времена нынче другие, отец Михаил, — проговорил Гордей, — мир изменился, люди другие стали, как тут быть-то?..

— Так-то оно так, да Бог-то наш — един и вечен, и только вера в него позволит сохранить человеку в себе человеческое, духовное. Не то все эти измены и перемены доведут Его паству до бесовщины, если уже не довели... Спаси и сохрани, Господи, слабых и заблудших... — и он осенил себя знамением. — Я ведь тоже, было, впал в ересь обновленчества, рукоположен был в сан священника обновленческим епископом Нагановым...

— Обновленцы — это которые без бороды службу несут? — осторожно спросила Алена. — Был такой у нас в Красном, еще где-то такие есть, люди баяли...

— Что в миру, что в клиру — везде война идет, а от того, кто верх в ней возьмет, и судьба наша зависит...

— И как же вы теперь, батюшка... — Алена замаялась, не зная, какие слова подобрать, чтобы и вопрос задать, и человека не обидеть. — Неужто вовсе отреклись от веры истинной?

— Много дум разных было, многое пережить пришлось, и позвало меня назад, в лоно церкви истинной, и отправился я в Первопрестольную со своим прошением на имя Его святейшества Тихона, Патриарха Московского и всея Руси. Покаяние в нем свое принес, отрекся от лжи обновленческой... Простил Преосвяtitель, перерукоположил меня по исповеди у духовника и направил к преосвященнику Никите Бийскому за получением прихода...

— А как же здесь-то ты оказался, отец Михаил? Здесь ведь Кузнецкий округ, а не Алтай? — спросил Гордей, за что получил тычок в бок от Алены.

— Неисповедимы пути Господни, как и тех, кто идет вослед ему... — уклончиво ответил гость. За время беседы они не раз отвлекались на еду и питье, и потому их гость выглядел очень усталым. И все же, преодолев усталость, отец Михаил, поднялся из-за стола и прочитал молитву, но теперь уже вслед за ним дружно вторили и хозя-

ева, а Ганя, оставив полати, встал на колени перед иконой и раз за разом клал поклоны:

– Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ, не лиши нас и Небесного Твоего Царствия, но яко посреде учеников Твоих пришел еси, Спасе Мир дай им, прииди к нам и спаси нас. Аминь!

– А вам особое благодарение наше за доброту и внимание, за то, что не дали пропасть рабу божьему, за хлеб, за соль, но если мне укажите уголок, где я чресла свои могу преклонить – благодарен буду вдвойне, а поутру совершу молитву на ваше оздоровление...

– Я провожу вас, отец Михаил, – поднялся из-за стола Гордей. – Здесь младенец у нас неспокойный да еще отрок... не в себе он, а там вам спокойно будет...

– А боголюбив и послушен зело отрок ваш Ганя, – говорил Борисов, спускаясь по ступенькам крыльца, поддерживаемый Гордеем. – Приведи, Гордей Михалыч, его завтра ко мне. Умом он слаб да душою чист, а каждая беседа с таким чадом, что касание крыла ангела... И ваши души, ежели есть в том нужда, готов облегчить добрыми словами и молитвами...

...Еще до поездки в Гурьевск Гордей намеревался съездить в Горскино к мельнику Кузьме. Мука была на исходе, и потому хотел свезти к нему зерно для нового помола. Пока запрягал Красулю в ходок, мимо с ведром молока прошла Алена.

– Опять одна горбатиться? – недовольно буркнул он вслед жене, – Невестку-то надо приучать к деревенской жизни, а то так и будет на корову смотреть, как на картинку...

– Да куда ей сейчас-то? Егорку грудью кормит она, не до коров ей...

Управившись с лошадей, Гордей сел завтракать, а мимо него к выходу прошмыгнули Марта с Никитой. На ходу они о чем-то весело переговаривались, а в дверях столкнулись с Аленой, и Никита, чмокнув ее в щеку, проговорил на ходу:

– С праздником, маманя!..

– С каким это еще? – не поняла Алена.

– Да сегодня же Первое мая – праздник всех трудящихся мира!.. Неужто забыла?

– Да уж, великий праздник!.. – недовольным голосом отозвался из-за стола Гордей. – Пасху, Рождество – не могли праздновать, а тут, вишь, мировой праздник... Вы что же, к сельсовету собрались идти?..

Почувствовав в голосе отца нотки недовольства, Никита, а вслед за ним и Марта перестали улыбаться, и уже совсем серьезным голосом Никита добавил:

– Там митинг нынче будет... На сельсовете флаг новый должны повесить, речи разные говорить будут, песни петь революционные... Если маманя доглядит за Егоркой...

– Догляжу, конечно, ступайте уж...

– Погоди ты, мать... И кто же вам все это наговорил? – голос Гордей по-прежнему выдавал его недовольство.

– Ребята говорили, комсомольцы...

– И вас, однако, в комсомолы зовут? – с легкой усмешкой спросила Алена, присаживаясь за стол рядом с Гордеем.

– Зовут... Давно уже...

– Нечего там делать! – сурово сказал Гордей, со стуком поставив на стол пустую кружку. – Только и делов-то у них, что колготиться около сельсовета, песни петь да церковь хаять! Нет чтобы работу какую делали...

– Ну как же, тятя, субботник проводили по лету, когда лес-топляк из реки вылавливали...

– Ну, и где он этот лес? Кому его отдали? Сказывали, Семка Скопцов, что продал лес кому-то Колесов, а в кассу деньги по сию пору не вложил. Вот и получается, что комсомол ваш на партейца Симу Колесова горбатится!.. Если уж работать, так на себя или за дело какое-то общее да полезное, а так...

– Опять же, Никита, ты же помнишь, как комсомольцы ваши пьяные подрались, и Кольку Иванова Филька Змазнев убил?.. – вставила Алена.

– Ну, мать, скажешь! Это Филька пьяный был... он всегда пьяный да дурной, и как его свет белый терпит, сколько душ уже погубил этот варнак! За бандитство с Федькой Окайным отсидел два года, а тут амнистия! Думали, за ум возьмется, а он Кольку Иванова зарезал да опять в бега подался. Одно слово – сволочной он мужик!.. Я о том, что комсомольцы эти болтаются как... – тут Гордей замолчал, глянул на стоявшую рядом с сыном сноху и добавил уже другим тоном, – дерьмо в проруби... Все заботы себе не найдут...

– Ладно, батя, никуда мы не пойдем в таком разе... Я возьму бинокль дяди Федина?

– А на что он тебе, бинокль-то?

– Да мы с Мартой хоть посмотрим с крыльца, что там будет...

– Что ж, возьми, в спальне он у нас на стене висит...

Взяв бинокль, Никита неулыбчиво поблагодарил отца и вместе с Мартой вышел из дому. Глядя им вслед, Гордей и Алена какое-то время молчали, и, словно по волшебству, каждому из них на ум пришла одна и та же мысль: при всей разнице как же они похожи друг на друга, Никита и Марта. Оба небольшого роста, худенькие, стройные, гибкие, с тонкими красивыми чертами лица. Если Марта была вся в породу своих предков – светловолосая да голубоглазая, то Никита был кареглазый, с густыми бровями, которые в детстве были совсем рыжие, но в последние годы, как и вся его шевелюра, потемнели, превратив его в темного шатена. Не нашел в нем, как не искал Гордей, тех черт, коими сам был богат. Где широкая кость и плечи в косую сажень? Где тот густой и черный волос, покрывавший у него не только голову, но и все его крупное мосластое тело? Обоим их младший сын напоминал... Федора, ей – с легкой, но пронзительной грустью, ему – с обидой, со временем уже ослабевшей. Ни разу Гордей и Алена не поднимали этот вопрос меж собой: кто отец Никиты? Чей он сын? А ведь тридцать лет они вместе, и сыну уже двадцать первый идет. Молод он еще, да уже сам отец. Последний из деток, а первый сделал родителей бабкой и дедом... Так, не сговариваясь, и несли они по жизни эту тайну святого порока...

– Ну, мать, я поехал, а ты тут гостя нашего накорми да займи чем-нибудь, чтобы не скучал, книжку какую-нибудь дай, Никита недавно из читальни принес... Крепок на сон батюшка-то...

– Да он уже проснулся... Умывался, когда я в дом шла... Накормить его надо будет... А Ганя-то убежал к сельсовету спозаранку...

– Ну и пусть... Ему Бог – главный советчик... Хоть не в себе, а лишку не скажет и не сделает...

Никита и Марта, забравшись вдвоем в кресло, сделанное еще их дедом, рассматривали в бинокль, что происходило на площади перед сельсоветом, а внизу, около крыльца кузнецовской усадьбы, с интересом оглядывая двор, стоял их гость Михаил Борисов. Завидев Гордея с Аленой, священник поздоровался с ними, склонив голову:

– Буде здравы, Гордей Михайлович и Алена Ивановна! Утро-то какое славное... солнышко...

– Доброе утро, отец Михаил! – ответила за двоих Алена. – Как спалось, батюшка?

– Аки младенцу!.. В первое мгновение, как проснулся, почудилось мне, что я в раю и ангелы песни мне поют...

– Это, батюшка, вам почудилось... Куры там за стенкой, и когда ищут место, чтобы яйцо снести, то ворчат по-своему, словно поют...

– И то верно, хозяйюшка, а все одно приятно слышать...

Пока Алена разговаривала с Борисовым, Никита протянул бинокль отцу произнес недоуменно:

– И флаг новый есть, и люди собираются, музыка играет, а Серафим Колесов, словно, куда уезжает...

Гордей взял бинокль и уже в следующее мгновение понял: к нему собирается партийный секретарь, на телеге с вожжами сидел Мока, рядом стоял Ермолай и что-то доказывал Колесову, но тот, словно не желая слушать, отворачивался от него, пока, наконец, не рассердился и не оттолкнул от себя, а потом схватил за рукав Семена Скопцова и потянул на телегу. С высокого крыльца сельсовета Илья Гвоздев что-то кричал Колесову, но тот только отмахивался. Наконец, секретарь запрыгнул на телегу, и Мока тронул вожжи...

– Да, день-то хороший, батюшка, солнышко, но у людей-то свои заботы, – сказал Гордей громко и озабоченно. – А что будет тебе, отец Михаил, ежели тебя изловит милиция или сельсоветчики?

– Грустно говорить, Гордей Михайлович, но, похоже, холодной мне не избежать, а то и хуже... На все воля Божия!.. – И он перекрестился. – Вы так спрашиваете, будто случилось что-то?..

– Еще нет, батюшка, но может случиться... Похоже, за вами едут наши сельсоветчики... Минут через пять-десять здесь будут...

– О Господи Всесвятой, спаси и сохрани мя...

– Батюшка, если вы хотите спастись – садитесь на ходок и Никита вас отвезет, куда скажете: в Горскино, в Красное... в другую какую деревню, но уезжать нужно немедленно, сейчас же... Готовы ли вы?

– Да я-то готов... Голому одеться – подпоясаться... Господи ты, Боже мой!.. – Он как-то поженски всплеснул руками и стал взбираться на повозку.

– Никита, марш за вожжи, отвезешь в Красное, ежели чего оставишь на ночлег у Игната Слепцова, у шорника, в прошлом году мы с тобой были у него, помнишь ли?

– Помню, тятя, сделаю все, как велишь...

– А сам сразу домой ворочайся...

В следующее мгновение Никита уже открывал задние ворота, а Гордей, подхватив в углу сеней свои старые сапоги, стал спускаться вниз.

– Гордей, на-ко возьми котомку, – остановила его Алена, – даже покушать не успел батюшка...

Бросив в ходок сапоги, котомку с едой и баклажку с водой, что всегда стояла на скамейке возле крыльца, Гордей помог сыну забраться на место возницы и дал такое напутствие:

– Доедешь до Горелой сосны – уйди с дороги, схоронись в кустах и повремени с часок... Ежели они в погоню пойдут за вами, то не ходи на Красное той дорогой, с полверсты впереди будет просека... старая она, заросла, наверное, но по ней ты сможешь на Крестьянский тракт выбраться, и уже там – на Красное... Ежели вас поймут да пытать тебя будут, скажешь, что ничего не знаешь, ни ведаешь, кто этот человек... Отец просил подвезти знакомя до Красного... По просеке-то осторожней, а то ненароком колеса оставишь на кочках да ухабах... С Богом, сынок!.. А ты, батюшка, прости, что так прощаемся – не моя вина, а тех лиходеев, что гоньбу за тобой устроили...

– О чем слова твои, Гордей Михалыч? Премного благодарен вам за все... Вчера ведь и умереть мог на обочине... сердце зашлось, озяб весь, голодный...

– Папа, – раздался с крыльца голос Марты, – они уже до угла вашего огорода доехали... шнеля надо, шнеля...

Хорошо изучившая русский язык за время пребывания в АИКе, Марта говорила почти без акцента, но когда волновалась, то он выдавал с головой ее немецкое происхождение, а то и вообще срывались с языка немецкие слова.

– О-о, слышу прусскую речь, Гордей Михайлович! Какая у тебя широкая душа: сношеница – пруссачка. Навряд ли новая власть это одобрит... сироту, блаженного усыновил... меня не побоялся подобрать в дороге...

– Отец Михаил, ехать надо!.. – нетерпеливо трепал его рукав Гордей.

– Да, да, конечно... Добро творишь, и воздастся тебе сторицей!.. Да прибудет с вами Господь в минуты благостные и время испытаний!..

Никита тронул вожжи, и ходок мягко покатило со двора, а Гордей кинулся закрывать ворота, после чего спустил с цепи Дружка, огромного лохматого волкодава.

– Все в избу, – приказал Гордей. – Марта, у тебя ребенок плачет... У тебя, мать, молоко киснет... Ежели спросят, то Никита час назад уехал в Горскино, на мельницу, а это я зерно заготовил, чтобы свезти его туда на помол... Все, все...

Уже через окно, глядящее в ельник, Гордей проследил, как ходок скрылся за бугром. Перекрестившись, Гордей скрутил сигарку и уселся на «трон» отца, стараясь унять нервную дрожь в руках и коленях. Глубоко затянувшись дымом, откинулся на спинку кресла и обнаружил висевший на ремне бинокль.

– Алена, спрячь его подальше!.. – он буквально кинул ей в руки подарок, когда-то сделанный ему Федором.

– Гордей, остынь! У тебя все беды от горячности!..

– Ай!.. – с досадой проговорил он, и в это время раздался стук в ворота, а Дружок, опершись на них передними лапами, зашелся в яростном лае.

– Хозяин, открывай!.. – раздался зычный голос Колесова.

– Кто там пришел? Я никого не звал!.. – отозвался Гордей.

– Это власть советская к тебе пришла! Ее не надо звать – она сама приходит к кому хочет и когда хочет... – эти слова отдавали прямой угрозой.

– Погоди уж, советская власть, собаку привяжу, а то она спустит тебе штаны-то...

Посадив собаку на цепь, Гордей с заметной усмешкой на лице открыл воротца:

– Ну, здравствуй, советская власть! Здравствуй, Серафим Иванович! В следующий раз, ежели забуду, как тебя звать-величать, так и буду обзывать – советская власть!.. Милости прошу, советская власть...

За разговором мужчин с высокого крыльца наблюдала Алена, желая только одного, чтобы Гордей не сорвался по горячности, не нагрубил сельсоветчикам...

– Все резвишься, Гордей Михайлович? – недобро щурясь, проговорил Колесов, намереваясь переступить высокий порог воротца.

– Куда это так торопится советская власть? – заслонил ему дорогу Гордей. Ростом они с Колесовым были одного, но Гордей был шире в плечах, да и один взгляд его мог остановить любого смельчака.

– Та-ак, Кузнецов! Оказал сопротивление советской власти, а посему... – его рука нырнула в

карман галифе: теперь в ней отливал черным блеском наган. – Может быть, подчинишься или как?..

Гордей стоял, набычившись, закрывая собой весь проем воротец, желваки его ходили буграми на заросшем волосом лице, а черные глаза, словно два ствола, в упор смотрели на нежданных гостей. Колесов и даже Мока, дышавший в затылок партийному секретарю, невольно отступили назад.

– Пустите, Серафим Иванович, – раздался голос Семена Скопцова. Он потеснил своих товарищей и встал напротив Гордея.

– Дядя Гордей! Крестный! Мы же не в гости пришли, а по службе... нам бы только узнать: правда ли, что ты приютил у себя какого-то беглого человека? Сельсовет и партийная ячейка имеет право знать, кто этот человек, не есть ли он враг советской власти...

– Нет у меня, крестничек, врагов советской власти в доме, никого нет, кроме моих домочадцев...

– А что же не пущаешь нас во двор, Гордей Михалыч? – утробным голосом спросил Мока, норовя через плечо Гордея заглянуть вовнутрь двора.

– А потому, товарищ Мока, что у меня там жена родная, сын со снохой да внучок, которому и года нет, а всякие гости незваные, да еще с наганами, мне тут совсем лишние...

– Гордей, ну что же ты так-то встречаешь уважаемых людей? – раздался из-за его спины спокойный и певучий голос Алены. – Проходите, товарищи, будьте гостями... В дом не приглашаем, поскольку там грудничок у нас с матерью, а тут, пожалуйста, смотрите... – она взяла Гордея под руку и отвела от дверного проема, давая возможность пройти на двор приехавшим мужчинам. Она чувствовала, как напряглась рука Гордея под рубахой, поэтому старалась отвести его в сторону и самой вести переговоры. Дождавшись, когда все трое зайдут во двор, продолжила разговор приветливым голосом: – Наган-то спрячьте, Серафим Иванович, я всегда считала, что вы не робкого десятка мужчина...

Проследив глазами, как револьвер исчез в просторном кармане галифе Колесова, спросила его:

– Вы ищите кого-то?

– Спасибо, тетка Алена, – проговорил Скопцов, – тут сказали, что Гордей Михайлович подобрал в дороге какого-то незнакомого

мужика, шибко похожего то ли на попа, то ли на бандита...

– Один хрен, не наши они, не советские... – прогудел недовольно Мока.

– И кто же это вам сказал про этого... человека? – спросила Алена, усилием воли заставляя себя улыбаться.

– Так, это... кто, Мока? – Семен Скопцов тронул рукав стоявшего с каменным лицом Моку.

– Да Ермолай Лукин вчера мне сказал про то...

– А Ермоха-то не пьяный был? – холодно спросил Гордей.

– Ну, да... выпимши...

– Он же два штофа выжрал за дорогу... он же на ногах еле стоял!

– Так что ли, Мока? – не поворачивая к нему лица, спросил Колесов.

– Ну-у... так, Серафим Иванович... Я даже хотел его довести до дома, чтобы не упал где... А он еще просил выпить...

– Сразу-то что не сказал, дурак! – Колесов круто развернулся на месте и зашагал на выход. В проеме воротец он задержался и, обернувшись назад, сказал не без издевки в голосе:

– Ай да Алена Ивановна! И красавица, и умница, и к людям приветлива, а досталась... несознательному элементу!..

Он хохотнул и шагнул со двора. Вслед за ним поспешили его помощники, а уже через минуту подвода с сельскими активистами катила к сельсовету, где уже собралась большая толпа для проведения праздничного митинга...

...Много позже Гордей узнал, что через две недели после бегства из Урского священник Борисов был арестован и содержался в Щегловском доме заключения до окончания следствия, а потом был отправлен по приговору суда в исправительно-трудовой лагерь...

...Спустя много лет после указанных событий телеутская просветительница из Белово Людмила Тимофеевна Сыркашева-Рюмина вспоминала в своих записках, что в начале двадцатых годов прошлого столетия в селе Улус (ныне Беловский район) у жителя села Кочубеева Алексея умерла жена, оставив ему на попечение пятерых малолетних сыновей. Узнав о бедственном положении вдовца, миссионеры от церкви решили взять на свое воспитание и обучение четырех его детей. Приехавший из села Улалы (позднее оно было переименовано в город Горно-Алтайск)

отец Гавриил пришел в семью Кочубеевых и сказал следующее: «Ты, Панфил (старший сын), оставайся с отцом и помогай ему по хозяйству, а остальных четверых я беру с собой для учебы». Но для того чтобы увезти братьев Кочубеевых в Улалу, их прежде надо было окрестить, поскольку они были некрещенные телеуты. Крестил их сельский священник Борисов и всем четверым дал свою фамилию. По сведениям из архива телеутской диаспоры, хранителем которого был фронтовик Петр Александрович Тыдыков, все братья Кочубеевы, крещенные священником Борисовым, были записаны на его фамилию и впоследствии жили в Москве, где получили хорошее образование. Григорий Борисов (Кочубеев) работал в отделе народного образования, Максим Борисов (Кочубеев) стал известным фольклористом, писал стихи и также жил в Москве. Самый младший из братьев, Дмитрий Борисов, стал военным, и также жил в Москве. О четвертом брате Борисове (Кочубееве) сведения не сохранились, кроме того, что он тоже жил в Москве. И только Панфил Кочубеев жил и умер в Кузбассе с фамилией отца. Дмитрий Борисов, с которым была лично знакома Рюмина-Сыркашева, рассказывал ей, что их крестный отец позднее подвергался политическим репрессиям и им, его крестникам, из-за этого пришлось пережить немало неприятностей в тридцатые-сороковые годы...

Такие вот ниточки-ручейки человеческих судеб порой пронизывают нашу жизнь, сближая, казалось бы, совсем далеких и чужих людей в единое целое, называемое человеческим сообществом, делают неразрывным поток времени, являя ироничному и прагматичному современнику мысли и чувства, беды и радости их пращуров, тем самым цементируя собой такое понятие, как РУССКИЙ НАРОД...

И хотя об этом случае с беглым священником в Урском никто толком ничего не знал, но еще долго деревенские нет-нет да поддевали Ермоху, когда он в очередной раз напивался своего самогона: «Эй, Ермолай Лукич, опять допьешься до беглых попов?!». Зябко передергивая своими округлыми плечами, Ермоха старался бежать подальше от таких шутников. И как еще Гордей не побил его тогда за болтливый язык, удивлялся сам Лукин. На одном из собраний в сельсовете накануне нового, 1928, года Колесов как бы между прочим обронил, что в октя-

бре Особое совещание ОГПУ наконец-то осудило двух попов за антисоветские действия.

— ...Из наших краев они были, Платонов, кажись, и Борисов... Служили здесь, контру сеяли... — и вдруг, без всякой на то причины, он окликнул Ермолая Лукина, — не этих ли попов ты, Ермолай Лукич, по пьяной лавочке возил на коляске с Гордеем Кузнецовым?

От неожиданности Ермоха даже подпрыгнул на лавке, и только твердый ответный окрик Кузнецова заставил Колесова замолчать:

— Наверное, хватит издеваться, Серафим Иванович, над человеком? Мало ли кто по пьяной лавочке что натворит, что ж его теперь по гроб-могилу этим тыкать в нос?.. Лучше расскажи, чего там райсоветчики на следующий год удумали: какие налоги, повинности, или опять в коммуны будут агитировать?..

— Ага, с общими коровами и бабами... — звонким голосом Ивана Гулькинова отозвался зал, и громкий мужской хохот заставил затрепетать огоньки в керосиновых лампах.

— Ну, коммуна не коммуна, а что-то все равно будет... Должно быть, а то смотри, как быстро богатеют мужички! А Иван Кочергин так и вовсе в купца Харламова переродился: в хромовых сапогах со скрипом ходит, в жилеточке, с золотыми часами на пузе... Как будто и революции не было!..

Кочергин, сидевший в зале на предпоследнем крайнем ряду, скрипнул зубами и потупил голову, зато Яшка Яковлев вступился за товарища:

— А плохо разве, что люди по-людски жить стали? Даже Ермоха наконец лошадей обзавелся да корову купил... А по тебе, Серафим Иванович, ходи мы здесь все в голожопиках, ты бы счастлив был?! Нет чтобы порадоваться за людей...

— Ладно, Яковлев, ты меня здесь не агитируй... Живете — живите, да только мне сдается, что так вот безнаказанно мужики у нас богатеть не будут — все равно наша советская власть что-нибудь придумает такое-этакое, чтобы пролетариату легче жилось, а мироедам разным черти снились по ночам...

— Станный ты мужик, Колесов, — мрачно прогудел с места Артемий Вершинин, — с нами живешь рядом, по земле ходишь, а все заботишься о «пролетарьяте», какого в глаза никогда не видывал, да нам все норовишь под дыхало заехать!.. Может, тебе лучше отправиться на за-

вод к тем рабочим, да и помогать им как можно, а то ведь ты тут только с карандашом за ухом ходишь, да печатью в штанах трясешь!..

Снова раздался хохот в зале, а Скопцов поспешил закрыть собрание. Уже поверх голов уходящих из зала мужиков и баб Колесов продолжал пророчествовать:

– Зря смеетесь, землячки, скоро советская власть возьмет в оборот мироедов – не до смеху будет!..

– Козел плешивый тебе земляк!.. – прилетело в президиум из толпы уходящих из зала крестьян.

– Кто это сказал? Кто? – настойчиво трепал Семку Скопцова за рукав Колесов. – Ты ведь всех по голосам знаешь?..

– Поди разберись, кто из них... – увернулся от ответа Семен, – по списку семьдесят четыре человека было на собрании, и каждый из них еще не такое может завернуть, ежели его затронешь...

– Не народ, а контра сплошная... – недовольно проворчал партийный секретарь, – но погодите ужо, и на вас управу найдем!..

Как в воду глядел Серафим Колесов, и уже в начале 1930 года в селе Урском по решению районного Совета был образован колхоз имени 1 Мая Урского сельского совета, где объединили свои хозяйства 27 крестьян-бедняков, а в общем их ведении оказалось семь сенокосилок, пять плугов, несколько деревянных борон. Из живности в коллективную собственность попали 32 лошади, пять коров и одна пасека с семьей пчелосемьями. Все имущество нового колхоза оценивалось в 12 500 рублей, а под посеvy колхозникам отошли 95 гектаров пахотной земли. Большинство же крестьян не торопились расставаться со своими лошадьми да прочей скотиной, руководствуясь вековой народной мудростью: пожием – увидим! И уже потом залихватски смело добавляли: а живы будем – не помрем!..

То первое колхозное собрание едва не закончилось балаганом. Уже составили и утвердили списки членов колхоза, огласили опись совместной колхозной собственности, наметили планы дальнейшей работы, но спохватились, что не выбрали председателя колхоза. Серафим Колесов так энергично и уверенно вел собрание, что, казалось, другой кандидатуры на это место просто не подобрать. Кому не предлагали стать председателем – все в отказ, вплоть до выхода

из колхоза. Серафим чуть голос не сорвал, доказывая необходимость избрания председателя, на что Иван Легков с присущей большинству мужиков осторожностью выразил общее мнение новоявленных колхозников:

– Ты, Серафим Иванович, калач тертый, все начальство районное знаешь, партийный секретарь, да и тут больше всех слов наговорил... Вот и будь ты энтим председателем, а мы погодим...

– Да что годить-то, когда работать надо!..

– А ты и работай...

– Да у меня как у секретаря партиячки работы по горло, а тут еще...

– ...А мы поможем тебе да приглядимся, что к чему, а тамока и своего председателя выберем... Шея-то у нас есть, а хомут на нее накинуть завсегда успеем...

Так и пришлось на первых порах существования колхоза Серафиму Колесову тянуть две лямки...

ГЛАВА 7

Весна всегда бодрила Гордея... Если в молодые годы переход от зимы к лету, и наоборот, от тепла – к морозу, ему был не заметен, то после пятидесяти самочувствие его все больше стало определяться погодой и временем года. Похудел заметно Гордей Михайлович в последнее время, стал больше сутулиться, и оттого его крупные кости не могли теперь скрыть ни самая просторная рубаха, ни самый большой пиджак. Напротив, они лишний раз подчеркивали его худобу. Поездка в районную больницу ничего не дала. Общупал его доктор, прослушал, давление кровяное замерил, а потом долго и внимательно слушал жалобы больного на свое самочувствие да записывал на какой-то листок. И не было жалоб-то как таковых у Гордея (с детства не любил он жаловаться), а было какое-то недовольство на свое тело, так внезапно ставшее ему непослушным: одышка, общая слабость, потливость, да словно звон какой в ушах появляется изредка... «Уж не архангелы ли бьют колокола по мою душу?..» – криво усмехнулся он. Пожилой, небольшого росточка доктор со впалыми щеками и темно-русыми усиками-щетками под крупным, с легкой горбинкой носом на шутку Гордея никак не среагировал. Он задумчиво отложил в сторону трубку, с помощью которой слушал работу сердца больного, снял пенсне и попросил пациента одеться.

– Ну, доктор, какая зараза мешает мне жить? Где она прячется? – наигранно весело спросил

Гордей, слегка удрученный долгим молчанием врача.

– Сколько вам лет? – наконец заговорил он.

– Да немного, вроде... пятьдесят пять в этом году случилось...

– Не так уж и много... У нас в деревнях люди долго живут...

– Это точно! У нас в селе старик был, дедом Прошкой его звали... На девяносто пятом году помер... На его глазах беляки моего отца убили, вот и не выдержал, наверное, старик – помер...

– А вы где были в это время?

– Партизанил... Узнал я много позже, и то...

– Что «и то...»?

– А то, что тогда-то, наверное, и плеснуло мне впервой кипятком на грудь... Едва сам за батей не отправился!.. Спасибо, Кирилл Иванович выходил меня тогда, но партизанщину пришлось оставить.

– Простите, Кирилл Иванович... Иванов?

– Да... А вы его, верно, знаете? Я хотел сказать, знали?..

– Как же, как же, он наведывался к нам в клинику за консультациями, сам консультировал, и в Томск мы не раз с ним ездили на собрание врачебных работников... Постойте, а почему вы сказали, что «знали»? Что... его нет?

– Увезли его какие-то бандиты в двадцатом, а потом уже молва дошла до села, что видели его в числе зарубленных... Царствие ему небесное! Добрый был человек... – и Кузнецов трижды перекрестился в полном молчании.

– Да-с, печально... Достойный был человек и врачевал хорошо... И как часто потом вас этот «кипяток» донимал?

– Да поначалу-то изредка, а потом все чаще... Жизнь-то видите какая? Война, подразверстка, мать ее ити! А колхозы?! Сердце кровью обливается, что творят эти колхозники!..

– Вы единоличник?

– Да, – растерянно спросил Гордей, – а почему вы поняли?

– Эх, Гордей... Михайлович, – заглянув в список, ответил доктор. – Ваше отношение к колхозному движению за версту видать! И слов никаких не надо... Осторожнее надо быть, Гордей Михайлович. Это я вам говорю как хорошему знакомцу Кирилл Ивановича... Уважали вы его, и я уважал, потому и упреждаю. Времена нынче страшные наступают – побережься бы надо. И со словами, и с сердцем!

– Как это с сердцем? Вы думаете...

– Я точно знаю, что у вас больное сердце. Вы курите?

– Да-а, лет с десяти-двенадцати...

– Я так и думал... Человек вы горячий – все близко к сердцу принимаете, так?

– Так, наверное... По молодости частенько на кулачках сходились...

– Вот-вот... А что с рукой?

– Японцев бил, да самому попало – еле ушел! – усмехнулся Гордей. – Полгода по зимней Маньчжурии болтался с друзьями, пока дорогу домой нашел...

– Вот-вот, и я о том же: курево, плен, смерть отца... наверное, еще что-то было в вашей жизни, о чем больно вспомнить сейчас?

На мгновение задумался Гордей, а перед глазами промелькнули горькие картинки: смерть Ивана Касаткина, безумство сестры, бегство с белыми младшего сына, Алена и Федор...

– Правда ваша, товарищ доктор, жизнь у меня не больно сладкая, все с какой-то горчинкой, да видно другой уже не будет...

– Так-то так, но курить вам нужно бросить обязательно!.. Постарайтесь не волноваться, гоните от себя все обиды! Трудных работ не делайте, не надсаждайте организм, а вот эти порошки, что я тут написал, купите в аптеке и будете пить утром и вечером, а через месяц наведаетесь ко мне...

...Около года прошло с тех пор. У доктора он больше не был, порошки его давно закончились, а новые он купить не мог, так как не знал их названия, а та бумажка, что ему дал доктор, осталась в аптеке. Курить совсем он тоже не бросил, хотя кiset теперь наполнял только наполовину от прежнего: уменьшил дневную дозу. Зимой особо тяжелых работ по хозяйству было немного: за скотиной убрать, сено задать – так с этим легко управлялся его сын Никита. Покой свой охранял как мог – из дому почти всю зиму не выходил, разве что на собрание в сельсовет, а главное, он ждал весну, потому что она всегда его бодрила... Весна пришла, но в этот раз она была запоздалая и холодная...

И все же дождался ее Гордей Михайлович... Пригрело солнышко, зажурчали ручьи, смывая остатки серого снега и скопившийся за зиму на просторных улицах села мусор, а прилетевшие грачи стали деловито обживать старые и строить новые гнезда в густой кроне тополей на окраине села. Ожил Гордей, распрямился, словно молодец. Теперь он все светлое время пропадал

на дворе, отыскивая себе работу, и отдавался ей со всем своим неистовством. Никита, давно взявший под свою руку вопросы по хозяйству, пытался отговорить отца от тяжелой работы, да где там, отмахнулся Гордей и продолжал свое занятие...

В тридцатом году, когда в Урском был образован колхоз, не раз и не два подходил к нему с разговорами о вступлении в него Семен Скопцов, его крестник, занимавший должность председателя сельсовета. Вроде по-доброму говорил – отказать неудобно, но с другой стороны, куда же идти, если колхоз, как пьяный мужик у трактора качается в разные стороны, того и гляди, рухнет замертво. То лошадь колхозную запалили, то коров застудили, а куры вообщедохнут каждый день. И вроде все на месте: шумят, ругаются, а толку мало. Не захотел он совать свою седую голову в этот коллективный хомут, а потому как мог отнекивался от приглашений.

У самого же Гордея дела шли неплохо. Оставаясь в единоличниках, как и большинство сельчан, он собирал хороший урожай пшеницы, овса, накашивали они с Никитой сена вдоволь. Рассчитавшись со своим «твердым заданием», он еще смог прикупить лошадку у своего знакомого из Салаирки. А тут корова отелилась, да свинья Авдотья почти десяток добрых хрюшек принесла... Как бы то ни было, а твердо стоял на ногах Гордей Кузнецов.

Уже осенью прошлого года пришел к нему в дом Семен Скопцов, смурной весь такой, и с порога заявил:

– Лелька, что ж ты делаешь: ты же теперь на кулака тянешь! Нам же тебя кулачить надо...

Радостная улыбка Гордея так и застыла на его суровом бородатом лице.

– Вот те раз, Сема!.. Так плачу же справно, конторой не занимаюсь, что же еще надо?

– Нельзя богатеть! При социализме живем: мир хижинам – война дворцам!

– Это что же, крестничек, надобно радоваться лукинской хибарке и красного петуха на мой дом запустить или, скажем, на харламовскую усадьбу?

– Ну... где-то так... – но тут же, спохватившись, добавил: – Зачем же сразу «петуха»? Там сельсовет у нас, изба-читальня и вообще...

– Ага, а Гвоздевы-то федосеевский крестовый дом себе оттяпали! И Сима Колесов не в накладе – в купеческих палатах нонче спит! Это

они так-то воюют с дворцами? И почему ты – председатель сельсовета, а до сих пор в своей избенке живешь и в голожопиках ходишь? Обскакал, видать, тебя Илюха Гвоздев?

– Да ладно тебе, лелька, я не об том сейчас... – не знал Гордей, что задел самую болезненную тему Семена: он вроде главный в селе, а живет до сих пор в «хижине»...

– «Ладно, ладно...» – передразнил он крестника, – а об чем же ты тогда?

– А об том, что меня в районе уже давно пытаются про тебя да про Яшку Японца, про Бронских да Вершинина: богачи, мол, процветают, куда смотришь, советская власть?!

Помолчал немного и добавил:

– Делиться тебе надо с Никитой... Дом купи ему или построй, скотину пополам, тогда глядишь и рассосется все само собой, а другого я не вижу...

– Гордей, а Гордей, – приглушенным голосом окликнула мужа Алена. Тот, отвернувшись к стене, на призыв не откликнулся.

– Гордей, ведь не спишь, я вижу... Что ты маешься, иль чего не досказал о разговоре с Семеном? Чего он еще тебе говорил?

– Да все я сказал тебе, все! – сердито буркнул Гордей и, перевернувшись на спину, молча уставился в темный потолок. Алена, затаив дыхание, ждала. За долгие годы совместной жизни она хорошо изучила характер своего мужа: горячий, резкий, решительный, иногда он делался таким робким, неуверенным, и на глазах появлялись слезы. Впрочем, таким он стал в последние годы, а впервые плачущим его увидела она, когда ушел из дома с белым отрядом их старший сын Федор. Что-то надломилось в нем тогда, стал чаще сидеть в раздумье на отцовском «троне» на крыльце, раскуривая самокрутку и поглядывая на искрящийся прозрачной водой Ур...

– ...И как же это получается, – услышала она горячий шепот Гордея, – сын отца должен сторониться?! Внуки у тебя живут – не хорошо! Скотина замерзает – не трожь, пусть замерзает, если она в своем хлеву! Да где же голова у этих властей? А Семен-то каков?..

– Гордей, да не Семен виной тому. Кто он? У него, чай, свои начальники есть. То Колесов все вертел ими, а как сбегал, так другой байстрюк приехал... Этот полномочный Кутыко... Как кор-

шун вьется над нами. Вот он и давит на Семку, а над тем полномочным есть еще кто-то, кто на него давит. А уж тем, кто в самом низу, тяжелее всего получается. Жили раньше – царя да помещиков поругивали, а сейчас во много раз хуже, чем тогда было... Наплюй на них! Живем сами по себе, не голодуем, дети, внуки рядом... Тебе же доктор не велел печалиться... Спи давай, все равно завтра будет лучше, чем вчера...

Гордей приподнялся на локте и нежно погладил жену по голове:

– Аленушка ты моя, умеешь ты меня разговорить-успокоить... Красавица и умница, а говорят, не бывает таких баб... Выходит, ошибаются люди?..

– Да, ладно, Гордей, чего уж ты...

– Да нет уж, говорю я, что ты красавица, значит, так оно и есть! Погляди-тко, шестой десяток уже, а вишь красота какая! Эх! Я вот чуток надломился где-то: ноги, вон, болят да сердце не уgomонится! Все от жизни такой, язвы ее в корень!

– Угомонись, Гордеюшка, успокойся, не рви сердце, ему и так достается. Что мы только не пережили: войны, революции – даст бог, и это окаянное время переживем! Ничего, Гордя, я с тобой!..

И с каким-то давно забытым приливом нежности прильнула она к груди мужа, осыпая поцелуями его лицо и уже изрядно поседевшую бороду. И он в ответном чувстве привлек ее к себе и крепко зажмурил глаза, боясь расплакаться от внезапно нахлынувших чувств и воспоминаний...

Давно так не говорили муж и жена Кузнецовы. Все какая-то житейская суета да сиюминутные заботы отвлекали их от душевных разговоров, заставляя сторониться теплых и нежных слов, а тут, словно чуя беду неминуемую, все говорили и говорили они давно забытые ласковые слова, а под утро протяжный сладостный стон Алены едва не разбудил спящих на полотах детей и внуков...

...Утром «молодожены», накормив внучат, пили чай. Алена давала мужу последние напутствия:

– Гордей, иди в сельсовет, к Семену, да не зли его, не шути над ним, не любит он такого – весь в бабку Домну пошел! Та сама шутить не умела и другому улыбнуться не давала. Так и объясни Семке-то, что вот-вот Никита возвратится из Бачат и разведем скотину – пусть уж по-

терпит денек-другой... Нашли кулаков!.. Только не горячись там, спрячь свой нор – все одно: плетью обуха не перешибешь. Ежели этот Кутько будет там – развернись и уходи прочь, даже разговор не начинай... Да, стерегись Илью Гвоздева – гадкий человек! Он ведь своего тестя с тещей на север отправил, что уж о чужих говорить! А я пока Марту кликну – пусть ребятишек заберет...

Надев красную рубаху, опоясавшись синим с блестками кушаком, Гордей накинул сверху видавший виды пиджак, надел картуз и пошел в сельский совет... за справедливостью...

В избе, где располагались Урский сельский Совет и правление колхоза, жарко топились печи. И хотя в этот весенний день на улице было не холодно, Ермолай Лукин дров не жалел. Находившиеся же в помещении работники, казалось, настолько были заняты своими делами, что совсем не замечали ни чрезмерного усердия истопника, ни того зноя, что установился в помещении.

...Немного тушуясь, Гордей открыл дверь в сельсовет. Нечасто ему приходилось здесь бывать. Единоличник – он редко обращался к местной власти, другое дело, что сама власть иногда зазывала его к себе, чтобы в очередной раз донести до него новые размеры «твердого задания» да сверить какие-то цифры в своих многочисленных бумагах.

– Здравствуйте, люди добрые! – громко приветствовал Гордей всех находившихся в сельсовете.

– Здравствуй, Гордей Михалыч, – первым отозвался из угла Ермолай Лукин.

– Здравствуйте, Семен Тимофеевич, – отдельно поздоровался с председателем сельсовета Гордей, подходя к его столу. Озадаченный непривычно-почтительной манерой Гордея, Семен сначала хотел даже руку протянуть ему для приветствия, но в последний момент передумал и снова только молча кивнул головой, да жестом указал на лавку, стоящую неподалеку от его стола. После вчерашнего разговора с Гордеем он всю ночь беспокойно ворочался с боку на бок в своей постели, раза три вставал курить. А волновался Семен не зря: поздно вечером из Гурьевска приехал Кутько...

Заглянув в сельсовет вместе с приехавшим Кутько, секретарь партячейки Бобров тут же утянул его к себе на ночлег. В том, что там уже на-

крыт для гостя богатый стол и топится жаркая баня, Семен не сомневался – давно секретарь партачейки таким образом обихаживает заезжее начальство, оттого, наверное, и держится так уверенно в райкоме партии и других районных конторах.

«Суетится Бобер, – неприязненно думал о нем Семен, – видно, всерьез боится за свою службу в банде Рогова. И всего-то в селе три коммуниста (велика армия!), а смотри, как власть прибирает к рукам!..»

Как бы то ни было, но портить отношения с Бобровым Семен не хотел. Своим мужицким умом понимал он, что непростые времена надвигаются, а в такой ситуации все же лучше кучкой держаться. С самим чертом можно подружиться, лишь бы опору иметь под рукой...

...Гордей уже несколько минут молча сидел на лавке и мял в руках свою шапку. С первого мгновения он понял, что единственный человек, кто здесь обрадовался его приходу, был Ермолай Лукин. Гвоздев косится по-недоброму – того и жди от него пакости, да и крестник Скопцов сидит надутый: вчера надо было с ним говорить по-доброму, один на один, а здесь и слова не дадут сказать...

– Здорово-здорово, Гордей Михайлович, – наконец обронил Семен Скопцов. – Делись, что за забота тебя привела сюда? Помнится, раньше ты и без нас обходился...

– Тут вот чего, Семен Тимофеевич, прослышал я, что полномочный из району должен прибыть, так вот я пришел загодя порешать все неясности.

– А что это тебя так волнует? – язвительно улыбаясь, поспешил с вопросом Илья. – К тебе он в гости не придет – не в том чине ходишь...

Гордей поморщился этим словам, но смолчал. Знал себя, а потому решил пропустить обидные слова мимо ушей.

– Я, Илья, не к тебе обращаюсь, так что ты меня не тревожь своими явочками.

– А что же ты, Гордей, не член колхоза, а пришел в сельсовет да еще учишь нас? – снова перебил его Гвоздев с плохо скрываемым злорадством. – Тебе бы вон за поскотиной миловаться с кулаками, а не здесь сидеть. Ты ведь недалеко от них ушел... у меня здесь про тебя все прописано! – и он многозначительно похлопал рукой по толстому журналу, лежащему у него на столе.

Эти слова, а главное, тон, каким они были сказаны, запалили сердце Гордея. Он покраснел лицом, задышал тяжело и часто.

– А что это ты, господин Гвоздев, можешь знать про меня такое, что я тебя бояться должен, а? Чего это ты меня пугаешь своей книжечкой? Налоги я все исправно плачу, задание государства выполняю, какое бы оно ни было «твердое», а ты...

– Я тебе не господин! – визгнул Гвоздев, вскакивая с места, – а ты мне не товарищ, и нечего здесь тебе делать!..

Атмосфера в зале моментально накалилась под стать пышущей жаром печке. Илья, упершись руками в свой стол, угрожающе смотрел на Гордея, Ермолай и Мока, оставив чай, стали нервно скручивать сигарки, а Гордей, поняв, что теряет контроль над собой, вытер пот с лица и с надеждой поглядывал на Семена. Только он мог поставить на место этого плешивого человека.

– Пстой, Илья! – рявкнул наконец Скопцов и стукнул кулаком по столу. – Кузнецов пришел к нам по какому-то делу, и мы должны его выслушать, а ты как с цепи сорвался! Надо уметь выслушать рабочего человека, а не кричать.

– Так то рабочего, а он кто?

– Прекрати, Илья! Он и есть рабочий человек, поскольку другого решения об нем нет...

– Пока нет... – злорадно прошипел Илья и стал наливать себе в фарфоровую кружку кипятка, предварительно бросив туда, на зависть Ермолаю и Моке, два больших куса сахара.

– Не лезь допреж куда не надо – без башки останешься! – в голосе Семена прозвучала плохо скрытая угроза, и Илья предпочел вместе с кружкой выйти на другую половину сельсовета.

– Дядя Гордей, – уже другим тоном обратился к крестному Скопцов, – дело в том, что... что уполномоченный из района Кутько Богдан Иванович уже приехал в наше село... Понимаешь, здесь он уже... – во взгляде его Гордей увидел и сожаление, и какую-то виноватость, и страх за вчерашний их разговор. Поняв это, Гордей как-то сразу осел, ссутулился и принялся искать в кармане полушубка кисет. Не справившись с кисетом, он распахнул полы полушубка и рванул пуговицы на своей красной косоворотке. «Опоздал, опоздал!» – стучало у него в висках, а где-то в груди появилась глухая боль, последнее время так часто навещавшая его.

– ...Сейчас Богдан Иванович с Бобровым зна-

комится с колхозом и должен с минуты на минуту появиться здесь. А что у тебя за вопрос?

– Дак, я вот... насчет скотины... – начал неуверенно Гордей, но в это время распахнулась дверь, и вместе с клубами прохладного воздуха в сельсовет вошли трое мужчин: секретарь партиячки Фадей Бобров, завскладом Юрий Косухин и Богдан Кутько. Все трое по-хозяйски скинули полушубки и принялись за чай с сахаром, который уже успел налить и принести к ним на стол вернувшийся в контору Илья Гвоздев. Стол, за которым расположились пришедшие, стоял у окна, справа от входа и за спиной у сидящего на лавке Гордея. Теперь ему было очень неудобно говорить с Семеном, не видя реакции этих людей, а непрестанно оборачиваться на них он считал ниже своего достоинства. Илья Гвоздев, управившись с чаем, пошел было к своему столу, но с полдороги вернулся и о чем-то отчаянно зашептал на ухо уполномоченному. Заметив его маневр, Гордей невольно оглянулся, и поймал на себе жесткий взгляд уполномоченного...

– Об чем речь идет, председатель? – нарочито громко спросил «полномочный» и, отстранив от себя Гвоздева, громко отхлебнул чай из кружки, а затем вальяжно откинулся на спинку стула. – Зашевелилась контра, сама идет на поклон?! Небось в колхоз просится? А не опоздал ты, Кузнецов? Тебя сколько советская власть предупреждала о кулачестве?

Последние слова были прямо обращены к Гордею. Успокоившийся было после отповеди, которую дал Семен Илье в его защиту, Кузнецов снова вспыхнул, что немедленно заметили все присутствующие, и прежде всего «полномочный».

– Что так встрепенулся, Кузнецов? Иль я ошибся, и он в колхоз просится?

Этот вопрос он задал Гвоздеву, который застыл около его стола.

– Гордей Кузнецов, Богдан Иванович, единоличник и в колхоз не просится...

– Вот-вот, единоличник!. Это он вчера был единоличником, а теперь он все одно, что кулак!

– Да постойте, господин хороший... – начал было Гордей.

– Твоих господ мы всех еще в семнадцатом под корень взяли, а ты, видать, не хочешь этого признать – все господ ищешь?

– Да нет же, Богдан Иванович... – снова заговорил Гордей. – Тут недоразумение может выйти, вот я пришел к вам сюда, чтобы, значит, по-

советоваться... Сын мой, Никитка, в прошлом годе отделился и живет своим домом, с семьей и хозяйством. Уже на Рождество начались лютые морозы: одна свинья сдохла, вторая заболела, – вот мы и перегнали весь скот в мой хлев, он у меня теплый... Так вот некоторые тут на меня бумаги стали сочинять как на кулака, а какой я кулак, посудите сами?

– Не на кулака, а на подкулачника... – снова влез в разговор Гвоздев.

– Один хрен – все равно враг! – отмахнулся от него Гордей.

– Ну и? – Кутько не мигая смотрел на Гордея.

– Ну вот я и пришел, чтобы сказать, что как только потеплеет, то мы свою скотину разведем по разным дворам и... это значит, что я никакой не подкулачник... Нельзя ошибаться, Богдан Иванович, даже по горячке, ведь люди здесь, а не звери какие... Уж поймите уважение...

– Ошибочку, значит, не допустите? Ты что же, Кузнецов, дураками нас считаешь?

– Я такого не говорил, Богдан Иванович, ей-ей... – и он быстро перекрестился.

– Не говорил, но думаешь, знаю я вашего брата...

– Какого брата, окстись, Богдан Иванович!.. Об чем ты?

– Да об тебе, Гордей, хрен знает чей ты! Вижу, что ты здесь высиживаешь – хвосты свои спрятать хочешь?! Один раз тебя от тюрьмы братец спас... Пожар-то ты учинил тогда по пьяной лавочке, да братец тут заявился со своим отрядом... Потом с попом беглым тебя видели, да не успели того поймать – сбежал поп! Ты думаешь, и сейчас тебя пожалеют, а то и вовсе задуришь башку мужикам и опять отсидишься в своем углу?

– Да что сойдет-то, Богдан Иванович?! – Гордей уже не мог совладать с нервами и вскочил с лавки. – При чем здесь поп?! При чем здесь пожар?! Ведь столько лет уже прошло! Я пришел сюда, чтобы доказать, что я никакой не кулак... Я ведь только на зиму, на холода скотину-то взял в свой хлев, на холода...

– Ладно, еще в январе спрятал сыновью скотину у себя, но сейчас-то конец апреля, все растаяло уже – разуй глаза, Кузнецов, а скотина все еще у тебя гостит, так?

– Приболел я сильно... Сына дома нет, да и что скотину по грязи гонять из одного конца села в другой? Опять же сена в том доме нет... Подсохнет вот, и перегоню...

Гордея уже трясло, и этого он никак не мог скрыть. Уронил шапку на пол, хотел поднять ее, но не удалось, тогда он, опершись одной рукой на лавку, с трудом склонился и поднял ее своей культей, а когда распрямился, Кутько стоял уже рядом, нависнув над ним горой, и с плохо скрываемой усмешкой на лице, прихлебывал свой чай.

— Три месяца у тебя вся скотина живет в хлеву, а тут Илья Афанасьевич справочку дал, что кур ты вообще не отделял, и жили они в твоём курятнике, а сын яйца и мясо у тебя брал всю зиму... да и внучата живут у тебя постоянно. Так что получается, Кузнецов, что ты не отделил вовсе своего сына — фикция все это. Обманываешь советскую власть! А еще хочешь ее снисхождение получить?!

Поняв тщету своих попыток, Гордей замолчал, затем долгим взглядом оглядел всех присутствующих и, не найдя ни у кого сочувствия (разве что Ермолай как-то испуганно и жалеючи смотрел на него), обернулся к Семену Скопцову.

— Семен Тимофеевич, ты ведь советская власть на селе, рассуди! Я ить с тобой вместе бил беляков, не забыл ли? Батка твой погиб в одном таком бою... Не примамай неразумного решения... Ты же наш, деревенский! Ведь должна наша земля тебе ума и сочувствия дать. Это ему много неведомо — чужой он здесь... — и, не оборачиваясь, через плечо указал на Кутьку своей культей.

— Многие тогда ходили в партизанах, да жизнь вывернула их наизнанку, и оказалась эта изнанка наскрозь вражьиная! Так что же теперь, по-твоему, ставить таких партизан на божничку да поклоны им бить? — голос «полномочного» наливался злобой. — Не-ет! Не дождетесь!.. А что касается остальных... Это что же, по-твоему, я дурак, и вас, деревенских, не могу понять?

— Да нет же, Богдан Иванович, охолонь маленко! Не дурак ты, не говорил я того, но ты человек пришлый, городской, тебе неведомы наши дела, а потому помолчи чуток, дай поговорить с председателем, да вот секретарем партийным...

— Я не буду с тобой говорить, Кузнецов, поскольку ты человек непартийный и чуждый колхозному делу, — поспешно и с плохо скрываемой неприязнью отрезал Бобров.

— Не хочешь говорить с непартийным? Так вас всего трое коммунистов-то по селу бегают, что ж вы только меж собой и якшаетесь? Эх, Фадей, Фадей! Ну если не хочешь ты со мной гово-

рить — помолчи, я вон с Семеном Скопцовым поговорю...

— А ты партии рот не затыкай! — выкрикнул Бобров и поспешил спрятаться за спину Кутько.

— Вон ты кого пригреб здесь, Скобцов!? — с явной угрозой в голосе заговорил уполномоченный. — А ну, гони его отсюда на хер! Контрреволюцией пахнут твои жалелки! А ну, выдь отсюда! — и он замахнулся на Гордея пустой кружкой.

Сделавшись весь белый, Гордей окончательно потерял контроль над собой и бросился на обидчика, схватил его за грудки. Лет десять разницы было в возрасте этих людей, но Гордей, словно вспомнив молодые годы, так тряхнул уполномоченного, что фарфоровая кружка выпала из его рук и со звоном разбилась...

— Я кровь за царя и Отечество проливал на японской с его вот отцом, промежду прочим! Меня Георгиевским крестом наградили за ту войну, а ты меня такими словами поносишь!

Только с помощью Косухина и Боброва и смог освободиться из цепких рук Гордея уполномоченный, и уже в просвет между ними продолжал обличать своего противника.

— Вот именно, «За царя и отечество», а за революцию и за партию нашу ты и пальцем не шевельнул, на печке отсиделся?!

— За печкой?! Эх, глаза твои глядят, да не видят! На, смотри, — и он выставил вперед свою правую культю, — у меня же нет самых главных пальцев, чтобы курок спущать, и то я пошел в партизаны и как мог воевал!..

Он резко повернулся к Семену Скопцову и с таким же надрывом заговорил:

— Что же ты молчишь, Семен?! Ты же наш парень, крестьянский, землю с баткой пахал, а сейчас вот пляшешь под дудку чужака! Землю отбираешь у своих земляков, добро, что множили все родовой веками... А ить ты сейчас предаешь нас всех...

— Это кого он предает? — подал голос Бобров.

— Да всех! И село наше, и землю нашу, и отца своего, да всю нашу жизнь крестьянскую несчастную!

— Дядя Гордей, не трожь отца! — угрюмо произнес Семен.

— Да не трогаю я его — он мне другом был, да и ты мне не чужой — крестник все же! Вот бы посмотрел Тимоха, как его сынок мордует его друга и своего крестного!

— Дядя Гордей! Богом прошу — не трожь отца!

— У Иуды, продавшего все и вся, нет Бога!

– Я арестую тебя! – заорал Кутько и выхватил из кармана револьвер. Как бы дело повернулось дальше, трудно сказать, но Ермолай вместе с Мокой, подхватив Гордея под руки, быстро вывели его на крыльцо.

– Ты что, Гордей, ополоумел что ли? – приговаривал Ермолай. – Ты же видишь, какой он дикой... Наплюй на него: с говном свяжешься – сам им будешь! Иди лучше домой, успокойся, можа, еще все и обойдется...

Мока, хоть и не сказал ничего Гордею, но на прощанье хлопнул по плечу...

А в сельсовете между тем продолжался горячий и нервный разговор.

– Да-а, распустили ты их тут, Семен, – гремел уполномоченный, – прямо в сельсовет приходят, за грудки хватают и сеют контру!

– Да какую контру, Богдан Иванович?.. – пытался возразить Скобцов, – зашел старик похлопотать за себя и сына, а вы сразу контру увидели...

– А что это, по-твоему? Нет, правильно партия считает, что руководителей надо со стороны присылать. Обрастают на родном месте они и мхом, и жалостью, притупляется у них политическая бдительность. Всякая чувствительность глаза застит, а так и революцию недолго просрать!

– Да ничего она мне не застит... – снова попытался возразить Семен, но в очередной раз уполномоченный его осек на полуслове.

– А раз не застит, значит, завтра же собирай активистов и айда кулачить Кузнецова! Ишь, голос на власть повышает!..

– Дак хватит, наверное, уже кулачить-то, и так полсела отправили на Север, с кем колхоз поднимать будем?

– А с этим ты все равно его не поднимешь – он единоличник... А вот насчет того, сколько их кулачить, скажу так: сколько надо, столько и будем! Скажет партия всех раскулачить – всех раскулачим, скажет расстрелять – расстреляем!.. У меня рука не дрогнет, – и он взмахнул кулаком, в котором был зажат наган.

Неслышно открылась дверь, впуская Моку и Ермолая. Незамеченные, они уселись за свой неказистый стол и принялись допивать остывший чай, одновременно прислушиваясь к разговору руководителей.

– Богдан Иванович, вот отсюда мы контру разную высылаем в Нарым, в Туруханский край

и дальше, на Север, а сюда, похоже, могут выслать с юга, где урюк растет, такую же контру? – не то в шутку, не то всерьез спросил завскладом Косухин. – Для них и наши морозы Нарымским краем покажутся...

– И так может статься, – уверенно продолжал Кутько, – потому как и на югах тоже люди разные есть, их тоже надо перевоспитывать, есть такая цель у партии...

– Дак вроде компания по раскулачиванию подкулачников уже закончилась, – продолжал допытываться Косухин, – или еще крови надо?

– А вот за такие разговорчики и самому можно зареветь на Север, а то и к стенке встать! – жестко бросил в ответ Кутько, но, заметив, как тот изменился в лице, добавил уже со смехом:

– Ладно уж, поди в штаны наложил? Не тронем мы тебя, но уж и ты, да и все вы тут помогайте советской власти, помогайте партии бороться со всякими мироедами... Я тут перед тем, как к вам ехать, перетолковал накоротке с уполномоченным ГПУ... Такая картинка получается: в соседних деревнях Ур-Бедари, Дмитриевка, Пестери находят кулаков, выселяют, а у вас тишь да гладь и божья благодать, так, что ли? А ведь у вас кулаков и три года назад всего ичего было, а сейчас и вовсе нет?! Что за мягкотелость такая?

– Да нет у нас больше кулаков, Богдан Иванович, всех уже выслали... – начал было Скобцов.

– Это как нет?! – возмущенно прервал его Кутько, – а этот Кузнецов, что же, по-твоему, наш человек?

– Да он же почти старик, калека!.. В дороге помрет!

– Э-э, нет, товарищ Скобцов, он тут так схватил меня, что я думал, душу вынет! Хорошо, мужики помогли... Ну а если и помрет в ссылке, то так тому и быть! Не друзей высылаем туда, не соратников по партии, а врагов советской власти! Чуете, о чем я говорю?!

Напряженная тишина повисла в комнате, но возбужденный уполномоченный продолжал свою тираду:

– У него, должно быть, сын есть, жена, внуки – все это семя кулацкое надо под корень и без всякой жалости! А нет, то жди, как бы они тебя не выслали, когда подрастут: кто не с нами – тот против нас! Классовая борьба, Семен Тимофеевич! Так что собирай немедленно свой актив и быстро выноси решение о раскулачивании Гордея

Кузнецова, да торопись, пока он не переведет свою скотину назад в хлев сына. Формально ты прав на все сто процентов, вот только нюни не надо распускать...

— Богдан Иванович, дак если одного Кузнецова отправим, то хватит ли для отчета, может, еще кого туда спровадить в прицепку? — подал голос Гвоздев.

— Эх ты, Илья, Илья, какая же ты сволочь!

Все замерли от неожиданности: это Ермолай Лукин выразил свое негодование.

— Тьфу на тебя! Гадкий и мерзкий ты человек, хотя и отец твой всегда был такой же гнидой, все у богатеев в холуях ходили, а пришла советская власть, вы и тут поспели! Тьфу на вас!

— Эт-то кто здесь голос подает? Это что за сволочь здесь притаилась? Тут важное совещание проходит, а эти...

Поняв, какая угроза над ним нависла, Ермолай Лукин вскочил с лавки и бросился к выходу, но был остановлен громким окриком уполномоченного:

— А ну стоять, а то пристрелю!

Дуло нагана было направлено на сторожа.

— Бобров и ты... — он повернулся к Семену, но, увидев выражение лица последнего, отступил и обратился к сидевшему рядом с Ермолаем Моке:

— И вот ты, товарищ, арестуйте этого антисоветчика, чтобы он не успел предупредить кулаков. В холодную его!

Ермолай испуганно попятился к двери:

— Ты что это раскомандовался, гражданин хороший?!

— Богдан Иванович, — заговорил Семен, — вы тут человек пришлый: пришел и ушел, а нам здесь жить с людьми, не надо бы так круто...

— А ты не переживай, Семен Тимофеевич, я ведь не только самогонку сюда приехал пить, а присмотреться к селу, к людям, к колхозу... Мне ведь предлагают колхоз ваш возглавить — и я, может быть, соглашусь, так что ты уж меня совсем за чужого-то не держи...

Воспользовавшись тем, что Кутько отвлекся на разговоры, Ермолай хотел было выскользнуть из избы, но крепкая рука Моки удержала его:

— Ну, что, Ермоха, весь день со мной чай пил и другом притворялся, но и тебя вывели на чистую воду! Куда его, Богдан Иванович?

— Тебе лучше знать, товарищ, под замок его, под замок!

Взяв инициативу в свои руки, уполномоченный уже решил ее не выпускать. Во-первых, он решил раскулачивание кулаков провести не завтра, а сей же час: провести обыск, составить опись, а уж завтра можно будет высылать.

— Илья, напишешь, что на подворье у Кузнецова обнаружено и описано шесть коней рабочих, два выездных, пять коров, десять овец, полсотни кур, маслбойка... И что там еще? Я думаю, тебя учить не надо, не впервой кулачите...

— Богдан Иванович, опомнитесь, — заговорил Семен, — у них отродясь столько скотины не было...

— Раз напишем — значит, будет! Кто ее будет проверять? Ведь я эти протоколы в ОГПУ и отнесу...

— А если проверят все же?

— Я видел, где у вас скотомогильник... Думаешь, найдется такой дурак, который будет дохлую скотину считать? Не теми масштабами мыслишь, Семен, классовая борьба выходит на новый уровень и хлюпики нам не нужны, так? Нет, товарищ? — обратился он к Моке, который уже посадил под замок Ермолая и теперь вернулся в контору сельсовета.

— Не-е, товарищ уполномоченный, хлюпики нам не нужны, это вы правильно говорите... Приказывайте!

— Да, да, конечно... — поспешили поддержать гуляку и раздолбая Моку секретарь партийки Бобров и завскладом Косухин. Семен какое-то время молчал, но потом спросил:

— Кого еще будем брать?

— Вот это уже лучше! — проговорил с довольной улыбкой Кутько. — Вот Илья тут шепнул про какого-то Японца... Он что, на самом деле японец?

— Да нет, во время Японской войны он попал в плен и несколько лет жил там, а потом вернулся...

— Прекрасный кандидат! Чем не японский шпион?! Мы его сначала раскулачим, а уж потом в дороге его гэпзушники по полной оформят. За работу, товарищи!

* * *

Убитый и раздавленный вернулся домой Гордей. Ноги его дрожали, словно нес он на себе все горе людское, что скопилось на белом свете, а сердце то нервно билось в груди, то вдруг замирало надолго, и он уже сам не мог понять, жив ли он, или уже блуждает в мире ином. Алена, за-

видев его в окно издалека, сразу все поняла. Марта уже собрала вещи детей и принялась одевать их самих.

– Марта, плохо дело, вижу по Гордею, – стараясь быть спокойной, проговорила Алена. – Никита может только завтра приехать, а эти варнаки, того и гляди, сегодня заявятся. Собирай-ка детей, а я запрягу лошадь. Детей на телегу, коров привяжем к телеге и уведем... потом курей отвезу... надо торопиться, Марта!..

...С трудом дойдя до родного дома, Гордей тяжело опустился на скамью, что много лет стояла у подножья высокого крыльца и которую так любила его мать. Уже не одну весну встречал он на этой лавочке, дымя самосадом и любясь прозрачной голубизной весеннего неба. Особенно ему нравилось, когда в заоблачной выси незримо зависал жаворонок и будил землю своими трелями от зимнего сна. Даже когда он шел за плугом, нет-нет да и останавливался на минут-другую и, заслонив рукой от солнца глаза, искал в лазоревой сини неутомимого певуна, а потом, словно отдохнувший, с новыми силами налегал на плуг.

Нет, сегодня в небе не было его любимой птахи, и его туманящийся взгляд не замечал явных примет просыпающейся природы. На него отовсюду веяло холодом, одиночеством, смертью... Он припал спиной к стене своего дома и закрыл глаза. Он слышал, как Алена прошла в сарай, как вывела оттуда Одуванчика и принялась его запрягать.

«Ничего не спросила, а все поняла, – тепло и нежно подумал он о своей жене. – Какая же она у меня славная...»

Он уже открыл глаза и смотрел, как споро она управляется с мужской работой. Алена тоже заметила взгляд мужа и, на минуту оставив работу, подошла к нему, прижалась к его давно небритой щеке, улыбнулась ободряюще и сказала:

– Отдыхай, Гордя, я все сделаю сама... Все будет нормально, крепись...

Словно прощаясь, он глядел на нее неотрывно, а в душе все больше и больше поднималось тепло. Ему вдруг захотелось сказать ей какие-то хорошие и добрые слова, которые он всю жизнь почему-то стыдился произносить; хотелось крепко прижать ее к своей груди, чтобы почувствовать тепло и аромат ее тела, но где-то в глубине сознания, подспудно, он начинал понимать, что этого у него уже не будет, никогда не будет, хотя его любимая женщина совсем ря-

дом... Он умирал медленно, тихо, а из глаз его текли слезы. Не скупые мужские, а обильные, горячие, стариковские, которыми, казалось, можно было бы растопить любой камень, любой лед, но только людскую злобу и подлость растопить им было не дано...

На мгновение сквозь приоткрытые ворота он увидел вдали группу людей, что двигалась по тропе, ведущей к его дому. Она шла оттуда, из низины, где находился центр села, сельсовет, мост, магазин. В группе было пять-шесть человек. Какое-то время Гордей наблюдал за ними безучастно – мало ли куда идут эти люди, но потом вдруг его затухающий мозг словно молния прошила: ведь дорога эта ведет только к его дому, дальше, за его огородом, начинался лес. Взор его туманился, но сердце продолжало работать и позволяло ему наблюдать за этой группой. Не сразу, но он узнал среди идущих тех людей, что еще совсем недавно так грубо и зло разговаривали с ним в сельсовете: рыжий Илья, Мока Савельев, Косухин, Семен Скобцов, а замыкал шествие этот уполномоченный из Гурьевска...

Он уже знал, что умрет сегодня, он чувствовал приближение смерти, но он не предполагал, что она придет к нему в обличье этих людей. И она пришла... Он перевел взгляд на Алену: она тоже заметила странную вереницу людей и, оставив лошадь в покое, в скорбном молчании ожидала ее приближения. Вот они дошли до угла их поскутины, теперь идут вдоль забора, о чем-то переговариваясь между собой и бросая недобрые взгляды в сторону замерших в оцепенении хозяев опального дома. Вот они подошли к их воротам...

«Это смерть моя! Это наша смерть! – словно молотками стучало у Гордея в голову, а сердце совсем перестало его слушаться и, казалось, готово было в любую минуту либо замереть навсегда, либо разорвать его внезапно ослабевшую грудь. – Смерть! Смерть!»

Последним усилием воли он поднял свое внезапно ослабевшее тело с лавки и, с огромным трудом передвигая ноги, пошел к раскрытым воротам. Проходя мимо чурбана, на котором многие годы они кололи дрова и где всегда торчал готовый к работе топор, он ухватил его своей культей и продолжил движение навстречу непрошенным гостям. Семен Скобцов, шедший впереди, распахнул ворота шире и уже ступил на кузнецовский двор, но, увидев идущего ему

навстречу Гордея с топором в руке, остановился в нерешительности и вынул револьвер. Остальные члены комиссии испуганно застыли в створе ворот, ожидая развязки ситуации.

— Дядя Гордей, остановись! — с угрозой в голосе крикнул Скопцов. — Не смей! Слышишь, дядя Гордей, мы — власть!..

— Вы не власть... вы враги нашей земле, всему нашему роду крестьянскому!..

— Стой, крестный, я буду стрелять! — в подтверждении своих слов он поднял револьвер к небу и выстрелил. На дворе, окруженном высоким и крепким забором, выстрел прозвучал гулко и тяжело. На его звук из избы выскочила женщина с девочкой на руках, и наконец преодолев оцепенение, бросилась вслед за Гордеем Алена. Но даже этот выстрел ни на мгновение не остановил неверной поступи Гордея. Он шел навстречу своим врагам, что-то продолжал говорить, но слов его уже нельзя было понять. И чем

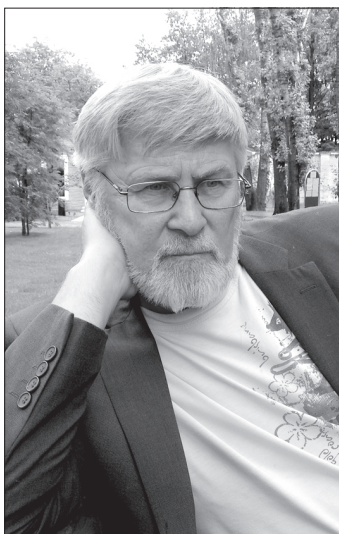
ближе подходил он к ним, тем тяжелее становилось его дыхание, тем не увереннее был шаг, а седая борода развевалась на теплом весеннем ветру. Не дойдя всего нескольких шагов до человека, судорожно сжимавшего в руке наган, Гордей Кузнецов медленно завалился набок, крепко сжимая в искаленной руке топор. Его темные глаза в опущении черных, не по возрасту длинных ресниц были широко открыты и устремлены ввысь, в лазоревое весеннее небо, словно бы там он хотел увидеть в последний раз своих любимых птах, а может быть, он надеялся увидеть там свою душу, так не ко времени оставившую его усталое и беспомощно распростертое на холодной весенней земле тело. Когда Алена и Марта подбежали к Гордею, его сердце уже остановилось. Это был последний бой Гордея Кузнецова. Он проиграл его, и теперь все удары судьбы падут на его близких...

Конец второй части.

Геннадий СКАРЛЫГИН

ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ И НЕБА

УТРО. ДЕТСТВО

Только с рассветом встаем,
Кажется, птицы летают.

– Бабушка, что за окном?
– Всюду земляца святая.

– Бабушка, что же метель
Так замечает земляцу?
– Чтоб белоснежна постель
Светом могла возродиться.

– Бабушка, что так скрипят
Нынче опять половицы?
– Это для малых ребят
Музыка – ведь им не спится.

Это для малых ребят
Скрипками петь половицам,
Чтоб им приснились опять
Светлые-светлые лица.

ОКРАИНА

Юрию Перминову

Любинская, Заезжая...
Там, где друзья живут.
Улиц приметя прежняя –
Лица родные тут.

И заскользил у кромочки
Сухонький старичок.
И прошагал по досточке
Мальчик – смычок – сверчок.

Бьется в оконную раму
Красной рябины ветвь,
До горизонта самого –
Листьев ложится медь...

Благо твоим окраинам,
Благо твоим дворам.
Благо укромным, тайным,
Скрытым от глаз дарам.

* * *

Все проверено много раз,
Золотою не быть середине.
Друг уехал вчера на Кавказ.
Его женщина плачет в Медини.

Что ж, ей плакать, как встарь. Не вина,
Что историю двигать по кругу
Научились. Но все-таки плачет она
На тоску, на беду, на разлуку.

Небо сеет белесой крупой.
 На окраины ветер слетает.
 И утюжит морозец прибрежный покой,
 И снега завивает цветами.

Залетает созвездий мираж,
 И скользит по бескрайнему полю.
 Этот мир так устроен, но все-таки наш.
 Знать нести до конца его долю.

И опять же, как встарь, на ветру
 Будет женщина плакать от горя.
 Этот миф, этот плач на миру
 Будет даль волновать, словно море.

* * *

Память земли и неба
 С годами в нас все сильней.
 Возьми и не дай мне хлеба.
 Возьми и не дай мне неба
 Над родиною моей.

Наверное, это возможно.
 Но память?! Ее не украсть.
 Она прорастает рожью
 По нашему бездорожью
 И держит нас. Не упасть.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Ай да увяли все цветочки
 За селом.
 Ай да не машут нам платочком.
 Поделом.

То мороз, то дождичек – велики.
 Им поклон.
 То сосульки брякают: «динь-диньки»
 У окон.

Ай да красны девицы разбрелись
 Кто куда.
 Не по нраву стала им эта жизнь,
 Вот так – да.

Снегом припорошена вся земля.
 Тишь да гладь.
 Жили мы хорошие, ой-ля-ля,
 Всем под стать.

* * *

Эта птичка-невеличка –
 На высоком на юру...
 Промелькнет душа-чумичка
 Во сосновом во бору.

Промелькнет одним побегом,
 Как цветочек полевой.
 И порою, где бы не был,
 Свищет ветер болевой.

И тоска такая ляжет,
 Что утеряна краса...
 Что сосед мой дядя Яша
 Долго смотрит в небеса.

Что ему там приглянулось?
 Что он ждет в краю родном?
 Он не знает. Просто скрылось
 Счастье в домике одном.

* * *

Это в нашем северном просторе
 Лебеди летели так высоко.
 Это в нашем северном просторе
 Реченька таилась так глубоко.

Выходил к той речке паренечек,
 И глядел он вдаль на лебедей.
 И был светел праздничный денечек,
 И был праздник красный у людей.

Что же так гармоника играла?
 Что же гармонисту весело?
 Что же ему места нынче мало?
 Что так закудрявилось село?

Потому под клевет лебединый
 Уносилось сердце на простор.
 Вышивала девица старинный
 На платочке голубой узор.

* * *

В этой нашей горестной юдоли,
 Что в морозном воздухе ночном,
 Мчались кони, словно ветры в поле.
 Кажется, их видел за окном.
 Но откуда взяться им, ретивым?..
 Вот промчались, канули опять.
 Только звезды расплескались в гривах,
 Трудно было что-либо понять.

Может, мне приносит утешение
Царь ночной, предвестник добрых дел...
Надо бы собрать на угощение
Всех моих неузнанных друзей.
Пусть они на лавочках присядут
За столом, у моего огня.
Лица их туманами объаты,
И они не узнают меня.

Да и как узнать, лишь только память
Мимолетных встреч хранит секрет.
Здесь я навсегда остался с вами,
Вы ж – со мной. А может быть, и нет.
Где-то там, в далеком захолустье,
На исходе теплых, светлых дней
Добрый друг глаза свои опустит
Да и вспомнит, может, обо мне.

* * *

И чего тут такого,
В этой грусти земной.
Снег ложится толково
И летит надо мной.

Все опять повторится:
Холод, серые дни.
Но родней станут лица
Здесь – на пике зимы.

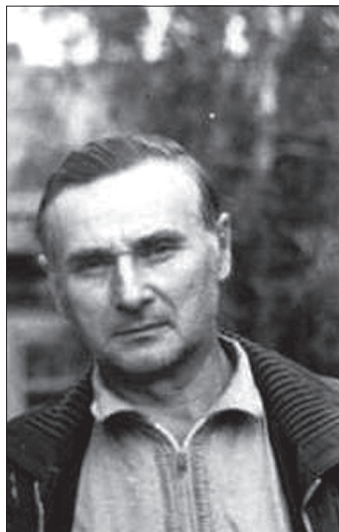
Нам бы жить как-то проще –
Вот как летом стрижи.
Или кустик у рощи,
Что под ветром дрожит.

Ему, бедному, больно,
Снег – уже до колен.
Но ведь дышится вольно.
Вот и ждет перемен.

Михаил КАЗАНЦЕВ

КОГДА МЫ БЫЛИ НА ВОЙНЕ...

*На жестком паспорту портрет
В мерцанье тусклого огарка.
На фотографии мой дед,
Что прожил коротко, но ярко.*

*Один единственный портрет
Да пара книг – все, что осталось.
С войны той минуло сто лет.
Он пал в бою, как полагалось.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мой дед по отцу Ефим Григорьевич Казанцев родился в 1888 году в селе Барково Маслянинской волости Томской губернии. Сейчас это Новосибирская область. Судя по фамилии, предки его были выходцами из Казанской губернии. Из рассказов отца я помню, что деды и прадеды его относили себя к чалдонам, то есть коренным сибирякам. Сомнений в этом у меня не возникало по той причине, что прадеды являлись староверами. Крестились двоеперстием, не курили, не пьянствовали, имели личную «чистую» посуду, которой не делились даже с близкими. Курящих презрительно называли «табашниками», а тех, кто крестился троеперстием – «кукишниками».

Переселились мои предки в Сибирь в восемнадцатом веке, когда староверы-раскольники добровольно уходили на окраины молодой Российской империи от жесткого порядка самодержавной власти и притеснений официальной церкви. На сибирском приволье, не ограничен-

ные помещичьим произволом, не подверженные дурным порокам, рассчитывающие только на свои силы и разум, рачительно вели они довольно зажиточное хозяйство. Помимо хлебопашества, прадед мой Григорий занимался еще и выгонкой дегтя на дальней таежной заимке, вплоть до скончания НЭПа. На лошадке колесил он, продавая свой пахучий товар, пользуясь у крестьян окрестных деревень большим спросом.

ДЕТСТВО

Женился прадед на двадцать пятом году жизни. С прабабушкой Татьяной через год у них родился старший сын. С разницей в четыре года родились и последующие – средний и младший. Старший Ефим и внешне и характером был похож на мать. Среднего Леву и младшего Мишу никто бы не спутал, оба черноголовые – в отца. Да и характером в него – беспокойные. Когда старший пошел в начальную приходскую школу, и родители, и учителя не могли нарадоваться на его успехи и прилежание в учебе. Особо радовала учителей и мать тяга сына к книгам. Отцу же страсть к чтению старшего доставляла только лишние хлопоты: книжки можно было приобрести только в Новониколаевске или Барнауле. Приходилось упрашивать односельчан о покупке, когда кто-либо из них выезжал туда по своим делам. После успешного окончания начальной

КАЗАНЦЕВ Михаил Андреевич родился в Кемерове в 1945 году, с 1952-го жил в Калтане. Окончил истфак Томского государственного университета. Служил в армии, преподавал в техникуме, школе, трудился в шахте на подземных работах. Ветеран труда. Живет в деревне Верхний Калтан. Печатался в газете «Калтанский вестник».

школы родителям рекомендовали отправить старшего сына для продолжения учебы в волостное училище. К тому времени отец смирился с мыслью, что из Ефимки крестьянина не получится. Что-то другое предназначено ему Богом. Он вполне исправно справлялся с порученными ему хозяйственными делами, однако любую свободную минуту посвящал чтению. Соседки иногда участливо предупреждали мать: «Ой, Татьяна, смотри. Так и до беды недалеко, зачитается сынок-то, тогда одна дорога будет ему – в Томск». Современному человеку требуется разъяснить, что обозначали эти предупреждения сердобольных соседок. «Зачитаться» обозначало сойти с ума, стать психически нездоровым и угодить в знаменитую на всю Сибирь психлечебницу, или «желтый дом», в городе Томск. Когда же мать решила посоветоваться с батюшкой местной церкви, то он, сам ранее учивший Ефимку в приходской школе, успокоил ее, сказав, чтобы не слушала всякие глупости болтливых сорок. На душе у матери стало спокойно. А среднему и младшему учеба в приходской школе была просто в тягость. Да еще учителя, постоянно начитывая нравоучения за нерадивость, ставили в пример им старшего брата. Кстати, когда сын Ефима, мой отец, подрос и пошел в ту же начальную школу, старый учитель и его упрекал, напоминая ему об отце, оставившем о себе добрейшую память.

Ко времени окончания училища судьба Ефима неожиданно определилась выбором будущей профессии. Случилось это после того, как его выпускное сочинение на тему о родной сибирской тайге получило не только высший балл, но и похвалу всех учителей, даже, казалось бы, далеких от словесности. Директор училища, восхищенный творческой работой любимого ученика, прочитал сочинение гостившему у него брату – выпускнику Лесной императорской академии, служившему уездным лесничим. Однако, лесного чиновника удивили и обрадовали не столько художественные особенности сочинения юноши, а его вполне практический взгляд на таежные богатства Сибири, на их сохранение и приумножение. Лесничий захотел непременно побеседовать с юным сочинителем, о чем попросил брата. В ходе знакомства и беседы Ефим с восхищением глядел на еще довольно молодого чиновника лесного ведомства, облаченного в строгий и изящный мундир. Тема их затянувшейся беседы давно вышла за рамки вопросов о рачи-

тельном использовании таежных богатств, и они уже обсуждали современную литературу. Перед тем как расстаться, лесничий предложил Ефиму продолжить учебу на курсах при лесном ведомстве в губернском городе. Отказаться от данного предложения было невозможно.

Отец и мать со слезами, но с гордостью за будущее своего Ефимши проводили его в Томск. На стене просторной избы красовался похвальный лист, блистая императорским гербом и достижениями в учебе их сына. А для книг, что приобрели за время школярства, отцу пришлось соорудить этажерку. Теперь заходившие в избу гости – родственники или соседи с уважением взирали на домашнюю библиотеку Казанцевых и похвальный лист в рамке на стене как на доказательство, что Ефимша – не чета их деревенским оболтусам.

СТАНОВЛЕНИЕ

Томск начала двадцатого века – административный, культурный и научный центр Сибири – не мог оставить кого-либо равнодушным. Недаром в то время его называли «сибирскими Афинами».

В учебной группе будущих специалистов лесного хозяйства Ефим оказался одним из самых юных. К занятиям на курсах привлекались не только чиновники лесного управления, но и ученые местного университета. Восхищало и просто кружило голову обилие книг в библиотеках и книжных лавочках Томска. Почти половину денежного пособия, выделяемого курсантам, чтобы снять угол и стол, он тратил на приобретение книг. Нет, конечно, дед мой не бедствовал в чужом городе, не голодал. В силу юного возраста расходы его были слишком ограничены. В большом культурном центре, кроме книг, его увлек кинематограф. Когда после года интересной учебы Ефим возвращался зимой в родную деревню, тяжелый багажный сундучок его был полностью забит книгами. Долго отдыхать в родительском доме он не стал и уже на следующий день приехал в уездную управу, где встретил своего будущего начальника и прежнего знакомого. Уездный лесничий, обнаружив у юноши нетерпение заняться лесными делами, назначил его на должность своего помощника.

И вот, новый помощник лесничего за время оставшегося отпуска ознакомился с территорией вверенной ему тайги.

Весть о том, что сынок Григория Казанцева теперь начальник местной тайги, мигом разнес-

лась по окрестным селеньям. Несмотря на его юный возраст, к нему стали обращаться уважительно, называя Ефимшей. А он дни напролет на лыжах объезжал лесные участки, мысленно планируя предстоящие сезонные работы.

Из-за серьезности порученного ему дела, большой занятости, да и в силу стеснительного характера (в мать) он очень редко заглядывал на вечерки, где молодежь знакомилась, танцевала ойру и кадрили, где складывались будущие семейные пары. Но когда ему стукнуло двадцать три года, влюбился Ефимша, да так, что казалось ему, будто это не просто красивая девонька с другой окраины их села, а неземная пришельца. На три годочка моложе Ефима, была она любимицей и исправной помощницей своим отцу с матерью. Прасковья Бахтурова выросла в обычной крестьянской зажиточной семье, каких большинство в Сибири. Деревенская молва одобрительно обсудила молодую пару. А уж потом, с благословения родителей, пошли они в 1912 году под венец. На свадьбе гуляли, как и положено, два дня всем селом. Сначала в доме тестя, а на второй день – у свекра, где и поселились молодые на первый год. Звенели гармони, плясали и пели односельчане, однако, не допуская похабных частушек, которые еще не заполнили деревенский фольклор, как это случилось лет десять спустя после погрома православной церкви и унижения ее духовных пастырей.

Жизнь молодых потекла совсем непохожая на однообразное существование их деревенских сверстников. Ефимша души не чаял в своей Пароньке. И та отвечала ему взаимной уважительностью и любовью. Он приобщил молодую супругу к чтению. В свободные дни и часы они часто пели свои любимые романсы: «Накинув плащ, с гитарой под полою» и «Ах, зачем эта ночь так была хороша». Позже советские соцреалисты от культуры презрительно назовут эти романсы мещанскими. Через год счастливой жизни молодой помощник лесничего построил собственный дом, где и родился их первенец – дочка Евдокия. Молодой отец ласково называл ее Кюшка.

А как ладно работали молодые во время покоса: Ефимша вел свой прокос впереди, за ним, не отставая, Паронька. Он не спешил, не налегал, чтобы не утомить свою любимую. Со стороны эти взмахи и полуобороты с литовкой выглядели так, будто молодая пара занята не тяжелой работой, а степенно и чинно танцует деревенскую кадрили.

ВОЙНА

Первая мировая для российской провинции грянула неожиданно. Стоило уездным воинским начальникам объявить о мобилизации призывных возрастов, как на сборные пункты стали приходить и приезжать не только подлежащие призыву, но и добровольцы, те, кому полагалась отсрочка. В связи с тем, что Ефим Казанцев состоял на государственной службе лесного ведомства, он не подлежал призыву. Но, будучи всего лишь сельским интеллигентом, он глубоко уважал и любил свое Отчество. И прекрасно понимал, какой серьезный враг предстал перед его Родиной. Старики, ветераны этой войны, даже много лет спустя называли ее «германской». Не пришлось им по вкусу клеймо «империалистическая». Слишком трескуче, политизировано, да и не по-русски звучало оно из новых исторических учебников.

С горьким сожалением расстался осенью лесничий со своим молодым помощником.

Уездному воинскому начальнику поступило распоряжение: отобрать несколько наиболее грамотных и подготовленных людей для учебы на офицерских курсах при Омском кадетском корпусе. Так, в конце 1914 года оказался мой еще молодой дед в Омске – центре Степного генерал-губернаторства.

Начало курсов совпало с печальными событиями в Восточной Пруссии. Две русские наступающие армии после непродолжительных успехов были разгромлены, и остатки их вытеснены далеко с вражеской территории. Быстрой победоносной войны, какую желали обе воюющие стороны, не получилось. Генерал Самсонов, не пережив позор разгрома своей армии, застрелился. Было еще у офицеров императорской армии понятие чести. Славный выпускник омского кадетского корпуса генерал Корнилов попал в окружение и плен. При первой возможности бежал, дошел до своих и после Февральской революции был назначен главнокомандующим Петроградским военным округом. Дальнейшая недолгая жизнь любимца русской армии – яркий образец служения русскому государству.

Среди семи десятков советских генералов, попавших в плен во время Великой Отечественной войны, был очень известный выпускник этого же учебного заведения – легендарный генерал Карбышев.

А Первая мировая между тем набирала обороты. Русская армия достигла небывалой доселе численности. На ее решающие и активные действия с востока надеялись западные союзники.

По российским деревням с пьяной удалью звенели гармошки. На службу провожали призывников, которых по старинке называли рекрутами. В городах Сибири вдоль великой магистрали формировались новые, пополнялись запасные полки и учебные команды. В войсках не хватало подготовленного офицерского состава. Время обучения в кадетских корпусах и училищах сокращалось. Но патриотическому подъему и боевому духу русской армии было еще ой как далеко до падения.

На курсах Ефим подружился с двумя сослуживцами. В строю они стояли рядом – были почти одного роста. Оба горожане. Саша, курносый, с пшеничными усами, до призыва служил приказчиком в скобяной лавке новониколаевского купца. К чтению и миру творчества был абсолютно равнодушен. Единственная его мечта – чтобы дочь хозяина лавки дождалась его со службы, а потом он и сам со временем станет купцом. Яков, франтоватый, всегда гладковыбритый, с узкими усиками, брюнет. В военном деле считал главным выправку, внешний вид и командирский голос. Поэтому, получив на складе военную форму, он первым делом в сапожной мастерской удлиннил голенища яловых сапог и сузил их носки. До призыва служил он телеграфистом управления железной дороги в Томске, поэтому щеголять в мундире для него было привычным делом. В отличие от Саши, Яков имел свое мнение о поэзии, музыке и кинематографе. Довольно богатый отец его время от времени присылал ему деньги, которые сынок в редкие свободные от службы часы благополучно спускал в омских ресторанах с девочками.

В начале января 1915 года слушателей курсов отправили в краткосрочные отпуска на рождественские каникулы. Эта короткая побывка станет единственной. После окончания курсов предстояло без промедления отправиться к месту службы в войска.

Перед тем, как разъехаться на каникулы, друзья зашли в фотоателье недалеко от вокзала и снялись на память о днях учебы. О том, что после окончания курсов они напишут рапорты об отправке на фронт в действующую армию, земляки договорились еще в начале обучения.

Около двух суток пришлось затратить Ефиму на дорогу к дому. Торопился, чувствуя себя молодым женихом, а не степенным семейным человеком. Полдня и ночь пролетели в поезде от Омска до Новониколаевска, и еще несколько часов – по новой строящейся ветке на Алтай. До места строительства ходил поезд с одним пассажирским вагоном для рабочих и специалистов и несколькими открытыми платформами для различных грузов. Чувствовалось, что к человеку в военной форме окружающие относятся почтительно, с уважением. Как только поезд тронулся, сразу же начались расспросы о временно затихшей войне. Добротнo и тепло одетые железнодорожные рабочие не смолили сигарки, а курили папиросы с дорогим табаком. Они обстоятельно расспрашивали господина военного о причине задержки боевых действий. Молодые рабочие горячо и напористо настаивали на том, что с такими союзниками русским войскам уже давно надо стоять в Берлине. В чем же причина? Где Суворовы и Кутузовы? Сомнений, что одолеем германца, ни у кого не было. Слушал Ефим, внимал горечь вопросов и в меру усвоенных им познаний рассказывал окружающим его людям об иных, чем прежде, масштабах грянувшей войны, о возникшей нехватке у нас артиллерии, соглашался с отсутствием новых Суворовых, Кутузовых и Скобелевых, но не мог и мысли допустить о предательстве в командовании русской армии и окружении императора. Через три часа, пролетевших в несколько минут, он сошел на полустанке с недостроенным вокзальчиком. Все кругом было знакомо, и Ефим двинулся с вещмешком на край деревни, где наезженная санная дорога вела к его селу. В первом же попутном обозе, возвращавшемся из Новониколаевска, мужики узнали своего односельчанина, с радостью подхватили, угостили и прибавили ходу лошадам. А последний десяток верст лошадей и понукать не надо было. Резво тянули они опустевшие после городского торго сани к дому, к отдыху да своим жеребятam. Под мерное подергивание саней Ефим чуть было не задремал на мягкой подстилке из сена с накинутым сверху овчинным тулупом. С обеих сторон дороги расстилались бывшие его лесные угодья, знакомые и родные. А вот за поворотом закончился лес, и показался голубой купол храма. Сердце наполнилось радостью и нежностью от предстоящей встречи. Он нисколько не думал и не

досадовал еще о таком коротком сроке побывки, о скором расставании. Расставании навеки. И как нужна была ему эта встреча, чтобы более века еще жила, текла его кровь, хранилась память о нем в его сыне, которого он так и не увидит, и его внуках.

Слух о том, что Ефимша Казанцев приехал на побывку, быстро разнесся по селу. На Рождество он получил приглашение в дом директора училища, где его ожидала встреча с уездным лесничим, давним приятелем и бывшим начальником. В волостное село он отправился с молодой женой. В доме директора училища сияла нарядная елка, было много гостей, в основном учителей. Паронька от непривычной обстановки сильно смущалась. Но бойкие горластые учительки вмиг познакомились и разговорились с нею. К вечеру всей компанией отправились в храм на рождественскую службу. Затянутый в строгую военную форму, Ефим привлекал внимание прихожан. Несмотря на тесноту, народ расступился, пропуская военного человека. Священник узнал своего бывшего ученика, едва заметно кивнул головой Ефиму, но все присутствующие поняли, кого приветствовал батюшка. Из состояния задумчивой отрешенности в воспоминаниях о юных днях, проведенных в училище, Ефима вывел грянувший церковный хор. Тонкие голоса женщин устремились под купол храма, взлетая, замирали там, поддержанные мужскими баритонами. Затем раскатистый бас дьякона, переходящий в рокот, возвращал их вниз, обрушивая на головы прихожан.

Ефиму закралась крамольная мысль: эх, такого бы богатыря в армию командиром! С таким-то голосом только и увлекать воинов в бой за святую Русь.

Как один короткий, но сладостный день промелькнула неделя рождественской побывки. В голос завывла Паронька, провожая мужа, запищала испуганная двухлетняя Киюшка. Степенные родственники и односельчане подходили, прощались без лишних напутствий и крестили отъезжавшего. Резвые лошадки нетерпеливо переминались и потряхивали гривами. Возница нарочито громко сдерживал их. Но вот и настал момент отъезда. Застоявшаяся пара резко берет с места, оставляя позади себя провожающих, еще долго машущих вслед воину.

Собравшиеся после недельной отлучки приятели делились впечатлениями от поездки в родные места и встреч с близкими. О продол-

жавшейся войне не думалось. На фронтах временно наступило затишье.

По весне Ефим получил из дома радостную весточку о том, что Паронька его ходит тяжелая и в октябре должна разродиться.

ДОБРОВОЛЕЦ

А к лету с театра военных действий снова стали поступать тревожные сводки. Немцы перенесли главные силы на Восточный фронт. Сюда же были назначены командующими прославленные фельдмаршалы. Вся весна и лето прошли в тяжелых сражениях, в результате которых русские войска несли большие потери и постепенно вытеснялись с территории Польши и Прибалтики. Прискорбным было для слушателей курсов сообщение о том, что особо тяжкие потери понесли два сибирских корпуса. После этих известий Ефим напомнил своим товарищам, что настала пора подавать рапорт об отправке на фронт. Те согласились, но засомневались, что начальство удовлетворит их просьбу до окончания курсов. Ведь до выпускных экзаменов оставалось всего два месяца.

Не испытывая ни малейших колебаний, в августе Ефим подал рапорт об отправке его на фронт. На беседу к начальнику корпуса явился с твердым убеждением – его место на фронте. Седой добродушный генерал, начинавший офицерскую службу под командованием Скобелева и прошедший тяжкие испытания русско-японской войны, попытался уговорить Ефима дожидаться выпускных экзаменов, чтобы в качестве офицера принести наибольшую пользу русской армии. Но, видя непреклонность молодого человека, только развел руками и изрек: «Ну что же, Ефим Григорьевич, не смею препятствовать в Вашем благородном желании отправиться на фронт». Еще он добавил: «Узнаю в Вас себя молодого». Далее он объяснил, что Ефим поедет в действующую армию в качестве вольноопределяющегося, а это значит, что звание офицера может получить без экзаменов при условии успешного участия в боевых действиях против врага.

В начале сентября, получив предписание и проездные документы, он попрощался с приятелями, которые чувствовали себя виноватыми в том, что остались до окончания курсов, а не едут вместе с ним.

Где они оказались, не попав на фронт с моим дедом? Куда бросила их судьбина в первые годы

после революции семнадцатого года? Под красные знамена товарища Троцкого или под трехцветные адмирала Колчака? Может быть, сложили головы под командованием Тухачевского или Каппеля? А может, мерзко и некрасиво в подвалах тридцать седьмого года?

Половина России пролетела перед глазами Ефима, пока он не прибыл в белорусский городишко, где и формировалась дивизия, в которой предстояло пройти ему боевое крещение. В октябре из дома поступила долгожданная радостная весть о рождении сына, которого называли Андреем. А еще сообщалось, что среднего брата Леву призвали на флот. Мысли о семье, о возвращении домой с победой Ефим обдумывал уже, когда их дивизия совершала походный марш в сторону Пинска, чтобы закрыть брешь, образовавшуюся в ходе очередного прорыва немецкими войсками нашей обороны. Перед наступлением немцы вели многочасовой обстрел крупным калибром наших позиций, сокрушая оборонительные сооружения, нанося громадный урон живой силе. Навстречу сформированным частям двигались в тыл санитарные повозки с ранеными и толпы беженцев со своим скарбом.

Наконец в начале ноября рота самокатчиков, двигавшаяся впереди дивизии в качестве сторожевого дозора, вернулась назад. Вернулась пешим порядком, волоча свои велосипеды по осенней грязи. Командиру дивизии они доложили, что немцы беспрепятственно двигаются навстречу. Командир, еще не старый служака, быстро распорядился и рассредоточил подразделения по фронту в несколько верст в лицо наступающему врагу. В тылу окапывающейся пехоты рассредоточились батареи легкой полевой артиллерии. В лесочке возле близлежащего села задымили полевые кухни. Через день над почти готовыми укреплениями в небе появился цеппелин. На довольно большой высоте он долго стрекотал над позициями. Большинство солдат, впервые увидевшие летательный аппарат, с удивлением и интересом наблюдали за ним, громко делаясь своими впечатлениями. Командир дивизии, понимая, что до встречи с неприятелем остались считанные часы, отдавал последние распоряжения и приказы. На ночь были выставлены сторожевые дозоры. Утром следующего дня после завтрака, когда солдаты покидали блиндажи, чтобы покурить на свежем предзимнем воздухе, с запада до-

неслись залпы тяжелых орудий. Снаряды немцев с воем перелетали окопы и накрывали наши батареи. Налет для них стал неожиданным. Ответить огнем своих пушек артиллеристы не могли. Стрелять по неразведанным целям – напрасная трата снарядов. Дальнобойная немецкая артиллерия безнаказанно долбила нашу. Под огнем, неся потери, орудийная прислуга вручную пыталась выкатить оставшиеся целыми орудия с позиций.

Постепенно интенсивность огня стала ослабевать, и к полудню наступило затишье. «У немцев обед», – объяснили офицеры. Наши кашевары тоже не растерялись. Полевые кухни подкатили прямо на позиции. После скорого обеда кони, подгоняемые кухонной прислугой, рысью уносились в тыловое село. Через час тишины на западе вновь бухнули гулкие залпы. Некоторые любопытные солдаты и командиры выпрыгнули из окопов наверх, чтобы наблюдать, как будут попусту рваться снаряды на месте бывших батарей. Но повеселиться над бестолковостью немецких артиллеристов зевакам не пришлось. Снаряды рванули на позициях пехоты. Единственное спасение для бойцов – окопы, отрытые в полный рост, как приказал командир полка. Снаряды врага рвались нечасто, но методично, не давая высунуться из блиндажей и укрытий. Налет продолжался в течение трех часов и резко стих. Командир полка обошел роты, принимая рапорты батальонных командиров о потерях в результате артналета. Смертельно ранило полуротного командира подпоручика Пушкарева. Тут же перед батальоном полковник выкликнул из строя вольноопределяющегося Казанцева и громкогласно назначил его полуротным. А самому Ефиму сказал, что уже сегодня напишет комдиву о представлении его к первому офицерскому званию прапорщика.

Поздно вечером полк получил приказ о застрашном утреннем наступлении. Предстояло сходу захватить или уничтожить вражескую артиллерию и удерживать позиции до подхода основных сил дивизии. Разведка доложила, что перед батареями немцев пехоты нет.

ЕГО ПОБЕДА

Лежа на походной раскладушке в офицерском блиндаже, Ефим мысленно представлял завтрашнее свое первое участие в бою. Думал о том, как будет отдавать команды своей полуроте, как будет увлекать бойцов в атаку своим при-

мером. «Только так и никак иначе не завоюешь, не заслужишь доверия и признания нижних чинов», – поучал его командир батальона.

На столике посреди блиндажа светила керосиновая лампа, стояла чернильница с ручкой, лежала развернутая карта со схемой предстоящего наступления. Ефим сел на раскладушке, достал и развязал вещмешок, вынул из него пару чистого нижнего белья, в которой была аккуратно завернута фотография. Он присел к столу и на обратной стороне толстого жесткого паспарту написал короткое письмо домой. Утром, подумал он, отправлю с кашеваром на почту ближнего села. Лежа на раскладушке, он вспоминал свой короткий приезд в родной дом. День за днем до самого отъезда. Перед тем как заснуть, вспомнил, что не получил офицерский наган. Но успокоил себя, что еще успеет. Как поют его солдаты: «Трехлинейка со штыком – подруженька надежная....»

За три часа до рассвета полк, поднятый по тревоге после короткого завтрака, походной колонной выступил в сторону вражеских позиций. Предполагалось преодолеть около пяти верст и на рассвете, развернувшись в боевой порядок, захватить немецкую артиллерию.

Когда до цели оставалось с полверсты, перед головой колонны вынырнул немецкий конный разъезд, который круто развернулся и исчез в окрестном мелколесье. Преимущество внезапной атаки было упущено. Оставалось только спешить, не дав врагу в полной мере подготовиться к обороне. Уже довольно рассвело, и в рассеивающейся мгле стали видны укрепления немецкой пехоты. Командир полка передал команду развернуться в боевую цепь, примкнуть штыки: «С Богом, ребята, ура!»

Немцы, которых атака русских не застала врасплох, степенно на своих недостроенных укреплениях готовились к отражению броска и выдвинули вперед пулеметы. А вот и прозвучала команда «Фаер!». Немцев было немного, и залп их не стал губительным. Бойцы полуроты на бегу открыли ответный огонь, а затем по приказу Ефима залегли и достали гранаты. Над бруствером немецкого окопа вместе с возгласом «Фаер!» взлетела в командном жесте рука в черной перчатке. После нескольких залпов над окопом показывается офицерская каска с острым шипом, верхняя часть лица скрыта биноклем. «Ну вот и мой черед», – прошептал Ефим, прицелился под бинокль и плавно нажал на спуско-

вой крючок. В том, что выстрел достиг цели, он не сомневался. Следом на немецкие окопы полетели гранаты. В едином порыве, едва смолкли взрывы гранат, не испытывая страха перед разрозненным огнем врага, вслед за Ефимом солдаты с азартной руганью бросились в атаку. Несколько мгновений, бросков – и немецкая линия в их руках. На дне мелкого окопчика полусидит окровавленный мертвый офицер. Рядом с ним два нижних чина с поднятыми руками. Остальные отчаянно удирают к виднеющейся у лесочка батарее тяжелых орудий. Немцев немного, и Ефим отдает приказ – захватить батарею. Атака продолжается. Его полурота увлеченно с криком «ура» приближается к цели. Орудийная прислуга с лошадьми, пытавшаяся увести гаубицы с позиций, в панике скрывается вглубь леса. На захваченной батарее верхами появляются командир полка с адъютантом. Грузновато спешившись, полковник окликнул командира отличившейся полуроты, крепко обнял подошедшего с докладом Ефима и с чувством гаркнул: «Молодцы! Орлы! Хвалю! Всех представляю к награде!» Потом поинтересовался о потерях и распорядился: «Двух убитых – предать земле, а раненого отправить в лазарет». Садясь в седло, добавил: «Держись, сибиряк. Немцы просто так не оставят свои позиции. В случае угрозы окружения – орудия взорвать!»

Уже опустили в неглубокую яму тела двух погибших пехотинцев и ожидали с минуты на минуту полкового священника к погребению, как вдруг стали рваться снаряды немецких минометов. Гавкающие выстрелы их раздавались за лесом, куда отступили немцы. Среди рвущихся мин и фонтанов вздыбленной почвы бросались навзничь и прижимались к родной земле солдатики. Только он, их новый командир, не спешил, стоял у края братской могилы с непокрытой головой, как бы чувствуя вину за их гибель. Когда осколок мины просек его тело, угасающим сознанием он подумал: «А ведь мог бы вместе со всеми вовремя упасть на землю. Ведь не белая кость».

Он очнулся, когда командир взвода, его земляк, дюжий унтер Пашенко и ротный санитар вытаскивали носилки с ним из-под обстрела. Санитар попытался убедить унтера не спешить, он видел заострившийся побелевший нос раненого и кровь, густо стекающую с носилок на сухую траву. Но унтер так зыркнул на него, что тот осекся и замолчал. Когда через полчаса санитарный

фургон подъехал к штабной палатке, Ефим уже не дышал. Отступающим на исходные позиции солдатам унтер сообщил о смерти их командира. Внимая печальную весть, они крестились и сожалели о его осиротевших детях.

В военных сводках сообщалось, что к зиме 1915 года фронт стабилизировался на линии Рига – Двинск – Барановичи – Пинск – Дубно.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Бабушке Прасковье, в то время двадцатичетырехлетней вдове, на содержание детей по случаю гибели кормильца назначили пенсию в двадцать четыре рубля. Для сибирской деревни – очень приличная сумма. Только два года получала она это пособие. После семнадцатого года новая власть отказалась от социальных обязательств прежних правителей. Жить стало трудней. Бабушка упорно не верила в гибель мужа, ждала его возвращения: после Брестского мира – из плена, а после Гражданской войны – из красных или белых. Без устали ходила по гадалкам и ворожеям с вопросами: жив ли Ефим, вернется ли? От сватовства ровесника Ефима, георгиевского кавалера, вернувшегося в начале восемнадцатого года с войны, отмахивалась. А молодой ветеран, прицепив наградные кресты, подкрутив усы, ежегодно упорно сватался, не теряя надежды. (В войну и не такие крепости брали.) И вот после девяти лет вдовства пала бабушкина оборона, вышла она за настойчивого кавалера. Для детей Прасковьи отчим Алексей Иванович родного отца не заменил. Строг и придирчив был. Нешадно наказывал. Поэтому неродные дети рано разлетелись из родного дома, вступив в самостоятельную жизнь. Вообще-то Алексей Иванович слыл хозяйственным, крепким мужиком. Все сельские работы и ремесла были ему по плечу. В конце НЭПа от завел пчел и умело управлялся на своей пасеке. Но своей для него она была недолго. С образовани-

ем колхоза на обобщественную пасеку пчеловодом назначили не его, а бывшего уездного ревкомовца, который в скором времени пчел по пьянке уморил. Пчеловода, несмотря на бывшие его революционные заслуги, осудили, но в душе Алексея Ивановича навсегда поселилась нелюбовь к колхозам.

Домашнюю библиотеку, оставшуюся после Ефима, он просто ненавидел и буквально извел ее в течение десятка лет. С войны он вернулся заядлым курильщиком, поэтому очень обрадовался такому количеству бумаги для самокруток. С удовольствием он раздирал книги и щедро раздавал своим знакомым «табашникам». Умер он, не дожив до старости, в 1944 году. После его смерти у бабушки остались только три вещи, напоминавшие о ее Ефиме и счастливой их молодости: фотография, где он стоял в военном мундире, том Достоевского из собрания сочинений да сборник статей Добролюбова из журнала «Современник» за 1868 год, купленный в букинистической лавке Томска.

Бабушка пережила Алексея Ивановича только на два года.

Отец мой, когда бывал пьяненьким, вынимал из семейного альбома эту старинную фотографию, читал на ее обратной стороне последнее послание своего отца сквозь прорывающиеся рыдания, не утирая и не размазывая слез:

«1915 год. 13 ноября. Дорогие мои деточки Кия и сыночек Андрей Ефимович, ну вот я опять с вами.

Прасковья Михайловна! Вот я явился домой. Ставь самовар у окна и угощай меня. Завтра иду на поле брани. Если сразит меня вражеская пуля, сходи в церковь, помолись за меня и вспомни, какой муж был у тебя».

Январь 2013 г.,
д. Верхний Калтан

**Светлана
ГОЛУБЕВА**

**ЭТО С ВИДУ РОССИЯ
ПРОСТАЯ**

* * *

*Безлунна полночь. Звуки редки.
С наружной стороны стекла
Блестит меж штор ночная мгла,
Как взор разлучницы-соседки,*

*Мужчину сведшей, что коня
С благополучного подворья.
Ей были б сладки слезы горя, –
Она их ищет у меня,*

*Злорадство жаждет наплатить,
Да только нечем пожить, –
Но, как зимующая птица,
Она готова крошек ждать.*

* * *

Да, осень...

*Бог с вами! Не худшее зло.
Кому-то и больше в году не везло:
То спать не давал подгулявший сосед,
То мужа, то денег, то совести нет.*

*Ах, осень. До боли простая пора.
Ты истина, осень, а лето – игра,
Щедра на посулы пустышка-весна,
Зима хороша, да и та... холодна.*

*Что ж, осень: колючий, занозливый дождь,
И если боишься – гулять не пойдешь,
Не сыщешь поэзии в серости дня
И в парке туманном не встретишь меня.*

* * *

*Смотрю в окно, и осень там такая,
Как будто все на свете прощено,
И сердце очарованного Кая
Не станет через месяц холодно.*

*Сорить теплом и золотом наивно,
Куда глупее это все беречь.
Летит листва прощально, грустно, дивно,
Как письма с юга, шаль с поникших плеч.*

*Оттенков пекло – предостережение.
Понять бы нам, безумным, от чего.
Но мир несется в суетном круженье,
И вряд ли докричишься до него.*

* * *

*Услышу Господа не в храме
Среди жужжання голосов.
Я, может быть, поеду к маме
Послушать древний шум лесов.*

ГОЛУБЕВА Светлана Сергеевна родилась в 1967 году в Пскове. Окончила Псковский педагогический институт им. С. М. Кирова. Живя в Белгороде, работала в гимназии. Участник региональных литературных семинаров в Курске (2008 г.) и Гусь-Хрустальном (2009 г.). Публикации: «Роман-журнал XXI век» (г. Москва), газеты Белгорода, Пскова и Орла, альманахи «Орел литературный», «Толока» (г. Курск), «Уроки литературы», «Бийский вестник» и др. Дипломант Всероссийского конкурса детской литературы «Жар-птица». Член Союза писателей России с 2010 года, автор трех книг. Живет в Орле.

*Там на стволы, чьи ветви в небе,
Закатный присмолился луч,
Как мед, растекшийся на хлебе,
Горяч и терпок, и пахуч.*

*Шум сосен – выдох облегченья,
Нашептывание молитв,
Издревле данных в утешенье
Держащим неба монолит.*

9 МАЯ

*Какая тишь! И так необорима
В рассветной неге дремлющая жизнь,
Как будто все снаряды были мимо,
Все мины до одной не взорвались,*

*И генералы живы и солдаты,
Все дети родились у матерей,
А если здесь и слышались раскаты,
То разве гроз, примчавшихся с морей.*

*Зарей румянясь, в лепестках лежала,
Дыша малейшей гранулкой земной,
Такая жизнь, как будто не пропало
Из завершенных судеб ни одной.*

РОЗА

*Прекраснейшему из земных творений
Зачем в колючки наряжать красу?
Шипы спасают от прикосновений, –
От зноя и мороза не спасут,*

*И от ножа. Что ж, красота земная
Во всякие прельщала времена,
Но в сад придет за розой тот, кто знает,
Зачем ему краса ее нужна.*

*Не сломит стебля, не порвет, как нитку,
Чтоб через десять обронить шагов,
И лепестки, как нежной маргаритке,
Не выщиплет, гадая на любовь...*

*Наверное, быть стоит иглокожей,
Родившись целью чувственных страстей,
Чтоб покоряться только воле Божией,
А не случайной прихоти людей.*

*На выставке народного искусства
Журавли над лубочной Россией,
Вдаль глядящей, ладонь козырьком,
Над рекой простодушною, синей,
Над наивно-зеленым леском.*

*Немудреные вроде просторы,
Но не вскину насмешливо бровь:
Здесь такие рождались узоры,
И пейзажи – таких мастеров!*

*Над озерной невинностью гжели,
Над медовой жарой хохломы,
Кружевной вологодской метелью,
Аметистом уральской зимы*

*Пролетает журавушек стая.
Пусть наивен лубочный сюжет,
Это с виду Россия простая, –
А над кем не простерт ее свет?*

НА РОДИНЕ

*Средь холмов, где притихли озера
В просмоленной сосновой тайге,
Хорошо бы в вечернюю пору
Прогуляться вдвоем налегке,*

*Любоваться, как в солнце закатном
Раскалилась сосновая медь;
На шершавом стволе красноватом
Так и хочется руки согреть.*

*Вон, курится туман по озерам,
Поклоняясь вечерней звезде;
Мы с тобой побежим косогором
Искупаться в туманной воде.*

*До чего же пугливые ночи:
Только смерклось – и тут же рассвет!
Видно, солнце отсюда не хочет
Уходить на другой континент...*

*Мы вернемся на зорьке, вдыхая
Быстротечный, прохладный покой.
Безмятежные радости рая
Здесь повсюду у нас под рукой.*

**Татьяна
КОЛАЧ**

**ЖИВУ –
МОЛЧАНЬЮ ВТОРЯ**

* * *

*Наверное, это мне ветер принес
Печальные стуки вагонных колес.
Летят километры, теряясь вдали,
В краю незнакомом, на крае земли.
Ты выйдешь на станции в тихий рассвет,
Я шорохом трав помолюсь тебе вслед,
Тропинкою брошусь под ноги твои.
Ты только судьбу свою зря не кори.*

ОСЕННЕЕ

*А закат по-над серыми тучами
Вязко плещет оранжевый зной,
И сгущается темень тягучая
Над полями густой пеленой.
Ветер стих над озябшими ивами.
Тишина, только шелест листвы,
А над черными, голыми нивами
Дым прогорклый от жженой травы...*

* * *

Б. Б.

*Дарована милость от Бога – свети,
Могучее, светлое Слово неси!
Безумство кликуш и предавших прости,
Но русское Слово прославь на Руси!*

КОЛАЧ Татьяна

* * *

*Холодный сыпал снег,
Буранило, белело,
И поседевший век
Глядел осиротело,
Как дыбились снега,
Как злобно по России,
Раздетой донага,
Горланили мессии.
Казалось, что вовек
Не выпрямится смело.
И сыпал, сыпал снег
Неумолимо, бело.
И выбелил луга
И темные равнины...
Русь простоит века,
И путь ее – глубинный.
...И русский человек
Молился неумело,
И белый сыпал снег,
Светлело...*

100

СОН

*В последнем хмуром уходящем дне,
В том черно-сером выжженном пространстве,
Где полыхало зарево в огне
И где огнем свергалась власть тиранства,
Там все метались и искали брод:*

В реке, в огне по выжженному следу,
 А с неба падали потоки вод
 И уносили всех в забвенье, в Лету.
 ...И просыпаюсь в ужасе, в поту.
 Ужасный день! Зачем мне это снится?
 Я вижу новый день и ту черту –
 Всего лишь шаг, чтоб снова повториться.
 Откуда память выхватила миг,
 Смешала настоящее, бывшее.
 И чей из тьмы недолежавший крик
 Сквозь толщу лет мне не дает покоя?
 ...Стоим опять у каменной версты
 По ту иль эту сторону черты?

* * *

Даше

Ночь на исходе... Снова, снова
 Рассвет божественный грядет.
 Он дарит утреннее слово,
 Оно Божественно и ново,
 Из снов на землю нас зовет.
 И просыпаюсь, как впервые,
 И синь, как в первый раз, нова,
 И звуки чистые, земные
 Преобразуются в слова.

* * *

Поманили далекие дали –
 Ты ни дня, ни минуты не ждал
 И уехал. Знобит от печали,
 Опустел многолюдный вокзал.
 И не крикнуть в вагон уходящий,
 И теряться в сумраке след...
 Неподвижный перрон в настоящем,
 Я стою, а тебя уже нет.

* * *

Замять чувств... Чего еще мне ждать?
 Как же редко вижу я такое:
 Соткан луг из солнечного зноя
 И пропитан тишиной-покоем.
 Господи, какая благодать!

В луговинных травах полежать,
 Мятный дух настоем одурманил,
 Травами обнимет, обласкает
 И своим покоем не обманет...
 Господи, какая благодать!

И душе дать время повитать...
 Божий мир – он светлый, настоящий!
 Я вернусь на этот луг звенящий,
 Чтоб еще на выдохе сказать:
 «Господи, какая благодать!»

* * *

С тобою не страшен мне времени ход –
 Идет и идет...
 С тобой познаю мироздания код
 Всю ночь напролет.
 И таинство тела, и тайны души
 Для нас лишь двоих.
 И стон, что сорвался в полночной тиши
 В пространстве затих...

ПРЕДЧУВСТВИЯ

Опять набегают тучи,
 И воздух упругий и злой,
 Близится дождь неминуемый,
 И близится дождь с грозой.
 В тучах беснуются блики,
 И гром громыкает вдали...
 Тревожные птичьи крики,
 И ласточки у земли.
 И капли падают дробно,
 Как камни, на землю с небес.
 И кто-то грозит злобно,
 А кто-то трепещет ознобно,
 Но каждый несет свой крест.

* * *

Ох, и лихо стало на Руси...
 Сергей Радонежский, пронеси
 Чашу горя, и обид, и зла,
 Чтобы стала Русь светла-светла.
 Отведи от нас недобрый глаз –
 Делал это ты уже не раз.
 Помолись за непутевых нас,
 В добрый путь, Россия, в добрый час!

* * *

Любовь не каждому дана...
 И те, нелюбящие души,
 Приходят в мир, чтоб мир разрушить,
 Ведь ими правит сатана.

И жизнь распята на кресте...
 Над ней глумятся, корчась в муках.

И в этом гуде, маете
Божественных не слышно звуков.

И храмы строят на крови...
И сколько ж нужно им страдания,
Чтоб смерть принять, как покаянье,
И возродиться для Любви?!

* * *

Мы Бога постигаем снова
И нам дано от Бога Слово.

Но что же делаем мы с ним?
Глас Божий в нем неразличим.

Не слышно тихого напева –
Слова расплавились от гнева.

По строкам разгулялся бес,
Себя возносит до небес.

Но вам, несущим слово злое,
Не будет на земле покоя.

Вы непристойностью своей
Себя погубите скорей.

Найдутся на Руси другие,
Произнесут слова благие.

Очнется, вспомнит мой народ
Язык свой русский, славный род.

...Под звук таинственного зова
Мы обретаем Божье Слово.

* * *

А день прошел... И вечер наступил,
И сумерки сгустили запах лета,
И лунный свет округу осветил
Прохладно-желтым, сумеречным светом.
И сразу тишь... И таинства полны
Ночные, потемневшие аллеи,
И звезды падают беззвучно с вышины,
Тая в себе вселенские идеи.
Стою я у открытого окна,
А влажный воздух свежестью дурманит.
Ночная тишь звучания полна,
Спать не дает и все куда-то манит...

ЗИМНИЙ ГОРОД

Всюду белые снега
Вьюгой брошены,
И Юрга, моя Юрга
Запорошена.
И проспекты занесло
И все улочки,
Пеленой заволокло
Переулочки.
По Московской понесло
И по Ленина,
Привокзалье занесло
И Осеннюю.
Кружит белая пурга,
Даль мятежная.
Я люблю тебя, Юрга,
Белоснежная.

* * *

Дай Бог, чтоб всем любви хватило,
Чтоб нищих не было в любви,
Чтобы Божественная Сила
Храм строила не на крови,
А возводила Храм Любви.

102

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРИСОВКА

Клубки и спицы спят в корзине,
А я пишу о тишине.
Огонь, пылающий в камине,
Рисует тени на стене.
Внезапно высветит картину –
Размах сиреневый в цвету,
И затрепещут гроздья, скинут
Отяжелевшую пыльцу.
И в стих прольются краски лета,
В строках забуйствует кипень...
И будет чудиться мне это –
Зима, камин, стихи, сирень.

ДОЖДЬ ЗА ОКНОМ

А за окном сгустились облака,
И стекла в окнах сразу потускнели.
А капли первые и легкие пока,
Столкнувшись со стеклом, вдруг осмелели.
Забили чаще, громче по стеклу,
Дразня друг друга и перебивая,
И брызги в стороны! И на полу
Следы от танца – сырость дождевая.
Вдруг все затихло, высветило малу,

И пляска кончилась, лишь дождевые струи,
Шурша по онемевшему стеклу,
Напоминают наши поцелуи.
...А за окном редуют облака.
Уходят вдаль и не хотят прощаться.
А неба синь ясна и глубока,
И невозможно взгляду оторваться.

ЛЕТНЯЯ БЕССОННИЦА

Ну вот и лето. Душными ночами
Опять не спится... Вроде не беда.
В рассветной дымке звонкими ключами
Бьет в небо родниковая вода.
И гомон птиц волнует на рассвете,
Прохладный воздух свежестью горчит,
Но вот не спится... Что же это лето
Тревожно мне и радостно сулит?

* * *

Земля как будто поле битвы:
Вражда и месть, война и кровь...
Не остуди слова молитвы,
Да снизойдет на всех Любовь!

* * *

После ночи рассвет забрезжит.
Все будет прежним без меня.
И травы будет тихо нежить
Прохлада дремлющего дня.
И будет Мир! Не содрогнется
Густая синь перед зарей,
Но в неизведанном проснется
И искрой Божьей пронесется
Душа над спящею Землей.

ГРОЗА

Облака густо пенятся в речке,
Воздух влагой речною горчит.
Берега укрывают оплечьем
Тальниковую заводь в ночи.
В тишине просыпаются звуки
Нарастающим громом вдали.
Грозовые кривые излучки
Проникают во чрево земли.
И земля отзывается стоном,
Непокорная дыбится плоть,
И все ниже склоняются кроны,
И все больше волнуется вода.

ПЬЯНИЦА

Мутен взгляд и бессмысленно слово,
Вновь с утра на ногах не стоит...
В диком пьянстве он снова и снова
То буянит, то сумрачно спит.
Не смотреть бы, не знать и не верить,
Что запойные души глядят
Через мутные ставенки-щели,
Умоляя вернуть их назад
К тем истокам далекого детства,
Беззаботно-веселой страны,
Той, которой досталась в наследство
И где светлые, легкие сны.

МАТЕРИНСКОЕ

Я буду миром управлять
На кухне малой.
Борщи и каши заправлять
Поджаркой с салом.
Картошка, каша, пироги –
Знакомо, мило,
А к чаю джем из кураги,
Что днем сварила.
Не то что в войны повергать
Селенья, страны
И сыновей чужих сгонять
На поле брани.
Пусть будут блинчики, супы –
Обед домашний,
Чтоб не готовить для толпы
Помин ужасный.

* * *

Все было в жизни: радость, горе,
Разлуки лунная печать.
Так и живу – молчанью вторя,
Хоть впору иногда кричать.
Да только нет спасенья в крике,
Колокола звонят, звонят...
Под этот звон живые лики
Все молчаливее глядят.

* * *

Ну что мне сказать на прощанье?
Дорога открыта – так в путь.
Мы бросим монетку на счастье
В заросший кувшинками пруд,
Присядем в молчанье недолгом,
Потянется тонкая нить,

*Вот только... Вот только о прошлом
 Ни мне, ни тебе не судить.
 Дорога лежит в ожиданье,
 Мне влево, направо твой путь...
 Прощай же, свидетель свиданий,
 Заросший кувшинками пруд.*

* * *

*Ввысь над просторными лугами
 В полет свободный за тобой
 Зовут немыслимые дали,
 Непредсказуемы судьбой.
 Неповторимыми путями
 При свете дня, в ночной ли мгле
 Наш путь весенними ручьями
 Давно прочерчен на земле.
 А немощенные дороги
 Уводят вверх, где не спеша
 Напоминает нам о Боге
 Затосковавшая душа.*

* * *

*Случится такое, приснится...
 Под утро из призрачных снов
 Забытые временем лица
 Всплывут из-под толици веков.
 То царский чертог и палаты,
 То серый приземистый крест.
 Мелькают то лица, то даты,
 И ветер тревожный окрест.
 В молитве при тлеющем свете
 Сгоревшего судного дня
 Я вижу: судьба на рассвете
 К распятью готовит меня.*

* * *

*Беспокоит сумятица снов
 И несделанных дел вереница.
 В тишине недосказанных слов
 Исчезают из памяти лица.
 Забываю родительский дом,
 Запах свежепомытого пола,
 Палисадник под низким окном
 И скамейку за старым забором.
 Лица бабушки, деда... Теперь
 Вспомнить трудно – забылись, истлели.
 Закрывается в прошлое дверь,
 Время дремлет на старых качелях.*

РУССКИЕ СЛЕЗЫ

*Не смолкают походные трубы,
 Вижу я, как с родного крыльца
 Маршируют мальчишки. Их губы
 Сжаты судорогою лица.
 Снова целятся в прорезь прицела
 В эти лица чьи-то глаза,
 Замирает и падает тело,
 И твердеет, твердеет слеза.
 Русь, родная, пред кем преклониться,
 Замолить презрешенья свои.
 Как смотреть на Пресветлые Лица, –
 Плачут кровью иконы твои.*

107

ПОТЕРЯННАЯ ЖИЗНЬ

*Он не ценит ни душу, ни тело
 И живет на земле, как в аду.
 Хрипло стонет и петь неумело
 Все пытается в пьяном бреду.
 В ветхом доме без имени-званья
 Существо человека живет.
 По ночам одинокая ставня
 На ветру безголосо поет.*

Гарий
НЕМЧЕНКО

«ПОСЛЕДНИЙ МАТРОС СЕВАСТОПОЛЬ ПОКИНУЛ...»

Многоуважаемый Сергей Лаврентьевич! Дорогой Сережа!

Вчера мне позвонил новокузнецкий москвич из среднего, работающего звена и говорит: «Праздник на Запсибе все-таки состоится, хотя и очень скромный, и в нешироком кругу... Не мог бы ты срочно дать две странички воспоминаний? Что было, что стало»...

Ну, я, конечно, раздумался... И – началось.

Кто о чем, а вшивый – о бане?

Или у кого что болит?..

Я уже было приготовил для тебя своего «Последнего матроса», а тут подумал: а почему бы не дать к нему предисловие? Как раз на эту тему. О пятидесятилетии Запсиба. Но – о духе. Что было?.. Что стало?

Кто же еще, если не мы и не я – в частности. Так что это, считай, не о себе, а обо всех нас, о Кемеровской организации...

В преддверии пуска первой домны, в 1964-м, перестал выходить наш родной «Металлургстрой», его заменил специальный областной выпуск «Даешь домну!». Выездная редакция была: Петро Ворошилов – главный, Валя Махалов, Мишка Сафонов, Саша-Джон Дергачев, ставший потом в Киргизии Дергабаевым... Ну и мы, конечно, – «металлургстроевская» мелочь пузатая... как вспомнишь!.. Это как раз был расцвет Паши Мелехина. Толя Ябров, конечно. Еще не уехавший Володя Леонович... Славные были времена! Я в это время был собкором «Строительной газеты» по Кемеровской, Томской, Новосибирской областям и Алтаю, но где тогда был центр не только всего этого региона, но и центр мировых событий?.. Конечно же, наша Первая Домна!

А тут как раз меня приняли в СП. Пришла телеграмма. И вот в № 39 от 4 июля, уж не помню, кто ее написал, – по-моему, Махалов – вышла заметка, врез посреди второй полосы: «Наш, записибовский».

Вот она:

«Много хорошего, счастливого родилось на нашей стройке. Летопись Запсиба запомнит все. Ее шуршащие страницы расскажут людям о том, как

строили мы завод, его первую домну, как горячо и увлеченно пели задорные комсомольские песни. Расскажет о первых улицах Антоновской площадки, о веселых свадьбах, о первых юных гражданах Запсиба. Многие расскажет летопись. И, может, умолчит она только об одном: кто писал ее, летопись, кто выбирал для нее яркие слова, достойные подвигов героев Запсиба.

Но почему-то очень хочется верить, что не забудут ветераны-записибовцы вихрастых парней из строительной многотиражки, с объемистыми блокнотами, топырящими карманы, парней с пытливыми, все замечающими глазами!

Гарий Немченко после окончания факультета журналистики Московского университета приехал на Заспиб. Здесь он стал отличным газетчиком, здесь он стал писателем. Его первая книжка очерков, написанная совместно с Геннадием Емельяновым, была посвящена молодым строителям Запсиба. Вслед за ней вышла в свет его маленькая детская повесть «Сережка – антоновский ветеран». В начале этого года журнал «Сибирские огни» опубликовал роман Гария Немченко «Здравствуй, Галочкин!». Скоро роман выйдет отдельной книгой в кемеровском издательстве.

На днях к нам в редакцию пришла радостная весть: Гарий Немченко стал членом Союза писателей.

А это значит, у нас родился писатель свой, записибовский. Запомни это, летопись!»

105

Так что, коли почтишь, Сережа, нашу Домну Записибовну публикацией в середине года – было бы очень здорово. А коли Бог даст соберется нам в это время в Кузне, то – «типа ваще»!

Поразмышляй!

Привет Дому, привет твоему бессменному соратнику Димитрию, привет Всем в Союзе и – поклон Кузбассу, родной Земле Кузнецкой.

(Нашел сейчас писательский билет... Дата приема в Союз – 3 июля. А уже 4-го – заметка в «боевом листке»... ну, оперативные мы были ребята!)

Третий день ем колбу из Кузни... праздник Души!

«ПОСЛЕДНИЙ МАТРОС СЕВАСТОПОЛЬ ПОКИНУЛ...»

Необходимое предисловие о Старой Бумаге:

Опять подержал ее в руках, опять улынулся: ну что мне с тобой, Бумага, делать?

Именно так: Бумага с большой буквы.

Родилась она 15 августа 1968 года в Министерстве обороны Союза ССР, в Главном штабе военно-морского флота... вот! Может, оттого-то, как подводная лодка из толщи воды, снова теперь и вынырнула? Из ворохов полузабытых писем, пожелтевших машинописных страниц, неоконченных листков с давними почеркушками...

У многих архивы в идеальном порядке. У меня – нет.

Но что любопытно: бумаги в нем имеют необъяснимое свойство самостоятельного передвижения. То она вдруг надолго исчезнет, бумага. То неожиданно попадет на глаза уже в другом месте. Но непременно вовремя, всегда вовремя – вот в чем дело!

Как в этом случае. Ну чуть ли не скажет «человеческим голосом»: из многолетнего, мол, дальнего похода вернулась наконец в порт приписки. Все, что было предписано, исполнила. Разрешите идти?

Но с этого мы и начали: куда ей теперь дорога?

На первой страничке Патриаршего православного календаря на этот, 2014 год напечатано вроде бы вполне понятное обращение: «Дорогие братья и сестры! Просим не использовать листки календаря на хозяйственные нужды».

Придется потом торжественно сжечь.

Так и тут?

Потому что со временем эта Бумага обрела для меня не только особый статус, но и некий мистический смысл.

Вот ее полное содержание: «Начальнику Штаба Краснознаменного Черноморского флота вице-адмиралу тов. Мизину Л. В.

г. Севастополь

Копия: главному редактору издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия» тов. Осипову В. О.

г. Москва

Разрешается допустить в период август – ноябрь сего года на один из нережимных кораблей флота (по Вашему усмотрению) писателя Н. Г. Л. для сбора материала о жизни и службе военных моряков в пределах сведений, разрешенных к опубликованию в открытой печати.

Вио начальника главного Штаба ВМФ
вице-адмирал В. Алексеев».

Разрешение побывать на «нережимных кораблях» означало командировку на наши боевые суда, постоянно курсировавшие тогда в Средиземном море...

Как мне хотелось там побывать!

Оно и появилось, это разрешение, после того, как я однажды за «рюмкой чая» по-братски пожаловался главному редактору издательства «Молодая гвардия» Валентину Осипову: торчишь, мол, там, в сибирской глуши, на богом забытой стройке!.. И он отправил запрос в главный Штаб Военно-морского флота. И тут же переслал мне эту Бумагу: попутного ветра, сибиряк! И – «семь футов под килем».

Но вот в чем дело: накануне я только что вернулся из поездки молодых писателей в Вешенскую и еще не успел освободиться из жестоких объятий того самого психологического состояния, которое с

легкой руки Гены Емельянова, Геннадия Арсентьевича, школившего меня первого Учителя, звалось в нашей Кузне: «самоанализ».

А заниматься им было, было с чего!

Говорил себе: ой, смотри, парень!.. Неужели из водочного омутка «тихого» Дона только для того ты и выплыл, чтобы тебя добил потом сорокаградусный шторм на боевом корабле в Средиземном море?!

Что тут скрывать: так было. Хочется добавить: по-молодости.

Или у судьбы уже имелся на сей счет иной план?

Который через столько-то долгих лет все же осуществится.

И Бумага была «первым колышком», обозначавшим его неблизкое, прямо сказать, осуществление...

«ПОСЛЕДНИЙ МАТРОС СЕВАСТОПОЛЬ ПОКИНУЛ...»

Мобильник завел свою настырную мелодию в шесть утра, и я невольно улыбнулся: ясное дело – кто-то из Новокузнецка или из Кемерово. Кто еще может в такую рань?

Нажал на кнопку и, опережая звонившего, заговорил:

– Только сибиряки, только они!

И услышал насмешливый голос Шевченко:

– Угадал, угадал: сибиряки.

Невольно удивился:

– Что это, Коль? Случилось что?

– Слава Богу, ничего. Просто помню, что встаем в одно и то же время, и ты уже на ногах. Или ты теперь вылеживаешься?

– Да ла-адно тебе!

– Тогда бери ручку и записывай... ручка под рукой? Пиши, – продиктовал номер телефона и в том же деловом тоне продолжил: – Возьмешь сегодня билет на Севастополь и позвонишь по этому телефону, скажешь, в каком ты будешь вагоне. Они уже знают, что ты к ним едешь. Встретят там.

– Хорошенькое дело! – сказал я. – Они уже знают, а я пока – ни сном, ни духом... Как в том анекдоте: Сара согласна, осталось уговорить графа Потockого... Меня-то ты спросил? Какой Севастополь, если я уже позвонил Юре Галкину, старому другу, что не смогу к нему приехать. Сто лет собирался, а не смогу: столько дел накопилось, что разгрести надо срочно...

– А где этот твой Юра?

– В Дорофеево, во Владимирской области. Там у них орляк растет, как в Кузбассе. У нас, правда, японцы уже съели его подчистую, а там пока остался.

– Вот и еще обождет.

– Говорю тебе, уже отложил поездку: срочные дела в Москве.

– И в Москве отложи.

– Да с чего бы это вдруг – отложить?!

– Я тебе серьезно: бери билет и езжай. Пообещал о Старом Осколе написать?! Пообещал. Чуть не клятвенно, как сам любишь говорить. А как можно о Старом Осколе – без Севастополя? Ну ты даешь! Мы теперь в одной связке... или еще не понял? – голос у него все набирал не только дружеской издевки, но уже как бы и начальственной строгости. – И не забывай, что ты только юнга. Как себя ведешь, когда с тобой старший по званию разговаривает?.. Если забыл, напомню: в воскресенье – День военно-морского флота. Наши поздравить морячков выезжают туда автобусом завтра утром, тебе уже придется их догонять.

Только тут стало до меня доходить.

– Да-а, товарищ каперанг! – сказал уже озадаченно. – Тоже хорош: чего ж ты мне раньше не сказал?

– Думал, без меня сообразишь...

– Куда уж нам – без тебя!

– Запиши-ка еще на всякий случай еще один номер. Это глава делегации, мой зам, он там, если что, подстрахует...

– погоди-ка! А сам-то ты, сам?!

– А я поеду к твоему другу во Владимир. И все ему там и объясню. И про тебя, и про себя. Доволились?

Тон у него был уже ну прямо-таки непререкаемый, и мне только и оставалось пробормотать:

– Ну, ты совсем оборзел, каперанг! Думаешь, 107 если в гардеробе у тебя висит парадный морской мундир, так ты теперь можешь бедного юнгу...

– Все! – подвел он черту. – Ты не бедный юнга, ты «стальное перо», но времени у тебя и действительно мало. Собирайся!

...И вот сидел я в поезде «Москва – Севастополь», в купе, настоящим забитом полосатыми этиками, с которыми носятся по стране «челноки», сумками, объемистыми пакетами и коробками, что средних лет женщина с раскрасневшимся лицом, владелица всего этого добра, то и дело поталкивала мужа локтем и глазами показывала вверх, на какой-нибудь собиравшийся вот-вот свалиться нам на головы «чемоданчик»:

– Поправь, Петя! Задвинь его подальше, а то...

– Это не наши! – тихонько сказала сухонькая старушка, когда оба они, захватив полотенца, отправились в дальний конец вагона. – Это раньше в Севастополе жили как люди, а сейчас одна беднота... Или спекулянты, как эти.

Пришлось плечами пожать: как, мол, знать?

– Точно-точно, – уверила старушка. – Я на них насмотрелась. Сегодня честный человек не может так жить... Чего улыбаетесь – нет, что ли?

Но улыбался я не поэтому.

Опять, думал, персональный мой «кубик Рубика»

повернулся очередной головоломкой... Или тут-то как раз все на свое место и стало?

Сам ведь потом жалел, что десяток лет назад не смог попасть на этот праздник в Севастополе? День военно-морского флота. Или – не захотел попасть?

Просто не сообразил тогда вовремя. Не сориентировался. Побоялся редакцию подвести.

И теперь вот твой друг волевым, как говорится, решением отправляет тебя как бы вдогон... Вовсе не этой своей команде из Оскола, хотя, конечно, и ей тоже. Главное, как бы вдогон судьбе. И разве это уже само по себе – не загадка?

Может, не зря ты именно в Осколе купил тогда книжки этого новомодного теперь писателя, этого «алхимика» Пауло Коэльо, любимца продвинутых.

Что он там нам советует? «Ищите знаки».

Ну что же, начнем искать.

Может быть, коли не удалось откопать в бумажных завалах записную книжку, которую брал тогда с собой в морской поход – ишь, как оно звучит, как звучит! – все-таки разыщешь там старых знакомых и, даст бог, сумеешь связать концы и начала?

Старый свой очерк, из-за которого, собственно, я пропустил тогда севастопольский праздник, – надо было торопиться в Москву, чтобы вовремя сдать его в набор – выдрал теперь из журнала «Российская Федерация сегодня». Хорошо, хоть он оказался под рукой. Так, с неровно оборванными краями в папку, что в сумке, и засунул.

Вот он:

«ДЕСАНТУРА» ПОД АНДРЕЕВСКИМ ФЛАГОМ

Каждое поколение по-своему уникально, это само собой. На долю моего, предвоенного, выпало редкостное счастье: пережить оккупацию немцев и дожидаться своих. Испытанный в детстве восторг от возвращения наших ни с чем не сравним. Теперь мне давно за шестьдесят, но каждый идущий по улице солдатик шагает навстречу как будто из тех времен.

У моих ровесников свой взгляд на армейских обидчиков и насмешников. И особый счет к опустившимся высоким военачальникам и к государственным мужам, лишенным не только доблести предков, но даже умения трезво оценивать положение Родины – сегодня и свое собственное положение – завтра.

На берегу бухты Агой под Туапсе главком Военно-морского флота России адмирал Владимир Иванович Куроедов вручил миротворцам из Воздушно-десантных войск «морской», Андреевский, флаг, и его на полушутке спросили: «Не следует ли это понимать, как скрытое желание за время похода на кораблях до греческого порта Салоники перекалифицировать «летающую» пехоту на плавающую?»

Уже накануне, когда видел главкома за традиционным в редакции круглым столом, невольно отметил ощущение исходившей от него внутренней силы. Теперь он был в родной обстановке, и некоторая ирония в его уверенном голосе как бы даже подчеркивала державность речи: «У нас и без того есть все основания гордиться своей морской пехотой! Но мы желаем, чтобы над югославской Приштиной как символ поднялся и наш стяг».

В этом походе вообще было много символов: и торжественно-высоких, и с явным привкусом горечи. На БДК (большом десантном корабле) «Азов», когда руководивший походом командир 30-й дивизии надводных кораблей Черноморского флота контр-адмирал Васюков с указкой в руках докладывал об учебных и боевых подробностях, главком неожиданно спросил: «Говорят, здесь пекут свой хлеб?» На Главном командном пункте почти тут же появился аккуратно нарезанный батон, Куроедов первым взял ломтик, отщипнул от него сперва кроху, а потом с посветлевшим лицом отломил чуть ли не половинку и повел рукой на поднос с хлебом: «Пробуйте... вы попробуйте!»

Так получилось, что мне пришлось две недели есть этот хлеб корабельной выпечки, делить с моряками, выходит, те самые хлеб-соль, и сегодня, когда это время осталось в прошлом, я со светлой грустью и благодарностью судьбе понимаю, что давно уже не находился среди товарищества более достойного, чем это: на возглавлявшем наш караван флагманском «Азове».

Участвовали в походе всего шесть судов – пять БДК и приданный им спасатель, но на Черноморском флоте и таких давно уже не было, да что там – поход сформированной из кораблей Северного, Балтийского и Черноморского флотов авианосной многоцелевой группы под флагом первого заместителя главнокомандующего ВМФ России адмирала В. Касатонова, предпринятый в 1996 году в Средиземное море не только с учебно-боевой целью, но и в честь трехсотлетия русского Флота, и тот собирали, как говорится, всем миром...

Потому-то явно приподнятое настроение офицеров на Главном командном пункте нет-нет да и перебивал нарочито-требовательный голос «высшего начальства» – контр-адмирала Владимира Львовича Васюкова. Горячо перебивали друг дружку и собиравшиеся на спардеке у поручней свободные от вахты офицеры походного штаба, но здесь это лишь прибавляло оживления: названия надводных кораблей и подлодок, на которых когда-то пришлось служить, дальних военных баз на русском Севере и куда более дальних – в экзотических южных странах за рубежом мелькали вперемешку с флотскими чинами, фамилиями, именем-отчеством, а то и с дружеской кличкой, и только они,

прошедшие чуть не все, какие в мире есть, моря-океаны, могли буквально налету ориентироваться в этом бурном потоке общих воспоминаний, по нынешним временам – почти фантастических... Но ведь было же, было!

Понимавший, само собой, какое на меня неожиданно-негаданно свалилось – не на один роман! – богатство «фактуры», временами я ощущал себя попавшим в стаю буревестников городским воробышкой, и в те короткие минуты, которые удавалось проводить одному в каюте, с ощущением напрасно прожитой жизни принимался судорожно листать стоявшие на полке в достаточном изобилии морские справочники и книги по истории флота. Когда-то и я собирался пойти в моряки, что было, то было, и теперь вдруг припоминалось чуть ли не начисто позабытое: еще легендарный князь Святослав на 250 судах предпринял свой черноморский поход – тогда уже шестой в русской истории. Еще 20 октября 1696 года при императоре Петре Первом было твердо постановлено: «Морским судам быть». Еще царский рескрипт от 31 декабря 1825 года гласил: «Россия должна быть третьей по силе морская держава после Англии и Франции и должна быть сильнее союза второстепенных морских держав».

Что ж, всего лишь несколько лет назад флот СССР на равных соперничал с крупнейшим в мире – американским. Но вот они, горькие плоды сладких поцелуев и при галстуках, и без оных: перестала существовать насчитывающая 40 единиц 14-я дивизия подводных лодок. К концу «юбилейного» для России 1996 года на Черном море осталась только одна боееспособная подлодка. Прошедший капитальный ремонт и, вдумайтесь!, модернизацию крейсер «Жданов» продан Индии на металл. С 1990 по 1996 год похожая участь постигла еще около 120 боевых кораблей и катеров. Только на Черноморском флоте!

Рядом на книжной полке и другая «статистика»: «В США тем временем в среднем ежегодно строится по 2 крейсера, 3 эсминца, 5 фрегатов. На 1996 год запланирован ввод в строй восьмого атомного авианосца «Джон Стеннис». В 1998 году в боевой состав войдет девятый атомный авианосец «Юнайтед Стэйтс». Командование национальных ВМС США не только не планирует снижение уровня своего присутствия в различных регионах мирового океана, но, напротив, наращивает его. Американцы давно поняли значимость военного флота как мощного инструмента внешней политики».

– Если бы наши корабли по-прежнему дежурили в Средиземном море, – громко слышится на спардеке, когда возвращаюсь из каюты, – разве стали бы «американцы» швырять свои крылатые ракеты на Югославию через наши головы?! Ни в жизнь!

– Да, в декабре ведь у нас уже была готовность номер один – должны были туда выйти. Говорят, го-рючки не хватило...

– Ума не хватило! А вышли тогда бы – не при-шло бы нынче жечь топливо. И ребята-десантни-ки не понадобились – сидели бы себе дома!

Так? Нет?

Но вот они теперь, десантники, словно не желая друг дружке уступать, вертят на турнике, постав-ленном ближе к носу нашего БДК, «солнышко», а то демонстрируют какие-либо иные, уже не всякому «штатскому» понятные чудеса, а вокруг стоят не только явно притихшие, но как бы даже сами пода-вленные невзрачным своим видом молоденькие матросики... Тут она, может быть, как нигде, видна эта разница: между прошедшими огонь и воду и лишь потому во многом и выжившими, что налиты здоровьем, «контрактниками» из десантников и ху-дющими, в чем душа держится, с лопатками, слов-но крылья у птенцов, мальчишками срочной служ-бы.

«Мы их так и зовем: птенчики, – станет мне по-том рассказывать майор Александр Шепелев, врач-стоматолог из нашей походной медсанчасти, и воз-главлявший ее другой Александр – полковник Кали-нин – будет лишь печально кивать, подтверждая всякое слово, сказанное коллегой из главного го-спиталья Черноморского флота:

– Приходят по призыву такие, что от ветра кача-ются. Уровень жизни по чему только не ударит: сельскому пареньку из Кировской области при-шлось на днях вставлять обе челюсти... ни единого зуба! К одному мать недавно на присягу приехала, а сын в госпитале. Она в крик: «Что вы с ним сдела-ли?!» «Ничего, – говорим. Просто у него недостаток веса, таких мы докармливаем. А вот куда дома гля-дели, вы ведь не из центральной России, из пше-ничного края – с Дона. А она как заплачет!»

Наверное, и в «пшеничном краю» не так просто нынче вырастить здорового сына?.. Может, потому-то слишком хорошо знающий, что почем на «граж-данке», главком с его чеканною, как из стали, фра-зой о том, что «на флоте нет проблем – есть зада-чи», первым делом пробует на борту корабельный хлеб: хлеб матери-Родины, докармливающей своих детей, уже надевших черные шинели ее защитни-ков?!

Со сколькими из них я успел поговорить о доме, о закадычных, если есть такие, дружках, об отце с матерью – если они тоже есть... И мне вдруг до боли ясна стала не очень понятная сперва просьба контр-адмирала Васюкова. Как бы в шутку, а боль-ше всерьез сказал ему в день знакомства: «Хотел бы, Владимир Львович, щедро предоставленный в кают-компанию офицерский кошт отработать. Как?» Ответил он вдруг на полном серьезе: «С людьми

умеете разговаривать? С молодыми?.. Поговорите с первогодками: с одним, с другим, с третьим. Всех соберем, если хотите... У многих, кроме прочего – дефицит общения, есть и такая беда. Поверьте, штука серьезная».

Уже на обратном пути из Салоник случайно за-глянул в кают-компанию и вдруг увидел десятка три-четыре одетых чистенько тех самых первогод-ков и негромко беседующего с ними контр-адмирала: на какой-то особой, то ли отеческой, а то ли совсем братской ноте, как меньшим, втолковы-вал далеко не все понимающим нынче в своем деле морячкам мысль о преимуществах сверхсрочной службы...

И они на «Азове» старались все, где грубовато, а где и ласковой других, «дядьки»-мичманы, и млад-шие офицеры, недалеко ушедшие возрастом, и старшие, и заместитель по воспитательной работе, несущий, как и все остальные офицеры, вахты, без-отказный, все понимающий труженик Сергей Гера-сюто, капитан третьего ранга, и командир корабля кавторанг Владимир Рынкевич.

Когда я это понял и, как мог, оценил, с радостью и с печалью подумалось: «Чего в высоком этом, не-смотря на рутину, старании больше? Заботы о ко-рабле, давно ставшем для них самих родным до-мом? Либо неосознанной жалости к младшим?.. Сами остро переживающие севастопольское свое отвержение и сиротство на государственном уров-не, наверняка болеют душой: вырвавшийся из голо-духи да из раннего пьянства, куда матросик потом пойдет – снова туда же?» И как мне хотелось бы рассказать об этом – специально для тех, кто на «большой» российской земле над десантным кора-блем «Азов» шефствует, кто шлет морякам то саха-рок, то вдруг гречку, а то по бедности – сухофрукты на компот, все, все сгодится, все пойдет!

И как хотелось бы сказать и добрым людям из администрации славного города Азова Ростовской области, и руководству Каневского района Красно-дарского края, и дирекции, так и не сдавшейся на милость приватизаторов кондитерской фабрики «Красный Октябрь» в Москве: «Поверьте, дорогие земляки и дорогие соотечественники, черноморцы достойны вашей бескорыстной, поистине щедрой по нашим непростым временам помощи!»

И как бы хотелось призвать всех остальных: «Ну что нам, дорогие мои, хорошие, остается, если у олигархов нет денег, чтобы поддержать Севасто-поль, а у властей придерживающих нет времени и нет воли, чтобы все-таки заставить их раскошелиться? Неужели мы с вами, все-все, без призора оставим корабли, за каждым из которых – история Отече-ства, его слава?!»

Только об «Азове»: самый первый его одноимен-ный предшественник был заложен на Санкт-

Петербургской верфи 24 марта 1734 года в честь взятия бывшей турецкой крепости Азов Петром Великим и бесстрашно дрался потом против шведов на Балтике. Неувядаемой славой покрыл себя «Азов» – четвертый: 8 октября 1827 года под Наваринском в бою против объединенного египетско-турецкого флота он потопил два фрегата и корвет, сжег 60-пушечный фрегат под флагом Тахир-паши и отчаянным маневром принудил выброситься на мель и потом подорвал 80-пушечный флагманский фрегат Мухарем-бея. В тот незабываемый день под командованием адмирала М. Лазарева получил боевое крещение будущий цвет русского флота, герои Синопа и Севастополя – лейтенант П. Нахимов, мичман В. Корнилов, гардемарин В. Истомин. За этот бой «Азову» был высочайше пожалован кормовой Георгиевский флаг и специальным указом было велено всегда иметь впредь в составе флота корабль, носящий имя «Азов»... Имели! Всегда. Пока раньше срока не был бессовестно «сдан» на металлический лом большой противолодочный корабль «Азов». Тогда-то и перешло чуть было не опозоренное потомками имя к нынешнему «десантнику», носившему до того на борту только номер 151. Вместе с Андреевским флагом с БПК командиру в десятый раз «новорожденного» «Азова» Владимиру Рынкевичу, тогда капитану второго ранга, а ныне первого, были вручены переходившие «от отца к сыну» реликвии, в том числе кормовые доски с названием, а также памятная бронзовая доска с краткой «родословной» всего семейства кораблей, имеющей уже 250-летнюю историю.

Но что же так надолго оставленные нами без внимания наши десантники, имеющие куда более краткую «биографию» своего рода войск, но уже успевшие заслужить и всенародное уважение, и громкую славу?

«Азов» подошел к Турции, и на сигнальной палубе, самой верхней, с матросом Михаилом Востриковым, родом из Елизаветовки Азовского района, успевшим окончить Донской государственный аграрный университет, агрономом-ученым, мы пытались определить, что турки на склонах сеют, когда поднимавшаяся сюда (откуда еще лучше видать во все концы!) «десантура» отобрала у нас морской бинокль и, передавая его из рук в руки, коротко запереговаривалась: «Под холмами наверняка береговые орудия». – «Выше сразу три огневые точки!» – «Видишь энпэ?...» – «И станция слежения, да».

На то и спецы!

Со многими из них тоже успел познакомиться, и теперь как бы объясним стал вид каждого: то молодецки лихой, а то и с некоторым оттенком горечи. Прапорщик Валерий Чередниченко, сапер, кубанец, восемнадцать раз переезжал с женой с места на место. А сколько еще и без нее?... И сейчас, кажет-

ся, слышу его недовольный – медленно идем, а сербы там ждут! – голос:

– В Абхазии пришлось попереживать... не за себя! Мой лейтенант – русак, а у грузин дружок его – украинец. Каменец-Подольское заканчивали, однокашнички. Встретимся, обнимутся, чуть плечи друг дружке не отобьют. Мой просит: «Ну скажи, где мины поставил, вот карта...» А тот: «Эге!.. А за шо ж мне гроши грузины тогда платить будут?» У нас остались тогда без ног Коля Свиридов, лейтенант, и Валера Дробитько, подполковник.

Фельдшер старшина Евгений Макаров, родом воронежский, успел уже и в Боснии побывать: мощное плечо у него под рубахой стянуто корявыми шрамами.

– Мы так тогда и не поняли, – рассказывал, – и в самом деле, машина ООН тогда подорвалась или нас нарочно в горы заманили, подставили? Выехали по тревоге, бэтээр с нами и «Уралец». Так ничего и не нашли, возвращаемся – это двадцать километров от Тузлы, и тут началось! Только один Слава Телелюхин, командир отделения, умудрился «собрать» три мины, последнюю «достал» кистью, когда я его уже без ноги подбирал... Тогда и меня. Из четырнадцати – семь тяжело раненных: майор Финогенов, капитан Кошелев, сержант Сережка Бревнов... Игравкин без глаза остался. Хватило мне тогда работы, хватило! Уже в госпиталь приехали журналисты с ОРТ, поздравляют с орденом Мужества, а я отвернулся к стенке: ну, настолько не до них!

– И давно ли это было? – спрашиваю Женю с понятным вздохом. – Или соскучился?

– В медицинский опять не приняли, – говорит он, усмехнувшись. – Уже в третий раз срезали. У меня и «За отвагу» есть, но этого мало... там другое подавай! Учиться заочно в юридическом – это и там смогу. Будущая жена, если состоится, бог даст, филолог. Только что диплом получила. Чтобы не отставать, пришлось одолеть Фолкнера «Шум и ярость». Ну вот... Поговорили мы, посоветовались... Отпустила!

Кроме каких-то вполне понятных житейских забот – кто-то решил на квартиру скопить, сколько можно по чужим-то углам? – почти у каждого из них есть особый счет, вовсе не материальный. О нем не говорят, но неожиданные слова прорываются вдруг застарелой болью. С полковником Вячеславом Саликовым, сибиряком, начинавшим с Афганистана и прошедшим потом все, какие были, горячие точки на просторах Союза, в том числе в Литве, Азербайджане, Киргизии, бывшим замполитом знаменитой Псковской дивизии, говорили о чем-то достаточно отвлеченном, когда он вдруг вернулся наверняка к неотвязному:

– Все понимаю!.. Царская семья, император... Я тоже патриот! Но когда в Ленинград чуть ли не одну и

ту же косточку везут по несколько раз на экспертизу, а под Моздоком стоят рефрижераторы, набитые телами погибших в Чечне ребят, которых так и не могут опознать... Как это? Да мы его этим унижаем, царя, он первый возмутился бы... Настоящий-то царь!

Отчего-то я не раз и не два возвращался к этим словам Саликова, мне все казалось: за ними скрыта не только невольная вина перед погибшими... Но что еще, что?

Одинакова техника, закрепленная, как должно, в глухом просторном брюхе нашего «десантника», но как непохожи один на другого ее хозяева!

Родина сержанта Виталия Жишковского – Казахстан. Отец и мать приехали сюда по комсомольской путевке из Вологды, и самый богатый урожай, который вместе вырастили, – одиннадцать детишек, самая почетная награда в семье – медаль «Мать-героиня». Под Актюбинском, в целинном совхозе, несмотря ни на какие потрясения, выжившем, остались у Виталия четыре брата, три сестры и двадцать восемь племянников. Он – единственный, кто не только вернулся в Россию, но и в каком-то смысле продолжил, выходит, родительскую дорожку. Когда написал из Тулы домой, то отец, родом поляк, чтущий предков настолько, что по общему уговору детей через одного записывали поляками, ответил русскому Виталию: «Надо, непременно надо помочь братьям-славянам!» Мама поддержала тоже: «Когда-то мы с отцом поехали добровольцами, счастливого пути и тебе!»

Сбылись бы эти материнские пожелания: не только для Виталия, для них всех – в отличие от него, совсем еще молодого-зеленого, слишком хорошо уже знающих, почем в горячих точках фунт «миротворческого лиха» и сколько его можно приобresti на тысячу-полторы «зеленых» в месяц.

С высоты возраста сказал однажды Чередниченко, явно томившемуся бездельем:

– Чего теперь дергаться, Валера? Раньше срока с корабля не сойдешь, зато потом ведь наверняка будешь вспоминать этот морской поход!

– А они там? – хмыкнул он. – Кто ждет?.. Сперва сербов предали – они ведь наверняка так о нас нынче думают. Потом этим броском на аэродром в Слатине не только им дали надежду, но сами себя опять зауважали: ведь можем... Есть еще порох в пороховницах, как Тарас Бульба говорил. Так в чем дело? Надо же было немедленно подпереть эти две сотни ребят, а мы так медлим, как будто уже и их закладываем!

И я вдруг понял, что и полковника Саликова с его горькой репликой насчет императорских останков и «настоящего царя», и многих других из них, наверняка самих об этом долго не размышляющих, объединяет державная забота и о судьбе заждавшихся братской помощи сербов, и о престиже России.

Каждый из нас по-своему переживает позор Отечества. Они – так.

Давно уже начался Босфорский пролив, тянулся по обоим берегам сказочно-пестрый Стамбул-Константинополь, похожий цветом на восточный ковер город, в котором вместо черных заводских труб там и тут стояли остроконечные стрелы белых минаретов. И кто-то из походного штаба, из севастопольцев, ходивших проливом не один и даже не десять раз, насмешливо сказал:

– Любуйтесь, любуйтесь, мальчики! Видели бы, какой задрипанный он был. Это наши «челночки» постарались: расцвел город! Приятно глядеть, а? Наша с вами заслуга!

С какой, в самом деле, жадной поспешностью стремились мы припасть к якобы спасительным для нас сосцам «рыночной экономики»!.. И вот уже который год досыта других кормим. Во всем Черном море, пока к Босфору почти два дня шли, виден был всего-то один кораблик, пробиравшийся к нашим берегам как бы сторонкой, и шедшие с нами новороссы из ФСБ тут же определили: турецкий спиртовоз. Спешит в Грузию. Оттуда спирт уже сухим путем переправят в Россию.

Зато какое оживление царило в проливе, сколько наших судов торопились навстречу нам!

И все – под чужими флагами.

Рудовоз «Знамя Октября», порт приписки – Анталия.

Танкер «Магнитка», порт приписки – Пномпень.

Сосем, коли припали к сосцам!

Со знакомым до боли гайдаровским причмокиванием.

Не знаю, размышлял ли об этом начальник похода, у которого хватало своих забот на главном командном пункте, но голос контр-адмирала, мне показалось, звучал с особой интонацией человека, не потерявшего цену не только себе – стране, которую представляет. «Передайте, – говорил он как бы с некоторым превосходством, предназначенным во все не капитан-лейтенанту Рагибу Каримову, азербайджанцу, приступившему, наконец, к своим обязанностям переводчика, но к тем, для кого тот будет переводить. – Мой адмирал вас приветствует! Он видит четкую работу береговых служб по обеспечению прохода боевых кораблей русского флота и надеется...».

Когда проходили уже Дарданеллы, он вышел на боковой мостик, где у приборов стояли наблюдатели да те, кто их добротой пользовался, чтобы нет-нет да взглянуть на берег через мощные окуляры, тронул меня за локоть:

– Не прозевайте? Хотя бы в ту сторону взглянуть. Километрах в тридцати от берега – то, что нынче осталось от древней Трои. Та самая воспетая Гомером Малая Азия.

В самом начале знакомства он приятно удивил меня, когда посреди моего рассказа о литературных делах охотно подхватил: эту вашу вещицу, мол, успел прочитать. Я удивился, где? «Получаю «Роман-газету», – сказал он. – Тоже семейная традиция».

Наверное, стоило бы упомянуть о другой, куда более важной традиции: отец Владимира Львовича – адмирал, и, чтобы по неписанным флотским правилам «представиться» старшему «по случаю присвоения очередного звания», командир наш не так давно специально летал в Санкт-Петербург... Как хочется, как хочется обо всем этом написать, и как жаль, что жизнь наша предложила нынче нам такой темп, что об этом пока приходится лишь мечтать.

А тогда контр-адмирал минутку постоял рядом, тоже взглядывая не в проплывающий вдалеке берег – в куда более далекое прошлое...

В Салониках, когда на нашем «Азове» отгремит салют наций, когда мы, несмотря ни на какие издержки, разгрузимся, как и подобает десантным кораблям, каждый – в считанные минуты (первый борт под командованием всеобщего любимца, лихого капитана второго ранга Игоря Гавриша – всего лишь за двенадцать, что заставит друг дружке качнуть головами как бы случайно, само собой, оказавшихся в порту американцев), когда колонны миротворцев с выкатившей из просторного корабельного нутра бронетехники и спецавтомашинами уже уйдут на короткий отдых на берегу, чтобы с рассветом двинуться в Приштину, а на флагмане закончится устроенный контр-адмиралом Васюковым прием, где и нашим послом в Греции, и военным атташе, и греческими партнерами по выгрузке, что там ни говори, изрядно поволновавшимися, будет сказано столько достойных слов об исторической необходимости русского присутствия и в Средиземном море, и на Балканах, – тогда мы долго, дожидаясь отхода, будем стоять у поручней на спардеке и чуть ли не заворуженно смотреть, как удивительно слаженно, как ритмично, как четко работает освещенный мощными огнями мирный порт, только что пропустивший в ночь, как бы в неизвестность, наших добровольцев.

Только что генерал-майор Борис Семенов, старший у десантников, рассказывал нам на берегу, как греки-коммунисты, пытавшиеся перед этим не пропустить высадившихся американцев, передали ему письмо с настойчивым пожеланием ни в коем случае не подчиняться приказам натовского командования, иначе это будет окончательное предательство сербов. Только что отзвучал за столом ставший привычным за время похода голос поднимавшего тост контр-адмирала Васюкова: издавна, мол, считается, что генералы посылают войска в бой, а адмиралы, ведут. Но десантники – статья особая.

В сражении им тоже приходится быть впереди. Так вот за то, чтобы все-таки – не пришлось!

Только что Семенову, на свой страх и риск, вручили взятый в Генштабе под расписку спутниковый «мобильник», по которому пару часов назад звонили из Салоник в Москву: пока у тебя не будет устойчивой связи с родиной, пользуйся, Борис Георгиевич, этой. И пусть она приносит из Косова только хорошие вести.

Дай-то Бог!

На этом можно бы ставить точку: до тех благоденственных деньков, когда беспокойное наше время отпустит недельку-другую на то, чтобы помянуть благодарным словом хотя бы часть добрых людей, от фамилий которых буквально распух мой блокнот во время нашего похода с десантниками. Так и хочется всем сказать: люблю и помню!

Но еще об одном участнике «походного штаба» обязан все-таки непременно сказать сейчас.

В Агое, когда уже собирался сойти с «Азова» на катер «Главком Куроедов», я спросил: какой, мол, будет, товарищ адмирал Флота, перед дорогой в Салоники наказ? Он улыбнулся, и тут же лицо вновь сделалось строгим: «На «Азове» с вами идет отец Георгий. Обратите внимание на его миссию».

Поручение было в радость, и буквально с первого дня, так вышло, я помогал севастопольскому благочинному, отцу Георгию Полякову, исполнял при нем роль пономаря во время крещения на корабле: сколько он окрестил! В затишке на корме, когда в одном ряду стояли со свечками в руках моряки и десантники, а свечи гасли, и они зажигали их одну от другой, как бы делились огоньком, я растроганно думал: если бы они научились точно так же делиться друг с другом теплом душевным!

По дороге в Салоники батюшка то и дело принимался расспрашивать идущего с нами главного штурмана ВМФ контр-адмирала Бабинова: нельзя ли каким-то образом выгадать половину суток, чтобы подойти к Афонским монастырям? Там его ждут. Человек удивительно дружелюбный (бывший подводник!), к тому же верующий, Евгений Геннадьевич принимался прикидывать вслух и невольно оправдываться: мол, как это сделать, если мы связаны жестким графиком? Вот если на обратном пути... На обратном? И «высокие стороны» переходили на шепот, а то и «удалялись на совещание».

В Салониках с щедрыми дарами для афонских насельников батюшка перебрался на другой «десантник» – корабль «Цезарь Куников» – тот единственный из наших из Греции сразу уходил в Севастополь – должен был участвовать в параде по случаю Дня военно-морского флота.

А через два дня начальник походного штаба капитан первого ранга Василий Павлович Синицин как бы с заговорщическим, но больше с видом явно

торжественным вручил мне ксерокопию донесения, только что отправленного главкому нашим Владимиром Львовичем: «Докладаваю:

По согласованию с греческими властями 15.07.99 г. впервые за последние 90 лет военный корабль (БДК «Ц. Куников») Российского Флота подошел к Свято-Пантелеимонову монастырю на святой горе Афон. Монахами монастыря Максимом и Сидором были доставлены на борт БДК частицы святых мощей Андрея Первозванного, святителя Николая Чудотворца, святого Иоанна Русского.

В ожидании монахов у монастыря протоиереем Георгием был отслужен молебен о здравии православного воинства, о могуществе Военно-Морских Сил России.

С прибытием на корабль афонских монахов со святынями был отслужен молебен о здравии экипажа, после чего личный состав корабля приложился к святым мощам и получил благословение. Членам экипажа были вручены иконки с печатью святой Горы.

В монастырь Святого Пантелеимона для молитвенного поминания были переданы списки миротворцев-десантников, убиавших в Косово на кораблях бригады, а также высшего состава Флота во главе с Министром Обороны И. Сергеевым».

И только тут я понял, какова была миссия отца Георгия, в полном объеме.

И понял, что главком это хорошо сознает: не хлебом единым жив человек, нет!

Даже если это прекрасной выпечки корабельный, матросский хлеб.

Как настоящий Государственник, он желал соединить прошлое с настоящим, а, значит, с будущим.

Главное – восстановить связь времен.

...В Агое вскоре начали грузить на наши «десантники» вторую партию миротворцев, а мне давно пора было возвращаться в Москву. Решил лететь в столицу из Краснодара, и дружелюбные земляки из новороссийского ФСБ вызвались мне помочь. Подполковник Михаил Жадан, весь путь до Салоник и обратно горячо переживавший за будущее своей «морской династии» – сын Алешка в это самое время в Санкт-Петербурге сдавал экзамены в Нахимовское училище, и майор Александр Семин вместе со встретившим их майором Алексеем Гадько довели меня до поворота на Горячий Ключ, и там, на бойком перекрестке, «взаимодействуя» с родной кубанской милицией, вскоре определили в соседи к водителю выдавшего виды «жигулька» со снятым задним сиденьем: возил на «берег» арбузы... Пошел дорожный разговор:

– Как звать, земляк?

– Вартан.

– А по батюшке?

– Мигранович.

– Коренной, Вартан Мигранович? Краснодарский?

– Беженец! Из Сухуми... Там в горах, в селе, остался отец, не хочет бросать дома, которые помогал своим детям строить... Четыре брата нас. Пять наших домов – вместе с отцовским. Лучше я умру, говорит... Иногда приходят боевики: «Дай, дед, тысячу!» – «Откуда я возьму?! Вы подумали?» Говорят: «А если мы тебе сейчас ногу прострелим – на лекарство потом пойдешь искать? Хоть и хромой?» И отец идет по селу собирать эту тысячу... вах!

Слушал его и горько думал: не символично ли?

Только что проводил ребят, уехавших помогать сербам решать их печальные проблемы...

Кто бы наконец с твердой волею да трезвым умом взялся за наши?

АГОЙ – САЛОНИКИ – АГОЙ

Внешне благообразный, хотя с достаточной по тем временам дозой перца и с подтекстом, разумеется, материал. Особо не разгонишься: «РФ сегодня» – «орган Государственной думы и Совета Федерации». Но разве умный человек не поймет, о ком речь, если говоришь о «государственных мужах, лишенных не только доблести предков, но даже умения трезво оценивать положение Родины...».

Ежу понятно, что «царь Борис».

Но мне и тогда это казалось не главным, а нынче, должен сказать, тем более. А вот как я там, на «Азове», оказался» – над этим, должен вам доложить, стоит поломать голову.

Недаром же я потом не один раз, не два к этой вроде не столь значительной истории возвращался. Пополнее и поподробней я о ней написал в иностранном по объему рассказе «День святого Георгия, или Путешествие с Уастырджи», но ограничусь тут лишь упоминанием о названии. Куда короче была заметка, по обычаю журнала «Роман-газета» помещенная на предпоследней страничке.

ХРАНИТЕ СТАРЫЕ БУМАГИ

В понедельник опаздывал на службу и тоскливо, хоть не без юмора, размышлял: ну, что бы такое мне еще сочинить? Не скажешь ведь прямым текстом: ну, копун я, братцы, копун!

Хорошо тем, у кого машина есть. Пожмет плечами и оскорбленное лицо сделает: не мог завести!

Я было пристроился в хвосте у этой весьма многочисленной в нашей редакции автомобильной братии – один раз тоже так заявил. Но чего уж там: зубоскал – он и в Африке зубоскал. Уже при втором таком объяснении раскололся: не мог завести, говорю, машину, да. И рассмеялся. Уже за шестьдесят, говорю, а все на своих двоих. Нет у меня машины, нету – ну не завел!

Никому до меня на этот раз дела не было: вниманием коллег всецело владел незнакомый человек в кремовой рубашке с погонами адмирала. Мужественное лицо, властный голос... главнокомандующий Военно-морского флота! В редакции у нас, в журнале «Российская Федерация сегодня». За круглым столом.

Закончил говорить, начались вопросы, для начала самые общие. Какие, мол, у моряков главные проблемы?

Главком сказал медленно и жестко: «У Военно-морского флота нет проблем. Есть задачи».

В торжественно-горьком тоне у него послышалась решимость воина, обязанного стоять до конца. Я не выдержал: «Это девиз? Очень похоже на кодекс джигита. О не спрашивает, сколько врагов. Джигит спрашивает, где они?»

Старшие офицеры, сидевшие по обе стороны от адмирала, оживились. Главком усмехнулся вроде бы снисходительно, но вместе с тем с одобрением: «Это девиз, да».

Разве не устали мы от череды предательств – тайных и явных? Разве не истосковались по достоинству и чести, оказавшимся вдруг на грязных задворках нашего всеобщего торжища?

Меня, штафирку гражданского, вдруг понесло: «Лет, пожалуй, тридцать назад, я тогда жил в Сибири, мне пришла бумага с разрешением побывать на наших военных судах в Средиземном море. Но тогда обстоятельства не позволили мне этим разрешением воспользоваться. Нынче вы говорите о походе наших кораблей с миротворцами в Грецию... Можно, товарищ адмирал, и нынче считать мою бумагу действительной или нет?»

Главком, глядя на меня, помолчал, словно что-то припоминая либо взвешивая, помолчал, потом сказал коротко: «Вылет послезавтра в девять ноль-ноль с аэродрома Военно-морского флота в Астафьево».

Ничего себе?!

Сослуживцы поглядывали на меня с откровенной усмешкой: тридцать лет назад, мол, придумает же! Какая еще такая бумага?!

Но тут я как раз не сочинял.

Дома первым делом бросился к шкафу с давно пожелтевшими записными книжками и старыми папками, потом перевернул вверх дном чуть ли не все подряд... «Ну фанфарон, – костерил себя! – А что, если так и не найдешь?»

И все же ближе к ночи рабочий мой кабинет огласился торжествующим ором.

«Включи утюг и разгладь этот лист!» – сказал я возникшей в дверях и готовой за сердце схватиться жене.

Не знаю, заметила ли это она, но в голосе моем, само собою, звучала сталь флотских приказов.

Интонация менялась, когда я несколько раз звонил в пресс-службу Главного штаба ВМФ. Уточнить:

вещички-то мне все-таки собирать в расчете на трехнедельный морской поход или же на двухдневный вылет в Туапсе и обратно? Должен же я заранее знать, пойду потом с моряками или только помашу рукою вслед кораблям, и все дела?

– Это решит главнокомандующий, – был ответ.

– Но когда он это решит? – снова и снова пробовал я уточнить.

– Скорее всего, уже в полете...

Как вам, а?!

Когда самолет главнокома приземлился на военном аэродроме возле Анапы, там уже стоял готовый взмыть вертолет: донесения высшего командования черноморцев Владимир Иванович Куроедов выслушивал уже в воздухе. Но вот наконец разомкнулся кружок из голов, склоненных над столиком в салоне вертолета, видна стала разноцветная карта туапсинского побережья с бухтой Агой, ее уже сворачивали, и все от столика отодвинулись. Задумчиво откинулся на спинку легкого кресла главнокомандующий.

Настала моя минута: привстал и положил перед адмиралом листок. Нет, правда, и красная звездочка Минобороны СССР в левом углу на синем бланке Главного штаба ВМФ, и фамилии высоких чинов, и подписи. И дата: 15 августа 1968 года.

Главком взглянул на бланк и, разводя руками, заодно подал мой раритет командующему Черноморским флотом адмиралу Комоедову: «Где мы с тобой тогда, Владимир Петрович, были?»

Комоедов тоже вчитался и только с изумлением протянул, не открывая рта, что-то, должно обозначать удивленное согласие: да уж, мол, это вопрос!

А Куроедов снова был старшим по званию и по должности: «Определить на головной корабль!»

Когда наши БДК (большие десантные корабли) уже вернулись из Салоник, где выгрузили первую партию уходящих в Косово миротворцев, пограничники с изумлением всматривались в мои документы: «Вы-то как попали на борт?.. Откуда взялись?!»

«Из прошлого! – хотелось сказать. – Из той великой страны, драматическая история которой еще будет тысячелетиями владеть умами непредвзятых историков».

Подробно пишу о давнем разрешении потому, что это был своего рода ключ, вдруг отомкнувший для меня неведомый мир, который когда-то мог сделаться и моим. Кто из нас в юности не мечтал стать моряком?

Они стали. Они прошли все штормящие моря-океаны, многие, как нынешний главный штурман ВМФ контр-адмирал Евгений Геннадиевич Бабинов, под водой. Они видели экзотические страны, были участниками трагедий и свидетелями высокого духа своих соотечественников. Горечь слышалась теперь в голосах старших офицеров походного штаба, вспоминающих былые дальние странствия, во

время этого, по сравнению с теми, ближнего, но столь по нашим временам редкого: «Разве бы посмели америкосы швырять свои «томагавки» через наши головы, если бы мы и нынче стояли в Адриатике?!»

Пока присутствие Флота рядом с братской Югославией будет лишь символическим: обозначать его станет морской Андреевский флаг, который вручил десантникам главком Куроедов. Побыв рядом с моряками не день-не два, и в самом деле начинаешь верить: пока.

Проплывал мимо нас по берегам Босфора древний Истамбул-Константинополь, так похорошевший, говорят, за последнее время благодаря нашим «челночникам», а, значит, и всем нам – ну, а как же? Выходит, в рабстве можно оставить и жен своих, и дочерей с невестками таким вот вроде невинным образом: послать за товаром. Раньше забирали в рабство кривую турецкой саблей, а выручали из него казацкой шашкой. Нынче времена изменились: забирают деньгой. Выручим ли их, наконец?

Нету у родины денег и пока не предвидится.

Проплывал длинный Галиполийский полуостров, на котором тосковали после братоубийственной Гражданской остатки русского офицерства, и проплывал остров Лемнос, на котором бедовали изгнанники-казаки.

Когда только выходили в Эгейское море, оторвался от дел на своем главном пункте командир похода контр-адмирал Владимир Львович Васюков, 115 специально подошел ко мне, чтобы сказать: «Не забудьте хотя бы посмотреть в ту сторону: километрах в тридцати от берега – то, что осталось от древней Трои!»

Неподалеку от Лемноса, в «точке 14», три наших идущих первыми БДК по графику почти сутки дожидались двух остальных «десантников», и, глядя-ваясь в зеленовато-рыжий берег, я вспоминал наши с другом беседы – «казачьим» художником Сергеем Гавриляченко, проректором «суриковского» института, который все возвращается к излюбленной теме: античная драма в русской истории. Это ли не красочные ее декорации – драмы, продолжающейся и ныне в масштабе, и действительно, планетарном, почти космическом.

Отголоски этой драмы ощущали здесь, по моему, и новобранцы-морячки, и прошедшие огонь и воду контрактники из десантных войск, которым сам сатана не брат. Конечно же, этому способствовало пребывание на борту нашего «Азова» севастопольского благочинного отца Георгия Полякова, одухотворившего наш поход и придавшего ему многозначный высокий смысл. Он был первый, кого мне пришлось встретить, когда поднялся по трапу на БДК. И, когда подходил к нему за благословением, конечно же, не мог предположить, что все вре-

мя похода до Салоник буду у него за пономаря: ежедневно отец Георгий станет крестить десятки моряков и десантников, совсем молодых и чуть постарше, раздавать иконки и крестики многим другим, когда-то крещенным, но в торопливости жизни и постоянной суете о том мало помнившим.

Многие потом осенят себя вслед за ним крестным знаменем, когда русские военные корабли будут идти в виду томящейся в турецком плену православной Софии, древней христианской святыни. Многие потом с благодарностью его вспомнят, когда прочитают сообщение о его ответственной миссии, которая началась для него в Салониках тогда, когда общая миссия наполовину уже закончилась.

Когда-то посещение Свято-Афонских мест было обязательным для всех русских военных кораблей, вышедших в Эгейское море... Связана еще одна нить, соединяющая нас с прошлым?

Снова реет над нашими кораблями Андреевский флаг с косым голубым крестом на белом полотнище. По преданию, на косом кресте распят был апостол Андрей Первозванный, первый ученик Иисуса Христа. И впервые частица его нетленных мощей привезена в Россию и будет находиться впредь в Никольском храме в Севастополе, где настоятель – отец Георгий.

Как мне хочется обо всем этом написать попросторней! А пока – храните старые бумаги, дорогие мои! Храните терпение, которое и в несчастьях помогает нам размышлять обо всем, что с Родиной случилось и не дает нам забыть: кто мы.

Храните веру! И храните надежду.

«Роман-газета», № 21 за 1999 г.

У каждого в жизни есть такие истории, к которым потом годами возвращаешься и всматриваешься в них все внимательнее, все пристальней. Становишься умней? Опытней?

Конечно же, это я тогда спросил в Агое главкома об Андреевском флаге, который будет потом развеиваться над Приштиной: в вертолет с собой он взял только троих из пишушей братии, остальные поехали машинами и нас пока не догнали.

Он неторопливо ответил, и в самом деле, голосом державного мужа и тут же, будто молчаливым взглядом о чем-то спрашивая, посмотрел на Куроедова. Командующий флотом слегка наклонился к уху стоявшего рядом адмирала и кивком указал на меня. Тот быстренько поднес ладонь к козырьку, и почти тут же кто-то подхватил мои тяжелые сумари, кто-то взял рукой повыше локтя, вывел из окружавшей главкома толпы. Буквально через несколько мгновений юркая моторная лодка уже понеслась к «Азову», закачалась у трапа, а еще через какое-то весьма короткое время на берег я смотрел уже с борта «десантника».

Наверняка это могло бы случиться еще стремительней, если бы, поднявшись по трапу, я тут же не оказался перед священником в черной шелковой рясе. Сложил ладони и протянул к нему:

– Благословите, батюшка!

– Верующий, что ль? – спросил он строго и чуть насмешливо.

– Пытаюсь, батюшка, стать...

И он приказал:

– А ну, читай «Верую»!

Прочитал я с таким вдохновением, и правда! «Отбарабанил» без единой запинки и снова ладони вытянул. Он благословил и уже поласковой, но с прежней усмешкой спросил:

– Иконы есть с собой?

Полез в нагрудный карман, достал овальный образок святого Георгия в кожаной оправе:

– Дорожная, батюшка!

– Тезка мой, – сказал он, окончательно одобрев.

– Вас – отец Георгий?

Образок был в форме подковы с красивым тиснением на оправе, и батюшка с интересом его разглядывал:

– Откуда у тебя?

– Друг подарил. Он наездник. Джигит. Осетин.

– Что, православный осетин?

– Отец Артемий его крестил, батюшка. Который еще недавно по телевизору передачи для детей вел...

– Будет висеть под моим Николаем Угодником, – распорядился священник, еще не дослушав. – Когда матросиков крестить будем... а ты у меня будешь пономарем. Не откажешь?

– Сочту за честь, батюшка!

Так что эти мои многолетние потом размышления можно считать записками военно-морского пономаря?

...Эти двое, с большим багажом, сидели уже в купе, когда вагон дернулся, и сверху бесшумно спланировал завернутый в бумагу то ли кусок картона, то ли фанерки, наш спутник умудрился подхватить его над головой у старушки, но сам при этом стукнулся лбом о край полки.

– Петя! – воскликнула женщина. – Я что тебе говорила?!

Старушка в свою очередь выразительно глянула на меня: а я, мол, вам – что?

У них она вроде даже сочувственно спросила:

– А как же вы спать-то наверху, если все занято?

– Верхние полки тоже, да, – охотно и не без вины в голосе откликнулась женщина. – Если не возражаете, мы на ночь кое-что спустим вниз, поставим тут...

– Не послушала! – мужчина сгреб со стола пачку

сигарет и зажигалку, шагнул в коридор, и она тут же бросилась следом, задержала его у окна.

– Да пойми ты, нельзя деньгами!

Он сбросил с плеча ее руку:

– Много ты понимаешь!

Двинулся вглубь коридора, и она послушно пошла за ним.

Старушка посмотрела на меня очень внимательно:

– Вы на праздник?

Я медленно повертел раскрытой пятерней:

– В каком-то смысле...

– А тут может быть какой-то другой смысл? – спросила она строго, и я вдруг понял, что она похожа на Родину-мать с давнего плаката, только уж очень постаревшую. – Либо праздник, либо нет. Для кого как.

И я поспешил согласиться:

– Это конечно.

– Фильм «Подлодка в мутной воде» вы видели?

И мне пришлось повторить название:

– «Подлодка в мутной воде»?..

– О гибели «Курска», да. Ходит по рукам.

– Признаться, нет...

– А что же вы будете делать на празднике?

«Ничего себе – Севастополь! – подумал чуть не с восторгом. – Так вот – возьми ей все и скажи».

– Тогда бы вы о многом узнали... Почему «полетел» Куроедов, например...

– И почему же?

– А вы посмотрите фильм... Вы где живете? В Москве?... Может быть, там сложнее, тогда попросите у наших в Севастополе.

– Адмирал Васюков... по-прежнему, извините, командует?..

– Командует высшим военно-морским училищем, – сказала она. – В Ленинграде. А командиром тридцатой дивизии надводных кораблей...

И она назвала фамилию нового командира. Ну, Родина-мать!.. Ну, Севастополь!

...Ясно, что она тут же должна была вычислить этих спекулянтов... хотя... И у нее доброе, только слишком, пожалуй, озабоченное лицо, и в его манере держаться, несмотря на то, что на наших глазах сорвался, чувствовалась внутренняя сила и сквозило какое-то глубокое спокойствие...

Так вышло, что в памяти они остались надолго. Когда поезд, медленно тянувшийся мимо высоких скал с темными провалами пещер и почти невидимыми между ними тропинками, остановился наконец на севастопольском перроне, этих двоих встретила целая толпа, состоявшая из нескольких мужчин, женщин и многочисленных детишек разного возраста... Впереди всего этого скопища навязяку стояли трое молодых морских офицеров с сияющими лицами и ладонью у виска, глазами ели подо-

шедший вагон – наверняка изображали «торжественную встречу».

– Летний Дед Мороз! – раздался в нашем вагоне, как только он остановился, девчоночий крик, и его подхватили несколько мальчишек, которые уже прошныривали сбоку от выходявших из поезда.

– Дедушка Петя!..

– Летний дед!

И облепили нашего попутчика.

– А я сперва с Клавой!

Пожилый усатый мужчина обнимал нашу попутницу:

– Ну здравствуй, снегурочка, здравствуй!

Громко смеялись, хлопали друг дружку по плечам, вытаскивали вещи, и мне пришлось ждать, пока весь этот растянувшийся табор выберется наконец из вагона. Распались на перроне на два кружка: женщины тут же окружили опять раскрасневшуюся Клавдию, и она там уже командовала:

– Эту сумку сразу, Люба, забирай!

– Да погоди, Клавдия...

– Чего годить-то? Там тебе все. И мне сразу меньше хлопот.

– А что в этой сумке, тетя Клава? – теребила белую «снегурочку» малышка с косами.

– Как тебе не стыдно, Малашка! – упрекала, видимо, ее мать.

Проходил мимо мужчин, краем уха услышал:

– Молодец, держись! Покажи за нас этим с-сукам. Если бы мы захотели...

И приехавший с нами высокий мужчина заговорил почти на вскрике:

– Да нет, Аркадьич! Даже если бы очень захотели – не смогли. По себе теперь знаю. Мы как были офицеры...

– Порченые, – сказал кто-то горько.

– Клава успела моей шепнуть, хочешь продать фирму?

– Договариваюсь пока.

И усатый понес к приехавшему громадный свой кулачище, грозно сказал:

– Видал, Петька?

Что-то знакомо кольнуло грудь: где-то уже видел этих людей?.. Где-то видел.

Передо мной остановился невысокий сухоощавый блондин в кремовой рубашке-форменке с погонами капитана третьего ранга и в белой фуражке с крабом.

– Разрешите представиться, заместитель командира базы по воспитательной работе Игорь Иванович Яковенко! – отнял руку от виска и потянулся к моей объемистой сумке. – Нас предупредили, что вы с грузом... Книжечки нам тут нужны, спасибо, очень нужны!

– Минутку, Игорь Иванович, – попросил я, зачем-то оборачиваясь.

– Знакомые? – спросил Яковенко.

Мужчины горячо жестикулировали, потом раздался тот самый гогот, который нынче в грубой речи именуется «ржачкой». Женщины обернулись. Только приехавшая с нами старушка что-то радостное продолжала говорить этой женщине, которую еще недавно звала спекулянткой, и виновато гладила ее по плечу.

– Может, кого-то подвезти?

– Да нет. Думаю, разберутся...

– Тогда – прошу! – и «кап-три» протянул руку к выходу с перрона.

Сидел рядом с ним в выдавшей виды черной «Волге», когда пришло снова: где мог видеть этих вроде бы незнакомых людей, где?! Я здесь впервые... И вдруг пронзило: да это ведь небось черноморский вариант «пиромании» Эдика Хомутова из нашей Кузни! Ну конечно, конечно. Только там огонь, а тут другая стихия: вода. Недаром же говорим: огни и воды. А как уже издавна зовут полушута моряков? Мореманы!..

Так устроен, что делать: неожиданное это открытие как будто задало тон всему моему гостеванию в Севастополе.

По нашим временам такое редко бывает: счастливому.

Еще там, в машине у заместителя командира «Технической ракетной базы Черноморского флота», так полностью называется эта воинская часть, над которой Старый Оскол шефствует, я вдруг понял, что главное тут будет для меня – не подробности пребывания в Севастополе, не детали и не фамилии, без которых потом, когда станешь писать, не обойтись... Главное – этот дух, который вдруг ощутил профессиональным чутьем давнего работника, вольного участника и коллективного труда и, если приходилось, коллективного сопротивления чужой воле и коллективной радости от общей победы...

Еще там, в машине, вдруг понял, что не стану доставать записную книжку и фотоаппарат буду вынимать только в исключительных случаях.

Отдыхай, душа!

Подпитывайся так необходимым для тебя воинским русским духом.

Дело, и правда, удивительное: после пяти дней непрерывных новых знакомств и братских, как со старыми соратниками, разговоров, в толстенной записной книжке, которую с собой прихватил, осталась только одна запись: «В Севастополе. Игорь Иванович Яковенко сказал, наливая рюмку до краев: «Я вам начислю, а там как хотите». Имея в виду и то, что, если не выпью – пододвину соседу, мало ли... Такой у него был тон».

Это правда: вечером за общим столом он хотел налить мне, уже поднес горлышко бутылки с нею, проклятой, а я прикрыл рюмку ладонью:

– Спасибо, не будем тратить драгоценный напиток. У меня как раз такая пора – воздержусь.

Тут-то он и сказал эту удивившую меня, купившую с потрохами, что называется, фразу:

– Я вам на числю, а там...

Была ли она в обиходе у всех м о р е м а н о в славного Севастополя или же это жаргон, принятый исключительно у служивших на «Технической ракетной базе», кто теперь объяснит, не писать же письмом с запросом по этому поводу. Но слышался мне в этой фразе неистощимый юмор перекаточной голи, перебивающейся с хлеба на квас... Но только ли, только ли?!

Уже не однажды, разбираясь в себе самом, соображал, что с годами вместо изначальной, непосредственной памяти в нашем сознании остается некая память о первой памяти. На старую фотографию это не похоже, там – будь здоров качество, похоже на размытый любительский снимок.

Так теперь издаലെка видится мне немецкая оккупация Кубани сорок второго года, в которой шестилетним мальцом оказался с мамой и младшим, двухлетним тогда, родным братиком Валерой. Чего-то на этой давней фотографии уже и не разобрать, а что-то другое так и осталось по-прежнему четким.

Странное это вообще-то дело, загадочное: стук воробьиного, как тогда мама о нас говаривала, мальчишеского сердчишка и нынче, через шесть с половиной десятков лет, подталкивает мою уже давно набрякшую от непростых трудов руку профессионала, уже не очень чувствительную теперь ни к будущей похвале, ни к возможной славе... Да в этом ли дело?

Может быть, в те минуты, о которых хочу рассказать, рядом с нами, маленькими и голодными русскими оборванцами, и в самом деле, стоял тогда если не сам Господь, стояли Его верные служители – ангелы? Сохранившие нас тогда и продолжающие, несмотря ни на что, хранить до сих пор?

Только что мы, стуча зубами от холода, отстояли с полупустыми ведрами обочь дороги, по которой устало шли вступившие в станицу наши пехотинцы, и помятой алюминиевой кружкой черпали для них студеную колодезную воду:

– Попейте, дядечка солдат!..

– И нашей, дядечка, водички, и нашей!

И правда же, приходится в который раз повторить: они, наверное, в тот день опились!

А через несколько дней, когда уже взяли Армавир с Тихорецком, в нашу голодную Отрадную примчалась на новеньких американских «Студебеккерах», «стударях» – на переформировку, как теперь понимаю, морская наша пехота.

Посреди комнаты, в которой была раскалена не только чугунная на печке плита, но и, кажется теперь, чугунная дверца, из вещевых мешков лихо вытряхи-

вали на стол белые буханки, банки с тушенкой и шоколадные плитки, чуть ли не все это сперва летело на пол, и мы бегали, подбирали, сносили обратно, горкой складывали, а они уже финками своими вспарывали жесть, пластали на толстые куски хлеб, намазывали и сливочным маслом, и повидлом...

– Угощайтесь, богатыри!

– Рубайте, давай, мальчишки!

Сколько всякой куснятины они нам в тот день начислили!

Вокруг суетились бабушка с теткой и наша мама, бабушка пыталась их попридерживать:

– Вы, ребята, себе хоть оставьте!

И кто-то из них бросил вроде бы беззаботное:

– А нам это, мать, не пригодится!

Сколько потом наши женщины жалостно повторяли дома на разные голоса:

– Сказал, скоро будет не нужно им...

– Они уже знали, бедные ребята...

– Куды их потом?.. Говорили, или на Новороссийск, или на Севастополь...

Может быть, потому-то очень ярко помнится уже вроде бы совсем другое: на низенькой школьной сцене в самодельных тельняшках и с головами, перевязанными белыми тряпками, обнявшись, медленно покачиваются из стороны в сторону несколько старшеклассников: Эдик Лукин, Санька Балабанов, Леха Чикильдин, Федя Некрасов...

Песню их помню до сих пор и до сих пор знаю, ¹¹⁸хоть это необычно для меня, слова этой песни до конца: «Холодные волны вздымает лавиной суровое Черное море... Последний матрос Севастополь покинул, уходит он с волнами споря... И грозный, соленый бушующий вал о шлюпку волну за волной разбивал... В туманной дали не видно земли... ушли далеко корабли...»

Остался хоть кто-нибудь в живых из этих залетевших к нам тогда на переформировку десантников?

Не детская ли благодарная память о них тащила нас потом в военкомат – поступать в училища? И не громкая ли их слава?

Я собрался в десятом в военно-морскую медицинскую академию в Ленинграде, отец уже договорился, что военком, если будет разнарядка, оставит для меня место. На медицинской комиссии, когда показали эту, будь она неладна, книгу с рисунками из разноцветных пятнышек, я вдруг не смог назвать цифры, которые там в них прятались, и врач-глазник сказал насмешливо: «Не хочешь служить, брат?.. В дезертиры метишь? А ну-ка, давай сначала!»

К нам подлетела родная моя тетя, вечная станичная медсестра, стала нашептывать это, насчет разнарядки, о которой договорились в нашем военкомате, и к таблицам Эксмера, или как они там, глазник вернул меня уже с иной целью, но нет, нет...

На просьбы тетки он лишь руками развел:

– Дальтоник полный! Если я тут пропущу, все равно из Ленинграда завернут, только на дорогу потратитесь – оно вам надо?

Вообще-то, если признаться, и юнгой-то я потом оказался липовым!

Когда нас уже на борту «Азова» принимали с отцом Георгием в моряки и вместе с тельником да пилоткой с крабом адмирал Васюков поднес стоящий на этой морской одежке налитый почти всклепый стакан, я чуть не в страхе прошептал священнику:

– Не смогу, батюшка, – как быть?!

Он молча взял мой стакан и так, за здорово живешь, хлопыстнул!

Ну боевой, подумал я, батя, а?!

Он, и правда что, оказался боевой, дальше некуда, и два стакана водки подряд в случае надобности, не сомневаюсь, шарахнул-опорожнил бы за просто, но тогда-то в стакане была забортная морская вода: обычай!

А я, выходит, его не соблюл...

До праздника оставался один день, и в автобусе нас возили по городу, показывали достопримечательности. Принцип, по которому в Старом Осколе собирали делегацию, я уже понял: сделал для тех, кто служит на «Технической ракетной базе», что-нибудь доброе, получай благодарность в таком вот экскурсионно-застольном варианте. И не только, не только!

Жили в пансионате за городом, в каких-нибудь двух сотнях метрах от берега, и каждый день для нас раненько утром на море начинался и уже поздней ночью морем заканчивался... Пожилых людей приехало мало, годами я был, по-моему, старший, но разве я пока, слава Богу, не юноша с вечно молодыми глазами?

(Это покойный поэт Григорий Поженян, бывший жгучий брюнет Григор, Гриша, легенда Севастополя – разведчик морской пехоты, фамилия которого еще в год освобождения города была выбита на памятнике братской могилы, чудом «воскресший» и удостоенный потом еще одного почти такого же памятника, любил говорить о себе, уже давно располневшем при своем далеко не богатырском росточке: «Высокий голубоглазый блондин».)

Так вот, ездили мы в автобусе, и рядом со мной сидел средних лет симпатичный человек, специалист по теплоизоляции, не так давно открывший в Осколе собственное дело – небольшой, но прибыльный монтажный участок. Мужчина еще, как говорится, хоть куда, но вид у него был такой, будто у него болели зубы, а везде, куда бы мы не приезжали, ему отказывались помочь.

В конце концов сочувственно спросил его:

– Что, сильно?

Он печально кивнул.

– Верхний? Или внизу?..

Он горько улыбнулся и ткнул себя пальцем в грудь.

– Сердце? – спросил его.

– Вас-то в первый день не было, – сказал он. – А нас в Балаклаву повезли. Вы знаете, что там раньше?.. У меня в Балаклаве дядька служил, в чинах, а я тут на корабле попал в матросики. Вот он с нашим командиром все договаривался, чтобы меня к нему почаще отпускали... А зачем, думаете? Да чтобы чехвости меня с доставкой на дом! Мало того, что на корабле тебя мичман драит... Приедешь к нему, он как начнет! И то на тебе не так сидит, и это. Какой ты, Анатолий, моряк? Не забывай, куда ты попал. Это, брат, Севастополь! Отдаешь себе отчет?.. Я тогда как между двух огней был. Доставалось – врагу не пожелаешь. Но оно ведь, и правда, идеально чистый город, все беленькое, если на тебе хоть малое пятнышко – уже за километр... а вон-вон теперь, вы поглядите!

И я к окошку приник:

– А что там, что?

Через бухту подошел к пристани большой пассажирский катер, приткнулся бортом к причалу, мой сосед наставил на него палец:

– Не только краска ободрана – весь в ржавчине! Да виданное ли дело? Он же не белый, а темно-рыжий и в потеках весь, стыдобушка... А вон-вон! – и повел подбородком. – Дом обшарпанный и за мусором не видать... а в Балаклаве, вы бы видели! В Балаклаве!

– Еще хуже?

– Да там другое дело... Я ведь ездил тогда, я видел. Там перед этим несколько лет долбили скалу: подземный завод, канал полкилометра длиной, семь подлодок могли войти. Склады, госпиталь, пекарня... И никакой тебе атом... Бомбоубежище! Все население Балаклавы могло укрыться и три года жить. Автономно...

Я будто остудил его пыл:

– Перспектива, конечно...

– Да не в перспективе дело – в трудах! – воскликнул он все также горячо. – Хотя и это разве неважно: такой тыл... А они там знаете что? Когда передали Украине, хотели устроить, видишь ли, музей холодной войны. И настоящая подлодка, и бары с отелями, и бордели... Фиг вам всем! Бардак, да не тот. Все растащили, все разграбили... Это вот только разве этому музей: «меченому». Или – «беспалому»... Ай-яй!

И положил пятерню на лоб, медленно повел по лицу...

На парад кораблей тоже шли своей небольшой группой, держались друг дружки, но тут уже было такое столпотворение, такой ажиотаж, как будто

весь город смотровую площадку в приморском парке брал приступом.

– Кто как может, братцы! – сказал наш старший. – Кто где, пока хоть какие-то места еще остались...

Поглядывая на цепочку кораблей в длинном, уходящем за поворот заливе, устроился между ветераном, капитаном первого ранга при всех регалиях и молоденькой женщиной. Впереди щелкнуло, распустился, закрывая обзор, цветной зонт... Жара, конечно, солнце!

Каперанг недовольно кашлянул, пожилая женщина впереди тут же откликнулась:

– Я буду хотя бы время от времени...

– Надеюсь! – пророкотал он грозно. – Что буду смотреть на эскадру, а не на зонт!

И зонтик тут же поник.

А у меня захватило дух: первым в кильватерной колонне стоял «Азов»... Точно, точно!.. То, что большой «десантник» – это само собой. Но ведь и на борту – только четыре буквы. И почему я бинокль не захватил?.. Лежит ведь под Звенигородом подарок Юры Панова: привез из Майкопа. И пригодился бы, может, раз в жизни, но именно в этот раз, эх!

– Не подскажите, первый – это «Азов»?

Старый каперанг как будто не слышал. Откликнулась молодая женщина:

– «Азов», «Азов»...

– Ну спасибо!

– Да это не мне...

– Точно – «Азов»?

– Ну, вы же – правильно сразу...

Однако я никак не мог успокоиться: мало ли!

А буквы на борту никак не мог прочитать.

Ну, суета, движение, то и дело кто-то пробирается по ряду к тебе лицом, и хорошо, если лицом... Внизу, за рядами, блики на воде, а за слабой такой, как бы умиротворяющей волной – эта наша эскадра, за первыми «десантниками» – и вспомогательные, судя по всему, корабли, и «Москва» потом, крейсер, гордость нынешнего Севастополя.

– Перед... вами, – вразяжку вдруг начал громкоговоритель, – праздничная... кильватерная колонна... боевых кораблей... Черноморского флота...

Ну наконец-то!..

– Во главе ее... большой десантный корабль...

Ну, не тяни, Левитан, ишь ты, – не тяни!

– Я-ма-ал! – прозвучало над головой.

«Елка-палка!» – как друг мой Шевченко говорит.

Ну, еще бы, еще бы!..

Он еще тогда подышал, «Азов»...

«Головной корабль»!.. А подошли к Салоникам – забыли снять колпак со ствола пушки, которая должна была грекам салютовать. Первый залп, – и колпак в куски, и на пайолах на бронированных корчит каплей, который «командовал парадом»:

осколок от колпака угодил в коленную чашечку... Да хорошо хоть – ему, что там ни говори. Сам виноват – сам и получил. А если бы угробил кого-нибудь из матросиков?!

Сашка-Сашка!..

Пять дней потом маялся в каюте на обратном пути, его первого на носилках стаскивали в Агое с борта «Азова»...

Ясно, что давно порезали наш «Азов» на металл – кому он, на хрен, такой?!

«Ямал», так «Ямал», ну, прошел...

Вслед за ним пронесли эти новенькие «сторожевики» на воздушной подушке... Ну впечатляет, конечно. Впечатляет.

Величественно проследовал крейсер «Москва»... Ау, Лужков, где ты тут?! Болельщик за Севастополь. Чуть ли не единственный официальный заступник, да... Эх, если бы их, таких «боевых единиц», как «Москва» – ну не десяток, нет, хотя бы три-четыре, и то!

Снова пошли «десантники»...

И вдруг, вдруг...

– Начинается... главное... действие парада, – слишком уж торжественно объявляет по громкоговорителю комментатор. – Впереди... по курсу... большой... десантный... корабль... «Азов»!

Господи, да что ж ты, такой-сякой, тянул?!

Вот же он, родной, – вот он!

– На ходу... раскрываются... аппарели...

Да не может быть?!

– ... из трюма корабля... появляются...

Давай, мальчики, родные, ну покажите, давай!

Первая «амфибия» вылетает из растопыренного носа «Азова», тут же слышатся глухие хлопки и яркие трассеры тяжелых пулеметов расчерчивают пространство перед сидящими на броне десантниками...

Вторая «амфибия»... третья... пятая уже несется перед «Азовом», расходятся от него веером... ну, братцы!

И я заплакал.

Ну слаб, слаб.

А, может быть, и не так уж?

Недаром ведь говорят, что римские центурионы не брали к себе легионеров, которые не умели плакать!

Центурия, чтобы знали, – сто воинов.

Казачья сотня, а что?

Но тогда я прямо-таки маялся, как всякий русак: с кем радостью поделиться-то?

Зар-раза!

Оскольских рядом никого не видать, кого тут в этом море людском увидишь.

Помнил бы наизусть номер мобильника Шевченко – тут же позвонил бы: ну, уважил, Коль, ну – спасибо!

А я еще и ворчал.

И откуда в нем эта державность: надо!

От «железных прорабов»? От настоящих. А не от этих – говенных перестроечных, на самом деле, не выдавших жизни, не нюхавших мужицкого пота, не знавших что и почему за влабов.

Но прорабом, по-моему, Коля побывать не успел, сразу ушел замом начальника управления, а с прорабами... Грета Звездкина, наша железная прорабша тогда, как-то рассказывала, что отказалась работать с его бригадой... С Тertyшниковым потом – со всем удовольствием, с Шевченко – нет. Любопытно было бы ее расспросить... Наш интернационал записывовский, эх!

На стройке все: «Грета, Грета!»

Думал, немка какая-нибудь. Латышка, может. Оказалось, – чалдонка. Из-под Иркутска. Что ж тут? Сам – Гарий, вроде откуда бы? Да все из этих времен, когда чуть не со всем миром заигрывали – породниться хотели. Хорошо, что хоть не Адольф. Гарик все-таки, а не Адик.

А ясноглазый ее, спокойный Володя, русак голу-боглазый, умница, каких поискать, однажды вдруг говорит мне: «А ты знаешь, что у меня мама – эстонка? Я – эстонец, да!»

Завтра же еду в церковь Николая Чудотворца, найду отца Георгия. «Батюшка! – скажу. – Как хотите, но вы должны пономаря своего свозить на «Азов»! Хотите, такси возьмем. Да как хотите, но не могу уехать, не повидавши там офицеров, а, может, 127 кого-то из ребят – собирались же на сверхсрочную остаться?» Их Васюков агитировал. И я, грешный, руку приложил... Какую руку – язык, язык! Но я ведь тогда, и правда, чуть не с каждым матросиком поговорил: восполнял «дефицит общения». Хлеб отработывал. И – персональную каюту.

Но на следующий день к отцу Георгию поехать не смог: больно интересная предстояла экскурсия. Игорь Иванович предупредил: не пожалеете! И пообещал машину на послезавтра, мол, всех проводим, а вы останьтесь-ка еще на денек и найдете и батюшку, и «Азов» свой... У него тоже, у Яковенко, был батюшкин номер, что там ни говори, коллеги, а потом как-то позвонил... Скорее всего, что поменял батюшка номер – «достают». Это все-таки Севастополь: не все здесь так просто, чтобы не применять резких выражений.

Зато мой новый знакомец Анатолий Плохутин, спец по теплоизоляции, в этот день прямо-таки расцвел.

Показывали нам знаменитую батарею с двумя гаубицами, которые больше года не подпускали немцев к Севастополю.

Некий вариант Балаклавы?

Наружу только длиннющие стволы под богатырским бронированным шлемом, все остальное – под

землей. Бесконечные галереи, казематы с толстыми стенами, машинные, с запахом масла, залы, на всякую военную потребу многочисленные хранилища, помещения для жилья.

Водил нас по этой подземной крепости красивый пожилой человек в гражданском, но явно – с военной выправкой. Орлиный взгляд из-под густых, черных как смоль бровей, мужественное лицо, слегка посеребренные усы. Независимым своим и слегка покровительственным видом он напоминал мне того самого Аркадьича, который на полушутке грозил кулаком «летнему Деду Морозу»: не вздумай!

– Бывший командир базы! – уважительно объяснил мне Анатолий. – Классный специалист, каких мало, но он не только технарь... Как бы вам сказать. Историк, что ли. Философ. Отводит тут душу.

Не слышно было, о чем спросили наши бывшего начальника, но в ответе его прозвучало такое достоинство!

– Можно считать и так. Не то чтобы царский подарок, хотя последний император любил Крым и очень хорошо понимал здешние проблемы. Эта крепость – наследие, которое нам старая Россия оставила. Не только на добрую память, как говорится, но – в назидание. Если учесть, что строить форт начали после войны с японцами... с применением новейших в то время технологий. И постоянно потом модернизировали. Заботился уже лично Сталин. Но основа, основа. К сожалению, мы всегда об этом мало своему народу рассказывали, но ведь и знаменитый «план электрификации России» был разработан еще инженерами царской школы, и московское метро. Нашим вождям осталось только сменить названия станций, но это, как понимаете, дело нехитрое...

И я уже не отходил от него ни на шаг: не только «набирался ума», еще и попросту любовался.

Потом он вдруг сказал главе нашей делегации:

– Жаль, что не приехал Николай Петрович, мы с ним договорились о новом путеводителе и о стендах внутри – как раз со всеми этими фактами, о каких говорю. Но, думаю, на бархатный сезон мы его у вас все-таки выкрадем...

Упоминания о моем старом друге вовсе, надо сказать, не такие редкие, искренне меня радовали, потому что в них не было ни нарочитости, ни излишнего пиетета – слышалась забота об общем деле, и даже это как бы малость предосудительное, но сказанное открыто «на бархатный сезон выкрадем» звучало вполне естественно: работа работой, но при таких нагрузках должны же мы друг о друге заботиться...

Также естественно звучали тосты в честь мэра, и когда или сам Игорь Иванович, или кто-то из его помощников «начислял» адресно, то это был явный

повод выпить в удовольствие, а не по тяжкой обязанности...

Когда сказал Шевченко, что ладно, вернусь к Старому Осколу, так и быть, напишу, тем более, что за мной должок не только Клюке – как бы долг перед всеми старыми друзьями – начал, само собой, размышлять и об этом: откуда в нем этот дар объединять, заряжать энергией, настраивать на коллективную работу... Природный дар? И в самом деле, хоть он – атеистюга несчастный, от Бога? Или же это благоприобретенное? Прежде всего в армии – не даром же говорит мне частенько чуть не с укором: «Жаль, что ты не служил!» Потом в Сибири. В Осколе. В Белгороде. В Нигерии и снова в Осколе. Далее, как говорится, – везде.

После обеда у нас была достаточно долгая экскурсия в Форос, вернулись поздно, а раненько утром я уже махал вслед уходящему автобусу... Самого меня опять ждала выдавшая виды черная «Волга», только водитель на этот раз был другой – младший коллега Яковенко.

Остался в машине ждать меня внизу, а я по вырубленным в скале крутым ступенькам поднялся к высоко вознесшему над округой Свято-Никольскому храму-памятнику на старинном, периода Крымской войны, Братском кладбище.

И в самом Севастополе, и окрест него достаточно мест, попадая в которые постепенно начинаешь испытывать особое ощущение не только глубокого, но – как бы величественного спокойствия... 122 Глядя на материальные приметы трагической истории, незаметно для себя переносишься душой в незримый мир спящих в славе героических своих предков, и тебе открывается сокровенное: твой временный, сиюминутный покой щедро оплачен их вечным.

Краткое свидание с ними драгоценно. Потому что – животворяще.

Может быть, именно Севастополь, как никакой другой русский город, от глубоко индивидуального понятия «мощи» – нетленное тело угодника Божия – возводит нас до осознания нетленной мощи общенародного духа?

Но об этом я размышляю уже нынче, когда поглядываю, сидя за работой, на небольшой в форме креста значок, припиленный к простенькому буклету: приобрел его в иконной лавке во дворе храма.

«5 марта 1890 г., в канун 35-летия со дня начала 1-й героической обороны Севастополя (13 сентября 1854 г.), – сообщает буклет, – на традиционном обеде участников обороны в Санкт-Петербурге контр-адмирал А. Б. Асламбегов (бывший командир парохода «Эльборус», затопленного в августе 1855 г. на севастопольском рейде) представил на утверждение эскиз именного наградного креста

«Железо и кровь» или «Крест на крови», на котором предполагалось запечатлеть как воспоминание имя каждого награждаемого защитника Севастополя в 1854–1855 гг., оставшегося в живых. (На тот период героев осталось всего 390 человек...) Награда представляет собой равносторонний крест черного цвета размером 24x24 миллиметра, отлитый из ядер. На лицевой рифленой стороне, в центре – медальон красной эмали с золотыми цифрами «349», обрамленный золотым венком из дубовых листьев, перевитых внизу лентой».

Как давно это было, казалось бы!

Отчего же так волнует сегодня?!

Уж не потому ли, что вот уже столько лет Севастополь переживает другую изматывающую осаду – все той же, считай, противоборствующей стороны, укрывшейся на этот раз за живым щитом братского народа: само собой, исходя из новейших технологий ведения войн и в полном соответствии с принципами «общечеловеческих ценностей».

– Обязательно поднимись на колокольню, Гурий, тебя пропустят, – сказал отец Георгий, когда там же, в иконной лавке, пожилая служка, присмотревшись ко мне и будто ненароком о многом порасспросив, сама набрала номер батюшки и протянула мобильник. – Хорошенько сверху оглядись. А в два часа будь на площади Нахимова у входа в Приморский парк: я тебя подхвачу.

Само собой, что он об этом не помышлял, но в том, что это тоже была подсказка судьбы, не сомневаюсь.

Уж больно разителен был контраст между двумя картинками, которые возникают теперь у меня перед глазами.

Сперва вспоминается наш поход 1999 года, как идем по Босфору уже мимо православной святыни – константинопольского Софийского храма, окруженного нынче четырьмя минаретами, и отец Георгий сначала истово крестится сам, потом осеняет крестом константинопольскую церковь:

– Мы еще вернемся к тебе, София! – не просто громко провозглашает – грозно кричит. – Жди нас, София! Мы – вернемся!

Уже и тогда наученный бесконечными обвинениями в экстремизме, витиеватыми речами о русофильстве и русском шовинизме, я на полушутке спросил батюшку, вяжется ли это с нашей миротворческой миссией.

– А это вяжется, Гурий? – воскликнул он, ткнув пальцем вслед с ревом пролетевшему над нами военному самолету с опознавательными знаками США. – Чего тут делать америкосам?! Вернись домой, Гурий, разыщи пророчества о Константинополе и о Софии...

Помню, что были они весьма утешительными для русского сердца, эти пророчества... Но можно ли, и в

самом деле, «вернуться к Софии», если ближайший от древней святыни православный форпост – Севастополь дремлет, как скованный цепями и совсем почти обессилевший исполин... Ну не так ли?

Посмотреть только, как тогда, с верхней палубы нашего «бэдэка» на эти два ярких, богатых и шумных города по разным берегам пролива: Истамбул и Константинополь.

И с колокольни Свято-Никольского храма глянуть на дремлющие в историческом сне окрестные дали: тут все уже произошло и отлетело в прошлое. Похожего больше не будет. Все!

Конечно же, мальчишками мы тогда вслед за старшеклассниками приглушенно орали, в обнимку покачиваясь с друзьями с таким же, как у самих, измазанными раздавленными ягодами спелой калины рожам: «Друзья-моряки подобрали героя – кипела волна штормовая... Он камень сжимал посиневшей рукою и тихо сказал, умирая: «Когда покидал я скалистый утес, я камень гранитный с собою унес. Затем, чтоб вдали от нашей земли забыть мы ее не смогли...»

Но вот оно как все оборачивается, – вот оно!

– Первым делом, батюшка! – сказал я отцу Георгию, когда мы с ним обнялись, что можно было заодно считать его мне благословением, – чтобы вы смогли свое время рассчитать: мне просто необходимо побывать на «Азове», а сделать это я смогу только с вашей помощью...

– Спаси Господи, Гурий, что ты обо мне такого высокого мнения, – как всегда чуть насмешливо проговорил батюшка. – Но я простой священник, и по воде, яко по суху, мне пока не по силам. С тобою вместе – тем более...

– Он далеко от берега, «Азов»?

– Он далеко от Севастополя, Гурий, – сказал батюшка уже с ноткой торжественности в голосе. – Позавчера, прямо с парада он взял курс на Средиземное море. Ушел туда на боевое дежурство...

Переспросил, еще не веря:

– «Азов», батюшка?!

– Но мы же с тобой о нем?

– Конечно, батюшка, конечно. Но...

– Никаких «но», Гурий, он ушел.

– Так вот сразу? Не вернулся, не пристал больше...

– А зачем возвращаться? Они подготовились, все с собой. Приняли на борт амфибии, и – вперед. Парад, считай, был заодно и проводами.

– И наши корабли теперь постоянно там?

– Вот уже несколько лет. Ты же не приезжаешь: забыл нас!

Оба, конечно, понимали, что специально длим этот приятный для обоих разговор, оба радостно улыбались: я все-таки чуть растерянно, отец Георгий, само собой, покровительственно, как будто

именно он устроил этот поход... Но что делать, что делать?

Он ведь, что там ни говори, только сослуживал Тому, кто все в мире устраивает. Именем Его этот поход благословлял.

«Не нам, не нам, но имени Твоему» – разве не так?

Потом пили крепчайший кофе в тихом уголке под старину оформленного подвальчика и вспоминали наши ежедневные трапезы в кают-компаниях «Азова», где мы сидели за столом вчетвером: командир похода адмирал Владимир Львович Васюков, главный штурман ВМФ Евгений Геннадьевич Бабинов и мы с батюшкой. Всем было рядом с остальными комфортно, каждый чувствовал себя в своей тарелке, и, если выпадала свободная минута, дружеские беседы наши надолго затягивались...

– А помнишь, Гурий, адмиральский прием в каюте у Васюкова?

И я откликнулся живо:

– Еще бы, батюшка! Там был потрясающий повар. Похвалил его жаркое, разговорились, и вдруг выяснилось, что он сибиряк, из нашего Междуреченска...

– Вот-во-от! – укорил отец Георгий. – Хотел о духе, а ты снова – о брюхе... А еще обижаешься, что не взял тебя на Афон. Я ведь тогда чуть ли не прямым текстом сказал тебе, что на обратном пути «Куников» зайдет на святую Гору, а ты, как молодежь говорит теперь, не догнал. Не созрел, думаю. Не готов. Как я потом улечу из Севастополя! Что обо мне подумают в редакции... Главное, чтобы о тебе там! – и он воздел руку. – Та-а-ам о тебе хорошо подумали! Ты об этом почаще... А Бабинов тогда уже сделал для меня заметки – показать в Греции...

– Презванивались мы тогда, отец Георгий, презванивались. Когда его оперировали...

– И Господь продлил дни. Даже не дни – продлил лета. А потом призвал все-таки. Подводники и там нужны, Гурий, – и он опять приподнял пальцы. – Особенно такие, как раб божий Евгений... Будем поминать его. Будем помнить.

– Это он тогда мне – звание юнги. Так на «Уставе корабельной службы» и надписал: юнге Черноморского флота...

– Ну, и посмотри тут, что – я тебе, – сказал он нарочно ворчливо. – И прочитай потом от корки до корки...

Достал из объемистого пакета тяжелый, в строгом черном переплете, прекрасно изданный том. Георгий Поляков «Воинское духовенство России».

Почерк у батюшки великолепный. Размашисто написано черными чернилами: «Рабу божию Гурию Н., пономарю в морском боевом походе 1999 года на корабле «Азов», на молитвенную память от автора. Протоиерей Георгий Поляков».

Когда все успевает?

Ко входу в парк подкатил на черном «Лексусе», и почти тут же его окружили, в основном молодежь – взять благословение. В черной шелковой рясе своей шествовал по ступенькам в подвал, как завсегда-тай во фраке, и чуть ли не все, кто сидел за столиками, уважительно наклонялись, будто желая приподняться, прикладывали руку к сердцу, а то и приподнимали обе, мол, кто пожаловал!

А для меня выбрал час между «причастием болящего» и крестинами, вот-вот умчится, потому что после крестин встреча с детьми в спортивном клубе. Но, может быть, только так и надо в «осажденном Севастополе»?

В городе русской воинской славы, эх!

Перед тем как распрощаться с ним, попросил:

– Душу, батюшка, успокойте! Что будет-то с Севастополем? Разве можем мы отсюда уйти? И разве должны – уходить?!

– Поставь-ка башмак сюда! – показал он на сухой асфальт под ногами. – Просто наступи... наступил? Ты видишь след свой?

– Да нет, батюшка...

– Но ты стоял тут? Да только что!.. И можешь всегда вернуться... Разве не так?

– На круги своя, батюшка?..

– Тепло, – сказал он. – Но слабое, слабое... А если посильней? А горячо?!

– И тогда, батюшка...

– Помнишь, мы говорили о пророчествах? Ты после прочитал?

– Да, но...

– Прочти еще раз. Внимательно. Это тебе послушание.

На этот раз я читал это как бы вперемежку: «Славную историю Царьграда с пророчествами и предсказаниями прозорливых мужей и мудрецов о будущем бытии его» и «Воинское духовенство России» отца Георгия Полякова.

Итак:

«Прибыв в Византию, Константин увидел на том месте семь гор и много глушиц морских. Тогда царь повелел рыть горы и наполнять землей низменные места, на глушицах ставить каменные столбы, делать на них своды и ровнять место. Царь приказал измерить место на три угла, в каждую сторону по семи верст, так чтобы городу находиться между двух морей – Черного и Мраморного.

Когда производилось это измерение, внезапно выполз из норы змей и пополз по месту, где происходила работа. Но вдруг свыше спустился быстро орел, схватил змея, поднялся с ним на воздух и скрылся на несколько времени из глаз. Наконец змей, обвинившись вокруг орла, одолел его и пал с ним вместе на землю, на то же самое место, откуда был поднят орлом. Тогда прибежали люди, убили

змея и освободили орла. Видя это, царь пришел в ужас и, созвав книжников и мудрецов, просил их объяснить это знамение. Они же, поразмыслив, сказали царю: «Место это наречется Седмихолмием и прославится, и возвеличится во всей вселенной, паче иных градов. Но так как оно стоит между двумя морями, то будет биемо морскими волнами и поколебимо будет, то есть будет доступно нападению врагов и поколеблется. Орел есть знамение христианское, а змей – знамение басурманское. И так как змеем одолел орла, то это означает, что басурмане впоследствии одолеют христиан; но так как христиане убили змея и освободили орла, то это предзнамует, что напоследок христиане одолеют басурманство и возьмут Седмихолмие и в нем воцарятся».

Услышав это пророчество, царь смутился и повелел записать слова этих мудрецов».

Вот что дальше:

«И до сего времени существует между турками пророчество, которому они верят и страшатся его. В этом пророчестве говорится: так как Константинополь начался и кончился Константином, то снова он же должен Константином начаться, то есть что в Константинополе, по взятии его христианами, первый царь будет именоваться Константином. Был даже указ Порты, которым строго запрещено грекам давать своим детям при св. крещении имя Константин. Таким запрещением турки желали уничтожить в греческом народе воспоминание о греческих императорах Константине I и Константине XII, из которых при первом начался Константинополь, а при втором – кончился».

И еще:

«...интересно пророческое завещание мудрого астролога султана Сулеймана I Великого, который написал его перед смертью и вручил на хранение визирю своему Магомету: «Верно знаю, что если я пойду войной на русских, то из этой войны назад уже не возвращусь; но уповаю на Бога и великого пророка, что не пойду на Русскую землю. Пусть все правоверные знают, что Бог, небо и светила его возвещают: никогда и никакой народ, кроме народа русского, не может поколебать царства Оттоманского. Повелеваю и увещаю, чтобы вы никогда на русских войной не наступали и мечей своих обнажать на них не дерзали. Неоспорима истина та, что пока вы будете соблюдать в отношении к этому народу нерушимый мир и веру, то и русские станут воздавать вам тем же; но если нога ваша преткнется о камень соблазна и вздумаете идти войной против них, то потерпите великое бедствие. Заклинаю всех правоверных, да не вознесут против этого народа главы своей, если хотят, чтобы царство их долгое время пребывало нерушимым».

Может быть, и этого достаточно, но как не читать и дальше!

«Интересно предсказание арабского астролога Муста-Эддина о будущем Константинополя. Султан Амурат, страстный любитель наук и особенно астрологии, пригласил этого ученого ко двору и даже построил для него обсерваторию в Константинополе... Верные предсказания внушили Амурату безусловное доверие к словам мудрого Эддина, так что он решился однажды предложить ему вопрос: «Благополучно будет ли мое царствование, и долго ли будет существовать Оттоманская империя, и кем она будет разрушена?» На этот вопрос Муста-Эддин отвечал: «Государь! Ты будешь жить в мире до тех пор, пока сам того пожелаешь. Ты победишь всех своих неприятелей; никакой народ тебе и царству твоему не будет страшен, и никто не одержит победы над тобою; но только до того, пока ты будешь сохранять мирные сношения с народом, живущим от полуночи к востоку. Народ этот силен и славен, и имя его будет греметь по всему свету, и все ему будут покоряться. От этого-то великого народа падет держава наследия твоего – такова воля всевышнего!»

Амурат, выслушав это предсказание, предложил его совету, который нашел, что оно согласовывается со словесными преданиями и некоторыми рукописями, и поэтому можно считать его верным; но в то же время совет предложил Амурату умертвить Муста-Эддина, чтобы он не разгласил предсказания своего народу. Султан послал Капиджи-пашу с отрядом невольников, чтобы взять астролога и бросить его в море.

Муста-Эддин, встретив убийц у входа своего дома, сказал им: «Мир вам! Суд Божий никогда не минует. Я знаю, что сегодня же буду добычей морских рыб, а вами и всем царством овладеет народ северный». После этих слов астролога схватили, связали и бросили в море.

«Букварь школьника», «Начала познания вещей Божественных и человеческих». Москва, 1999–2000, том «Э–Я», стр. 1139–1153.

Прочитаешь и невольно подумаешь: по нынешним нашим горьким временам, оно – конечно же...

Но как знать, как знать?..

Еще не вечер, братья!

Не зря же Николай Петрович личным своим приказом посылал меня в город русской славы – Севастополь.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Этот очерк вошел в «заказную» книгу «Бригадир» о наших сибирских земляках на белгородской земле. Там книга была отмечена престижной премией «Прохоровское поле», но из-за малого тиража там же, преимущественно в Старом Осколе, и разошлась.

Два экземпляра отправил я в Севастополь: отцу Георгию (Полякову) и заместителю командира технической базы по воспитательной работе Игорю Яковенко.

Когда «колесо истории» вдруг замерло, а потом, словно корабельный штурвал, завертелось в другую сторону, тут же позвонил Шевченко и стал клянчить у него «хоть пару экземпляров»: немедленно послать в Крым. Но друг мой сказал тоном, не принимающим возражений: погоди, мол. Не суетись. Они тут недавно, севастопольцы, были и очень вежливо об одном попросили: не болтаться теперь у них под ногами. Теперь они сами справятся.

Слово «вежливо», уже не однажды услышанное в те дни по телевизору, конечно же, вызвало во мне приступ творческого энтузиазма. Но что мне в Подмоскovie, в Звенигороде оставалось?

Все продолжал названивать в Севастополь «морскому» батюшке и на украинском языке снова слышал в мобильнике одно и то же: абонент недоступен.

И вдруг, вдруг...

– Это юнга, отец Георгий! – закричал я. – Уже несколько дней вам звоню... Наконец-то!

Батюшка сказал нарочито буднично. Будто мы с ним только вчера расстались:

– Видишь, Гурий, как Господь все управил?... А ты сомневался!

– Да ведь тогда в это просто не верилось!

– А ты верь! – сказал он, сдерживая мой поздравительный пафос. – Ты просто – верь.

Перебираю нынче старые свои, которые не стыдно отправить в Крым, книги... Вспоминаю соседа по каюте на БДК «Азов» адмирала Бабинова, с которым дружны были до его последних дней на земле: светлая память, Евгений Геннадиевич! И – царство небесное.

И, конечно же, размышляю над заглавием этой своей работы...

«Последний матрос Севастополь покинул»... Выходит, на этот раз – украинский матрос?

Как оно все в нашей «новейшей истории» не просто!

Но прислушаемся к «морскому батюшке» – отцу Георгию Полякову: будем верить!

И тогда станет возможным и вновь окрепший Славянский Союз... И станет реальным даже обещание, с душевной болью выкликнутое православным священником на борту проходящего через турецкий Босфор большого десантного корабля «Азов»: «Мы вернемся к тебе, «София»!

Если опять будем вместе...

3 мая 2014 года,
Звенигород

К 80-летию поэта Виктора БАЯНОВА

ПИСЬМА ВИКТОРА БАЯНОВА К МИХАИЛУ НЕБОГАТОВУ

Из дневниковых записей поэта Михаила Александровича Небогатова, из его писем к родным, по свидетельству сына Александра становится ясно, что Виктор Михайлович Баянов был не просто другом, собратом по перу, но и желанным гостем в доме Небогатовых.

Необыкновенно скромный, Виктор Баянов, конечно, осознавал свою самобытность, свой талант, масштабность своей личности. Но никогда не выпячивал это ни перед кем.

Оба поэта были «единокровными» по отношению к поэзии, в своем отношении к литературному труду, в абсолютной убежденности в том, что каждый художник слова должен всегда и во всем оставаться самим собой, быть предельно искренним со своим читателем, быть порядочным человеком в обычной жизни. И, может быть, именно поэтому так долго продолжалась их дружба – человеческая, а не только творческая. Даже в письмах они были требовательны к слову, слогу, смысловой наполненности каждой фразы. Поэтому в письмах Баянова к Небогатову невозможно не увидеть, не почувствовать за отдельными строчками человека, профессионально, со всей отдачей занимающегося литературой.

Часть писем из личного фонда Михаила Небогатова была передана в государственный архив сначала вдовой поэта Марией Ивановной в 1997 году, а потом в 2000-м дочерью Светланой. Благодаря тому, что письма бережно хранились в семье, мы и имеем теперь возможность познакомиться с ними.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Миша, здравствуй!

Доехал до Крыма сравнительно легко, без каких-либо приключений. В Москве пробыл 5 часов. Этого вполне хватило на то, чтоб познакомиться своих с центром столицы и зайти в «Сов. Россию». Передал рукопись Туркину, все нормально.

Был в это время там Вася Казанцев. У него тоже

выходит книга в этом издательстве. Вероятно, вместе выйдем.

...Должен сказать, что время нашего пребывания в Коктебеле – не совсем удачно. Только перед нашим приездом установилась погода. Были дожди, море штормило, холодное. Загорать загорал, а купаться отчаиваются лишь немногие. Я ни с кем не познакомился близко, не выпил ни стакана вина. Еще бы курить бросить. Тогда буду с головы до ног положительным.

Место здесь своеобразно красивое, тихое, для работы очень удобное. Конечно, нет той экзотики, что на Кавказе. Мои начинают скучать, да и я тоже начинаю слегка грустить черно-кучерявой грустью. Здесь я вижу Рытхэу, Шесталова, Снегову, Друнину, Жирмунскую, но незнакомился.

Книжек, Миша, пожалуй, не присылай. Дарить никому не собираюсь. А кому хочу послать (Ковалеву, Костр.), pošлю из дому.

Обратно думаю лететь самолетом. Поездом интересно, но все-таки долго и утомительно.

Миша, может, черкнешь мне пару слов – как там у нас. И книг закупи, как условились.

Приеду – расскажу о моей жизни здесь подробно. Пишется туго. Но, думаю, что стихов 5–7–10 вчерне сделаю.

Ну, будь здоров, Миша, и бодр. Привет Марии Ивановне и ребятам.

Виктор. 14/ IV-67 г.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Миша, здравствуй!

Вот я и в Москве. Доехал хорошо и устроился тоже. Комната большая и, хоть не очень светлая, но зато тихая. Это в районе Останкино. Рядом с полу-

километровой телевышкой. От общ. до ВЛК – 30 минут на троллейбuse.

Уже два дня отзанимались. Вообще, Миша, придется мне, наверно, трудновато. Лекций много, трудные, хотя и очень интересные. Сижу как на концертах.

Изучать будем: теорию литературы, зарубежную литературу XX века, античную литературу, теорию изобразительного искусства, музыки, политэкономии, д. материализм, ин. яз.

Кроме этого – русская классика – Пушкин, Гоголь, Толстой, Есенин и т. д. Ну, и семинары творческие, где уже будут говорить о нашем творчестве.

Будут, говорят, выезды в Ленинград, Ясную Поляну, Бородино и др. места, связанные с историей и культурой. Короче говоря, курсы должны дать многое в смысле общего развития, расширения кругозора, приобретения мастерства. Только не валять дурака. Ведь такой возможности больше уже не представится. Верно?

30-го, придя домой, обнаружил на полу записку. По почерку сразу узнал Ж. Буравлева (он здесь проездом с женой). Остановился в «Москве». Я съездил к ним, поболтали, в кино сходили. 26-го он будет на пленуме здесь, снова, может быть, встретимся. Все веселей на душе!

Вот такие дела пока. Дальше – время покажет. Думаю, что все будет хорошо и, встречая новый, 1968-й, мы вместе поднимем стаканы с сухим винцом, а? Ну, а пока, Миша, если будет время и охота, черкни мне что-нибудь. Буду радехонек.

Ну, а пожелать тебе – пожелаю, чего и себе самому – хорошего здоровья, настроения и стихов.

Виктор. 3/IX-67 г.

P. S. Вчера нам сообщили, что умер Эренбург. Завтра, в понедельник, в ЦДЛ будет стоять гроб. Надо, наверно, сходить.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Миша, здравствуй!

Получил первую весточку с родных мест – твое письмо. Говоришь, и Володя Измайлов тоже навострил лыжи? Что ж, скатертью дорожка, как говорят.

А у меня тут Соболев ночевал, а потом получил комнату у нас в общ... Он, Соболев, сказал мне, что Г. Немченко тоже уезжает от нас в Майкоп.

Сегодня ездили в Бородино. Зрелище, сам понимаешь, захватывающее. Осмотр начали с Шевардинского редута, где был дан первый бой французам перед Бородинским сражением (Шевардинский редут значительно выдвинут от основной линии наших позиций. Пока шел бой за него, наши успели достроить основные укрепления). Затем побывали на Багратионовых флешах, батарее Раевского, где сейчас могила Багратиона. Рядом растет

серебристый тополь, посаженный в день погребения. Это могучее, в четыре обхвата, дерево. В бородинском музее меня привлекли личные вещи Кутузова и Наполеона.

Знаешь, Миша, когда читал я литературу разную о Бородинском сражении, то плохо представлял себе и дислокацию войск, и расположение укреплений и т. д. А сейчас другое дело. Посмотрел своими глазами, и все стало просто и ясно. Поле подзаросло новым лесом, которого не было в те дни. На поле 49 памятников различным воинским частям. А на командном пункте Наполеона французы поставили памятник сами.

Миша, ты просил подробнее о Эренбурге?

Нас пригласили в ЦДЛ для несения поч. караула. Так мне пришлось увидеть Эр. первый и последний раз. На гр. панихиде, которая состоялась тут же в зале, было сказано много хорошего. Говорил Б. Полевой, Ю. Жуков, представитель испанской Компартии, общества Фр. – СССР и т. д. В зал было невозможно пробиться, и мы слышали эти речи по радио в фойе ЦДЛ. Там я долго видел Твардовского. Он на панихиде в зале не был, а сидел в фойе тоже, курил, вздыхал и вынимал платок. Руки у него большие, жилистые и вид совсем не лощеного интеллигента.

Был там Евтушенко. Ну, этот был занят только собой, рисовался, производил впеч. страшно занятого, куда-то спешащего человека. Часа 2 он там винтом ходил (было народу много, и он, видно, думал, что все смотрят только на него). Короче говоря, видно, что это хват, каких белый свет не выдывал. Этот не пропадет, не затеряется в толпе. Были там Тихонов, Рождественский и мн. др.

Новостишек интересных нет у меня. «Октябрь» прокатил меня до 11 номера, как они говорят. Агеев сказал, что ставил на 8 нр, он ушел в отпуск, и без него, мол, там поставили кого-то вперед.

Стишки, наверно, придется надолго забросить. Тяжеловато. Ребятам с высш. образованием легче. Они как бы повторяют пройденное, а мне все это – первый снег на голову. Много приходится конспектировать.

Миша, а что с Игорем Киселевым? Каков исход? Будешь в изд. – привет В. Банникову, В. Мазаю, ну, и Игорю, если он трудится в изд.

Ну, всего хорошего, Миша. Пиши, когда время будет. Пока.

12.IX.67 г.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Миша, здравствуй!

У меня к тебе большая просьба: отнеси, пожалуйста, стишки в «Кузбасс». Посылать прямо на ред. не решился – концов не найдешь. Отдашь их Бельчику с просьбой моей посмотреть их. Может

быть, что-то понравится, и дадут. Мне сейчас так нужно рублей 50–60.

Дом тревожить уже не хочу. Не знаю – как стихи. Еще не отлежались и есть еще не нравящиеся мне самому места, но – нужда крайняя. После я их еще погляжу.

Миша, если что-то им поглянется и дадут, то гонорар пусть перешлют сюда по адресу, который ты знаешь.

У меня пока все нормально. В Москве холода, погода паршивая – все болеют гриппом. Я пока держусь.

Выписали мне очки – близорукость какая-то появилась. Зрение, мол, еще пока хорошее, но желательно бы очки.

Ночевал у меня Рязанов. Он сказал, что В. Изм. уже переезжает, послал часть багажа. Из Коктебеля уже не возвр. в Кемерово. Говорит, что многие журналисты убежали на более теплые места. Что ж, это естественно. Значит, Миша, ты там один из поэтов остался. Давай, разворачивайся во всю мощь, работай за всех нас – отсутствующих.

Измайлов через пару лет будет в Москве, убей меня бог. Кишинев – это продуманный, хитрый финт.

Ну, ладно, Миша. В другой раз напишу больше. Сегодня три письма катанул: Олегу, тебе и домой. Писать много приходится, рука болит. И почерк совсем испорчу, видно, – спешка страшная.

Ну, будь здоров, Миша.

Привет Марии Ивановне.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Миша, здравствуй!

Может быть, я кажусь назойливым, отрываю тебя от дел своими пустяковыми письмами? Я не Измайлов, в эпистолярном жанре слабак. Пишу так, как и говорю – косноязычно, не изощряясь, не забываясь о стиле и логике. Что на душе, то и на языке. Просто хочется поговорить с тобой, поделиться кой-чем. А ты, Миша, если занят сильно бываешь, то не отвечай сразу, а отвечай, когда будет время и охота. Я не обижусь – понимаю.

Вчера получил твое письмо с краткой консультацией. Очень рад, что тебе стихи понравились. Ты, обычно, – барометр верный и очень часто предсказываешь погоду в мою пользу. Хотя мне самому кажется, что в бородинском стихе вторая половина (от слов: ...жду гонца от старого фельдмаршала с кургана...) слабее, очень обща, общительна. Я еще над ним подумаю. Если лучше сделаю, то хорошо, а нет – так оставлю. Говоришь, поработал хорошо? Это и мне приятно. А строфу ты мне прислал великолепную. Она чиста, глубока и естественна. А форма легла на содержание, как и всегда у тебя, – тютельница в тютельку. Нигде ничего не выпирает, не

топорщится. Я так еще не умею отделять (об этом мы с тобой говорили как-то).

Нового я еще не начинал ничего. На этой неделе поеду (в четверг) в Ясную Поляну. Может, что-нибудь оттуда привезу.

На днях был в ЦДЛ на вечере «Сибирских огней». Был Смердов, Решетников, Фояков, Яновский.

Выступили Е. Пермитин, А. Караваева, С. Залыгин. Ну, и мы читали свои стихи с Женей Буравлевым (он тут на пленуме). Сегодня он уезжает домой. Я звонил ему в гостиницу, простился.

Вчера была у нас встреча с Егоровым – это который водрузил знамя на Рейхстаге, и с Девятаевым, вырвавшимся из плена на немецком бомбардировщике. Егоров – чудесный русский парень, скромный, простой. Он работает на молзаводе каким-то диспетчером. Я смотрел на него, когда он слушал Девятаева. Слушал, раскрыв рот, весь внимание и напряженность. Как будто он – сам герой из героев! – ничего-то не видывал кроме своей деревни, не испытал, не имеет 14 орденов. Просто чудесный парень! А о себе, о водружении знамени, когда из 220 человек осталось 18, он рассказывал просто, обыденно как-то, словно дело это – так себе, обычное. И чувствовалось, что это не игра, а полное соответствие с его внешним обликом и, видимо, характером. Не могу представить на его месте ни одного из наших общих знакомых...

Видел в ЦДЛ Агеева. Помялся он и сказал, что 128 стихи мои пойдут, может быть, в этом году. Но говорил неуверенно и как-то быстро смылся. Вообще, темное дело. После этого и идти больше не хочется ни в какой журнал московский. Смердов же мне сказал, что 4 стиха пойдут в декабре. И Саша Романов сообщил письмом о том же.

Приходилось мне читать стихи в среде московских поэтов. И я пришел к такому выводу: если твое стихотворение хуже, чем их, то они его похвалят. А если лучше, то тут же начнут говорить, выискивать блохи. Что-нибудь да найдут, но все равно тебя принизят и посадят ступенькой ниже. Никакой искренности и честности в оценке. И это у них такое правило.

Один (некий В. Кочетов) пришел в общежитие к нам и похвалялся во хмелю, что-де лучший стилист. А когда он прочел стихи, я сказал, что версификация действительно на высоте, но она – еще не поэзия. Да и стилизация под народность прет через край. Он не обиделся, но и мне не стал делать замечаний. Короче говоря, я применил контрудар, и ему катить на меня телегу было уже неудобно.

Есть, конечно, ребята и неплохие...

...Дни пролетают довольно быстро. Скоро праздник, а там и Новый год не за горами. Лишь бы было все хорошо.

Миша, если мои дадут, то пришли вырезку. И свои пришли.

Я в связи с посылкой стихов вспоминаю Женькино стихотворение:

Иной и двинул бы в столицу,
Да пораскинет наперед,
Что там ему не прокормиться,
А тут – корова, огород.
...И письма шлет, и пьет с тоскою,
Что не пришелся ко двору.

Горько, но так оно и есть.

Ладно, Миша. Будь здоров и весел. От души тебе – хороших стихов, как и себе тоже. Привет Марии Ивановне. Ну, пока.

28.IX.67 г.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Миша, здравствуй!

Получил твое письмо с рецензией и обзором. Обзор хороший. Все доказательно, мягко, профессионально.

Я соглашусь с тобой относительно стихов А. Саулова.

Махалов не понял или не захотел понять «Родник». Оно не так уж созерцательно и декларативно, как ему кажется. Там ведь родник – символ Родины. На нее ведь извечно обрушиваются беды, но не только («Все падают – то плод рябины красной, то сладкий плод с малинова куста»). Разве это только любовное пейзажем? Не знаю, может быть, я неправ, но стиль не настолько плох, чтоб его причислить к лишним в книге. Да и сделан он как зачин к книжке.

Я согласен с ним, что стихотв. «Я еще не забыл» – слабое, а вот «Сторона любимая...» и «Дождь перестал, как по указке», думаю, органичны в книге и сделаны. У него свой аршин неприятия. В конце рецензии он навешивает ответственность какую-то. Смотри-де, пиши лучше, а не то... Это тоже известный прием, которым пугают и сбивают с толку. Все это вводит автора, как мне кажется, к излишним сомнениям, неуверенности, застою. Ведь бывает, что поэт, набрав какой-то потолок, долго идет так, а потом – взлетел еще выше. Это же сложно все, и надо понимать. А напиши я сейчас книгу чуть похуже «Земли», тот же Махалов с радостью крикнет на всю область: не оправдал, исписался, сник и т. д.

Миша, не подумай, что я оправдываю свои слабые вещи – ни боже мой! Ты же знаешь, что я всегда за конкретную, честную, понимающую критику, а не за беглую и субъективную. Не было еще поэта, у которого бы все принималось безоговорочно, а у меня, грешного, недостатков больше, чем у кого-либо. Я это понимаю. Я просто не люблю Махаловской манеры, метода.

Вот если б я тебе сказал, что-де пиши лучше, от тебя ждут, оправдай – ты бы сказал мне не что

иное, как: «Пошел ты...», ибо никто не знает, что и как он завтра напишет. Все может быть. Думаю, что каждый сам стремится написать лучше, глубже, ярче, и не надо никому, чтоб Махалов об этом напоминал. Жаль, что он сам об этом забывает.

А так – приятно, что есть рецензия, отклик. Бельчик, говоришь, взял стихи. Хорошо бы напечатать.

Замерзаю, Миша. Холодно по утрам в Москве, а я, дурак, не взял теплых вещей из дому. Понадеялся на «Октябрь».

Спасибо, Миша, за услугу. Перепечатывать-то не надо было. В ред. бы перепечатали, если бы решили дать. А то у тебя своей работы через край, а тут еще я.

Домой хочется – страсть. Хоть бы на денек-другой. Ты вот говоришь, что я могу остаться где-то здесь. Нет! Никогда! Я слабая в этом отношении деревня – не приживусь ни в какой иной земле, хотя она везде своя. Здесь мало написать стихи, даже отличные. Их еще надо печатать. А это ох как трудно. Сходиться с людьми я не умею, лебезить, пресмыкаться – тоже. А таких не любят и не понимают. Был бы я моложе, с неустойчивым еще характером, неокрепшим, то, может быть, и можно было метаться, искать чего-то. А сейчас и оставили бы здесь, так не остался. Не могу без мест, где знаю каждую тропку, речку и т. д. И не люблю людей, у которых нет такой привязанности к родным каким-то местам. Я их просто не понимаю.

Вот бы встретиться, Миша. Наговорились бы до хрипоты, только бы сигареты отлетали. Встречи с тобой и простые наши беседы я вспоминаю, как самое дорогое.

Хочу, чтобы между нами никогда не пробегала никакая тучка, ни сквознячок – ничего. Это сохраняется только при честных и искренних отношениях, которые, я думаю у нас были и есть. Надеюсь, что будут всегда.

Ну, ладно, Миша. Пиши, когда будет время. Будь здоров.

Виктор. 30.IX.67 г.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Миша, здравствуй!

Приезжаю сегодня из Ясной Поляны и вижу твое письмо. Очень обрадовался. И стихи Махалова прочел бегло – рифмовка его отталкивает, наверно, даже человека плохо мыслящего в поэзии. К тому же все они придуманы и реминисцентны, как всегда у него.

Сегодня в 7 утра мы отчалили из Москвы к Туле. Дорога великолепна, погода – тоже, ну а природа Подмосковья, сам понимаешь, чудесна. Золото сплошное. По пути заехали в городок Чехов, а поранешнему – Лопасня. Сохранился в нем дом Ва-

сильчиковых, родственников А. С. Пушкина. После смерти Ал. Сергеевича дети его находились в основном там. В этом доме после останавливались Гоголь, Чехов, Горький, Л. Андреев, Л. Толстой. А. П. Чехов в этом районе на свои средства привел в порядок дороги, открыл 3 медпункта, школу и т. д. Здесь же, в Серпухове (12 км от Лопасни), он написал очень много своих произведений.

Рядом с домом – церквушка. Это очень интересный памятник старины, а главное, там похоронен сын Пушкина Александр Ал., генерал от кавалерии. Умер в 1914 г. Рядом – его жена. Но, осматривая эти дорогие места, возмущаешься до глубины души бездушным, безалаберным отношением к ним: церквушка приспособлена под склад: из нее несет гниль и плесень. Все в заброшенном состоянии. Больно и обидно все это.

Ясная Поляна содержится хорошо, но и над ней нависла большая опасность: в 2-х километрах от нее построили огромный химкомбинат, и весь дым, газ, чад оседает на заповедный лес и деревья гибнут от этого. На кой черт этот комбинат тут нужен? Его можно было построить в другом месте, ведь он работает на привозном сырье, и топливо тоже привозное.

Музей этот первый в мире по количеству подлинных вещей (более 2 тыс.). Все сохранено от Л. Толстого. В этом заслуга его жены – С. А. После революции было здесь много разной залетной птицы, которая хотела скупить за большие деньги хотя бы незначительные вещи Л. Толстого. Но она не продала ничего, а в 1921 г. здесь и открылся музей-заповедник по настоянию и предложению В. И. Ленина. Площадь усадьбы более 400 гектаров. Великолепный лес – дуб, ясень, вяз, береза и другие породы. Множество аллей, прудов, тропинок. На могиле его – ни креста, ни обелиска – ничего. Простой земляной зеленый холмик. Так завещал. В войну немцы рядом с ним хоронили своих офицеров, а после войны их выбросили. Работа, говорят, была очень сложна. Участвовала целая комиссия судебных экспертов и других специалистов. После об этом говорили на Нюрнбергском процессе. Вообще, впечатлений такая огромная гора, что давит. Может быть, я описываю элементарные, известные тебе вещи, но вот не могу удержаться. Какое-то взбудораженное состояние. Подробнее обо всем потолкуем при встрече. На праздники нам обещают сделать долгий выходной – с 4 по 14 ноября. Многие ребята хотят слетать домой. Я вот тоже сижу и думаю: а не махнуть ли и мне.

Дело в том, что я записался на демонстрацию, думая, что все равно делать ничего не буду и никуда не поеду. Я не знал, что такой большой выходной дадут. А являться на демонстрацию строго всем записавшимся, как нам сказали. Попробую уговорить

начальство. Что-то загорелся мыслью о доме. Думаю, не будет большим преступлением, если я не явлюсь, правда?

На днях насмелился и пошел в «Смену». Отдал 10 стихотворений в секретариат (там работает отв. секретарем мой знакомый Альберт Лиханов, бывший работник ЦК ВЛКСМ). Он взял взял, но ничего не сказал. Просил позвонить дней через 10. Может, что-то и возьмут. Хорошо бы было. Он спросил у меня, печатал ли я стихи в московской периодике из тех, что вошли в кн. «Моя земля». Я сказал – нет. Говорит, что если не наберется цельная подборка из стихов, мною принесенных, то он на свой вкус попробует взять из книги. Страшного-де в том ничего нет. Но это они всегда так говорят. Я уже никому не верю, пока не увижу стихи напечатанными. Все не только от него зависит. Там сильная редколлегия и вообще...

Был на днях в библиотеке им. Ленина, в отделе редких книг. Походил, посмотрел. Есть очень интересные книги, начиная от первоначального «Апостола» и до наших дней. Не только наши, но и заграничные.

Вот такие новости у меня, Миша, за прошедшую неделю. Вообще, живу насыщенно, плотно. Больше ничего не написал пока, некогда было. Может о Ясной что-нибудь напишу, но надо подождать пока перебродит, уляжется.

Посылаю тебе кленовый листок из Ясной Поляны.
Всего хорошего. Виктор. 6.X.67 г.

Тут хочется немного отступить от переписки и напомнить читателю то стихотворение, которое родилось у Михаила Небогатова в связи с этим дорогим для него подарком:

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТОК

Из далекой из Ясной Поляны
Вместе с грустью задумчивых строк
Получил я от друга неожиданно
Золотистый кленовый листок.
Угловат, невесом и неярк.
Отзвенел на ветру и увял.
Но как дорог мне этот подарок,
Как он сильно меня взволновал...
С юных лет представлял я Толстого
Мудрецом, величайшим творцом.
Для меня он был вроде святого
С бородатым и строгим лицом.
А сегодня живого живее
Я увидел властителя дум
Просто старцем на летней аллее,
Где и солнце, и лиственный шум.
Одиноким раздумий любитель,
Он шагает. Вблизи никого.
И зеленая эта обитель –
Не музей, а усадьба его.

Вот присел на скамейку под кленом
 В светлом мире деревьев и пчел,
 Вскинул брови и взглядом влюбленным
 Все вокруг, как хозяин, обвел.
 Скрылось солнце...
 При ламповом свете
 Он опять за столом над строкой.
 И уже не старик в кабинете,
 А бессмертный художник Толстой!
 ...Льну глазами к листку золотому,
 Затаенно гляжу не дыша.
 Вновь как будто к чему-то святому
 Прикасается тихо душа.

Комсомолец Кузбасса. 1968. 15 июня. С. 3.

Продолжим листать письма.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Миша, здравствуй!

Получил письмо из дому и от тебя – радостно.

Репортаж твой мне понравился хорошей простотой и понятностью. Это я говорю с точки зрения рабочего человека, ставя себя на место любого рабочего. Думаю, что этому виду чужды накруты и какая-либо усложненность. А у тебя и славословие (в хорошем понимании), и душевная теплота, и гордость рабочим классом. Мужикам он будет очень по душе.

Рецензия на мой сборник тоже хороша. Не потому, что хвалит меня, а по манере, по тону и отношению. А. Ф. восстает там против такого построения фразы: «Лодка тихо и утло к теплоходу плыла». Ты как думаешь, правомерно ли такое построение? Мне кажется – да. Говоря о бревне, скажем, я бы не сказал «утло». А, читая о лодчонке, читатель, думаю, сам в уме построит обычную разговорную конструкцию: утлая лодка тихо плыла к теплоходу. Думаю, в поэзии могут быть такие смещения, только надо знать меру им. Возможно, я тут загнул сверх меры? Как тебе?

Ну, моя жизнь идет эти дни плавно, без особых каких-то новостей. Немного приболел – простуда. Чихаю так, что, кажется, легкие выскочут из груди. Дня три назад захандрил, написал вечером тебе письмо тоскливое, отчаянное какое-то. А утром передумал отсылать, потому что это была «тоска момента», если перефразировать В. Изм. Вообще часто бывают угнетающе-тоскливые часы. Хожу, бывает, один по этажу, который можно представить по одной строке С. Есенина: «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», и такая нападёт грусть, что невозможно представить...

...Познакомился здесь с В. Гордейчевым. (Приезжим писателям за неимением гостиниц дают комнаты в нашем общежитии.) Парень – чудо. Спокойный очень, простой, умеет слушать других и ценить работу других. Обменялись с ним книжками с

автографом. Вася Казанцев тоже здесь живет. Видел его у подъезда, обещал зайти вечером. Он парень обычный и не пьет.

Домой, Миша, не удастся съездить на праздники. Отменили нам сии выходные. Говорят, мол, вас потом до конца ноября не соберешь.

Я написал Тоне, чтоб приехала дня на 3–4. Десять дней возьмет без содержания и ей хватит. Ко мне поездом, а отсюда отправлю самолетом. Привезет мне свитер, пиджак теплый и т. д. О Ясной еще ничего не делал. Боюсь, что не напишу. Сейчас не пишется пока, а потом на свежие впечатления наслоится всякой всячины и может затушевать их. Хотя все равно где-то когда-то, видимо, напишу.

Но зато сочинил стишок об одиноком журавле, которого видел на Пахре. Посылаю тебе – почитай и скажи – как он тебе? Итак, Миша, за полтора месяца я написал здесь 6 стихотворений. Правда, два из них по старым заготовкам. Думаю, это не плохо. Если так будет писаться, то хорошую книжку можно будет написать за 2 года. Я имею в виду объем, конечно. Листа 2,5 можно. Но ведь у нас зачеты в конце каждого семестра и нужно будет корпеть над конспектами и книгами. Правда, зачеты будут не по всем предметам, а только по эстетике, политэкономии, заруб. лит. и спецкурсу по Достоевскому.

Вообще, Миша, страшно интересно все, любая наука, когда она в системе, во взаимосвязи с другими науками и с самой жизнью. Преподают очень толково и так смело, что у нас на периферии уже давно бы от многих избавились.

Семинары творческие будет постоянно вести А. Межиров. Уже провел 1 занятие. Мужик вроде ничего, хоть с первого знакомства трудно сказать что-либо. Он не из тех, что видны сразу до конца. Глазами красив, бабам, наверно, нравится. Выглядит довольно молодо.

О судьбе своих виршей в «Смене» еще не узнавал. Во вторник сбегая.

Да, надо бы забежать в «Сов. Россию», напомнить о себе и сказать, что я в Москве. У Васи Каз. книга планируется на 1 кв. Так уже начинают работать с ним.

Васька хвалил твои стихи. Говорит, что не помнит – то ли в «Сиб. огнях» или в вашем альманахе читал подборку, и все понравились. Мне было приятно это слышать.

Перепечатал 15 стихотворений для обсуждения на семинаре. До меня уже двоих разбили в пух и прах. Но стихи были действительно слабые. Дадут и мне, не без этого. Это пусть. Если будут дельные замечания, то почему не прислушаться к ним.

Ну, ладно, Миша. Уже половина двенадцатого у нас, пора на покой.

Бывай здоров.

Виктор. 15.X.67.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Миша, здравствуй!

Получил твоё письмище вчера вечером, а отвечаю сегодня вечером, т. е. 21 окт.

Хорошо, что хоть ты меня не забываешь и очень часто и подробно пишешь мне. Очень рад, что вирши показались тебе не совсем плохими в целом. С замечанием твоим вполне согласен. Надо поправить строку о крыле, это не трудно. Просто я не заметил этого грешка, когда написал его.

На днях приходил к нам на ВЛК Арсений Тарковский. Читывал такого? Я помню, что видел стихи его в магазине, но не купил его – не понравился чем-то, а чем именно, я понял только после этой встречи: холодностью, сухостью, умозрительностью. Видишь только, что он блестяще владеет формой, знает все тайны мастерства. Иногда царапнет за душу, а когда вдумаешься, то поймешь, что царапнул опять же мастерством. Мастерство у него достигло такого уровня, когда его, мастерство то есть, можно принять за чувство. Я совсем недавно понял, что и под чувства можно подделываться.

Ведет себя высокомерно, как бы познавши все тайны бытия. Не советовал читать стихи других поэтов.

О Пушкине сказал, что он ничего не создал в поэзии нового, а только собрал и придал стройность всему, что было до него. Ну, я уже не удивился этому. Я уже видел всяких ниспровергателей похлеще Тарковского. Да и ты их видел и читал. Я вот слушаю его, и во мне злоба закипает: какой-то гном позволяет себе так просто и даже с оттенком превосходства говорить, да о ком – о Пушкине! Я слушал, слушал, а потом стал с откровенной иронией улыбаться, глядя на него. Обнаглел тоже. И понимаешь, он не стал на меня смотреть. Думаю, понял мои мысли о нем.

Ну, ладно, бог с ним, расскажу лучше о сегодняшнем дне. Сегодня, т. е. 21 окт., я был на объединенном пленуме работников творческих. Проходил он в великолепном Дворце съездов. Я был первый раз в нем, и даже он мне понравился – чудо. Встретил Женю Буравлева, поболтали. Вообще много было звезд. Видел Твардовского и Рыленкова, Федина и Тихонова, Симонова и Вознесенского, Расула, Кайсына, Соловьева-Седого, Хачатуряна, Хренникова – словом, легче перечислить, кого не было на этом пленуме. Выступления были официальные. Кроме секретарей творческих союзов выступили только О. Гончар, А. Тарасов, А. Баталов, А. Хачатурян и еще кто-то из композиторов. Потом заключительное слово Фурцевой, и на этом работа пленума была закончена. Вообще очень интересно было в перерывах. Понаблюдал немного за Вознесенским. Он сидел немного сбоку и сзади меня с Ахмадулиной. Тоже дерганый, пижонистый, сидел, гримасни-

чал что-то и громко смеялся, обращая на себя внимание.

После пленума мы с Женей взяли такси и поехали по магазинам – Женя что-то искал себе, но так и не нашли что надо. Наездили 10 р. И поехали ужинать в ЦДЛ. Пить не пили, только поужинали и уже направились в гардероб, как видим – навстречу идет В. Измайлов. Мы вернулись и выпили вместе по чашке кофе. За нашим столом был еще Гордейчев. Володя прочел свое новое стихотворение «Дикарь», надеясь поразить нас. Но Гордейчев разложил его по косточкам так, что дым от Володи пошел. Он покраснел, глаза загорелись, пробовал защищаться, но защищался многословно и путано, а Гордейчев его очень умело и кратко садил всякий раз на место. Потом Володя наш простился и, сказав, что его ждут друзья, удалился. Мы взяли такси, Женя проводил меня и уехал к себе в «Россию». Завтра увидимся, может быть. Олег Дмитриев пригласил на день рождения завтра, но я не пью и не пойду, наверно. Парень он отличный, позвоню завтра и сошлюсь на какую-нибудь занятость. Неудобно хитрить перед такими парнями, как Олег, но приходится, а то – гибель.

Володя Изм. хвалился, что его книжка в «С. России» – лучшая по качеству, и возмущался, почему не дали массовый тираж. Уже, говорит, звонки в магазин и в издательство со всех концов Москвы: где, мол, книга Измайлова продается?

После этих славословий себе, хотя он делает это вскользь, как бы между прочим, он как-то не стал пользоваться вниманием за столом и мне его даже как-то жалко стало. Сколько ему понадобится сил, здоровья, умения жить среди этих людей, чужих ему, безразличных к его судьбе. Зря, думаю, уехал он из Кузбасса, где знали его и относились к нему все же неплохо. Всего этого ему тут не выдать, а если увидит отчасти, то стоить ему это будет очень дорого. Какой-то он неестественно-живой, деятельный, но все равно жалко его и смотреть на него мне невесело было. На днях он обещал заехать в общежитие ко мне и Гордейчеву (он еще живет у нас в общ.). Володя, как я понял, хочет на всякий случай застолбить и там место, в Воронеже. Это на случай, если не поживется в Кишиневе и не добьется Москвы. Надо бы посоветовать ему не выпендриваться перед Гордейчевым – тот парень умница, и Володя где-то может перегнуть и не понравится ему.

Володя будет в Москве долго, видимо. Говорит, буду, мол, навещиваться в бюро по обмену с тем, чтобы, долго не засиживаясь в Кишиневе, сразу – в Москву. Не знаю как это ему удастся. В ЦДЛ – он свой человек, а друзья у него все кучерявы.

Ну, ладно, Миша, может, все это неинтересно, а я расписываю.

Уже второй час ночи, а я вот пишу от этой поздноты еще более бессвязно и косноязычно. Но ты меня знаешь, я глаже не могу.

Будь здоров, Миша. Всего тебе хорошего.

Виктор. 22.X.67.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

Миша, здравствуй!

Как живешь-можешь? Что новенького в твоей жизни? У меня пока все идет спокойно. Эту неделю не учился – болел. Просквозило где-то, поднялась температура, пришлось вызывать врача на дом. Завтра, т. е. в субботу, иду в поликлинику. Черт, никак не могу привыкнуть к этому климату и сквознякам. Да не один я, а нас тут человек 8. Есть ребята еще в худшем состоянии, чем я.

Володю Измайлова больше не видел. В ЦДЛ не был, а он не приезжал в общежитие, хотя обещал Гордейчеву. Видимо, пересмотрел планы относительно Воронежа.

Встречался я с Астафьевым. Он у нас живет. Говорить, правда, не говорили – некогда было. Вечером, наверно, схожу к нему – звал.

Четвертого ноября еду в Домодедово встречать жену. Пусть поглядит, как я устроился. Ну, по магазиншам побродим и т. д...

К Москве я привык. День буду ездить, бродить и не устаю.

Писать не пишу – голова болела страшно. Сегодня первый день отпустило. Даже почитал Платонова. Знаешь, Миша, действительно хороший писатель. Многими вещами мне понравился очень. Редкостный писатель по языку. А вот Достоевского все не могу начать, хотя у нас по нему зачеты («Преступление и наказание»). Без него грусть-тоска, а начитаешься на ночь Дост. – совсем одуреешь.

Соболев А. вернулся из свадебного путешествия по югу и, прожив у меня 2 дня, отбыл в Пермь. В. Астафьев говорит, что, мол, с квартирой дело там не в ладу и книжку сдавать в набор будут в ноябре. Соболев имеет большую пробивную силу. Наверно, пятый раз издает и переиздает свои повести и рассказы. Ну, бог с ним.

А «Кузбасс» меня маринует. Хорошо бы хоть до праздника прислали. А может быть, уберем адрес? Я напишу, наверно, на бухг., а то тебе тоже неудобно снова напоминать им.

Ну, ладно, Миша. Будь здоров и весел, хорошо проведи праздник, но много не принимай ради здоровья.

У нас уже снежок, должно быть, залетывает. Здесь пока тепло.

Ну, всего хорошего.

Виктор. 28.X.67.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

Дня два назад я жаловался тебе, что «Кузбасс» забыл обо мне, а сегодня беру свои слова обратно. Получил 82 руб. Заплатили, как видишь, хорошо. И приобрел я себе зимние ботинки чехословацкие за 32 р. Больно уж понравились.

Говоришь, выбил 2600 строк? Это, конечно, не очень много, если взять все тобою сделанное, но что поделаешь? Хорошо и так. Сборничек вообще будет пухленький. Название мне нравится: «Свет в окне». Только одно немного настораживает: у нас часто о ком-нибудь и о чем-нибудь говорят осуждающе-иронически: «Тоже мне – свет в окне». Не будет ли это бросать тень на название? А так все хорошо и таких названий я не слышал. Ты позвони И. Балибалову, он дотошный и чувствует слово. Я – за.

Я же новых стихов пока не написал. То некогда, то болел. Сейчас давление сбил до нормального, но сильно утруждать себя, утомлять пока рискую не очень. Надо постепенно. Кроме всего я бросил курить. Уже две недели не вижу папирос и, надо сказать, тяги особенной не испытываю. Вот и не сажусь за стол. Думаю, что не выдержу и закурю. До праздников не буду писать. А там можно месяц поработать и начинать готовиться к зачетам.

Володю Измайлова я больше не встречал. Я в ЦДЛ не навязываюсь – нечего делать в этой яме. То, что ты пишешь о Лие, похоже на нее. Но неужели она в Кемерово? Ведь Володя говорил, что она, мол, в Кишиневе сидит, а я-де тут ищу возможность обмена уже Кишинева на Москву. У этого «прямого» человека без пол-литра не разберешь что к чему. Сейчас он занят организацией рецензий на книжку. Сия компания изрядно вывернет ему карманы. Я уверен, что он не уедет из Москвы, не организовав рецензий в двух-трех журналах. Ну и пусть. У каждого своя дорога.

Я на днях заходил в «Сов. Россию», но застал там только В. Кострова. Он работает в отделе поэзии национальной. Он, естественно, ничего сказать мне не мог о моем сборнике. Пришлось звонить. Валентин Ермаков (редактор, поэт) сказал мне, что книга отдана художнику на оформление. В декабре думают сдать в набор. Правда, он мне ничего не говорил о стихах. Пообещал разыскать меня, когда понадобится.

Миша, а что если тебе так исподволь отпечатать листа 3 лучших на твой взгляд стихов и послать им? Пусть полежит год – два, время быстро летит, глядишь, и выйдет. Думаю, оно не лишнее тебе будет. Мне кажется, что отнесутся к твоим стихам очень хорошо. А если хочешь понадежнее, то передай Жене, когда он поедет в Москву, или мне после Нового года. Наша нерешительность всегда против нас же и оборачивается.

Ну, у меня пока все по-старому. Новостишек вроде нет. Стихи мои пока не обсуждали. На семинар к нам приходил С. Марков. Ты же знаешь, что стариков молодые не очень жалуют, но этот старик всем понравился: и говорил толково, и стихи хорошие читал.

Читал ли ты Вознесенского? По-моему, он уже помешался на этих писсуарах, не имеющих никакого отношения ни к Сибири, ни к поэзии вообще. Он меня раздражает. Я уже, как блевотину, не могу его переносить.

Поначалу я терпел его, думал, что он найдет что-то оригинальное, интересное. Теперь вижу, что запырхался в мусоре, повторяется, и из всего хлама прет одно – «Я». По-моему, это не поэзия, а безобразие какое-то. Он уже многих сбил и еще многих собьет с пути истинного. Это скорее не «за рев.», а «за «б».

Ну, ладно. Он же гений, и не нам, простым смертным, обсуждать дела, им содеянные. А вообще пора бы этого гения изловить в темном месте да ремешком по седалищу, чтоб писал вразумительно и к душе русскому человеку.

У нас, наверно, снежок залетывает? Здесь уже все голо, но зимой пока не пахнет и странно как-то слышать, что где-то уже мороз до 30°.

Ну, пока, Миша. Привет Марии Ивановне большущий, пусть тебя не обижает.

Доброго здоровья, веселого праздника!

Виктор. 137

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

Напрасно ты беспокоишься, что задал мне хлопот. Забежать в универмаг мне не составляет никакого труда, что я и делаю каждый день. Но пока ничего нет. Шаром, как говорят, покати. Есть размеры 39 – 40. Я тогда как-то просто счастливо наткнулся. Такая досада, Миша, а что поделаешь. Тоня тоже искала кое-что из обуви, да так и уехала ни с чем. Я вот уже неделю ищу шапку себе. Хотелось бы меховую какую-нибудь. Объехал все магазины Москвы, но... Берут где-то люди не только заячьи, но и ондатровые, а мне вечно не везет.

Настроение паршивое. Думал что-нибудь поработать, но у нас отобрали творческие дни за долгий праздник, а в дни занятий никак не получается. Приезжаю в 5 домой, пока сготовишь что-нибудь перекусить, то – смотришь, уже 8 часов. Да и вообще после 6 часов лекций не работает. Кроме этого надо много читать. Недавно с горем пополам прочел «Преступление и наказание» Достоевского. Сроду б не стал читать его, если б не зачеты по нему. Страшные книги, как он только их писал. Еще нужно обязательно прочесть «Семью Тибо» и Экзюпери кое-что. И на все время надо, и немалое. Пока

что до Нового года я уже твердо отложил перо в сторону.

Здоровьишко так себе. Дома, может быть, уже поправился бы. Здесь же нет возможности и дня высидеть дома, не выходя на улицу, а врач рекомендует как можно меньше бывать на улице. Видишь, Миша, я очень много курил на заводе, и вместе с дымом вдыхал в себя порции газа. А результат плачевный: воспаление дыхательных путей и раздражение слизистой оболочки носоглотки. А при сыром климате это особенно обостряется. Мне уже гораздо лучше. Скоро холода подсушат воздух, и, может быть, совсем поправлюсь.

У тех ребят, с которыми я как-то больше сдружился, теперь жены. Приехали. Вообще не разрешают, но у нас же все обходится. Так что я теперь совсем один. Совсем отшельником стал. А это редко какой оптимист выдержит. Но я ничего пока, держусь, умею пока не скучать один. Лежу и придумываю себя в самых различных ситуациях и местах. Иной раз такой сложный сюжет закручу (где я сам, разумеется, главный герой), что просто диву даюсь – до чего забавно и увлекательно.

Стихи мои будут обсуждаться 23-го. Прошлый четверг вместо обсуждения приходил к нам режиссер Чухрай. Слушали его с большим удовольствием 4 часа без перерыва. Очень талантливый человек и красавец-мужчина. Говорил много интересного о западных фильмах и наших. Беседовал с нами также В. Ардаматский – «Сатурн» почти не виден». Сам он, видимо, не очень интересный, но рассказал много интересного о работе в архивах, о сличении наших и немецких архивных документов и т. д. Сейчас он написал повесть о Борисе Савицком, опубликовал в «Неве» № 9–11. Надо будет почитать – там много познавательного и почти нет, как он говорит, вымысла. Ведь эта операция разрабатывалась и осущ. при активном участии Дзержинского, Менжинского и др. Но представляешь, как все забывалось в N-ые годы. На всех папках печати 1925 г. И никто к ним с тех пор не притрагивался.

У нас-то, Миша, снежок, морозец, наверно. А здесь слякоть, сырость промозглая. Останкинская башня видна до половины. Другая половина в тучах где-то. Вот смотрю на нее, а мысли далеко, в Сибири. Скорей бы декабрь пролетел, числа 27-го дома должен быть.

Володину книжицу так и не купил. Забегал в лавку, но забыл спросить про нее. Купил Твардовского и Ручьева. В ЦДЛ хороший книжный киоск, но я туда не хожу, хотя вот и сегодня был рядом.

Володя теперь уж, наверно, отбыл на юг, к новым своим пенатам. Ко мне так и не наведалься. Да что ему я!

Смотрел ли, Миша, четвертую серию «Войны и мира»? Я смотрел. И вот теперь уже вся она перед

глазами и, знаешь, не очень-то, не фонтан, как говорят. Это скорее по мотивам романа. Местами он, мне кажется, опускает много толстовского, сильно-го и акцентирует внимание на ситуациях и картинах, актуальных сегодня. Смещение некоторое. Может, так и надо, и это специально. Не знаю.

Ну, пока, Миша. Привет Марии Ивановне.

Виктор.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

Наконец-то обсудили мои стихи. С этого начинаю потому, что более важного чего-то не было за эти дни в моей житухе.

Начали обсуждать еще на той неделе, но не уложились в 2 ч. И сегодня, т. е. 30-го, закончили это дело. Обсуждение вообще было объективно. Каждый начинал с того, что стихи искренние, от души и т. д. Много было сказано в мою пользу, хотя и все отрицательное, разумеется, тоже в мою пользу, т. е. на пользу мне. Особо говорили о некоторых длиннотах, пространственности, как любит выражаться Абрамович. Есть разжевывание и неряшливость в отделке, неточности. Хороших слов было примерно столько же, сколько и плохих. Были и нелепости, которые я отвел, не принял. Например, говорил один друг, что «птицегрудые» – плохо, и почему, мол, именно в три струны трезвонил ветер, а не в четыре – до чего ограничено, узко люди судят и понимают язык поэзии.

Межиров же говорил не очень много и главное, что он подметил – это то, что школа (под школой он понимает общую культуру, прочитанное, внушенное, перенятое и т. д.) стоит намного ниже природной одаренности... Он говорит, что редко бывает в жизни соответствие одаренности и школы. Обычно школы больше у людей. Говорил еще о том, что замысел иногда превышает уровень решения, воплощения. Редко, но чувствуется «жесткость конструкции», как он выразился. В лирическом стихе, мол, можно не всегда гнаться за точной рифмой и четким размером, иногда можно этим и поступиться. Вот, в основном, все, что он говорил. Короче говоря, можно с ним соглашаться, а можно и не соглашаться. Да он и сам говорит, что слушать слушал, но не брал это в качестве канона, эталона.

Ну, человек он большого опыта не только поэтического, но и как руководителя семинаров, и слушал я его с большим вниманием и доверием. Настроение от сей компании осталось прежнее, основных творческих принципов моих не поколебали – все хорошо. Со многими замеч. согласился. Ну, все остальное тоже пока хорошо.

...Сегодня последний день месяца. Осталось еще 25 дней, а терпежу нет никакого. Так и ушел бы пешком домой. В Москве мне совершенно не нра-

вится. Город, сам знаешь, чудесный и т. д., но не для моего полевого характера. Сейчас я в этом убедился твердо. Очень томит одиночество...

Погода сейчас в Москве – чудесная. Тепло и снег идет все дни.

Из книг я ничего хорошего пока не купил. На днях, правда, приобрел «Битву за Кавказ» Гречко. Но книга мне не понравилась тем, что очень суха – сплошные цифры, даты и обозначения частей и т. д. Нет живинки. Причем, это не воспоминания, а с претензией на некое научное пособие. Говорит не об армии, которой командовал, а обо всем, что делалось на всем Северо-Кавказском фронте.

Больше в этой серии новинок нет пока. Хотелось бы заполучить книгу конструктора Яковлева. У нас она прошла как-то незаметно, видно, в мое отсутствие. Говорят, хороша... На Арбате есть магазинчик военной книги, надо бы наведаться.

...О рецензии твоей, Миша, судить не могу, потому что книжки не читал. А так написано хорошо. Ты купи на меня 1 экз., а то разберут к моему приезду. Книжка должна быть интересной, свежей – первая. Хотя мне не нравится его рифмовка, почти евтушенковское: «Чемберлен – человек». Ерунда какая-то. Надо Межирову сказать – вот, мол, ваша «ослабленная конструкция». Что же в ней хорошего? Межиров очень любит Есенина и превозносит на все лады. Ругает Твардовского за то, что он в статье об Исаковском говорит, что Исаковский-де понял, куда идет деревня, а Есенин нет. Межиров говорит, что Есенин все понимал лучше И. и Т. вместе взятых. Ну, и много другого хорошего о нем.

Ну, ладно, Миша. Как бы мне прокуковать еще месяц? Настроение такое, что и за переводы не хочется браться – неделю лежат на столе...

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

Совершенно солидарен с твоими возмущениями по поводу обсуждения моих стихов. Я, честно признаться, не придаю этому обсуждению особого внимания и значения. Почему? Потому, что ожидал большого, серьезного разговора, но не получил его. Самая сильная (я считаю) сторона стихов – задушевность, естественность интонаций, язык – были опущены совершенно. Об этом даже и не сказал никто. Да и кто мог сказать, если на семинаре 3 человека, которые знают русский язык. Но и то знают, так сказать, общелитературный язык, грамматику. А нюансы, оттенки этимологические и другие, дух языка – никто не знает. Я пожелал говорить об этом и Межиров. Вначале он покорила меня эрудицией, но сейчас, подумав, я изменил свое отношение ко всему. И если я сразу как-то поверил, что семинары именно могут дать больше всего пользы, то сейчас ясно вижу, что наоборот. Мне больше всего

дают лекции по языку художественных произведений – стилистика. Очень ценные, необходимые нам лекции, тогда как семинары идут на уровне лит. групп. Ценным считаю также теорию литературы.

В смысле вообще приобретения знаний, считаю очень интересным предметом политэкономия и менее – философия. Но есть предметы, которые в общем-то мало что дают, добавляют к тому, что я уже знаю. Это такие лекции, как «Русская лит. (19 в.)», «Зарубежная литература», «Изобразительное искусство» и другие. Эти лекции наиболее обзорны, поверхностны и ничего почти нового не дают. Здесь более интересны всевозможные экскурсии в историю.

Живу ничего пока. Курево уже вылетело из головы, и уже не нужно усилий для того чтобы побороть желание закурить. Но писать не пробовал еще. Подошло время усиленно готовиться к зачетам. Повторяю кое-что по конспектам.

Погода теплая очень. Навалило снегу, и теперь этот снег тает – сам представляешь, что это за ерунда. Вода и сверху и снизу. Не знаю, в Москве ли Володя Измайлов. Он ко мне не заявлялся, а я в ЦДЛ не хожу. А это единственное место, где его можно встретить наверняка. Но, думаю, вряд ли он уже успел переехать в Москву. Просто, видимо, наездом. Благо, теперь он не очень далеко живет.

На днях один студент передал мне записку, в которой был номер телефона Бельчика. Он был в Москве, звонил в общежитие, и студент этот, проходя мимо, взял записку, чтоб передать мне (телефон на 1-м этаже). Но, не найдя меня, он не сунул бумажку в дверь, а положил себе в карман (был в подпятии). Мне эта бумага попала лишь через неделю. Очень обидно. Неплохо бы повидаться, поболтать. Увидишь Бельчика, скажи, как получилось, что я не смог ему ни позвонить, ни вообще знать, что он в Москве. У нас плохо с вызовом к телефону. Живем на 7-м этаже, телефон на 1-м, и чтоб кого-то позвать, надо подняться, а лифты не работают. Кого-нибудь пошлют крикнуть, он пока идет – забудет, кого надо позвать, махнет рукой и уйдет к себе. На этом и кончается.

У нас сейчас открылись двухмесячные курсы писателей, пишущих на молодежные темы. В одном здании с нами. Из Сибири очень мало, больше из республик. Приехал В. Коротаяев из Вологды. Встретились как старые знакомые. Хожу к нему – очень люблю слушать вологодский выговор. Стихи у него хорошие – русские и без выкрутасов. Одну книжку он мне подарил.

Книг хороших пока не приобрел. Завтра поеду специально...

Ботинок, Миша, не вижу – вот беда. Есть малые размеры – 39–40. Возможно, и бывают, но надо караулить. Когда я искал шапку, один продавец ска-

зал мне: «Мы сегодня целый час торговали шапками, но сейчас уже нет их». Т. е. тот, кто случайно оказался в это время возле, тот взял. Или тот, кто с утра дежурил и знал, что будут давать. Это же такая прорва, какой и представить невозможно. Деньги везде ношу при себе на случай, если что-то увижу, но... Может, где-то выкинут, но их хватает тоже не более как на час. Немудрено, если учесть, что через Москву проезжает только более миллиона человек в сутки, не считая половины этой цифры командировочных и т. д. Но, может, что-то улыбнется

У нас, наверно, морозец крепчает. Вот плохо, что снегов нет. Я люблю снежную зиму.

Ну, ладно, Миша. Пока. Будь здоров и всего тебе хорошего.

А слухам, что в Кузбасс не вернусь, – не верь. Не вернусь только в том случае, если не буду жив. А жить я люблю. Хочу жить долго.

Виктор.

Привет Марии Ивановне.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

Получил вчера аж три письма – из дому, от тебя и от Женьки Буравлева. Пишет Женя, что скучно, все разбрелись по своим углам, все своим делом заняты. 25-го дек. будет в Союзе совещание-семинар молодых прозаиков. Сразу же, видимо, будут рекомендовать достойных в Союз. От нашего отделения приедет Генаша Емельянов. Если у меня будет время, то я постараюсь быть на этом семинаре. Но это вряд ли. 25-го, 26-го, 27-го у нас зачеты за 1-й семестр. А зачеты не с утра, а после лекций. Так что с утра на лекциях, а после четырех – зачеты эти самые.

Был на днях в «Сов. России». Ходили с В. Коротаяевым (у него тоже книга на 1968). Ему показали обложку, но она не понравилась, и ее будут переделывать. А эскиз моей обложки художник уже приносил в изд., она была одобрена, и сейчас этот художник работает над ней. В. Ермаков (редактор) парень хороший. Русак из Тульской или Ростовской области... По стихам мы ничего пока не говорили. Коротаяеву он сделал некоторые замечания и сказал, что-де не настаивает на переделке. Смотри, мол, сам, можем выпустить и в таком виде, какой стихи имеют. Короче говоря, очень не навязывает свою волю. А парень понимающий (он – поэт и неплохой).

Видел в изд. В. Кострова и В. Парфентьева. Парфентьев спрашивал о Володе Измайлове – как он там? Для него было неожиданностью то, что Володя уже в Кишиневе. Из этого разговора я делаю вывод, что слухи о проживании Володи в Москве ложны. Уж Парфентьев знал бы это – из ЦДЛ не вы-

ходит. Он же всегда приписывает Володе то, что, наверно, удивляет самого Володю.

Кортаев звал сегодня к Викулову, но я не пошел, неудобно. Если случайно сведет судьба – другое дело, а идти специально не хочу. Был бы он просто поэт, а то ЗАМ, шишка. Кстати, Миша, не обратил ли ты внимания на стихотворение А. Яшина «Грачи» в «Литгазете» с месяц назад? Оно там в довольно обширной подборке. Если не обратил, то открой подшивку (ты же хранишь газеты) и прочти. Вообще он печатается не очень часто, но стихи все лучше, и с болью, с раздумьями. Раньше я не очень как-то жаловал его вниманием.

В «Смену» еще не ходил и не звонил. Надо бы, конечно, справиться. А из «Октября» забирать, Миша, нет смысла. Ведь стихи-то там те, что уже вошли в книги. Я просто не говорю им, ребята не советуют. Если напечатают – дай бог, а нет, так нет. Да, в «Сиб. огнях» кто-то, видно, завелся такой, что тоже надо прошибать. Я не думаю, что это сам Романов, он, конечно, предложил редколлегии все, что ты прислал... Он, мне кажется, сухой человек и язвительный. Может связать и Н. Самохин. Не знаю, я тоже на Новый год ничего не готовлю для них пока, хотя уже Романов просил. Потом я какую-то анкету заполнял для них. Была ли тебе сия анкета?

Погода у нас, Миша, теплая – минус 2–3°. Такой, знаешь, мягкий, густой снег валит... Но долго ходить не могу пока. Укоренившаяся во мне простуда не велит. Нет ни насморков, ни кашля, а просто ломает все кости и хрустит весь мой остов, как деревянный. На больницу махнул рукой, и буду лечиться дома кустарно как-нибудь. Что-то надо придумывать. А так – все хорошо. Осталось 10 ден до каникул. Надо как-то дотянуть.

Ну, ладно, Миша. Бывай, как говорят. Да, забыл о стихах. Стихи понравились мне, а строфа, что раньше присылал, – лучшая, мне кажется.

Привет Марии Ивановне. Борись с гриппом, ешь лук, а в нос капай сок лимона или цветка...

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

Ну, вот я и добрался. В дороге ничего не стряслось, все благополучно. Комнату свою нашел в полном порядке, ничего не тронут.

Чувствую себя так, как, наверно, чувствует себя приговоренный к суровому наказанию. А ведь еще 4 месяца! Не дай бог уезжать на такой большой срок от семьи, родных мест.

Ребята еще не все приехали, на этаже тихо и скудно.

«Сиб. Огни» выслали сюда 140 руб., но машинок с крупным шрифтом не стало. Говорят, что надо записываться на очередь. Как ты думаешь – стоит ли купить с мелким шрифтом? Они есть. Если же брать

в коммиссионке... Все-таки старье. Короче, не знаю, что и делать.

А. Соболев просит рукопись на 1969 год в Перми. Говорит, что железно (он там главный редактор). Говорит, мол, малость новых, а остальные старые, только чтоб не из тех, что идут в «Сов. России». Надо обдумать, что там у меня имеется на сегодняшний день, и дать ему ответ. Прислал мне хорошее, по-моему, письмо В. Астафьев. Я высылаю тебе его письмо не затем, чтобы похвалиться, мне этого не надо, а думаю, тебе будет интересно от него услышать некоторые мысли о поэзии и литературе вообще. Писатель он, как ты знаешь, большой, русский очень, все растущий, и интересно знать, что он думает.

Такие письма старших товарищей помогают, мне кажется, крепче стоять на ногах, отбрасывать сомнения, утверждаться на избранных позициях.

Ну, остальное здесь все пока по-старому. Погода теплая (минус 5–6°).

Миша, пиши, когда будет время, не утруждай себя, не отрывайся от основной работы.

Купила ли М. И. ботинки? Если нет, то буду приглядывать. Ну, всего.

Виктор.

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

Я очень рад, что и тебе письмо Астафьева понравилось. Да и не могло не понравиться. Ведь он говорит то же, что говорил и всегда говоришь мне ты. Он целиком разделяет твою точку зрения на литературу, да и мою тоже. За тем, собственно, я и посылал тебе его письмо.

Я живу ничего. Если бы была возможность хоть раз в месяц побывать дома, то и совсем хорошо было бы. Все-таки 4 месяца – срок довольно долгий.

Нового ничего нет, т. е. такого, что взбудоражило бы хоть немного. 20-го пойду в ЦДЛ – будет торжественный вечер, посвященный армии. Будут большие военачальники, как сказано в приглательном билете. А я, ты знаешь, это дело люблю.

Была у нас встреча с Квятковским, составителем словаря поэтического, он у тебя есть, этот словарь. Старик очень интересен. Ему 80 с хвостиком, но живой и умом, и телом, как говорится. Интересен он, прежде всего, своим самостоятельным взглядом на литературу, ее теорию. Он говорит, например, что стих Маяковского (лесенка) совершенно не оправдан, что это нарушение или, точнее, разрушение стиха. Приводил убедительные примеры, и с ним спорил Межиров, но менее убедительно. Еще он говорил, что выражение «форма стиха» – неграмотно, неправильно, а мы по какой-то традиции продолжаем так говорить. Никакой, мол,

формы стиха нет, а есть НОРМЫ стиха, и они не имеют ничего общего с содержанием. Содержание выражается определенными нормами ритмическими, а ритм к метру, размеру неприменим. А у нас, мол, путают эти понятия. С ним, вероятно, можно спорить, но все-таки изыски эти, на основе изучения всей мировой поэзии, мне кажутся, сами по себе интересны.

Звонил в «Смену», узнавал насчет своих стихов. Богучаров говорит, что стихи в общем понравились и буду, мол, предлагать где-то на июнь – июль. До июня уже все забито. Можно, говорит, дать два – три стиха и раньше, но хочется сделать подборку побольше. Не знаю, насколько правда то, что он говорит. Если это так, то не плохо.

Миша, купил я себе машинку чехословацкую «Консул». Очень хорошая вещь, но шрифт мелковат. Примерно такой, как у «Москвы», или чуть мельче. Но они дали запасной шрифт, крупный. Перепайка займет 1 день, если договориться с мастером, но это стоит 30 руб. Я пока не располагаю лишними деньгами и поработаю с этим шрифтом пока. С постановкой крупного шрифта интервал между строк не нарушается, это предусмотрено конструкцией. Короче говоря, я доволен покупкой и уже освоил ее вполне.

Стихи, правда, не пишутся. Но 1, чтоб не валять дурака, начал писать в прозе. Написал 2 главы. Получится или большой рассказ, или маленькая повесть. Действие происходит в деревне, перед войной. Рисую деревенскую жизнь, быт, нравы. Отсюда и лексика, и образы упрощенно-выпуклы до натурализма. Основной стержень такой (я уж поделюсь с тобой): в деревню приезжает незнакомый мужик, выдает себя за друга одного из сыновей деревенского старожилы, работающего в городе (сын в городе). Принят приезжий хорошо, радушно. Отдыхает, помогает по хозяйству, и в одно прекрасное время обворовывает соседа. Ну, это я тебе упрощенно, конечно. Вот, а вокруг этого всего – деревенская жизнь. Главная идея – чрезмерная доверчивость, простота и беспечность русского человека. Не знаю, как я ее сделаю. Показывал нашим ребятам – прозаикам. Они не верят, что я прозой не писал. Вот такие дела, Миша.

Если мне удастся мало-мальски эта вещичка, то я буду продолжать. Ты знаешь, как интересно работать в прозе? Я просто упиваюсь. И до чего все не просто и нелегко. 1,5 – 2 страницы в день, больше не могу. Название дал «Приходите в гости».

Дома, пишут, все хорошо пока. Путевки я заказал на июль, но в литфонде сказали, что есть только три на июнь, с 17-го. Написал Вере Антоновне. Если это мой заказ, то здесь и выкуплю их. Получил в «Октябре» 290 руб. Как раз за путевки расплатиться хватит.

Ну, ладно, Миша. Будь здоров и не злоупотребляй.

Привет Марии Ивановне.

С приветом, Виктор.

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

Пишу тебе на машинке не потому, что так мне хочется, а потому, что кончилась паста в шариковой ручке. А сегодня воскресенье, заправить негде.

Получил твое письмо, которого, признаться, ждал долго и с нетерпением. Думаю, захворал или осерчал что-нибудь. Но, слава богу, все нормально.

Я эти дни, весь февраль, не очень ленился. Отпечатал и отослал Соболеву рукопись (1000 строк). Перевел три стихотворения с черкесского. Я уже раньше переводил этого парня – стихи его принял журнал «Знамя» в моем переводе, как он говорит, но они попросили добавить еще два – три стихотворения.

Кроме всего этого, написал рассказ, о котором сообщал тебе. Показал кое-кому из ребят. Сходятся в одном: язык великолепен, знание того, о чем пишу – тоже, но в общем рассказ, говорят, только картина, а сейчас, мол, надо, чтоб была мысль, и тут каждый предлагает свои пути и варианты. Черт его знает, я в этом деле мелко плаваю. Решил отложить этот и засесть за другой рассказ. Он будет по фактуре этого, но с другим сюжетом и другими задачами. Потом посмотрю, что лучше получится.

В рассказе (20 стр.) я все сконцентрировал на краже в деревне, показал простоту и доверчивость деревенских жителей. Вора ловят, но он все-таки сбегает, то есть зло еще ходит по земле, хоть и на одной ноге (вор хромой). Мне сказали, что это, мол, несомненно, надо конфликт закрутить погуще. Черт его знает...

В другом думаю провести две линии. Старший из братьев одной семьи живет в городе. Потом он приезжает в деревню к родителям, и в нем идет постоянная борьба – и в городе-то он не нашел того, о чем мечтал, уезжая туда, и возвращаться в деревню неудобно. Последнее все же побеждает, т. е. у него окончательно созревает решение вернуться в село. Это, мне кажется, больной сейчас вопрос, целая проблема.

Вторая линия – меньшей братишка. Он в том возрасте, когда все хорошо, радужно, беззаботно. Он прост и доверчив, все ему кажется добрым, а если и попадет иногда за чужой огород, то это бывает только физически, так сказать. Но вот он неожиданно впервые влюбляется в женщину, боготворит ее. Все это чисто, светло. Он еще не знает пошлости. Но приехавший старший брат, нахватавшийся городских манер и наглинки, показной бравады, просто и легко на глазах младшего делает с

этой женщиной то, о чем младший и в мечтах не допускал. Первое ранение в душу, первые раздумья о жизни и т. д. Одним словом, хочу показать взросление парня, его переживания. Не знаю, осилю ли все психологические тонкости. Ну, и все это, понятно, будет происходить на фоне деревенского быта и прочее. Одобряешь ли сей замысел?

Короче говоря, Миша, решил я посвятить это полугодию прозе. Пусть неудачно будет, но без пользы это не пройдет.

В остальном жизнь моя идет по-прежнему. Был я в ЦДЛ на торжественном вечере в честь Армии. Председательствовал Сурков. Выступали Тихонов, Воробьев, В. Субботин. Он мне особенно понравился и сам собою, и прекрасной новеллой, которую он прочитал. Из военачальников был маршал Конев, тоже очень мне понравившийся. Был приглашен Жуков, но не пришел из-за болезни. Скоро выйдут его мемуары. Вот бы заполучить! Один из преподавателей литинститута говорил, что читал отрывки и очень высоко оценил их. Написаны, говорит, независимо, прямо, и вместе с тем с большой скромностью и тактом, никакого «яканья».

Недавно я купил мемуары одного генерала, где он говорит о Жукове так: строгий, не любящий лишних слов, быстрый и всегда неожиданный в своих решениях. Немцы никогда не знали, что он выкинет. Вне службы был же прост и разговорчив.

Приходил к нам Винокуров и Казаков, прозаик. Винокуров говорил о поездке в ФРГ и немного о поэзии. Миша, ты читал «Бездну» Льва Гинзбурга? Я читал и в журнальном варианте, и книгу (она недавно вышла и сейчас продается). Это о Краснодарском процессе в 1963 году над полициями. Всей зондеркомандой юга России когда-то командовал некий Кристман. Сейчас он живет в ФРГ. Вот с этим Кристманом они там и встречались. Интересно, не правда ли? Об этом Винокуров и рассказывал нам. Другая часть разговора была не менее интересной по своей курьезности. Как известно, Винокурова считают флагманом, так сказать, «интеллектуальной» поэзии. Он говорил, что перспектива развития поэзии именно в этом направлении. Когда кто-то из наших ребят задал вопрос: а как же Есенин? Ведь его читают больше всех, миллионных тиражей не хватает, то Винокуров, не моргнув глазом, ответил, что Есенин – это самый интеллектуальный поэт, что у него нет никаких эмоций, а все – мысль. В этом, мол, вся и загадка. Я понимаю и без него, что Есенин мыслил поглубже Винокурова и о дружбе, и о любви, о жизни и смерти, о России, но зачем же подчеркивать его лиризм, от которого душа разрывается? Лишь затем, вероятно, что сам Винокуров так писать не может.

Ю. Казаков мне понравился скромностью и, я бы сказал, робостью. Здоровенный парень, похожий

на породистого немца. В дискуссиях, видать, не очень силен. При каждом заданном ему вопросе путался и тушевался.

Ну, вот такие у меня новостишки. А так – сижу больше дома, читаю. Иногда в кинишко хожу, тут рядом есть кинотеатр... Думаю снова бросить курить, но не хватает сил. Прямо закурываюсь. Губы обжег.

В «Советской России» сдали в набор без меня. За бортом осталось пять стихотворений. Замечания по ним самые незначительные и, я считаю, нелепые. В «Немом кино» построчных замечаний вообще нет, а не понравилось оно в целом. Оказывается, москвичи и не знают, что это такое, и говорят мне, что, мол, ты тут нагородил с этими шапками. Белиберда, мол, непонятная. Ну, как еще их убеждать-то? Да, говорю, сплеховал, не продумал. «Бабье лето» тоже в целом не показалось. А в «Песни о хлебе» сделали замечание, придрались к слову «застолица». Что, дескать, это такое? Такого слова и в русском языке нет, а есть слово «застолье». Неужели непонятно, что «застолье» – это широкое, торжественное, а «застолица» более конкретное, узкое, семейное. Ну, я спорить не стал, а забрал их, перепечатал и отослал Соболеву.

По моим подсчетам, в том, что вошло в книжку, будет больше двух листов, хотя Ермаков и сказал, что сейчас строго смотрят за листажом. А может, он выкинул и еще что-то, да мне не сказал.

Асламову, моему сокурснику из Хабаровска, рукопись они завернули. Он завел с ними какую-то тяжбу, принес новую рукопись, и не знаю, чем у них кончится. Там в изд. у них неприятный человек – Дм. Смирнов. С ним вообще невозможно разговаривать – цедит слова через зубы.

Пародии твои мне в общем понравились. Хороша на Цыбина, но я бы, например, убрал вторую строфу. Меньше было бы нагнетения и ярче восприятие, да и слабей она всех остальных. А так пародия хороша.

На Старшинова – послабей, мне кажется. Четвертая строка первой строфы не совсем точна: «днем – есть. И зубы чистить». Я бы, например, написал: «Полезно ночью – спать, а утром – зубы чистить», ибо зубы днем – не характерно как-то. «И не валять с ним Ваньку» что-то тоже мне резануло, хотя логически это все понятно. Остальное – в норме. Хорошо просмеял пустые вирши Смирнова. Вот такое мое мнение, Миша. Может, ты не согласишься со мной, но я сказал то, что думаю, как мне легко на душу.

Олег мне прислал хорошее письмо, ободряющее. Сказал, что стишок мой пойдет в альманахе. Я, признаться, не надеялся и дал ему просто так. Это стихотворение «Мы шли вечернею тропой». Оно большое, строк 60. Для «Сибирских огней» так

ничего и не подготовил пока, и не знаю, напишу ли что-то до лета.

Путевки мне на июнь, с 17 числа, так что поеду, наверно, прямо отсюда в Гагры. Хожу принимаю радоновые ванны. Скрип в костях и суставах не проходит, и если не лечиться, то, наверно, это добром не кончится. Врач говорит: скопление солей, зачатки ревматизма, подагры. Болей, правда, никаких нет, а только хруст. Дома чувствовал себя куда с добром, а тут...

Погода в эти дни в Москве отличная – солнце, тепло. Вообще, скоро весна, дело к тому идет. Сейчас бы пошляться с ружьишком по колкам. Когда стаивают поля, то в колках снег лежит белыми островами, и там любят озоровать куропатки. Они тогда беспечные какие-то, подпускают прямо вплотную. Подойдешь, а они копаются в снегу. Тут их и бей. Я, честно признаться, ни одной живности не убивал за свою жизнь, но азарт к охоте, когда есть дичь, испытывал не единожды. Это тоже что-то вроде вдохновения, даже более захватывающее, чем поэтическое или картежное. Вдохновение, видимо, тут не точно, а именно – азарт.

Ну, ладно, Миша. Хорошо поговорили, пора кончать. Надо в столовку бежать. Тоже дело немало-важное. Большой привет Марии Ивановне. С праздником ее.

Виктор.

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ

Миша, здравствуй!

Как живешь-можешь? Серчаешь? Не надо. Все это ерунда. Только мешает работать. Я тут в сплошной тоске и заботе – устроили 6 экзаменов и 8 зачетов, и вот надо пыхтеть.

Коля Пискаев прислал письмо, заботится о стихах. Я их просмотрел и отдал Чигаревой – она собирает все кассетные материалы. Миша, если сроки сдачи рукописи жесткие, то, может, ты там с Николой поработаешь? Я бы хотел, чтоб он зашел к тебе, и вы вместе разобрались в тех пометках, которые сделал я на полях. Я выбрал всего 15 стихов, и Коля может подумать, что я подошел предвзято. Я отбирал по-совести, и сильнейшие стихи, а такие у него тогда получаются, когда речь о чем-то конкретном, я брал («Председатели» и др.). А как переходит на общие темы, так – то чужое, то слабое, теряет свое видение. Это только с глазу на глаз ему надо указывать, наверно. А я приеду только числа 15 июля. Мне кажется, надо ему сделать книжку небольшую, но крепкую, в пику всем остальным – это наше, русское. Хотя у тебя тоже сейчас, наверно, времени будет не ахти как много. Свой надо сборник делать.

Я уже подумал, что зря, может, взялся за Пискаева. Ведь ты давно его знаешь, кому как не тебе бы

все это проверить. Не подумай, что я ретируюсь. Просто думаю, тебе бы приятно было, а? Может, возьмешься? Ведь мы с ним, по сути, не работали еще, а только я отобрал 15 стихов по своему вкусу, с которым ты, может быть, и не согласишься. С отбором то есть. В общем, смотри там и черкни мне. А нет – вместе посидим. Понимаешь, я, зная, как долго ты с ним работал, чувствую себя неловко в качестве редактора. Будто влез туда, куда меня и не просили. Это я, Миша, от чистого сердца. Сразу-то не подумаешь всего, а потом маешься. Я и ему написал, что если у него душа клонится больше к тебе, то я это только приветствую.

Ну, сам я тут живу плохо. Единственное, что утешает, это то, что скоро летние каникулы и можно быть дома, работать, рыбачить и т. д. А тут еще эти экза...

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Миша, здравствуй!

Получил твое письмо. Жаль, Миша, очень жаль Толю Саулова. Вот видишь, как получается. Какая нелепость, какая несправедливость! Молодой совсем, полный сил, талантливый. Так и хочется сказать словами Суркова: «А ему бы, веселому, жить да жить, умирать бы ему к чему?» Да в такое время года. Не вяжется все это ни с чем, не верится, хотя и сам о себе ничего не знаешь, как не знал и он о своей кончине. В этом и счастье, может быть, людей, что они не знают, когда и что с ними произойдет. Очень все это грустно и горько.

Я еще с утра маялся каким-то предчувствием, что-то мне было не по себе, какой-то озноб, дрожь незнакомая в теле. И вот прихожу домой, получаю от Жени телеграмму. И сразу же почувствовал, что именно ЭТО ночью мучило. С утра сразу же это неясное предчувствие перешло уже в конкретную боль. Много обдумал за вечер, ночью спал плохо, и только на другой день приехал брат, и я за разговорами развеялся малость. Да, действительно, как никчемны, мелки и не нужны всякие наши размолвки и ссоры, пусть даже легкие, малые. Зачем, кому они нужны? И так жизнь нелегка и коротка, зачем же отравлять ее. Литераторам особенно, кажется, не надо забывать об этом. Кроме нас самих есть немало людей, которые могут, а порою и совсем не прочь испортить нам настроение. А уж кого-кого, но поэта обидеть легче легкого.

Ну, я живу тут всяко. Хорошее настроение бывает редко, почти не бывает. То ли я от природы такой меланхолик, то ли еще что. Но как-то все больше грустно и неуютно.

Погода стоит скверная, холод собачий. Ночью минусовая температура, а днем – 5–8°. Пальто не взял, надеясь на тепло, и теперь хожу, напялив на

себя две теплые рубашки и плащ. Даже гулять редко выхожу – после прошлых простуд еще не имею хорошей сопротивляемости простуде. Чуть что – простыл. С завистью слушаю радио: в Сибири +25–32°. Сейчас у меня горячая и трудная пора – экзамены. Уже сдал с горем пополам зарубежную литературу. Попался вопрос об Артуре Рембо, французском поэте. Сейчас готовлюсь к сдаче эстетики. На днях съездил в Литфонд, получил путевки – с 17 июня. А экзамены у нас до 25-го. Надо упрашивать трех профессоров о сдаче досрочно (теория литературы, стилистика и философия). Не знаю, как получится. Если не примут досрочно, то плюну и уеду все равно. (Пишу, а по окну захлестал холодный крупный дождь с градом, кажется.) Ни о какой работе, конечно, и речи быть не может до середины июня. Но это ничего, наверстаю. Не думаю, что все, что я делаю, зря, не нужно.

В 10-м номере «Смены» дали мои 3 стишка из 5. Я еще им давал «Иду большой, иду неловкий» и «Бородино», но не дали что-то. Или забраковали по качеству, или по настрою. Но и это – ничего. Я «Бородино» и еще два стишка отдал в «День поэзии». После звонили, чтоб я принес что-нибудь из лирики, но я поленился и не отнес. Не знаю, что там и как. Или они хотели заменить те, что дал, или добавить к ним. Скорей всего, ...забраковали. Ну, и бог с ними. Больше у меня ничего нигде не лежит. Плохо. Были бы стихи – много можно было бы публиковаться, ибо вижу, что окончательных заворотов, отказов мне в журналах, куда ходил, не делали, а везде что-нибудь да выберут. Но вот стихов нет. А если появятся (во что я уже плохо стал верить), то я уеду уже из Москвы. А из Сибири трудно разговаривать.

Был я в ЦДЛ на партсобрании московского отделения, купил книгу лирики Твардовского. Потом подошел к нему в перерыве и насмелился, попросил автограф. Он спросил – откуда я и что я такое, и сказал: «Подпишу с удовольствием». Подписал. И теперь я всем хвастаюсь, а мне все завидуют. Да и есть чему, правда, Миша?

Издательство мне выслало аванс за рассказ 80 руб. Очень мне это кстати. Надо билеты выкупить до Адлера заранее.

Ну, а остальное все так, как всегда. Экзамены, судя по первому, будут стоять мне больших нервов. Вот и хорошо будет отдохнуть после всего этого, а потом уже дома, может, поработаю 1,5 месяца. Такая задумка, а как все пойдет, не знаю. Книга моя застопорилась в наборе. 6 месяцев пролежала в Электростали, а сейчас отправили в набор в Орел. Туго и здесь с этим делом. Говорят, скоро должны теперь быть гранки.

Вот такие, Миша, у меня делишки. Жду не дожусь каникул. Осточертело все.

Ну, всего тебе доброго. Привет Марии Ивановне и ребятам.

Виктор. 26.V.68 г.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Миша, здравствуй!

Ну вот и у нас тут, во стольном граде, начинается, кажется, лето. Вчера была температура до +18°, а сегодня пообещали 20–22. Это против предыдущих дней (8–12°) очень чувствительно. Только надолго ли?

Стишки в «День поэзии» я больше не понес. Кто-то сказал, что уже заседала редколлегия, и сверх того, что одобрено, не берут больше. Ну и черт с ними. Вот жду не дождусь конца экзаменов. У меня уже все почти сдано. Остались политэкономия и русская литература – самые трудные предметы. Политэкономия полна всевозможных формулировок, а Р. Л. хотя и знаю в общем-то, но спрашивают то, о чем не думал никто. Т. е. лекции были поверхностны, обзорны, а спрашивают конкретно – образ, скажем, Базарова, Ахметова. Я читал всю русскую классику, но это было где-то 10–15 лет тому, и где же я упомяну все эти образы полно, во всех деталях и т. д. Да и кому это нужно? Школярство, больше ничего. Сидят мужики, написавшие самое малое по 4 книги, а им говорят: расскажите о сюжете, что такое сюжет и т. д.

Мне много дают лекции, слов нет. И слушаю с удовольствием то, чего не знаю. Но экзамены считаю ненужными. Готовиться к ним все равно не готовимся, но всегда чувствуешь какой-то груз за плечами, который не дает ни работать, ни думать о чем-то своем. Ну сейчас, слава богу, все идет к завершению первого года – 14 июня у меня последний экзамен, и 16 улечу, если все будет благополучно, в Гагры. Там прошел весной мощный шторм, такой, что разрушил и повредил прибрежные постройки. Пострадал и Дом творчества, хотя берег там семиметровой высоты (Мария Ивановна не даст соврать). А все оттого, что нет пляжа, а стоит бетонная стена. Пляжи «гасят» волны. Но сейчас восстановили все, и с 17 июня – только первый в этом году заезд.

Стипендию я не успею получить (ее дают 25 только), так что буду несколько стеснен. Правда, выручил Олег Павловский. Он дал на радио мой рассказишко, и его тут же пустили в сокращенном виде. Ты, наверно, не слышал. Выслали мне 80 руб. А это как раз на билеты от Москвы до Гагр. Будешь говорить с Н. Н., поблаговари ее от моего имени – я не знаю адрес радио, и не смог сделать этого сам...

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Миша, здравствуй!

Ну вот я и в Гагре, греюсь на южном солнце, хотя оно и не очень часто появляется. Не везет.

Когда я был в Москве, здесь было жарко, а там холодно. Сейчас же все наоборот. Но, в общем-то, тепло, сносно. Семейство мое со мной и вроде бы довольно.

Купаться не купались, а загорать врачи не рекомендуют подолгу. Так что приеду, наверно, белым, как с Северного полюса.

Экзамены сдал все на «отлично», и на зачетах отвечал сносно, но умотался. Как-то неприятно чувствовать себя школьником. Теперь уже все позади, до 25-го я себе дал отдых, а дальше начну что-нибудь мерекать. Наверно, в прозе, ибо ничего поэтического пока «не мелькает». Работать здесь плохо, почти невозможно, потому что шум дичайший (дом у дороги). И потом здесь шумы не гасятся, а наоборот, усиливаются как-то, как в раковине. Хожу, гуляю, дышу свежим воздухом. А в основном маршрут – с кровати да за стол, и наоборот. Читаю детективы разные, легкое чтиво, беру в библиотеке. Недавно ходил в кинишко «Верная рука – друг индейцев». Если будет идти у нас, сходи. Многого не приобретешь, конечно, но посмотришь с удовольствием большим. Кто как, а я такие фильмы смотреть люблю. Особенно когда желаешь себе отдыха.

На днях Олег прислал письмишко сюда. Нового ничего не сообщает, все, говорит, по-старому у него. Женя в Москве где-то с Мазаем.

Знакомых здесь почти никого нет. Один Леонид Чикин из Новосибирска. Я его вижу впервые вообще, хотя раньше читал его стихи на партийные темы. Близко с ним не сходилась, что за человек, не знаю, хотя, кажется, парень ничего. Внешне он выглядит лет на 5–7 постарше меня, а как на самом деле, не знаю. Он здесь с женой (Созинова, поэтесса), она меня и узнала, и познакомила с ним. Она меня видела на совещании у нас в Кем. и в Новосибирске. Чикин спрашивал меня о Волошине, а других наших ребят тоже, видимо, не знает. Ты, наверно, тоже с ним близко не знаком.

Ну, а остальные – из разных мест Союза. Дома я буду числа 11–12-го. Узнавал по части самолетов. К нам, оказывается, ходит прямой самолет через Мин. Воды, Свердловск. Это удобно очень.

Ну, ладно, Миша. Писать совершенно нечего. Усталый какой-то к тому же. Пойду гулять сейчас и обдумывать свою предстоящую работу. Все еще неясно, какой-то основной жилки не нащупаю никак.

Ну, будь здоров. Привет Марии Ивановне. Прилечу, может, на рыбалку куда-нибудь сходим, посидим на речке, а? Ну, пока.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Миша, здравствуй!

Как жизнь? Какие новостишки у нас дома? У меня тут все по-прежнему. Была, правда, неболь-

шая разрядка в моем однообразном житье: съездил во Владимир и Суздаль – старинные русские города. Очень интересно, особенно, в Суздале, который объявлен городом-заповедником. Там не ведется никакого современного строительства, сохраняется все древнее, даже «погребки» есть – кабачки, стилизованные под старинные кружала.

Сегодня закончил я вчерне, конечно, свою повестушку. Никому еще не показывал. Чувствую сам: много еще надо над ней работать. Но пока я устал от нее, пусть она полежит, позабудется малость. Думаю, числа второго буду дома. Обещали нам дать дней десять на праздники.

Да, Миша, письмо твое с газетной вырезкой, о которой ты говорил, я так и не получил. Не знаю, или не дошло, или дошло, но затерялось уже здесь, в мое отсутствие. Теряется уже второе письмо (от А. Романова со сборником).

Как же там Женя Буравлев? Он обещал мне зайти, если будет в Москве, но не заходил пока. Может, изменил свое решение трогаться из Кузбасса. В тот день, когда я был у тебя, я видел его в Союзе. Он сказал, что собирается сдавать дела Мазаеву.

Насчет стихов я у Павловского не выяснял, а рассказ мой идет в третьем номере. Это я знаю точно, т. к. видел верстку и вычитывал сам.

Забегал я также и в издательство, видел Чигареву, представился, так сказать, новому главному. Она мне сказала, что вместо нее (в отделе поэзии) сидит теперь Махалова жена. Так ли это, не знаю, сам не видел. Спросила она меня, не буду ли я сдавать заявку на свою эту повестушку на 70-й г. Я сказал, что не уверен, получится ли она у меня, поэтому о заявке говорить рано. А вообще, сгруппил, кажется. Надо было на всякий случай застолбить. Думаю, что это еще не поздно исправить. Даже если придется сильно перелопачивать повесть. Времени-то достаточно, верно?

В «Сов. России» пока ничего не известно. Набирают в Орле. Говорят, нажмем в последнем квартале года. Пока что имеется верстка В. Казанцева, а он на полгода сдавал раньше меня. Вот такие дела.

Погодица здесь сквернейшая. Вчера был туман и дождь, сегодня вроде подморозило. Лучше бы уж морозец. Дома-то, наверно, благодать?

Ну, ладно, Миша. Покеда. Если вздумаете мне черкнуть, то пиши сразу по получении письма, тогда успеет..., застанет меня тут. Ну а не напишешь – ладно, скоро встретимся дома, если все будет хорошо. Числа 3-го наведаешься ко мне, поболтаем.

Все. До свиданья. Привет Марии Ивановне.

21.X.68 г.

Предисловие к письмам и публикация
Нины Михайловны ИНЯКИНОЙ (Небогатовой)

**Николай
КОНЯЕВ**

НА БЕРЕГУ ИРТЫША (Тобольский дневник)

Уже далеко позади осталась залитая электрическим светом Тюмень, но по-прежнему ярко горели огни над пустой трассой, сплетаясь, они, кажется, срастались вдалеке в очертания каких-то диковинных строений и не то чтобы заслоняли, но перебивали погруженную в ночь Сибирь. Мелькали дорожные указатели, проносились мимо такие же, как под Москвой или Санкт-Петербургом, автозаправки...

И нужно было закрыть глаза, чтобы вспомнить, что мы едем вдоль Туры – реки, по которой пришел в Сибирь Ермак со своей дружиной; реки, по которой 95 лет назад увезли в Тобольск на теплоходе «Русь» последнего русского императора...

ДОРОГА НА ТОБОЛЬСК

В дневнике Николая II эта дорога описана достаточно подробно. 113

«Плавание по реке Туре... У Аликс, Алексея и у меня по одной каюте без удобств, все дочери вместе в пятиместной, свита рядом в коридоре; дальше к носу хорошая столовая и маленькая каюта с пианино... Целый день ходили наверху, наслаждаясь воздухом. Погода была серая, но тихая и теплая. Впереди идет пароход министерства путей сообщения, а сзади другой пароход со стрелками 2-го и 4-го стрелковых полков и с остальным багажом. Останавливались два раза для загрузки дровами»...

5 августа перед обедом проплыли мимо села Покровское, родины Григория Ефимовича Распутина, всеми силами пытавшегося предотвратить войну и то, что принесла война...

Что думал, что чувствовал Николай II, вглядываясь в проплывающий мимо «Руси» дом старца?

– Здесь, в этой реке он ловил рыбу, – все повторяла стоящая рядом Александра Федоровна. – Вы помните, он присылал нам свежую рыбу в Царское Село?

В дневнике Николая II записано, что в ту ночь государь спал плохо, проснулся, когда уже вышли в Тобол.

«Река шире, и берега выше. Утро было свежее, а днем стало совсем тепло, когда солнце показалось.

Забыл упомянуть, что вчера перед обедом проходили мимо села Покровского, – родина Григория»...

Эта оговорка не о забывчивости Николая II свидетельствует, а о том, что мысль о предопределенности «встречи» со старцем Григорием на **последнем пути** была додумана и осознана государем.

Но, как и заведено в его дневнике, об этом, сокровенном, ни слова...

«Целый день ходили и сидели на палубе», – завершил пассажир «Руси» запись за 6 августа 1917 года.

ВЕНСКИЙ СТУЛ

– А мы в Покровское не заедем? – спросил я. – Это же почти на трассе...

– Так ведь ночь же... – ответил водитель. – Все закрыто.

– Ну, не знаю. Возле дома Распутина можно постоять, посмотреть, где он вырос...

– Так нет этого дома! Для музея новое здание построили. Распутина там никогда не было.

– И что, ничего не осталось от Григория Ефимовича?

– Почему же?! Говорят, в музее венский стул стоит...

– Стул?!

– Ага... Рассказывают, что, если посидеть на нем, и мужские болезни можно вылечить, и еще он потенцию увеличивает!

Я хмыкнул, услышав это, и мне было поведано, что вообще-то многие специально ради этого стула приезжают в Покровское, даже сам Анатолий Борисович Чубайс на этом стуле сидел перед тем, как на нанотехнологии сесть...

Так, вспоминая Анатолия Борисовича, и миновали родину Григория Ефимовича Распутина.

ЗАРЯ НАД ТОБОЛОМ

Когда трасса свернула на север, электрических огней, кажется, стало меньше, и справа, за Тоболом, явно обозначилась малиновая полоска зари. Тяжелое, затянутое темно-сиреневыми облаками небо нависало, сжимая ее снеговой тяжестью до огневой яркости.

Тоненькой была эта огневая полоска, но, когда заслоняли ее деревья и кусты, темно и беспросветно становилось в **обступившем** мраке, и хотелось, чтобы поскорее **отступили** деревья, и снова возникало за Тоболом багряное зарево, пытающееся оторвать от земли сиреневую тяжесть небосвода.

Впрочем, на мосту через Тобол стало ясно, что заре так и не удалось разгореться.

Мутновато посветлело затянутое снеговыми облаками небо, и огневая полоска, отважно запылавшая в ночной черноте, потухла, задавленная наступающим днем.

РЕМЕЗОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Когда мы въехали в засыпанный снегом Тобольск, снегопад уже утих.

Просто удивительно, как идет городу снежное убранство!

Спроектированный и построенный Семеном Ульяновичем Ремезовым на семидесятиметровой высоте, Тобольский кремль словно вырос из засыпанного снегом Троицкого мыса, и вокруг все: храмы, дома, даже деревья – было белым и праздничным.

Получилось, что город сам принарядился к открытию Ремезовских чтений.

Чтения эти, в организации которых участвовал и департамент культуры Тюменской области, и администрация Тобольска, и Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, и Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», стали уже доброй традицией и являются сейчас важной частью культурной жизни города. Достаточно сказать, что на нынешние чтения участники приехали не только из России, но и из других стран.

Лично мне приятно было встретить своих добрых знакомых: профессора Омского университета, доктора филологических наук Валерия Хомякова; главного редактора альманаха «Тобольск и вся Сибирь», поэта Юрия Перминова; руководителя Томской областной организации Союза писателей России Геннадия Скарлыгина...

Но главным героем чтений был, конечно же, сам Семен Ульянович Ремезов...

РЕМЕЗОВ

Большинство россиян знает Ремезова как картографа, составившего уникальные атласы: «Хорографическая книга Сибири», «Чертежная книга Сибири» и «Служебная книга Сибири», но деятельность Семёна Ульяновича не ограничилась картографией.

Ремезов принимал участие в сражениях и писал иконы, собирал ясак и строил кирпичные заводы, основывал новые села и налаживал производство пушек на Урале, проводил перепись населения и был архитектором и руководителем строительства Тобольского кремля, Приказной палаты и Гостиного двора. Кроме этого, он составил «Описание о сибирских народах и граней их земель» и знаменитую «Ремезовскую летопись», без упоминания которой не может обойтись ни один труд, касающийся истории Сибири.

Для восстановления памяти великого русского человека, для осмысления во всем масштабе многогранных свершений Семёна Ульяновича Ремезова немало усилий прилагает Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», хотя председатель фонда Аркадий Григорьевич Елфимов и не устает подчеркивать,

что без поддержки общественности деятельность фонда не была бы столь успешной.

Вот и в своем приветственном слове, открывая чтения, он отметил, что работа, которая началась двадцать лет назад, в год 350-летия со дня рождения Семёна Ульяновича Ремезова, изначально строилась на единстве с общественностью города.

В результате этих трудов на Красной площади Тобольска появился памятник Ремезову работы Олега Константиновича Комова, а улица Клары Цеткин обрела более созвучное Тобольску имя. Имя Семёна Ульяновича Ремезова носит сейчас и площадь между гостиницей «Сибирь» и Губернским музеем...

Возглавляемый Аркадием Григорьевичем Елфимовым фонд предпринимает воистину титанические усилия для возвращения не только имени Ремезова, но и его уникальных трудов. Фондом изданы и «Сибирская летопись», и «Чертежная книга Сибири», и «Служебная книга Сибири», и факсимильное издание «Хорографической книги Сибири».

Названия этих работ постоянно звучали в выступлениях докладчиков, но говорили на Ремезовских чтениях, разумеется, не только о С. У. Ремезове...

КОРНИЛОВСКИЙ ДОМ

Свой доклад на чтениях я читал в Корниловском доме, где сейчас, как и до революции, размещается тобольский мировой суд и музей истории судебной системы в Западной Сибири.

Дом этот построил рыбопромышленник Иван Николаевич Корнилов, и тут останавливался и Дмитрий Иванович Менделеев, чья мать происходила из рода Корниловых, но в историю дом вошел осенью 1917 года, когда в Губернаторском доме, стоящем наискосок от дома Корнилова, поселилась царская семья. В Корниловском доме разместилась тогда свита государя.

Наша конференция проходила в отреставрированном зале судебных заседаний, и портрет императора Николая II, вставшего в полный рост, существенно дополнял мой рассказ о чтении государем в ту осень и зиму собрания сочинений Николая Семёновича Лескова...

Владимир Маяковский говорил, дескать, Лесков рядом с Толстым был виден в большой телескоп. Дело тут не только в величине Л. Н. Толстого, но еще и в слепоте критиков, в той странной, выработанной в передовом обществе глухоте на самые главные русские проблемы.

Невозможно найти писателя, и Л. Н. Толстой тут не исключение, который мог бы сравниться с Лесковым тем глубинным знанием народной русской жизни, той красотой русского языка, тем обилием положительных народных характеров, которые мы находим на страницах лесковских произведений.

Поэтому-то вопрос о том, почему «передовому» человеку надо в большой телескоп рассматривать

великого русского гения, чтобы все-таки различить его, не так уж и прост. Еще труднее понять, почему весь творческий путь писателя, составляющего гордость России, протекал в атмосфере травли. «Я как столб, на который уже и люди, и собаки мочатся» (письмо Н. С. Лескова П. К. Щебельскому от 18 января 1876 г.). Вопрос этот перерастает рамки биографии писателя и становится **русским** вопросом, особенно актуальным сейчас, когда в недрах министерства образования – интересно, кого оно образовывает? – вызрел план заменить изучение в школе произведений Н. С. Лескова сочинениями господ Рыбакова, Улицкой, Пелевина.

И какой великий символический смысл открывается в том, что 95 лет назад, в свою последнюю осень и зиму именно Николая Семеновича Лескова и читал последний русский император в Тобольске!

ПИСАТЕЛЬ И ИМПЕРАТОР

По дневникам видно, что книги Лескова не просто увлекли государя. Похоже, Николая II ошеломила раскрывающаяся перед ним в произведениях писателя русская жизнь. В сентябре 1917 года в Тобольске он читает Лескова рассказ за рассказом, роман за романом, том за томом...

«13 сентября 1917 года. ...Начал роман Лескова «Обойденные»...

«16 сентября. Погода простояла совсем теплая. Приятно было ходить и работать на дворе. Кончил «Обойденные» и начал «Островитяне»...

«18 сентября. Осень в этом году здесь замечательная... Кончил «Островитяне» Лескова. Написал маме письмо через цензуру Панкратова»...

«19 сентября. Полуясный, но такой же теплый день... Днем попилил дрова и поиграл в городки. Начал читать роман Лескова «Некуда»...

«24 сентября. Вследствие вчерашней истории нас в церковь не пустили... Вечером начал читать вслух «Запечатленный ангел»...

В тишине Губернаторского дома в Тобольске, прерываемой лишь свистками пароходов с реки, звучал голос бывшего российского императора, рассказывающего о той «преудивительной штуке», что совершилась с барином, который отправился «в жидовский город» расследовать творящиеся там по торговой части нарушения...

Вместо взятки, полученной с еврейских торговцев, генерал оказался еще и должен им 25 тысяч рублей.

С этим полученным вместо награды долгом и возвратился домой барин, но супруга его, весьма богомольная барынька, объявила мужу, что за его «нерассудительность другие заплатят», и приказала стребовать деньги со староверов, которые работали на строительстве моста.

Денег таких у староверов, разумеется, не нашлось, и вот началась дикая расправа, превосходя-

щая по своей лютости жестокость любого иноплеменного нашествия.

Генерал, обозленный, что староверы не желают покрыть его долг перед евреями, «накопивши сургучную палку, прямо как ткнет кипящую смолу с огнем в самый ангельский лик!»

Кажется, ни один писатель до Лескова не сумел так ярко и правдиво рассказать о той глухоте русской жизни, пользуясь которой любой просвещенный мерзавец мог надругаться над нею.

И наверняка об этом тоже думал государь, читая вслух «Запечатленного ангела». Русским трудом и русской кровью была воздвигнута могущественнейшая империя, но в результате этого строительства основная часть населения, сами русские, оказались обращены в рабство в своей собственной стране.

Какая-то глухота появилась в русской жизни, и уже не докричаться было сквозь нее.

«26 сентября... – отмечает государь в дневнике. – Окончил роман Лескова «Некуда». 30 сентября. День простоял солнечный, хороший. Утром гуляли час, а днем два с половиною часа играл в городки и пилил. Начал читать пятый том Лескова – длинные рассказы...»

ГЛУХОТА РУССКОЙ ЖИЗНИ

К сожалению, формат доклада на конференции не позволял проследить все переклички и аллюзии тобольской жизни государя с произведениями Лескова, но порою в доме Корнилова возникало ощущение, что границы лесковского текста размывались, включая в себя и реальные события, совершающиеся возле Губернаторского дома.

Кажется, нет в русской литературе равной «Соборам» книги, где с такой же пронзительной глубиной и силой было бы рассказано о глухоте русской жизни, пользуясь которой любой «передовой» мерзавец вроде либерала-нигилиста Термосесова может вдохновиться мыслью и положить замечательно-го русского человека «ступенью для зарекомендования своих «наблюдательных способностей»...

Разумеется, комиссар Василий Семенович Панкратов – это не совсем Термосесов, он не лишен был определенных литературных и организаторских способностей, присутствовали в нем и доброта, и юмор, но все это, как в Термосесове, ограничивалось и перекрывалось тем, что называется партийными принципами, и когда прослеживаешь всю эпопею запретов и ограничений, которым подвергал Панкратов царскую семью, кажется, что переносишься на страницы лесковской хроники.

Не напрасно Николай II прозвал Василия Семеновича «маленьким».

«Маленький» тут еще и тотемическое название некоей бесовской силы русской революции, сидевшей и в Термосесове, и в Панкратове...

И что оставалось государю?

Только молитва и могла преодолеть эту глухоту тобольской жизни...

КАБИНЕТ В ГУБЕРНАТОРСКОМ ДОМЕ

Ясно понимаешь вышесказанное, попав в Губернаторский дом, где и жил осенью и зимой 1917 года последний русский император. После его расстрела здесь размещался горком партии, а сейчас – администрация Тобольского района, но кабинет государя воссоздан в прежнем виде, и в нем развернута музейная экспозиция.

В этой комнате 20 октября 1917 года Николай II записал в своем дневнике:

«Сегодня уже 23-я годовщина кончины дорогого папá, и вот при каких обстоятельствах приходится ее переживать!

Боже, как тяжело за бедную Россию! Вечером до обеда была отслужена зауспокойная всенощная».

Если сравнить эту запись с дневниковой записью святого праведного Иоанна Кронштадтского, сделанной в Ливадии 20 октября 1894 года: «Он тихо скончался. Вся Семья Царская безмолвно с покорностью воле Всевышнего преклонила колени. Душа же Помазанника Божия тихо отошла ко Господу, и я снял руки свои с главы Его, на которой выступил холодный пот. Не плачь и не сетуй, Россия! Хотя ты не вымолила у Бога исцеления своему царю, но вымолила зато тихую, христианскую кончину, и добрый конец увенчал славную Его жизнь, а это дороже всего!», то обнаружится очевидная связь.

Слова «Боже, как тяжело за бедную Россию!» перекликаются со словами святого и как бы продолжают их, вмещая в себя и будущий мученический путь государя.

«Молясь, мы непременно должны взять в свою власть сердце и обратить его к Господу, но никогда не допускать ни одного возгласа к Богу, не исходящего из глубины сердца», – учил Иоанн Кронштадтский, чтобы могло совершиться то, что **дороже всего**...

И это оттуда, из небесной выси, звучат слова святого:

– Не плачь и не сетуй, Россия...

Но осенью 1917 года не было рядом с Николаем II такого молитвенника. Теперь, чтобы зазвучала эта молитва о России, нужно было самому стать святым.

Из окон императорского кабинета видно было обнесенный легкой оградкой сквер, где стояла раньше церковь, в которой молился государь.

Говорят, что это единственная церковь, которую снесли в Тобольске...

МОЛИТВА ГОСУДАРЯ

И вот стоишь у окна в кабинете государя, смотришь на сквер, занесенный глубоким снегом, и сами собою начинают звучать в памяти стихи:

*Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодея близнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья,
Христос, Спаситель, помоги!*

Это стихотворение, посвященное великим княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне, Сергей Сергеевич Бехтеев написал в Ельце в октябре 1917 года и передал в Тобольск через графиню Анастасию Васильевну Гендрикову.

*Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, смертный час...
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов!*

176 Однако мистическая история «Молитвы» не ограничилась совпадением с теми переживаниями, которые владели государем в Тобольске.

Великая княжна Ольга Николаевна переписала стихотворение в свою тетрадку, подаренную императрицей Александрой Федоровной, на книге сохранилась надпись: «В. К. Ольге. 1917. Мама. Тобольск».

По этой причине долгое время авторство «Молитвы» приписывалось царевне Ольге, и стихотворение даже публиковалась под ее именем.

Но ведь так это и было!

Молитва царя-мученика, звучащая в тобольском Губернаторском доме из уст государя и всей царской семьи, каким-то сокровенным образом отзывалась в России, и тепло ее коснулось Сергея Сергеевича Бехтеева, сумевшего записать эту великую тобольскую молитву на бумаге...

ПАРК НА БЕРЕГУ ИРТЫША

Одно из самых сильных впечатлений этих дней – посещение парка, устроенного Аркадием Григорьевичем Елфимовым на высоком берегу Иртыша, на самом краю тобольского «материка». Собственно говоря, парк – здесь много старых лип, берез и сосен – был тут всегда, но при Елфимове он словно врос в века, и, гуляя по его аллеям, как бы перелистываешь страницы истории Тобольска и Сибири.

Здесь можно встретиться с автором «Конька-Горбунка» Петром Павловичем Ершовым, работавшим директором тобольской гимназии, можно посидеть – весною здесь, говорят, поют соловьи! – в Алябьевской беседке. Александр Александрович в Тобольске и родился, в Тобольске, организовав здесь симфонический оркестр «казацкой музыки», он провел несколько лет после освобождения из крепости. Здесь сочинены многие прославившие его романсы.

А вот памятник Ермаку...

Рядом с ним – это поясняет нам сам Аркадий Григорьевич – другой Ермак, коренастый дубок, выросший назло ветрам на поднимающемся из земли деревянном струге. Позади стайка таких же крепких дубов – его дружина, а впереди – занесенное сейчас снегом вражеское войско хана Кучума, тысячи маков, покрывших курганы.

Такая вот парковая композиция, такое прочтение истории средствами ландшафтной архитектуры...

Судя по фотографиям, композиция действительно впечатляющая, но проходишь к обрыву, смотришь на открывающийся в глубине поймы горящий заревым снегом Чувашский мыс, возле которого бился Ермак с Кучумом, и уже не прочтение истории средствами ландшафтной архитектуры врывается в парк, а сама грозная и победная русская история!

Здесь 430 лет назад, 21 октября 1582 года, прошла самая главная и решительная битва за присоединение Сибири Ермаком.

ЧУВАШСКИЙ МЫС

Можно бесконечно стоять рядом с памятником Василию Ивановичу Сурикову и смотреть на пойму Иртыша, вглядываясь в глубину самой русской истории.

Кстати сказать, знаменитая картина Сурикова, изображающая сражение у Чувашского мыса, грешит лишь одной неточностью... Пушки действительно участвовали в бою, но стояли они не на казацких стругах, а на вершине горы, у татар.

Первые три приступа были отбиты, и единственным достижением их оказалось то, что казаки сбросили эти пушки в Иртыш.

Укрываясь за засеками, татары осыпали казаков стрелами, и каждый шаг вперед стоил казачьих жизней. Казалось, уже совсем разбитые отошли русские войска, но 23 октября начался новый приступ, во время которого был ранен командующий татарскими войсками Магомет-Кули.

Его увезли, и в кучумовских войсках началось шатание. Первыми оставили Кучума низовые хантские князьки, следом за ними побежали отряды мансийцев.

К вечеру 25 октября сражение утихло. Русские потеряли в этом бою сто семь человек, то есть примерно четверть состава, но Кучум был разбит.

«Царь же Кучум, видя свою погибель и царства своего и богатства лишение, рече ко всем с горьким плачем: о мурзы и уланове! Побежим, не померлим».

В ночь на 26 октября он оставил столицу и откочевал в ишимские степи.

ЗНАМЯ ЕРМАКА

Легенда утверждает, что еще в Карачинском городке казаки получили посылку от Максима Строганова. Кроме припаса, он прислал и знамя, изготовленное в строгановских иконописных мастерских. На одной стороне квадратной хоругви архангел Михаил поражал копьем дьявола и низвергал в волны дома и башни, на другой стороне был изображен святой Дмитрий Солунский, побеждающий Кучума.

Под этим знаменем и вошли казаки в столицу Кучума.

Случилось это 26 октября, в день памяти святого Дмитрия Солунского.

После гибели Ермака знамя было увезено атаманом Матвеем Мещеряком в Березов и долгое время хранилось там, пока в 1881 году по случаю переименования 1-го полка Сибирского казачьего войска в 1-й Сибирский Ермака Тимофеевича казачий полк, его не перенесли в Омскую Войсковую Никольскую церковь.

Знаменем пытались завладеть и новочеркасские казаки, отстаивающие донское происхождение Ермака, но оно хранилось в Омске, пока в начале Гражданской войны, как утверждает легенда, по приказу Колчака его не вручили передовой сотне, которая должна была первой войти в Москву. По другой версии, знамя было похищено из Омского казачьего собора партизанами есаула Б. В. Анненкова и в конце 1918 года возвращено назад, однако дальнейшая судьба его тоже неизвестна.

Но вглядываешься в глубину Иртышской поймы и понимаешь, что никуда не пропало знамя Ермака, что и сейчас ложится на горящий снег Чувашского мыса его победная сень.

Наверное, это же ощущение пытался закрепить в своих архитектурных свершениях Семен Ульянович Ремезов. Не случайно, воздвигая Рентерею, он назвал ворота на въезде из Нижнего города в Тобольский кремль Дмитриевскими.

ДВА РУБЕЖА НАШЕЙ ИСТОРИИ

Чувашский мыс за эти дни я видел несколько раз.

Почти вплотную подъезжали мы к нему на машине...

Видел я Чувашский мыс из парка, устроенного Аркадием Григорьевичем Елфимовым...

Видел от стен Знаменского Абалакского монастыря...

И так получилось, что Чувашский мыс, как и Тобольский кремль, как и Губернаторский дом, превра-

тился для меня в символ этих декабрьских, залитых морозным солнцем дней.

Впрочем, разве только этих дней и разве только для меня?

Горящий заревым снегом Чувашский мыс – это великий, героический символ нашей страны.

Более того...

Взятие Сибири Ермаком завершает героическую эпоху правления Иоанна IV Васильевича Грозного, начавшуюся присоединением к Руси Казанского царства и закрепившую в национальном менталитете территориальные предпочтения перед племенными.

В этом смысле Чувашский мыс разделяет всю русскую историю. Получается, что здесь практически завершилось правление всей династии Рюриков и были подведены его итоги...

Всего четыре километра от Чувашского мыса до Губернаторского дома, но в них вместилось три века правления Романовых, и это здесь, в Губернаторском доме, оказались подведены итоги правления этой династии.

ГОРОД, НЕ УБИВШИЙ ГОСУДАРЯ

Все эти дни, осматривая тобольские достопримечательности и восхищаясь тем, как городу так духовно полно удалось сохранить себя, я не мог отделиться еще и от завистливого чувства удивления.

Непостижимо было, как же Тобольску удалось сохранить себя.

Понятно, что здесь не было войны.

Но разве только войны разрушают наши города? Не менее разрушительны карандаши архитекторов, перестраивавших русские города под сметы и под потребности великих строек, не меньше упорства к разрушению проявляли – вспомните про Екатеринбург! – и партийные бонзы, пытавшиеся стереть любые следы последнего государя.

И все-таки, хотя наверняка и требовали очистить Тобольск от памяти об императоре Николае II, хотя и были развернуты здесь немалые стройки, но город уцелел, и уцелел не только своими охраняемыми памятниками, но и самой своей исторической целостностью, самим духом.

Помню, еще в семидесятые годы я услышал песню Юрия Борисова, которую исполнял наш замечательный ленинградский певец Валерий Агафонов...

*Все теперь против нас, будто мы и креста не носили,
Словно аспиды мы басурманской крови,
Даже места нам нет в ошалевшей от горя России,
И Господь нас не слышит – зови не зови...*

*Вот уж год мы не спим, под мундирами прячем
обиду,*

*Ждем холопскую пулю пониже петлиц.
Вот уж год, как Тобольск отзвонил по царю панихиду,
И предали анафеме души убийц...*

Автор песни Юрий Борисов, человек сокрушительно-несчастливой судьбы, родился много лет спустя после Гражданской войны, но в песнях ему удавалось разглядеть выход из того состояния безвыходности, обреченности и безнадежности, в которое, подобно России, был опрокинут и он сам, и песни его доносились в семидесятые годы как будто оттуда, из Гражданской войны, когда решалась судьба страны.

Поразительно, но в этой старой песне Юрия Борисова можно различить ответ на мои недоумения...

Разгадка счастливой, доставшейся городу судьбы в нем самом и скрыта.

Тобольск – «Не прикасайтесь к помазанным Моим, и пророкам Моим не делайте зла!» – не убивал государя и, может, поэтому и сохранил себя вопреки всем кампаниям и поветриям.

Наверное, это справедливо не только в отношении к городу, но и к народу.

Только и нужно – не убивать помазанников Божиих! – для счастья и спокойствия...

Но в конце правления Романовых об этом позабыла аристократия и высшее чиновничество, этого не хотела понимать наша интеллигенция.

И это, конечно, тоже итог правления династия Романовых.

СОРАТНИКИ

Еще в первый день Ремезовских чтений мы побывали вечером на приеме у мэра Тобольска Владимира Владимировича Мазура. Мы – это председатель благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» Аркадий Григорьевич Елфимов; профессор Валерий Хомяков; главный редактор альманаха «Тобольск и вся Сибирь» поэт Юрий Перминов; руководитель Томской областной организации Союза писателей России Геннадий Скарлыгин...

Владимир Владимирович Мазур в Тобольске всего полтора месяца.

Выпускник Томского университета и Российской академии государственной службы при Президенте РФ, в 2004–2007 годах он работал заместителем мэра Томска, в 2008-м был избран генеральным директором ОАО «Запсибгазпром», а с июля 2011 года назначен заместителем губернатора Тюменской области. 18 октября 2012 года его утвердили главой администрации Тобольска...

Ну а начинал свою трудовую биографию Владимир Владимирович, как он говорит сам, «в сибирском труде», в колхозе. Первая специальность – дояр на молочной ферме.

– У меня и трудовая книжка – трудовая книжка колхозника, – рассказывает Владимир Владимирович.

Вообще-то сами эти слова «дояр» и «колхоз» остались в такой далекой советской жизни, что тут, хоть за ухо себя дергай, хоть щипай, все равно невозможно было поверить, что они звучат в кабинете

градоначальника Тобольска (население – 99 698 человек, в пределах муниципального образования – 103 585), применительно к самому хозяину.

Рассказывая о своей новой работе, Владимир Владимирович напомнил, что за свою историю Тобольск называли и «отцом городов сибирских», и «богоспасаемым градом Тоболеском», и «Тобольском – градом царствующим Сибири», «стольным градом Тоболеском» и не только называли, долгие века Тобольск и был подлинной столицей Сибири.

Но у города не только серьезное прошлое, но и серьезное будущее. К уже имеющимся в Тобольске предприятиям скоро добавится гигант «Тобольск-Полимер», строительство которого ведет нефтегазо-химическая компания «Сибур»... Понятно, что по всем глобальным проектам решения принимает только губернатор, но каждодневная жизнедеятельность Тобольска лежит на администрации города. Сама историческая обстановка, сам дух города обуславливает и ответственность, и действия во славу земли Тобольской, земли Русской.

Учитывая, что Аркадий Григорьевич Елфимов, участвовавший в этой встрече, тоже работал мэром Тобольска, только в 80-е годы, наверное, интересно было бы описать эту беседу как встречу двух мэров города, прежнего и назначенного совсем недавно, но для этого, увы, одного разговора о проходящих Ремезовских чтениях было недостаточно.

– Надо уже сейчас начинать работу по созданию учебника Родиноведения... – рассказывая о чтениях, подчеркнул Аркадий Григорьевич. – Вот говорится об «эпохе великих исторических открытий», Владимир Путин приезжает в Испанию, и король этой страны дарит нашему президенту атлас с картами об их «открытиях», а что за ними стоит? Геноцид, вырезаны целые цивилизации, уничтожены уникальные библиотеки... А у нас все сто с лишним народов, живших в Сибири до Ермака, остались целыми и невредимыми, они не ассимилировались, сохранили свой язык, их научили возделывать землю, мало того, в советское время им дали еще и письменность... Крайне важно сейчас говорить о подвигах русских первопроходцев (причем именно Тобольск был и центром, и началом всех их открытий и походов), никто же почти не знает о них, в школах о них не рассказывают. А ведь это – прекрасные образы, которые будут вдохновлять молодых людей, с которых действительно можно делать себя... И что характерно... Есть и предприниматели, готовые участвовать в этом проекте.

– Полностью с вами согласен, – сказал Владимир Владимирович Мазур. – Полагаю, что нас поддержит и губернатор. Будем привлекать к работе в нашем научном центре лучших историков, преподавателей, писателей не только Сибири, но и России в целом, опираясь, прежде всего, на опыт работы фонда «Возрождение Тобольска», объединившего за годы своего существования более тысячи авторов – пред-

ставителей истинной культурной элиты России... Можете и меня считать своим соратником.

Воистину, сам дух Тобольска подталкивает на добрые дела.

ПРОЩАЛЬНЫЙ СНИМОК

Уже делали прощальный снимок на память о встрече, когда заговорили о детях.

У Аркадия Григорьевича Елфимова шестеро детей.

У Владимира Владимировича Мазура – восемь.

Было два своих ребенка, а потом случилось несчастье, погиб брат, и Владимир Владимирович взял на воспитание троих его детей, а недавно, несколько месяцев назад супруга родила ему еще тройню.

– Сейчас у меня родных пять детей и трое – от брата, – сказал Владимир Владимирович. – Но они все родные. Я очень люблю детей. Это награда. Это милость Божия и благодать...

Тут и припомнилось мне стихотворение стоящего рядом Юрия Перминова:

*На снимке прадед – бравый есаул,
А рядом дед. Он держится за стул,
Мальчонка-дед! – торжественный до страха,
Но гордость пересиливает страх –
Ну до чего роскошная рубаха,
И грудь отца в медалях и крестах!*

*О чем расскажет этот снимок старый?..
О чем угодно, только не о том,
Как прадед заживо сгниет под сыктывкарком,
Как в сорок первом дед построит дом,
Да не успеет в этот дом вселиться –
Погибнет на десятый день войны.*

*Простые – удивительные! – лица.
В глазах – тепло. Ни боли. Ни вины.
Веселый прадед – бравый есаул,
Мальчонка-дед. Он держится за стул...*

*Такой вот снимок у меня хранится..
Хотя он стар, как лист осенний желт,
Я четко вижу: сын отцом гордится!
...Год, кажется, семнадцатый пошел.*

Страшное стихотворение о роке русской семейной судьбы...

Но разговор о детях, который не прерывался и во время нашей «фотосессии», как-то естественно пристраивался к строкам Юрия Перминова, смывая их горечь..

Год, кажется, две тысячи тринадцатый пошел...

6–9 декабря 2012 года,
Тобольск

**Николай
КЛЮЕВ
(1884–1937)**

ПРОРОЧЕСТВО НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ

Пожалуй, только сейчас по-настоящему открываются значение и смысл бытия Николая Клюева в русской поэзии. Должно было прийти время для этого.

Уникальный синтез славянофильства и евразийства (не политического, а духовного!) проявился в полной мере в его стихах периода Первой мировой войны, когда абсолютное большинство писавших о нем, делали особый нажим на «маскараде» и «актерстве» поэта. Непрочитанной при его жизни осталась и книга «Львиный хлеб». На понимание в 1920-е годы поэмы «Мать Суббота», «Плач о Сергее Есенине», «Деревня» не приходилось и рассчитывать.

Прошли десятилетия. И возвращение Клюева в большую литературу неизбежно обставлялось различными оговорками о его «непонимании современности», о том, что «поэт оказался очень плохим пророком», о его «консерватизме» и «замшелости». А самое главное, чем далее с публикациями поэмы «Песнь о Великой Матери», «Каин» и «Кремль» открывался подлинный клюевский материк во всем его богатстве многосмыслия, многоцветия и многозвучия, тем все настойчивее его стали замуровывать в Серебряном веке, объявляя «достойным собеседником» его творцов, в частности тех, кого он сам не считал и не мог считать себе достойными. На интеллектуальные и театральные игрища «серебряновековых» культурных деятелей он смотрел с недостижимыми ими вершин, как на игры в детской песочнице (в лучшем случае!), и лишь немногие из них удостаивались его пристального внимания. Более того, сейчас, когда мир Клюева явлен во всей его полноте (мы лишь можем догадываться о немногих не дошедших до нас произведениях), приходится читать о нем следующее: что он «возложил на себя роль «человека из народа» (подразумевается, что в самом народе тех духовных и поэтических сокровищ, которыми одарил нас Клюев, нет и не бывало), что он «сочинял «под фольклор», что он воспроизводил «уязвимые стороны... романтической славянофильско-народнической доктрины», что он, наконец, «не столько «вышел из народа», сколько пришел к нему... под

воздействием неонароднических устремлений в русском обществе начала века»...

Чтение самого Клюева неизбежно приводит к одной мысли: авторы подобных инвектив по существу нешуточно напуганы (как были напуганы и многие современники!) масштабом клюевской личности. Мода на Серебряный век, охватившая наше «культурное общество» в последние десятилетия, неизбежно подразумевает оценку всех явлений этого периода с точки зрения «маскарадно-театральной», «мифологической» (отнюдь не в лосевском понимании!) Требуется и поэзию Русского Возрождения (родоначальником которой стал именно Клюев) определить «по ведомству» канонов Серебряного века. И Клюев записывается в подражатели то «символистам», то «акмеистам»... Но и эти приемы с ним уже не работают. И тогда наши «культурные люди», чувствуя, что все их аргументы проваливаются в песочную яму, начинают переходить в разговоре о поэте (!) к прямому запугиванию:

«Известно: поэзия держится мифами. Однако миф, даже самый эффектный и увлекательный, может быть опасен. Особенно миф, имеющий острый национальный привкус...»

Чтобы понять природу этого запугивания, надо еще раз обратиться к эпохе Первой мировой войны.

Именно к ней относятся первые печатные выступления евразийцев, проникнутые убежденным пафосом антизападничества, ибо именно с Западом справедливо связывалось ненастье, обрушившееся на Россию. Именно тогда Клюев впервые выступил с открыто антизападническими поэтическими инвективами (смертоносное железо шло на Россию именно с Запада, и любая попытка переделки России на западный манер справедливо ассоциировалась в его сознании с кровью и смертью). И этому пафосу он не изменял до конца жизни.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов наша идеология приобрела откровенно западнический характер, а все, кто говорил и писал о необходимости сохранения русской традиции в жизни и культуре, именовались «русскими фашистами». И именно в это время целыми блоками стали появляться в печати неизвестные дотоле стихотворения и поэмы Клюева как предостережение, как суровое пророчество.

И Клюева понадобилось «нейтрализовать». Обеспечить необходимыми «комментариями», когда грубыми и топорными, когда достаточно тонкими, но бьющими в одну цель: помните об опасности националистического мифа, не верьте и самому Клюеву до конца, наслаждайтесь красотой его стихов, но постарайтесь не думать об идеях, которые несет его поэзия...

А ведь та гармония жизни Руси и Востока, которую воплотил в своих стихах Клюев, ее осознание было бы как нельзя кстати в эпоху натравливания ис-

лама (точнее, его агрессивных изводов) на христианство. А его красочная поэтическая речь, содержащая в себе утверждение нетленных ценностей русского крестьянского мира, должна была быть услышана если не чиновниками, уничтожающими до конца русскую деревню, то хотя бы рядовыми гражданами, которым кстати было бы задуматься о том, какая Атлантида уходит в небытие и что нужно делать, чтоб поддержать ее жизнедеятельность.

И ведь еще не поздно. Сейчас, когда всем более или менее думающим людям стало ясно, что со стороны Запада в сторону России дует исключительно мусорный ветер, что Россия должна изыскивать свои собственные внутренние силы и резервы, дабы противостоять смертоносному западному железу и отраве западной «культуры», когда вспомнили что Русская Цивилизация и другие восточные цивилизации и древнее, и богаче, и разнообразнее западной, когда ставится (должна, наконец, поставиться!) задача возвращения народа на землю, если он думает о полноценной жизни в гармонии с окружающим миром – именно сейчас значение поэзии Клюева будет расти и обретать новые контуры и объемы...

Пятнадцать лет назад я читал в одной из московских школ спецкурс по Серебряному веку. Городские мальчики и девочки внимательно слушали, задавали вопросы – и наибольший их интерес вызвала поэзия Клюева. Я едва успевал отвечать им, где и как можно достать и прочесть его стихи. Было понятно, сделала свое генетическая память. И еще внутреннее стремление к красоте и гармонии. И никто из героев моего спецкурса не дал этим ребятам столько, сколько Клюев.

И воспоминание об этом обнадеживает по сей день.

Предлагаю читателям «Огней Кузбасса» подборку стихотворений Николая Клюева периода 1914–1919 года.

Сергей КУНЯЕВ

* * *

*Ягоды зреют для птичьего зоба,
Камень – для веса и тяги земной,
Люди ж родятся для тесного гроба
С черною ночью, с доукой дневной.*

*Тридцать минуло – шатаются зубы,
Хитрых седин не укроет картуз...
Заповедь есть: не убий, не прелюбы...
«Будьте, как дети!» – сказал Иисус.*

*Божьих садов и обителей много,
Здесь же ночлежка, свирепый трактир...*

*Где же пути, золотая дорога
В юно-румяный неблекнувший мир?*

*Наша земля – голова великана,
Мы же – зверушки в трущобах волос,
Горы – короста, лишай – океаны,
В вечность уходит хозяина нос.*

*В перхоть мы прячем червивые гробы,
Костные скрепы сверлом бередим.
Сбудется притча: Титан огнелобый
Нам погрозится перстом громовым,*

*Коготь державный косицы почешет, –
Хрустнут Европа, безбрежный Китай...
В гибели внуков ничто не утешит
Светлого Деда, взрастившего рай.*

1914

* * *

*Мужицкий лапотъ свят, свят, свят!
Взывает облако, кукушка,
И чародейнее, чем клад,
Морская, потная полушка.*

*Мужицкий тельник: Змий, Огонь,
Крылатый Лев Евангелиста,
Христа гвоздина ладонь –
Свирель, что тайной голосиста,*

*Горыныч, Сирин, Царь Кощей, –
Все явь родимая, простая,
И в онемелости вещей
Гнездится птица золотая.*

*В телеге туч неровный бег,
В метелке – лик метлы небесной.
Пусть черен хлеб и сумрак пег, –
Есть вежи к родине безвестной,*

*Есть мед и хмель в насущной ржи,
За лаптевязом дум ловитва,
«Вселися в ны и обожи» –
Медвежья умная молитва.*

1914

* * *

*В селе Красный Волок пригожий народ:
Лебедушки девки, а парни, как мед,
В моленных рубахах, в беленых портах,
С малиновой речью на крепких губах;*

Старухи в долгушках, а деды – стога,
Их рассказы внукам милей пирога:
Вспушатся усищи и киноварь слов
Выводит узоры пестрей теремов.

Моленна в селе – семискатный навес:
До горнего неба семь нижних небес,
Ступенчатые крыльца, что час, то ступень,
Всех двадцать четыре – заутренний день.

Рундук запорожский – пречудный Фавор,
Где плоть убелится, как пена озер.
Бревенчатый короб – утроба кита,
Где спасся Иона двуперстием креста.

Озерная схи́ма и куко́ль лесов
Хоронят село от людских голосов.
По Пятничным зорям на хартии вод
Всевышние притчи читает народ:

«Сладчайшего Гостя готовьтесь принять!
Грядет он в нощи, яко скимен и тать;
Будь парнем женатый, а парень, как дед...»
Полощется в озере маковый свет,
В пеганые глубли уходит столбом
До сердца земного, где праотцов дом.

Там, в саванах бледных, соборы отцов
Ждут радужных чаек с родных берегов:
Летят они с вестью, судьбы бирючи,
Что попра́на Бездна и Ада ключи.

1916

* * *

Бабка тачает заплаты, –
Внуков кургузый зипун.
Дремлют у печки ухваты,
Вороном смотрит чу́гун.

С полки грозится мутовка:
«Нишкни! Идет лесовик!...»
Грезит спросонка винтовка:
«Где же хозяин-лесник?»

Ржавчина ест мое дуло,
Выщерблен кремь давно!...»
Шарят лесные отгулы
Те́мени звонкое дно.

Поздно. Доштопать бы ворот.
Внучек белее, чем лен,
«Тя́тька лосихой запорот», –
Всякому вымолвит он.

Давеча дивный прохожий
В Выгово шел налегке,
С матерью-скрытницей Божьей
Сходство нашел в паренке.

Баял: «Пречудна Лукерья –
Града-то светного дщерь,
Мужу на нечесть безверья
Выбодал душеньку зверь».

Вторя старухиным думам,
Плещет за ставнею куст:
«Будет твой внук Аввакумом,
Речью ж Иван Златоуст».

Снам умиляется бабка:
«То-то б утешил меня...»
Темень – кудели охапка
Тушит кадьлицу дня.

Между 1914 и 1916

* * *

Ель мне подала лапу, береза серьгу,
Туча капнула перл, просияв на бегу,
Дрозд запел «Блажен муж» и «Кресту Твоему»...
Утомилась осина вязать бахрому.
В луже крестит себя обливанец-бекас,
Ждет попутного ветра небесный баркас:
Уж натянуты снасти, скрипят якоря,
Закудрявились пеной Господни моря,
Вот и сходню убрал белокрылый матрос...
Неудачлив мой путь, тяжек мысленный воз!
Кобылица-душа тянет в луг, где цветы,
Мята слов, дрезозвук, купина красоты.
Там, под Дубом Покоя, накрыты столы,
Пиво Жизни в сулеях, и гости светлы –
Три пришьельца, три солнца, и я – Авраам,
Словно ива ручью, внемлю росным словам:
«Родишь сына-звезду, алый песенный сад,
Где не властны забвенье и дней листопад,
Где береза серьгою и лапою ель
Тиховейно колышут мечты колыбель».

Между 1914 и 1916

* * *

Пашни буры, межи зелены,
Спит за елями закат,
Камней мшистые расщелины
Влагу вешнюю таят.

Хороша лесная родина:
Глушь да поймища кругом!..
Прослезилася смородина,
Травный слушая псалом.

И не чую больше тела я,
Сердце – всхожее зерно...
Прилетайте, птицы белые,
Клюйте ярое пшено!

Льются сумерки прозрачные,
Кроют дали, изб коньки,
И березки – свечи брачные
Теплят листьев огоньки.

1914

* * *

Звук ангелу собрат, бесплотному лучу,
И недруг топору, потемкам и сычу.
В предсмертном «ы-ы-ы!..» таится полужук,
Он каплей и цветком уловится, как стук.
Сорвется капля вниз, и вострепещет цвет,
Но трепет не глагол, и в срыве звука нет.

Потемки с топором и правнук ночи – сын
В обители лесов поднимут хищный клич,
Древесной крови дух дойдет до Божьих звезд,
И сирины в раю слетят с алмазных гнезд;
Но крик железа глух и тяжек, как валун,
Ему не свить гнезда в блаженной роще струн.

Над зыбкой, при свече, старуха запоем,
Дитя, как злак-росу, впивает певчий мед,
Но древний рыбарь-сон, чтоб лову не скудеть,
В затоне тишины созвучьям ставит сеть.

В бору, где каждый сук – моленная свеча,
Где хвойный херувим льет чашу из луча,
Чтоб напоить того, кто голос уловил
Кормилицы мирской и пестуны могил,-
Там отроку-цветку лобзание даря,
Я слышал, как заре откликнулась заря,
Как вспел петух громов и в вихре крыл возник,
Подобно рою звезд, многоочитый лик...

Мир выткал пелену, видение темня,
Но некая свирель томит с тех пор меня;
Я видел звука лик и музыку постиг,
Даря уста цветку, без ваших ржавых книг!

1916

* * *

Где пахнет кумачом – там бабьи посиделки,
Медыню и сурьмой – девичий городок...
Как пряжа, мерен день, и солнечные белки,
Покинув райский бор, уселись на шесток.

Беседная изба – подобие вселенной:
В ней шолом – небеса, полати –

Млечный Путь,

Где кормчому уму, душе многоплачевной
Под веретенный клир усадно отдохнуть.

Неизреченен Дух и несказанна тайна
Двух чаш, двух свеч, шести очей и крыл!
Беседная изба на свете не случайна -
Она Судьбы лицо, преддверие могил.

Мужицкая душа, как кедр зелено-темный,
Причастье Божьих рос неутолимо пьет:
О, радость – быть простым, носить
кафтан посконный
И тельник на груди, сладимей диких сот!

Индийская земля, Египет, Палестина -
Как олово в сосуд, отлились в наши сны.
Мы братья облаков, и савана холстина –
Наш верный поводырь в обитель тишины.

1916

* * *

Шепчутся тени-слепцы:
«Я от рожденья незрячий».
– «Я же ослепла в венцы,
В солнечный пир новобрачий».

«Дед мой – бродяга-фонарь,
Матерь же – искра-гулеха...»
– «Помню я сосен янтарь,
Росные утрени моха».

«Взломщик походку мне дал,
Висельник – шею цыплячью...»
Призраки, вас я не звал
Бить в колотушку ребячью!

Висельник, сядь на скамью,
Девушке место, где пряжа.
Молвите: в Божьем раю
Есть ли надпечная сажа?

Есть ли куриный Царьград,
В теплой соломе яичко,
Сказов и шорохов клад,
Кот с диковинною кличкой?

Бабкины спицы там есть,
Песье ворчанье засова?..
В тесных вратах не пролезть
С милой вязанкой былого.

Ястреб, что смертью зовут,
Город похитил куриный,
Тени-слепцы поведут
Душу дорогою длинной.

Только ужиться ль в аду,
Сердцу теплее наседки? –
В келью поэта приду
Я в золотые последки.

К кудрям пытливым склонюсь,
Тайной дохну на ресницы,
Та же бездонная Русь
Глянет с упорной страницы.

Светлому внуку незрим
Дух мой в чернильницу канет
И через тысячу зим
Буквенным Сирином станет.

Между 1916 и 1918

* * *

Меня Распутиным назвали:
В стихе расстригой, без вины,
За то, что я из хвойной дали
Моей бревенчатой страны,

Что души-печи и телеги
В моих колдующих зрачках,
И ледовитый плеск Онеги
В самосожженческих стихах,

Что васильковая поддевка
Меж коленкоровых мимоз,
Я пугачевскую веревкой
Перевязал искусства воз.

Картавит дружба: «Святотатец»,
Приятство: «Хам и конокрад»,
Но мастера небесных матиц
Воздвигли вещему Царьград.

В тысячестолпную Софию
Стекутся зверь и человек.
Я алконостную Россию
Запратал в дедовский сусек.

У Алконоста перья – строчки,
Пушинки – звездные слова;
Умрут Кольцовы-одиночки,
Но не лесов и рек молва.

Потомок бога Китовраса,
Сермяжных Пудов и Вавил,
Угнал с Олимпа я Пегаса
И в конокрады угодил.

Утихомирился Пегаске,
Узнав полеты в хомуте...
По Заонежью бродят сказки,
Что я женат на Красоте,

Что у меня в суставе – утка,
А в утке – песня-яицо...
Сплелись с кометой незабудка
В бракоискусное кольцо.

За евхаристией шаманов
Я отпил крови и огня,
И не оберточный Романов,
А вечность жалует меня.

Увы! Для паюсных умишек
Невнятен Огненный Талмуд,
Что миллионы чарых Гришек
За мной в поэзию идут.

Лето 1917

* * *

Строгановские иконы –
Самоцветный мужицкий рай!..
Не зовите нас в Вашингтоны,
В смертоносный, железный край.

Не обертывайте в манишки
С газетным хитрым листом!
По звенящей тонкой наслышке
Мы Предвечное узнаем!

И когда златится солома,
Оперяются озима,
Мы – в черте алмазной, мы – дома,
У живых истоков ума.

Самоцветны умные хляби –
Непомерность ангельских глаз...
Караван к Запечной Каабе
Привезет виссон и атлас.

Нарядясь в пламя и розы,
В строгановское письмо,
Мы глухие смерчи и грозы
Запряжем в земное ярмо!

Отдохнет многоскорбный сивка,
От зубастых ножниц – овца.
Брызнет солнечная наливка
Из небесного погребца.

Захмелеют камни и люди,
Кедр и кукуший лен,
И восплачет с главой на блюде
Плясея Кровавых Времен.

Огневые рощи-иконы
Восшумят: «Се Жених грядет...»
Не зовите нас в Вашингтоны
Под губительный молот бед!

Июнь 1919

* * *

Они смеются над моей поддевкой,
Над рубахой соловецкой тресковой,
Им неведомо распутинской сноровкой,
Как дитя, взлелеянное слово.

Им неведом плеск полночной зыбки –
Дрема пальм над гулом караванным,
И в пушке надгубном вопли скрипки
По садам и пажитям шафранным,

По стране, где птицы-поцелуи
Гнезда вьют из взоров и касаний...
От Борнео до овчинной Шуи
Полыхают алые герани.

Смертоносных строк водовороты,
В них обломки Певчего Фрегата,
А в излуче сердца громный кто-то
Ловит звуки – радуги заката.

1919, 1921

Публикация
С. С. КУНЯЕВА

Сергей ФИЛАТОВ

НЕ ПО БЕЛИНСКОМУ...

Петр Ершов. Конек-Горбунок. Русская сказка в трех частях. Фонд «Возрождение Тобольска». Отпечатано в издательстве «График», Верона, Италия.

Наверное, многие помнят из детства: «За горами, за лесами, за широкими морями, не на небе – на земле...» Конечно, это Петр Павлович и его «Конек-Горбунок»...

Помнить-то помним, но вот новая встреча. Фонд «Возрождение Тобольска» выпустил недавно новое издание «Конька-Горбунка». Красочное, коллекционное, отпечатанное тиражом всего сто нумерованных экземпляров.

Понятно, саму сказку все мы, если не читали, то слышали, если не слышали, то, скорее всего, видели, возможно, по телевизору. А вот книга...

Зная о предыдущих коллекционных изданиях фонда, зная отношение к книгоизданию вообще председателя фонда Аркадия Григорьевича Елфимова, скажу честно, ждал с интересом выхода книги. Какой она будет?

Ведь, начиная с 1834 года, «Конек-Горбунок» издавался и переиздавался в различных редакциях и с различным оформлением более сотни раз...

Впервые отрывок из сказки появился в 1834 году в журнале «Библиотека для чтения». В том же году сказка «Конек-Горбунок» вышла отдельным изданием с поправками по требованию цензуры. Из текста было исключено все, что могло быть прочитано как сатира в адрес царя или церкви.

В дальнейшем еще интереснее: чего только ни говорилось о сказке Ершова, какими только слухами земля, а точнее пространство вокруг сказки ни наполнилось, какие только катаклизмы с нею ни происходили.

Так, в 1843 году «Конек-Горбунок» был полностью запрещен цензурой и 13 лет практически не переиздавался. А к середине 1850-х годов сказка была забыта вовсе.

В 1856 и 1861 годах Ершов подготовил новые издания книги, восстановил цензурные купюры и существенно переработал текст. А к концу XIX века «Конек-Горбунок» уже стал классикой детского чтения, постоянно переиздавался и иллюстрировался.

В 1922 году, уже в советское время, «Конек-Горбунок» вновь был признан «недопустимым к выпуску» из-за сцен: «На колени все тут пали / И «ура» царю кричали». В 1934 году в разгар коллективизации в сказке усмотрели

«историю карьеры сына деревенского кулака»; а в 2007 году татарские активисты потребовали проверить книгу на экстремизм из-за высказываний царя, в которых слово «татарин» употребляется как ругательное: «Скрыл от нашего ты глаза / Наше царское добро – / Жароптицево перо? / Что я – царь али боярин? / Отвечай сейчас, татарин!» Однако экспертиза не потребовалась, поскольку Министерство юстиции твердо парировало это заявление, мол, сказка – классика.

Неоднократно возникали различные «истории» и с авторством сказки, особенно в 90-х годах XX века. В это время в печати периодически появлялись различные версии об авторстве многих литературных произведений, в том числе и классики. Наряду с авторством некоторых произведений Шекспира, Шолохова, так называемое «сенсационное литературоведение» «Конька-Горбунка» чаще всего приписывало перу Александра Сергеевича Пушкина. Якобы текст первого издания создал он, а потом «подарил» его Петру Ершову. А мотивацией для сокрытия авторства называют желание Пушкина избежать цензуры или, что уж совсем нелепо, получить заработок, о котором бы не знала жена. По крайней мере, эта версия у нормального человека не может не вызвать улыбки.

Причиной же их возникновения является свидетельство А. Ф. Смирдина о том, что «в апогее своей славы Пушкин с живым одобрением встретил известную русскую сказку г-на Ершова «Конек-Горбунок», теперь забытую. Первые четыре стиха этой сказки принадлежат Пушкину, удостоившему ее тщательного пересмотра», а также тот далеко не бесспорный факт, что Ершов создал свое самое выдающееся произведение в 19 лет, а позже не написал ничего сопоставимого. Повторюсь – факт весьма спорный, можно вспомнить лирические стихотворения Ершова, скажем, его «Час тайны» или «Вечер», которые по мастерству стихосложения, на наш взгляд, сказке отнюдь не уступают.

Отметим также, что и воспринята сама сказка современниками была далеко неоднозначно. Тот же великий Пушкин, автор волшебных сказок в стихах «О Царе Салтане», «О рыбаке и золотой рыбке» и других, как уже упомянуто выше, с большой похвалой отзывался о «Коньке-Горбунке» и о самом авторе, сказав при этом: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить», имея ввиду, что появился преемник, достойный самого Пушкина.

В то же время известный критик Виссарион Григорьевич Белинский в своем сочинении писал: «...теперь все хотят быть народными; ищут с жадностью всего грязного, сального и дегтярного; доходят до того, что презирают здравым смыслом, и все это во имя народности... Вы никогда не сочините своей народной сказки, ибо для этого вам надо б было, так сказать, омузиться... Как бы внимательно ни прислушивались вы к эху русских сказок, как бы тщательно ни подделывались под их тон и лад и как бы звучны ни были ваши стихи, подделка всегда останется подделкою, из-за зипуна всегда будет виднеться ваш фрак. В вашей сказке будут русские слова, но не будет русского духа, и потому, несмотря на мастерскую отделку и звучность сти-

ха, она нагонит одну скуку и зевоту. Вот почему сказки Пушкина, несмотря на всю прелесть стиха, не имели ни малейшего успеха. О сказке г. Ершова – нечего и говорить. Она написана очень не дурными стихами, но, по вышеизложенным причинам, не имеет не только никакого художественного достоинства, но даже и достоинства забавного фарса».

Так что же – фарс или все же народная сказка, хоть и авторская (ибо наличие автора и народность – одно другому, на наш взгляд, не мешает)? Прежде всего, как говорил один мой знакомый, давайте определимся в терминах. Что же такое народность литературного произведения? Конечно, если подразумевать только авторство, то любое произведение с позабытым со временем авторством, следует отнести к народным. Однако можно вспомнить много устных рассказов, которые, хоть и передаются из уст в уста, однако имеют достаточно сомнительные литературные достоинства, а уж о народной мудрости и выразительности их языка порой говорить и вовсе не приходится. Поэтому: авторство здесь первично или внутреннее содержание – внутренняя близость?.. Как мыслится, все-таки – последнее.

Если это так, то имеет смысл сказать о самом этом содержании. То есть, народная, значит, воспринимаемая народом как нечто свое, внутреннее. В этом смысле Белинский со своим «вы никогда не сочините своей народной сказки», как бы сознательно абстрагирует себя от народа и начинает примитивно «судить по себе», как бы абстрагируя при этом от народа и большую часть русской интеллигенции, отказывая ей в праве, быть в своем народе, быть его частью.

Не стану углубляться – искреннее ли это заблуждение или сознательное лукавство в угоду литературоведению, однако, как мне представляется, лукавил господин Белинский, ох, лукавил...

Дабы воспринимать нечто как неотъемлемо свое, нужно быть погруженным в это нечто. И настолько быть с ним единым, чтобы тонко чувствовать каждое его колыхание, каждую деталь, каждый отдельный штрих... А кто может видеть и ощущать это точнее и тоньше человека творческого, рисующего картину реальную или воображаемую, допустим, художника? Именно поэтому попробуем взглянуть на сказку «Конек-Горбун» глазами художника. Обычно любой стилизации «под», любому подражанию свойственна противоестественная гротесковость и упрощенность. Иными словами, ежели герой плохой, то он – страшен, уродлив, противен, если герой из народа – то уж непременно в зипуне и в сапогах. Невольно вспомнилось, как эти сапоги некоторые современные белинские Василию Макаровичу Шукшину упорно примеряли. Делали из него этакого петрушку. Да только он-то свою народность отнюдь не сапогами заслужил, а именно народным признанием таланта его, своей жизнью в этом народе...

Однако вернемся к сказке. В данном случае похоже, что художник, который оформлял это издание «Конька-Горбунка», а иллюстрировал книгу старейший мастер офорта, замечательный книжный график, чьи работы хранятся во многих музеях России и мира – Вадим Сер-

геевич Житников, несмотря на всю свою титулованность, вряд ли согласен с Белинским. Думаю, кого-кого, а Житникова никак нельзя упрекнуть в «торчании фрака из-под зипуна».

Приведу несколько моментов из биографии художника, о которых он сам рассказал в одном из своих интервью:

«...детство мое прошло в неуютные тридцатые годы. Жили мы на Волхонке... Наш дом и наши души были потрясены взрывом храма Христа Спасителя, это было так рядом, так близко. Три человека из нашей квартиры были уведены ночью, так что поздний стук в дверь пугал. Утром, спотыкаясь на булыжной мостовой переулочка, волоча ранец, спешил я в школу, убегая от пугающего темного силуэта «воронка»...

Потом мы жили в Трубниковском переулке... В нашей квартире жило 12 семей; разумеется, никаких удобств не было. Утром все встречались в коридоре с ночными вазами...

В войну нас с мамой эвакуировали в Саратов. Время настало трудное, не до учебы было. В 42-м, вернувшись в Москву, работал грузчиком на лесозаготовках...

В 43-м году... питание было скудное. На ужин давали три нечищенные картошкины, политые горьким маслом, и двести граммов черного хлеба. Мы выедали серединку в хлебном куске и клали туда кашу – получалось как бы пирожное...

Война кончилась... С этюдником бродил я по Москве и Подмоскovie, писал этюды, захваченный величием и красотой храмов, а они стояли на родной земле, неухоженные, со сбитыми крестами, с оскверненными фресками...

На диплом я хотел взять историческую тему «Восстание Болотникова», изготовил большой картон композиции, написал много к нему этюдов, как полагается при серьезной работе над композицией. На предварительном просмотре мне поставили тройку, а на основном за маленький эскиз этой же композиции поставили «пять». Я спросил у уважаемого мной преподавателя, как это понимать, и он ответил мне, что я превысил требуемый уровень...

...В институте я опять сделал попытку взять на диплом так близкую мне историческую тему, и вновь неудача – сказали, «несет мертвечиной», а на защите дипломной работы «У стен Кремля» один партийный деятель, на фоне общего признания, высказался так: «Подумать только, в центре диплома Царь-пушка и Царь-колокол!» И многие притихли, и снижена была оценка за большую серию крупных офортов, хотя тут же она была отправлена на выставку в Берлин...

Если посмотреть на эти факты биографии художника обобщенно, сквозь призму конкретного времени – это типичные факты из биографии вполне типичного человека своего времени. Взрыв храма, детские воспоминания о московской коммуналке, всеобщая боязнь репрессий, голодные военные годы, красота и, одновременно, неухоженность брошенных храмов и, как следствие, творческие искания, в которых художнику тоже никак нельзя было превысить некий «допу-

стимый уровень»... Что это, если не изначальная народность, иными словами жизнь внутри народа, общность с судьбами современников, полностью разделенные все радости и печали их бытия...

Однако обратимся непосредственно к иллюстрациям. Думается, сам термин Белинского «подделка», который он использует по отношению к ершовскому тексту – от самого текста пока сознательно абстрагируемся – никак не может отражать суть изображенного на иллюстрациях Житникова. В иллюстрациях есть сказка, но никакой карикатурной преувеличенности, напротив, порой сами иллюстрации, несмотря на сказочность сюжета, реалистичны, а художник даже не проводит однозначных границ между персонажами реальными и вымышленными; сама техника выполнения рисунков лишена лубковой упрощенности «под народ», наоборот они выполнены очень тонко и изящно, поэтому назвать их лубком как-то язык не поворачивается.

Вот на обложке главный герой сказки Иван ведет беседу с Месяцем-Месяцовичем, здесь же Солнце Красное и сказочная Жар-птица, а здесь же рядом вполне реальные сокол и синица – четкой грани между сказочными и реальными героями нет. И сами герои, все без исключения, – индивидуальные, живые, за ними сразу угадывается характер, и прочитывается отношение к каждому из них автора иллюстраций, к кому-то по-доброму ироничное, с симпатией, к кому-то откровенно насмешливое... И нет здесь ничего общего с дешевыми картинками, которыми торговал на ярмарке один из известных героев Георгия Вицина: «Налетай – торопись! Покупай живопись!»

К слову, и Царь-Девушка на странице номер два – воздушная, легкая, но при взгляде на выражение ее лица сразу понимаешь, что не так проста она, и цену себе знает – «Дочь, вишь, Месяцу родная, / Да и Солнышко ей брат. / Та девица, говорят, / Ездит в красном полушубке, / В золотой, ребята, шлюпке / И серебряным веслом / Самолично правит в нем...»

Как кажется, очень показательна в отношении народности иллюстрация на третьей странице. На ней, думается, неслучайно взято за основу сюжета начало второй главы сказки: «Как на море-окияне / И на острове Буяне / Новый гроб в лесу стоит, / В гробе девица лежит; / Соловей над гробом свищет; / Черный зверь в дубраве рыщет...» И неслучайно она расположена в самом начале книги.

Во всей сказке это, пожалуй, одно из самых символических мест, открывающих истинно народные корни «Конька-Горбунка». Здесь же во множестве присутствуют герои других русских сказок – и Соловей Будимирович в дубраве, и гроб хрустальный со свечами, и черный зверь... – вот они настоящие истоки «Конька-Горбунка», и совсем не обязательно при этом автору рядиться в мужичий зипун или «омужичиваться», как настаивает Белинский.

К слову среди своих героев вполне объяснимо и правомерно присутствие самого рассказчика Петра Павловича Ершова с Коньком-Горбунком, которые и зачинают сказ: «...от Ивановых проказ, / и от сивка, и от бурка, / и от вещего каурка...»

А дальше и по тексту, и у художника пошел уже сам сюжет. Вот на четвертой странице братья с отцом: «У старинушки три сына: / Старший умный был детина, / Средний сын и так и сяк, / Младший вовсе был дурак». Вот по праву руку от их застолья жизнь деревенская: «Жил старик в одном селе». А на горке виден кремль градо-столицы, кстати, ну очень Тобольский кремль он напоминает: «Знать, столица та была / Недалече от села». Ну, а по леву руку дубрава темная, а там филин жуткий летает, и кобылица необузданная еще посева на поле крестьянском топчет: «Кто-то в поле стал ходить / И пшеницу шевелить». И надо всем – ангел, опять же явно Тобольский, утренний, готовый вострубить...

Вот дальше один из братьев выходит в дозор, чтобы поймать вора. Но страшно ему одному ночью в темном поле: «Ночь ненастная настала, / на него боязнь напала». А вот Иван, он единственный из братьев, кто не испугался, сильно уж бесшабашен и смел потому, да и ловок ведь: «Кобылица молодая, / Хочет силой аль обманом, / Лишь бы справится с Иваном. / Но Иван и сам не прост, / Крепко держится за хвост». Рассказывая о своем подвиге отцу и братьям, он по своему бесшабашию даже привирает слегка или не слегка: «Тут приходит дьявол сам. / С бороною и усам». И конечно, кто же поверит дураку, братья и отец просто смеются над ним. Но сказка она на то и сказка, что «он дурак в начале сказки, / дочтите сказку до конца».

И дальше – жарптицево перо, и ярмарка в столице, и знакомство Ивана с царем, и призыв на царскую службу: «Во дворце тебе служить; / Будешь в золоте ходить, / В красной платье наряжаться, / Словно в масле сыр кататься...» А почему бы нет?..

И служба та государева со всеми ее интригами: «Донесу я в думе царской, / Что конюший государской – / Басурманин, ворожей, / Чернокнижник и злодей; / Что он с бесом хлеб-соль водит, / В церковь божию не ходит, / Католичкой держит крест / И постами мясо ест», – и тяготами: «Если ты недели в три / Не достанешь мне Жар-птицу / В нашу царскую светлицу, / То, клянусь бороною! / Ты заплатишься со мной: / На правез – в решетку – на кол!»

А как следствие всевозможные мыслимые и немыслимые приключения, которые – так уж во всех сказках ведется – заканчиваются честным пирком да веселой свадебкой: «Твоего ради талана / Признаем царя Ивана!» / Царь царицу тут берет, / В церковь божию ведет...»

...И, конечно, Тобольск, как Ершову без Тобольска! И Кремль, и ангел, и Тобольский памятник Ершову и Коньку-Горбунку... – на напоминания о Тобольске Житников в своих иллюстрациях не скупится. Думается, он по своему прав... Все-таки сказка-то родом отсюда.

Ну а что до текста, подумалось: наверное, и не стоит нынче мне спорить с Белинским, ведь время уже давно все расставило на свои места, сказка давно уже стала своей, близкой, а значит, народной. Именно в том понимании, что многие из нас узнают в ней себя и ту реальность, которая сегодня вокруг нас существует. И ничего здесь похожего на так распространенные нынче дешевые эстрадные имитации, а по Белинскому – «подделки» под народ...

**Виктор
КОНЯЕВ**

И РЕЧИ РУССКОЙ СЛАДОСТНЫЕ ЗВУКИ

Заметки равнодушного

«В начале было Слово» – возвестил евангелист Апостол Иоанн. В греческом тексте написано «Логос», это понятие некоторые толкователи считают более широким, но далее у Иоанна сказано: «И Слово было у Бога и Слово было Бог», поэтому русское «Слово» понятийно, пожалуй, повесомее. Таким образом, в русском языке Бог и Слово единосущны, а Иисус Христос в православии именуется воплощенным Словом.

И язык наш сохранил благоговейное отношение к Слову.

Живи по слову. Да спасешься Словом. Слово – скрепление истины.

Создал Господь человека, наделил его разумом 159 и даровал слово для выражения мысли – плода разума.

А вот как создание использует дар Божий, мы и попытаемся рассмотреть

Первым применил слово для искусовой лжи дьявол, он воздействовал на Еву высказанной мыслью как инструментом обмана, как орудием подавления воли жертвы.

Опыт оказался удачным для отца лжи и пагубным для всего последующего человечества – наши праотец и прамать были изгнаны из Рая.

Вот так род людской получил первородное повреждение, а дальше уже люди по своей злой воле выбирали грех и использовали слово как орудие греха и как укрывательство греха.

«И сказал Каин Авелю, брату своему: пойдем в поле. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его», – читаем мы в Библии.

«И сказал Господь Каину: где брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?»

Так поступил первенец Адама и Евы, он сделал слово лживым, и стало слово ложью.

После гибели Авеля у прародителей родился Сиф, благочестивый и богобоязненный сын.

Потомки Сифа смешались с потомками Каина, и последствия такого смешения оказались более вредными для добрых, чем полезными для злых. Такова сила греха. Пошло человечество по жизни с грузом греха-помысла, греха-слова и греха-поступка, копя и множа обретенное.

Даже Потоп не устрасил человекoв, не выжег страхом Божиим заразу греха, и уже сын Ноя, главы единственного спасшегося семейства, Хам оскорбил своего отца словом и поступком, за что были прокляты потомки его в лице сына Хамова, Ханаана. Такова сила словесного проклятия праведного Ноя, что не ослабела она за тысячелетия и привела к гибели племена земли Ханаанской за мерзости их пороков.

Опять начали размножаться человекo, стали плодиться и о грехе не забывать, его тоже плодили, особо гордыню взращивали. Возомнили себя способными добраться до небес, башню начали возводить из обожженных кирпичей. Тварное создание, однажды уже наказанное за гордыню, снова захотело возвыситься до Творца, но не духом.

Бог милостив, Он не стал вторично уничтожать неразумных гордецов, Он разлучил их речь, причем одномоментно. Вечером понимали друг друга, беседовали, обсуждали планы на завтра, а утром вдруг абсолютное непонимание, от этого рождалось раздражение, а потом отторжение. Совместная деятельность стала невозможна, Вавилонская башня не построилась.

Получается, своим неразумием человечество обрекло себя на разобщенность, на развитие отдельными группами, и эти группы все более отдалялись друг от друга, сначала языками, потом обычаями и традициями, из которых складывался образ жизни. Так началось формирование различных цивилизаций.

Но человечество уже твердо усвоило, что с помощью речи лучше всего можно обманывать, лицемерить и скрывать истинные помыслы.

Слово красно, да дело черно.

Жило человечество, не тужило, высоких целей не ставило, ибо разум людей был настроен исключительно на добывание хлеба насущного, желательного его побольше да повкуснее.

Однако чревата такая односторонняя деятельность могучего дара, разума, скверными последствиями. Она неизбежно приводит к бурному развитию дурных страстей, начиная с гордыни, родоначальницы всех пороков.

Гибель Содомы и Гоморры – следствие человеческой необузданности в страшных грехах и результата гнева Божия.

Но разве человека хоть что-нибудь может отвратить от пагубы? Нет, даже гибель целых городов не послужила людям уроком, слишком сладка оказалась греховная жизнь.

Пресловутая частная собственность послужила мощнейшим импульсом к дальнейшему развитию дурных наклонностей поврежденной человеческой природы. Бог – врач, а не палач. Он хотел помочь людям найти путь к исправлению, надеясь, что «помышление сердца человеческого – зло от юности его».

Избрал Бог племя. Дал ему Завет и Заповеди, чтобы оно показывало всем племенам пример жизни праведной, свободной от греха.

Но не может Господь противиться воле человека, не может насильно вести его к Свету, если человек тянется ко тьме.

Посылал Бог пророков для вразумления погрязшего во грехе племени, но глас посланников был или «гласом вопиющего в пустыне», или заглушался камнями побивающих их соплеменников, а то и пресекался мечом палача. Зато по прошествии веков фарисеи лицемерно восхваляли убиенных, строили им гробницы и заучивали наизусть тексты их книг с пророчествами.

Были праведники в народе еврейском, но не под силу им было исправить нравы общества.

Слово Бога заслонялось словами сатаны.

Однажды пришел в мир Спаситель, Сын Божий, чтобы страданиями своими и смертью дать возможность оскверненному человечеству спастись. Он принес людям Благою весть, принес Слово Спасения. И что? Побежали несметные толпы каяться во грехах, во слезах молить о прощении? Как бы не так. Огромными толпами ходили, слушали, восхищались чудесами, а каялись немногие. Ждали не Спасителя, не было в Нем нужды, ждали могучего царя, способного дать каждому все блага земли и радости жизни.

А потом разочарованные до озлобления люди неистово вопили: «Распни Его, кровь Его на нас и на наших детях». Но Слово Спасения не погибло. Апостолы, ученики и друзья Иисуса понесли Его по свету, и все, кроме Иоанна Богослова, погибли за Него.

Как невообразимо сложно и как гениально просто устроена вселенная под названием человек! В ней уживается несовместимое: величие духа и низость, неумность плоти и аскетизм, чистота сердечных помыслов и мерзость!

Человек волен выбирать себе близкое по влечению.

Апостолы шли по городам и селениям Иудеи, Самарии, Галилеи со Словом Иисуса, люди внимали, многие задумывались, иные уверовали. И в то же время апостол Иаков с болью писал: «Ибо все мы много согрешаем. Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело. Вот мы влагаем удила в рот коням, чтобы они повиновались нам, и управляем всем телом их. Вот и корабли, как ни велики они и как ни сильными ве-

трами носятся, небольшим рулем направляются, куда хочет кормчий.

Так и язык – небольшой орган, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает!

И язык – огонь, прикраса неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи сам восплаем от геенны.

Ибо всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим.

А язык укротить никто из людей не может: это – неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда.

Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человека, сотворенных по подобию Божию.

Из тех же уст исходит благословение и проклятие: не должно, братья мои, сему так быть».

Знать, до такого плачевного состояния дошел язык народа еврейского, ну а коли язык стал таков, то и духовное состояние было соответствующее. Но Светильник был уже зажжен и светил – Слово достигало людских сердец и возжигало в них Веру Христову. А поборники зла несли свое слово. Евангелие невозможно уничтожить, но его можно исказить.

* * *

«Сыновья Ноя, вышедшие из Ковчега, были: Сим, Хам и Иафет», от них пошло человечество после Потопа, их потомки расселились по Земле.

Из потомков Симы происходил Иисус. Потомки Иафета позже всех расселились по миру. Они пришли в Малую Азию, Индию, двинулись и на запад, в Европу. Это племя позже и разрослось в индоевропейскую расу, к которой принадлежит русский народ – так сказано в Библии, изложенной для семейного чтения (издание Сретенского монастыря).

* * *

Среда обитания непосредственно и активно участвует в процессах формирования и развития народа и его языка, а язык, в свою очередь, оказывает влияние на формирование образа жизни, в последующих поколениях степень его участия усиливается, затем уже образ жизни влияет на язык. Эта сложная связь неразрывна, а изменение хотя бы одного из факторов влечет изменение других.

В связи с вышеизложенным автору представляется нелишним высказать некоторые соображения о истории американского народа.

Первоначально территория нынешних Штатов заселялась в основном английскими каторжниками, которым после отбытия наказания был запрещен возврат в старую добрую Англию или они сами не

желали туда возвращаться. Позже пошел поток искателей приключений и богатства, сначала с родного острова, за ними потянулись удальцы со всей Европы.

Освоение неизвестных земель сопровождалось массовым истреблением коренного населения, не надо забывать, что первые поселенцы были преступниками и за годы каторги дух зла крепко в них вжился. Уничтожали аборигенов самыми изуверскими способами, вплоть до введения денежного вознаграждения за снятые с живых или мертвых индейцев скальпы.

Такого мир прежде не видывал.

На безвинной крови начинался процесс кристаллизации молодой нации, и грех человекоубийства, добровольный и желанный, по законам духовной жизни, таким же непреложным, как и законы физические, изменял внутренний мир человека под себя, оседал в гено типе и передавался по наследству, возрастая в потомках, ибо грех есть духовная зараза, и как всякая зараза, которую не врачуют, разрастается и разрушает личность в человеке.

Так что многолетнее убийство наивных жителей лесов и прерий не могло не отразиться на последующей истории Соединенных Штатов и на их языке.

Кстати сказать, покорители Северной Америки уже несли в себе яд каторжного жаргона, языковую агрессию преступников, так ведь и родина этих людей, Англия, в это время уже стремилась к мировому господству, она воевала за колонии, за рабов, за рынки сбыта и подстраивала свой язык под решение поставленных задач. Языковая агрессия перерастала в физическую.

Поселенцы обжились, загнали остатки некогда многочисленных племен в резервации, завладели необозримыми массивами земли, а работать на них было некому, не пойдет же гордый вольный поселенец вкалывать с утра до ночи на плантациях под немилосердным солнцем. Ну что же, ум, нацеленный на добывание богатства, найдет выход – и поплыли к берегам «черного континента» суда работорговцев за «двуногим скотом». Началась в истории Америки следующая, наложившаяся на уходящую индейско-истребительную, не менее позорная рабовладельческая эпоха.

Крупные землевладельцы и промышленники со временем становились высшими чинами во всех ветвях власти государства, так создавалась управляющая элита, в которой власть фактически стала выморочно-наследственной.

Копился в ней поврежденный генофонд. Он потом сказал свое слово в захватнических войнах с Испанией и Мексикой.

Дальше пошло по нарастающей – США «вознесли» атомные грибы над японскими городами Хиросима и Нагасаки.

Изуродованный генофонд будет толкать государственную машину Штатов на борьбу за мировую власть в Корее и Вьетнаме, в Ираке и Югославии, в Ливии и Сирии. А в мире будут с ненавистью, скрытой за резиновой улыбкой, слушать английский язык американского разлива. И точно так воспринимать американскую культуру, выродившуюся в одно большое шоу. Потому что шоу – это маска улыбающегося милого зайчика на свирепой волчьей пасти, а культура есть воплощение человеческого духа.

Каков дух, такова и культура, а коли дух с душком, то и культура с запахом.

* * *

Итак, среда обитания участвует в рождении и становлении народа, в ней обитающего.

Посмотрим, как это происходило с русским народом, как повлияло на формирование великорусского языка.

По Льву Гумилеву, «первое общеславянское государство существовало в лесной полосе между Днестром и Днепром. В VII веке оно распалось под натиском врагов, выделив Болгарию, Чехию, Польшу и Поморье».

«К IX веку сложилась Киевская Русь, она возникла тогда, когда славянство перестало существовать как целостность, сохранив, однако, общепонятность речи, или близость языков».

Здесь для нас важны слова о лесистой полосе и о междуречье Днепра и Днестра, они указывают на характерные природные особенности и первого исторически обозримого славянского государства, и Киевской Руси, которая тоже располагалась в основном на землях, заросшим густым лесом, вдали от теплых ветров Атлантики, благодатного климата Западной Европы.

Густые, нехоженные леса, топкие болота, длинные морозные зимы, хищные звери – все требовало объединения человеческих усилий для выживания, но и вырабатывало мощный характер, негибимый дух, рождало язык вдумчивый, неторопливый, мирозерцательный.

Очень трудно доставался хлеб земледельцу, кровью и потом отвоевывавшему скудную пашню у векового леса. Во многом поэтому не возникли на Руси условия для частно-собственных отношений, они подталкивали к оформлению скорее государственно-частных. И оттого не было возможности у народа, живущего в столь суровых условиях, увлекаться излишествами, перерастающими в пороки.

На западе, в зоне влияния Гольфстрима, природа баловала человека.

Здесь была разветвленная речная сеть, притом почти незамерзающая, теплый климат без летних заморозков и изрядно прореженные со времен Рима леса.

Эти факторы способствовали лепке характера народа неустойчивого, а языка легковесного, суесловного.

Конечно, автор понимает, что процесс рождения наций и языков намного сложнее, но убежден в исключительной силе влияния указанных условий на языковую культуру народов.

Но, кроме этого, европейская цивилизация выросла из трухи сгнившего Римского мира, впитав в себя соки-пороки поздней, нравственно разложившейся Империи, а языки европейские есть не что иное, как испорченная латынь. Очевидно, и западное христианство, католицизм, переняло в лице своих первых иерархов родовую черту римской аристократии – властолюбие и уверенно пошло к достижению верховенства среди христианских общин, потом церквей, причем любыми средствами, даже недостойными. На этом пути Римская курия накопила несметные богатства, стала одним из влиятельнейших собственников Европы, наравне с королями и императорами, потеряв при этом истинную духовную опору в народах, но построив церковь в систему существующих экономических отношений.

Отсюда можно сделать вывод – европейские нации, от рождения принявшие в себя родовые пороки Рима, на них росли и растут донныне. Точно на этой испорченной почве создавались европейские языки и национальные культуры.

Совершенно иначе, вне довлеющего влияния заткатного, изуверски-изошренного мира Империи, развивалась Русь, и язык русский проходил становление в самобытных условиях и на славянской основе.

Киевская Русь приняла христианство из Византии, а именно православие, сохранившее в себе учение Апостольской церкви.

Европа, перенеяв культуру погибшего Рима, не отторгла и глубоко укоренившиеся извращения покойного, содомистские похоти, они прижились в среде светских европейских правителей, постепенно проникая в гущу народную.

Подобное на Руси всегда считалось святотатством, даже в языческие времена, народ просто не выжил бы в тяжких климатических условиях, если бы поддавался извращениям, пресекающим род людской, и распутству, не способствующему росту и крепости семьи, фундаменту жизни земледельческого племени.

Конечно же, Русь не жила изолированно от Европы, европейские монархи постоянно втягивали русских князей в орбиту своих интересов и интриг.

И вот как однажды столкнулись несовместимые нравственные системы. Этот очень показательный случай описывает Л. Н. Гумилев.

Великий князь «Всеволод выдал свою дочь Евпраксию за маркграфа Генриха Длинного Штаденского.

В 1083 году юная княгиня прибыла в Германию «с пышным посольством и верблюдами, нагруженными роскошными одеждами, драгоценными камнями и вообще несметным богатством». (Здесь Гумилев цитирует по: Пашуто В. Т. Внешняя политика.)

До 1086 года Евпраксия воспитывалась в монастыре. Достигнув брачного возраста, она обвенчалась с маркграфом, вскоре овдовела и вернулась в монастырь. В 1088 году в молодую вдову влюбился император Генрих IV и женился на ней. Княгиня Евпраксия превратилась в императрицу Адельгейду, но брак этот не был счастливым: Генрих IV принадлежал к сатанинской секте николаитов, мистерии которой, как у всех сатанистов, заключались в надругательстве над церковными обрядами и таинствами.

Он вовлек свою жену в участие в мистериях: на ее обнаженном теле служили кощунственную мессу. Евпраксия была женщина русская. Она не выдержала немецких безобразий и сбежала от мужа к его врагам: графине Матильде и папе Урбану II. В 1094 году она выступала на Констанцском соборе, а через год на соборе в Пьяченце с разоблачением мужа, получила отпущение в своем невольном грехе и была отправлена через Венгрию на Русь».

Между прочим, это тот самый Генрих IV, знаменитый своей борьбой за власть с папой Григорием VII и своим трехдневным стоянием у ворот замка Каносса. Это он писал: «Генрих, король не по захвату, а по воле Божьей... Христос призвал меня на царство... Я Генрих, король Божьей милостью...». Он не был отлучен от церкви за богомерзкие поступки, ибо моральный облик многих «христианских» монархов Европы был точно таков, а папы Римские примыкали к светским правителям и жизнью, и политикой.

В XII веке Киевская Русь распалась, и в дальнейшем центр русской жизни вынужденно смещался на север, восток и северо-восток, где леса дремучее, а климат холоднее. Там закалялся русский характер, преодолевая междоусобные распри, воюя с немцами, шведами и ордынцами, собирая государство, крепчал, богател язык русский, вбирая в лоно свое языки и наречия племен и малых народов, вошедших в один большой русский народ. Уже были написаны «Слово о полку Игореве», «Слово о Законе и Благодати» и «Повесть временных лет».

В царствование Иоанна Васильевича Европа вдруг с ужасом обнаружила у себя под боком вместо сборища дикарей в звериных шкурах мощную Державу, с умным и дальновидным царем, трудолюбивым добродушным народом, обширную и нехиреющую, обладающую, к вящему изумлению, собственным письменным и богатым разговорным языками. Но есть у этого народа еще то, что они не обнаружили. Как дерево питается соками земли, из которой выросло, так и язык напитывается соками

из самой глубины жизни простого, «черного» народа. А самая глубина народной жизни – фольклор, устное народное творчество. Оно и составляет комель всей языковой культуры. Здоровый, могучий комель – опора всему древу языка. Комлястое дерево – жизнестойкое. Песни, былины, танцы, обряды, сказки, частушки, поговорки, пословицы, загадки, прибаутки – вот он, комель языка русского, такой туго-узластый, такой перевитый-переплетенный, что ни топору, ни огню не подсилен.

Именно с этого времени против России активно началась непрекращающаяся никогда война, принимавшая разные формы: информационная, психологическая, экономическая и вооруженная, но всегда на уничтожение России.

Потому что мы не такие, как они.

Мы не завоевывали чужие земли огнем и мечом, как испанские конкистадоры или английские колониальные войска. Наш Ермак с полутысячей казаков прошел пол-Сибири, прошел на свой страх и риск, а его последователи малыми отрядами за короткий срок дошли до Тихого океана и местные племена добровольно шли «под высокую руку белого царя», они видели в русском человеке не поработителя, а друга.

Да, Россия повергла Казанское и Астраханское ханства, но это было избавление от вечных кровавых набегов потомков золотоордынцев, а народы этих ханств объединились с русским неразлучно.

Русская Православная церковь не сжигала еретиков десятками тысяч, на площадях русских городов не пахло жареным человеческим мясом, а русские монахи не продавали навязчиво индульгенции во отпущение всех мыслимых и немыслимых грехов. Мы другие, у нас свой мир, своя цивилизация, и у нас **Бог в душе, а у них на губах.**

И язык у нас отличный от европейских – он и звонкий, как песня жаворонка в лазоревом поднебесье, и нежный, как шепоток ручейка в лесных зарослях, и грозный, как русская рать в сомкнутом строю!

Европа непохожих не любит.

Покатались волны нашествий на землю Русскую, накатывали и, беззубо шипя, уползали, разбитые о гранит русского духа, снова накатывали и снова, мутные, обессиленные, уползали, оставляя грязные лохмы пены.

Ширь и вглубь раздвигалось пространство русского языка. Полнился он плачем женушек, провожавших мужей и сынов на битву за родимую землю, полнился песнями воинской доблести, песнями пахаря и песнями любви.

Никакому народу на Земле не выпадало столько лиха на долюшку его, только русскому, все он превозмог, все вытерпел, все впитал в себя наш язык, все сохранил.

Поэтому так неповторимо богат он, так удивительно выразителен, такие тончайшие состояния

души человеческой способен передать наш великий русский язык!

* * *

К девятнадцатому столетию все накопленные языком сокровища уже просто рвались наружу, требовали своего осмысления, своего упорядочивания, явления своему миру во всем нестерпимом блеске красоты. И настал Золотой век русской культуры: литературы, музыки, живописи, век русского таланта.

Невозможно объяснить случайностью одновременное явление гениев отечественной словесности: Пушкина, Гоголя, Лермонтова и Даля, посвятившего жизнь служению русскому слову!

Божественное Провидение здесь потрудились!

Пушкин! Лермонтов! Любому народу на земле даже одного из них хватило бы на всю историю, а у нас они лишь первые в плеяде великих имен, оказавших мощное влияние на всю мировую литературу. Первые, но и высочайшие!

Пушкин – «солнце русской поэзии», и больше ничего не надо говорить. Лермонтов, как слепящий разряд молнии, таким незатухающим сиянием осветил небосвод русского мира, что доколе жить будет народ русский, дотоле и будет освещать небо над ним поэзия великого сына России.

Подобное влечется к подобному. Высокая музыка привлеклась к высокой поэзии, и родилось дитя неповторимое, уникальное в мировой культуре – русский романс.

Песни мелких страстишек, коими живет современная песенная культура, гаснут, как искры от костра, едва отлетев, русский романс угаснет только вместе с народом, в котором он родился. Или когда народ примет другую культуру, а с ней и другие песни, но это будет уже другой народ, не русский.

Иного не может быть, потому что «Выхожу один я на дорогу», «Я встретил Вас, и все былое», «Горько, моя звезда», «Живет моя отрада», «Вот мчит тройка почтовая» и другие шедевры – это оголенная душа русского человека, мятущаяся и страдающая.

* * *

Язык неотделим от носителя своего – народа, неотделим от всех его жизненных потрясений, с ним он горюшко мыкает, с ним и в веселии пребывает. Реформы Александра Второго распахнули дверь в страну, и ринулись к нам западные капиталы, неся чуждые экономические отношения и подлую мораль стервятников. Горячечно затрясся организм Державы, приняв отравленную кровь западного капитализма. Русское общество расслаивалось и раздраивалось с невиданной прежде силой и скоростью. Противоположные речи копились, копились.

В начале двадцатого столетия в организме России набухали злокачественные нарывы, в русском воздухе пахло кровью и гноем.

Тревога и ожидание гибели разлились в культуре Серебряного века.

Этот период в русский словесности не был подобен мощному и длительному, почти на столетие, толчку Золотого века, взметнувшему русскую литературу на мировую вершину, это был, скорее, судорожный рывок, сотворивший талантливую, но часто с миазмами разложения, поэзию и прозу. Однако он тоже породил немало имен высочайшего уровня, первейшими из которых по воплощению русского духа в художественных образах, безусловно, останутся Горький и Есенин.

* * *

Взрывная ломка всего устоявшегося, привычного, но прогнившего и опостылевшего мира, да к тому же отягощенная тяжелой затяжной войной – такие потрясения могут закончиться гибелью цивилизации, но наш народ устоял. А потом была еще и Гражданская – один из самых жестоких видов войн, когда, бывало, брат насмерть рубился с братом, а сын расстреливал отца. А устоял наш народ потому, что революция указала способ построения совершенно нового общества, в котором десятилетним ребятишкам не придется собирать в короба металлическую стружку в заводских цехах, чтобы заработать на кусок хлеба, а пьяный купец, выйдя из ресторана, больше не будет кидать пригоршни медяков в прохожих, гордо приговаривая при этом: «Налетай, православные, я седни добрый». Народ устоял, была у него большая охота построить такое общество.

Язык тоже ломало и коржило в вихрях общественных сотрясений. Он опрощался до неистовой митинговости, дичал в яростно-матерных сабельных сшибках, вспархивал в революционных песнях, обретал новые, иногда чуждые слова, невозможные прежде выражения, кровь и слезы жестокого времени пропитали его. Но его ждали новые испытания. Отбушевала Гражданская война, и пришли 20-е годы: НЭП, хаотичность, непредсказуемость жизни – отдышка перед чем-то неведомым.

Русский язык, уйдя от старых письменных норм, не обретя пока устойчивых новых, шатался, его уродовали новорожденные, советские бюрократы, его опошляли новые, тоже советские обыватели, обильваривали в кабацких гульбищах самодеятельные певцы и декламаторы.

Молодая творческая интеллигенция, ломая старое искусство, и родной язык подвергла изрядной ломке в поисках новых форм отображения жизни.

На село тоже пришли новые слова и новые смыслы, частенько искусственные, неустоявшиеся, язык простого народа бродил от хмеля перемен.

Жизнь заставляла создавать новую литературу, сдувая при этом пустую словесную шелуху, отбирая лучшее из вновь возникшего и опираясь на прошлых мастеров. Литературу созидательную, непохожую даже на лучшие произведения отечественной дореволюционной классики, поскольку та по глубинной своей задаче была социально протестной.

Вспомним Некрасова.

*Вчерашний день, часу в шестом
Зашел я на Сенную.
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.
Ни стоны из ее груди,
Лишь бич свистал, играя.
И Музе я своей сказал: «Гляди,
Сестра твоя родная».*

Эти строки можно считать программными для всей русской литературы до семнадцатого года. Теперь же была необходима литература, осмысливающая все свершившееся и вдохновляющая на построение нового мира. И народ создал ее да еще какую!

«Реализм – это направление в искусстве, ставящее целью правдивое воспроизведение действительности в ее типических чертах». В искусстве СССР в тридцатые годы, в годы индустриального рывка, в годы всенародного энтузиазма родился социальный реализм, который часто называют социалистическим, он им стал позже, а тогда он был именно социальным, то есть отражающим жизнь всего тогдашнего социума или общества. «Как закалялась сталь» Островского, «Хождения по мукам» Толстого, «Тихий Дон» и «Поднятая целина» Шолохова.

В кровище и муках рождалась осуществленная мечта трудящихся всех времен, в этих произведениях эпоха была запечатлена с такой силой, что и через столетие содрогает людские сердца.

В начале двадцатых во всю мощь зазвучала божественная лира Есенина, а Маяковский революционный чеканил шаг в поэтическое бессмертие.

Когда народ одухотворен высочайшей идеей, его язык, всегда чуткий и живой, тут же откликается, он ликует, он готов творить шедевры языковой культуры.

...Война вторглась в наше Отечество. Такая лютая, такая беспощадная, что стало понятно – это война на уничтожение всего русского, всего славянского, и, если мы не победим, русскому народу не быть на Земле.

Русский язык встал в солдатский строй. И буквально в первые дни войны загремел набат «Священной войны». Абсолютно все, услышавшие песню первый раз, говорят о ее ошеломляющем воз-

действии, она вламывается в мозг, врывается в сердце, вторгается в душу и разжигает в них духовый огонь не испытываемой раньше силы.

Страна огромная встала на бой.

Русский язык воевал приказами Верховного Главнокомандующего и похоронками в сумках почтальонов, публицистикой Алексея Толстого, Ильи Эренбурга, статьями и стихами Константина Симонова, он искрил солдатским юмором и укреплял веру в победу в поэме Твардовского «Василий Теркин». Но не только. Он выдергивал солдат из окопов непрерываемым «За Родину, за Сталина», гнал хрипящим «Ура-а-а-а» в атаку и многоэтажным матом помогал в рукопашной.

Мы победили!

Русские песни Победы вспугивали тишину в тревожно затаившихся сожженных улицах Берлина, русское горе утрат пело-плакало в сожженных городах и селах Смоленщины и в далеких от войны Сибири и самого Дальнего Востока.

Советская страна поплакала и поплясала, а потом засучила рукава и взялась за работу. Дел было невпроворот, а рабочих рук не хватало.

Однако справился народ, несытый, но веселый и злой на работу, с песнями восстанавливал заводы, поднимал целину, строил огромные плотины в Сибири.

И вот, когда народ стал жить позажиточнее, тогда и подкралась беда страшная, страшнее войны, страшнее смерти, ибо она ведет за собой и войну, и смерть – тяга к богатству.

Сначала она маленькая – немножко урвать у ближнего или у государства, деньжишек малость подкопить, дальше – ковер по благу достать, посуду хрустальную. Но она неустанно, неуклонно растет. Потом захочется навороченный холодильник. Есть ли предел у этой тяги? Есть, но единственный – нехватка денег.

Вот так из народа взыскующего духа превращаются в рабов возликующего брюха.

Тряпки, вещи – это вместе с икоркой и лососинкой и есть одно необъятное брюхо.

Противостоять этой пагубе могло бы обращение к Вере Православной или большая, как сама страна, Идея. Только в этих двух родственных состояниях души человек осознает, что счастлив он не тогда, когда срывает последнюю рубашку с ближнего, а когда отдает ближнему свою последнюю.

Давно и правильно замечено, что, когда народ созидает, его язык, особенно разговорный, становится богаче, ярче, образнее, а когда народ живет лишь заботами о хлебе насущном – язык тускнеет, блекнет, бледнеет, его начинает разлагать плесень жаргона спекулянтов и потребителей.

* * *

Сразу после нашей Победы как в ознаменование начала «холодной войны» против СССР было сказа-

но Даллесом или приписано ему: «...Мы наводим вас грязной литературой, мы разорвем вас изнутри...» Очень неглупый человек был глава ЦРУ США, понимал значение слова в идеологической войне.

Птицу кормом, человека словом обманывают.

План по разрыву СССР изнутри Запад осуществлял постоянно, он являлся и является составной частью глобальной и многовековой борьбы западного мира с Россией.

Так вот, в рамках этого плана пробуждение в советских людях жажды наживы есть задача перво-степенной важности, потому что жадный человек – находка для врага, а завидующий человек – предатель в высокой степени потенции.

Враги воспользовались нашим языком и он, помимо своей главной задачи, невольно стал прислуживать недругам, стал оружием против своего создателя и носителя, мощным, иногда трудно отразимым, потому что он свой.

Бритва скребет, а слово режет.

Слово пуще стрелы разит – русским народом давно сказано, и жизнью доказано.

Но не сможет ложь стать правдой, природа у нее отсутствует, она вне добра, значит, она вне-сущностна.

Слово, оно же действительно живое, ему больно, когда им лгут, оно сопротивляется, не дается сложиться во что-то художественно достойное. Это объясняет, почему эмигрантская литература не создала мало-мальски ценного художественного произведения. Талант, поставленный на службу злобой клеветы, в ней и заглухнет.

* * *

Прикончили втихую Советский Союз, разорвали по живому братство трех славянских народов, совершив тем самым и диверсию против культуры наших народов, ведь украинский и белорусские языки есть единый организм с русским, без великорусского языка они обречены на медленное замещение другими, более функциональными и агрессивными, а значит, более востребованными в современном варваризирующемся мире.

* * *

А как же чувствует себя великорусский язык у себя на родине, в России, как ему живется? Нужно честно сказать, паскудно живется ему в пристроенной к западной модели жизнеустройства Российской Федерации.

Примерно так, как будет жить во времянке, слепленной абы как из остатков добротного дома, разобранного до последнего бревнышка, и пристроенной к соседскому дому со стороны заднего двора. Крыша из обломков шифера протекает, в

щелястые стены ветер задувает и ходит сквозняком по уютному помещению. Зато крыльцо богатое, с витыми балясинами перилец и крашеными крепкими досками ступенек.

Но почему такое произошло с языком в родной его среде?

Чтобы ответить на этот вопрос, придется задать другой, наводящий. А кому он нужен в России, русский язык?

Олигархам, чиновникам высшего уровня?

В Евангелии сказано на все времена: «...ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет».

Если сокровища в иностранных банках, то и сердце будет там, поступит команда из центра подавляющей силы перейти на английский – «под козырек» и рьяно кинутся исполнять. А они влияют на многое в государстве в силу власти денег и власти занимаемого поста.

Именно поэтому никакой закон о защите русского языка работать не будет, точно поэтому сокращают часы преподавания русского языка и литературы в средней школе. Поставлена задача ужимания области применения родного языка и расширения области применения английского. Если кто-то думает, что рекомендованное внесение в русские словари английского «файф-о-клок» – нечто вроде шутки, то он глубоко ошибается, это стратегия внедрения.

А разве нужен русский язык десяткам миллионов мигрантов, для которых Россия – большая поляна с тучной травой, на которой можно вволю погостить, собрать травки и отправить в родные сухоземельные края, остальное не жалко и вытоптать? Им язык России постольку-поскольку нужен, хватит пары сотен самых простых слов для общения с туземцами. При этом надо учесть, что диаспоры пришельцев становятся влиятельной силой в экономическом и политическом плане. Даже мелкий бизнес, особенно в сфере торговли, а он почти весь такой, часто имея дело с импортными товарами и испытывая давление сверху, обретает любовь к английскому, ради дохода он и вывеску на этом языке «сообразит», и детишек будет понуждать прилежнее учить в школе язык милой Англии и «великой» Америки.

В общем, если под этим углом зрения рассмотреть все социальные группы населения России, то получится, что ни для одной из них родной язык не является территорией любви, а просто данное от рождения средство общения, которое ради каких-то жизненных интересов можно и заменить.

Учащаяся молодежь усиленно изучает языки, особенно английский, в надежде потом «свалить за бугор» с багажом знаний, полученных здесь. Они смотрят на старших товарищей, ученых и специалистов, которых искусственно созданная не востребо- ванность выталкивает за пределы Отечества, или их сманивают агенты западных корпораций. Работни-

ки искусства: художники, композиторы, певцы, актеры и режиссеры, дирижеры, особенно ставшие известными, проводят за границей в творческих командировках половину своей жизни (Нетребко в России гость не частый) и «домашечки» в тамошних «деревушечках» приобрели, да и кой-какой «бизнесишко на молочишко» там имеют, надеясь в преклонных летах осесть в милых сердцу местах, возможно, даже щебеча по-местному. Они без русского тоже не умрут, вот и выходит, в России русский язык нужен только Русской Православной Церкви и простому народу. Церковь родной язык защищает и охраняет в духовном плане и в меру своих возможностей, хотя желательно бы, чтобы она бухала во все колокола, дабы оглушить русским звоном губителей родной речи.

А в народе чистый русский звучит все глуше, все невнятное, а мат и жаргон все громче и приятнее.

Придавленный заботами о брюхе несытом и теле, худо прикрытом, народ неспособен сохранить, а тем более развивать свой язык, да и недосуг ему, все свободное время забирает телевизор и интернет, средство общения которых далеко не литературный язык.

* * *

В пристройке обязаны слушаться хозяина дома, а он говорит на английском, так что будьте любезны, «дорогие россияне», изъясняться так, чтобы в вашей речи было побольше «трендов-брендов», да «лизингов-консалдингов», а поменьше этих варварских русских слов.

У нас нагло отбирают и тихо крадут нашу идентичность, фундамент нашего русского дома искрошивают отбойными молотками, язык наших предков втоптывают в грязь. А где же писатели, поэты, журналисты? Те, кто смыслом жизни должны считать служение людям через слово, должны нести в народ слово любви и добра?

Многие из них обменяли беспрепятственную возможность выблевывать на страницы публичных изданий всю свою нутряную срамоту на нищету народа, на его вымирание, на его порабощение.

Добавить нечего.

Плевка не перехватишь, слово не воротишь.

Конечно же, есть в России люди, для которых родная речь неотделима от самой жизни, которые не мыслят себя в иноязычной культуре.

Это учителя-словесники, это ученые-языковеды, это и писатели с поэтами. Но голоса их почти не слышны, они забиваются могучим отрететированным хором проводников западного мироустройства. Эти люди глубже других чувствуют смертельную опасность для России, опасность растворения русского языка в сильном и наглом пришельце. Яснее осознают, что слабеющий родной язык означа-

ет ослабление самого русского государства, а смерть русского языка будет смертью Родины.

Но самое горькое, что это будет смерть духовная. Безязыкий народ – утробный плод с отсеченным питанием. Народ тоже является творением Божьим, и с утерей языка он теряет связь с Творцом не-воз-врат-но!.. Бывали времена в нашей истории, когда влияние того или иного европейского языка преобладало в верхних слоях российского общества, но родной язык превозмог эти влияния, отторг их, оставив в себе лишь немного из пришлого, безболезненно прижившееся.

Сейчас ситуация стократ хуже.

Всевластие денег принесло с собой другие моральные нормы, подчас прямо противоположные, закрепленные в другом языке. И вот здесь возникла закономерность. Коль приняли деньги как главный смысл жизни, так должны принять и язык, выражающий этот смысл. Так что кричите, патриоты, хоть охрипните, а все **мимо уш, мимо душ!**

Тогда что, смириться? Нет!!! Тогда доколе?!

Терпеть издевательства над тем, что встречается нас в первый миг появления на свет, на чем мыслим, чем выражаем свои чувства, с чем живем и умираем – над русской речью?

Пусть каждый живущий в России заглянет в себя поглубже и разберется, а готов ли он предать слово, впервые произнесенное им в этом прекрасном мире, слово «мама»? Или те тихие слова, переполненные любовью и нежностью, которые мама произносила, целуя засыпающие детские глазки: «Спи, сыночек, спи, мой родной»? Готов ли затоптать в памяти своей те вечные и всегда первые слова, что произнес, робея и краснея, самой лучшей в мире девушке: «Я люблю тебя»? В этом надо обязательно разобраться, потому что это вопрос наиважнейший для человека, очевидно же, что, согласившись с возможностью предать свои корни, из которых произрос, предать Родину будет уже проще.

А если твоя совесть скажет, что такое для нее неприемлемо, что отеческую речь можно вырвать из тебя только вместе с сердцем, тогда нужно начинать противодействовать насильникам, губителям русского мира. И начинать с самого себя.

Перво-наперво необходимо убрать из своей речи бранные слова, они же не только обедняют и уродуют язык, они душу поганят, пачкают грязью ее божественное начало (Может быть, только война останется для них временем применения...)

С искоренением матерщины устранимся и ее вредное влияние на детей, они ведь неосознанно копируют своих родителей, перенимают их грехи и усиливают в себе, а через несколько поколений эти грехи разрастутся в могучие древа порока, неподдельные для корчевания. Недаром еще Демокрит

сказал: «Привычки отцов превращаются в пороки детей».

Образование отроков и отроковиц, то есть создание цельного образа, необходимо начинать с лучших произведений отечественной словесности, причем, с самого нежного возраста. Слушая, а позднее читая русские народные сказки и былины, ребенок начинает приобщаться к могучему источнику жизни своего народа, и вероятность того, что он вырастет хорошим, добрым человеком, многократно увеличится. Сказки создадут крепкое нравственное основание его мировоззрения, взрослея, человек обязательно начнет читать русскую классику, тогда вырвать его из русского мира будет сложнее, если вообще возможно, чем того, кто воспитывался на иностранных «мультиках» и интернете.

Книги, прочитанные в детстве, сильнее всего влияют на судьбу человека. Не с этого ли малого делушка начнутся большие дела по возрождению Русского Мира? Единого и Неделимого, непрерывающегося в Истории, оплодотворенного русским языком (что автор и попытался показать в своих заметках), в котором на сказках, сотворенных, возможно, еще в Киевской Руси, выросли дети Советского Союза, а орденами с именами полководцев Екатериненской эпохи награждали полководцев Красной армии. Верится. А как же без веры!? И не только без Веры! Ведь только на любви и милосердии может стоять Большая Россия. А это и есть Вера – Русское Православие.

* * *

Язык народа – его лучшее достояние, его святыня. Оплюй святыню, и рухнет цельность внутреннего мира в человеке, воцарится мерзость. И превратится человек в зверя двуногого.

* * *

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбе моей Родине – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык.

Иван Сергеевич Тургенев

* * *

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем
И внукам дадим, и от плена спасем. Навеки!

Анна Андреевна Ахматова

* * *

В начале было Слово...

г. Новокузнецк, 9.12.2013 г.

ДНЕВНИК ЧИТАТЕЛЯ

Онлайн-встреча с известным литературным критиком Вячеславом Лютым (г. Воронеж) на сайте «Российский писатель». Ответы на вопросы

Григорию Блехману. Вы тонко чувствуете многие нюансы в стихах поэтов, о которых я пишу. И угадали приметы «кухни», которая сложилась у меня в работе над поэзией. Дело в том, что критика поэзии и критика прозы являются разными жанрами не только в связи с литературным предметом, который я пытаюсь понять. Прозу важно прочесть внимательно и уловить авторские акценты и мимолетные приметы событий и героев, что поможет осознать и сюжет произведения, и авторский замысел в целом. В поэзии роль интуиции огромна не только для стихотворца, но и для его читателя, вооруженного критическим инструментарием. Поэтому в последнем случае так важно для критика реагировать на реальность подобно тому поэту, который занимает его ум сейчас, быть похожим на него психологически и нравственно. В какой-то мере это напоминает вживание в роль актера. Процесс комментирования книги или цикла стихотворений поэта выполняет такую задачу. Он весьма трудоемок, поскольку каждое стихотворение должно восприниматься как микромир, как психологическое облако, как пространство, в котором есть много степеней свободы, но автором взяты только те и те, а остальные не исчезли, но как бы «мерцают» в отдалении. В день много стихотворений подобным образом не прочтешь, потому что объем чувствования очень велик, и он душой критика должен быть усвоен. Так в сознании формируется голос автора, который звучит еще долго после того, как работа над статьей о поэте завершена. То есть остается «послесвечение», которое мешает мне приступить к следующей работе. Невозможно слышать голос одного поэта и размышлять над стихами другого. Эхо должно затихнуть. Только тогда ты в состоянии воспринять звучание и смысл какой-то иной песни.

Светлане Демченко. Все дело в том, что реализм в последние десятилетия находится в неравных условиях сравнительно с иными литературными течениями. Вы могли это видеть, когда формировались писательские делегации для присутствия во Франции – кажется, на книжной ярмарке или на

Днях России. Юркие чиновники вручили президенту пачку книг Акунина – якобы наиболее востребованного писателя российской современности. Бойкий беллетрист с отточенной способностью лукавить там, где это необходимо лично ему или его либеральному лобби, оказывается для телезрителя главным писателем страны. А остальных как будто не существует – ни Крупина, ни Галактионовой, ни Краснова, ни Сычевой... Так формируется приоритетный литературный ряд, в который помещают Сорокина, Быкова, Минаева и еще многих других работников скрипучего пера и интеллектуального топора. И у читателя газет и телезрителя исподволь складывается впечатление: реализм сдает свои позиции, веселые «игры в дочки-матери на деньги» сегодня пользуются популярностью у большинства любителей литературы. Но ведь это не так. Просто издатели в предшествующие два десятилетия были однозначно сориентированы на творческую «плесень» и поставляли ее в промышленных масштабах. Горлопаны трубили в радиорупор, газетные обозреватели, будто собаки в сквере, отмечали каждый пошлый и русофобский кустик и поворачивались затылком ко всему значимому и серьезному. Грязноватая ирония по отношению к вещам первостепенным – детству, материнству, родине, родной истории стала правилом «хорошего» тона в этих «салонах Анны Павловны Шерер». А слова правды и любви, слезы боли и горечи, радостный смех и прозрачный утренний свет над русским простором оказались в изгнании, были удалены из зоны прямого доступа.

168
Точно так же мы не найдем замечательных исторических и жанровых художников-реалистов в живописи, если станем просматривать сетку передач телеканала «Культура». Но очередную пошлую подделку в рамках московского или венецианского биненале зрителю представят непременно. Именно потому мы должны поддерживать то, что нам дорого, что мы любим, без чего наша жизнь не имеет смысла. Нужно искать эти вещи и слова везде, практически интуитивно – так заболевший или раненый зверь находит целебную траву и восстанавливает свои силы.

А уязвимое положение реализма, о котором Вы говорите, есть только видимость. Хотя бы по той причине, что все иные формы изображения реальности дают только эмблему – в достаточной степени плоское отражение объемного мира, в котором мы живем и который желаем понять – в полноте его черт, в глубине и противоречивости его содержания.

Олегу Кореновскому. В самом общем виде можно сказать так: для писателей-либералов главной темой являются проблемы личности человека. Я говорю об этом в достаточно корректной форме,

хотя реально огромное большинство произведений таких авторов подают «личность» как нечто неприятное и часто низкое. Самозабвенное копание в бытовом и сексуальном существовании своих героев употребление термина/квалификации «личность», по существу, не допускает. Нет здесь личности – только особи. Но это – в распространенной либеральной литературе плохого художественного качества. Хотя и человек культуры сегодня очень часто опускается в темные области что называется «нижней чакры», стараясь отыскать в происходящем глубокий смысл. У лучших авторов-либералов этого может и не быть, но определенно есть отрицание связи человека с родной землей, ее историей и духовных обязательств героя перед своим родом. Тут главный либеральный принцип: все, кроме эго – извратно.

У патриотических по мировоззрению писателей практически всегда родовые и почвенные связи так или иначе проявляются в произведении. То есть не с тобой все началось и с твоим уходом все не закончится.

Такое разделение творческого подхода к реальности совсем не совпадает с принадлежностью того или иного автора к Союзу российских писателей или Союзу писателей России. Есть очень хорошие писатели в СРП и очень плохие в СПР. И наоборот. Тут жесткого «паспортного» прикрепления нет. Однако «российские писатели», по странности, в большинстве своем разделяют зауженный личностный взгляд на человека – даже не в декларациях своих, а в собственном писательском почерке. Иной взгляд на вещи в сообществе «российских писателей» редкость. Точно так же в произведениях членов СПР личностный эгоизм героев, который является продолжением внутреннего мира автора, есть исключение из художественного правила, хотя сам писатель вполне может быть человеком мало-приятным.

Раньше считалось, что либералы, уделяя повышенное внимание форме сочинения, тем самым отличаются от почвенников, у которых формальная организация стиха или прозы незатейлива, а порой и примитивна. С течением времени такой взгляд на почвенников, освоивших все богатство творческих форм, иначе как тупым снобизмом и не назовешь. Просто формальный изыск у почвенника всегда поверяется искренностью повествования и потаенного разговора с читателем, и это вносит свои ограничения. Тогда как формализм без берегов есть свидетельство отсутствия твердой писательской руки, отчасти напоминающее какое-то беспросветное творческое пьянство, где вместо очередного стакана – формальный изыск.

Что касается общих достоинств, они очевидны: у лучших писателей того и другого художественного

лагеря нам важно ценить боль за человека, способность вызвать у читателя сопереживание по отношению к униженным и оскорбленным. И здесь проза Олега Павлова стоит рядом с произведениями Петра Краснова, а стихи Наиля Ишмухаметова не противоречат поэзии Светланы Сырневой.

Анне Арсеньевне Гребневой. Вы спрашиваете о ценностном ряде писательских имен. Это почти всегда список хаотичный, в который всегда можно внести новое имя или упустить кого-то, чье творчество тебе дорого.

Тем не менее среди поэтов нынешнего дня я выделяю несколько замечательных имен: в первую очередь, это Диана Кан и Светлана Сырнева. Я очень люблю их стихи и сам голос, который слышу, когда читаю поэтические строки. У Дианы Кан – поразительная пушкинская широта охвата жизни, у Светланы Сырневой – поистине лермонтовский драматизм в изображении русского бытия. Еще упомяну Евгения Семичева, Александра Нестругина, Юрия Перминова, Геннадия Емкина, Валерия Михайлова, Виктора Кирюшина, Анатолия Аврутина... Из ушедших – гениальный Юрий Кузнецов.

В прозе – Василий Киляков, который обладает удивительным чувством искренности, почитайте его записки и рассказы. Во многом он писатель чрезвычайно недооцененный: его печатают журналы, но полновесной книги до сих пор нет – так трудно сложилась его издательская судьба. А ведь начинал он в одно время с Олегом Павловым, на рубеже 1980–1990-х. Еще – Владимир Крупин, Любовь Ковшова, Лидия Сычева, Анна и Константин Смородины, Дмитрий Ермаков, Петр Краснов, Вера Галактионова... Несомненно – Валентин Распутин, фигура которого воплощает образ подлинного русского писателя наших дней. Из ушедших – Василий Белов.

Объективные причины изоляции наших лучших писателей заключены в самом процессе взросления-изменения российского государства в последние десятилетия. От телевидения они были категорически отлучены. Издатели (как правило, либералы с глазами-арифмометрами) печатали Акунина, Быкова, Улицкую, Довлатова, Остера... Встречи с читателями стали довольно редкими, тиражи книг – минимальными и т. п.

И все же изменения в лучшую сторону уже видны. Надеюсь, что в ближайшие годы произойдет реформирование нашего государства и культуры, высокое будет долгожданным и доступным, а низкая рука, испачканная в грязи, не сможет зачислить достоинство и правду в число архаичных и скучных понятий.

Андрею Тимофееву. Высшее предназначение критики – в развертывании художественного пространства произведения, чтобы читатель понял,

что здесь – все взаимосвязано. Малая деталь соприкасается с важнейшими сюжетными событиями, душевные движения героев не только такие, какими их выписал автор, но еще и другие – в плотном соприкосновении их с реальностью. Критик должен сказать о том, как устроено произведение, что в нем важно, а что – второстепенно, чему оно учит читателя, а в чем – враждебно ему.

В поэзии критика расшифровывает интуиции автора, показывает его связи с Богом и землей, искушения и стоицизм, в какой-то степени воспроизводит голос поэта в самом критическом рассуждении. Кроме того, критик должен владеть образным письмом, обладать живым слогом.

Определение «критик в высшем смысле» не очень удобно в применении его к тому или иному исследователю литературы. Могу только назвать имена тех критиков, которых мне интересно читать: Юрий Павлов, Капитолина Кокшенева, Валентин Курбатов, Владимир Бондаренко, Александр Казинцев, Сергей Куныев... Из старшего поколения – Михаил Лобанов.

Игорю Пряхину. Человек, взращенный вне человеческого общества, о нравственности понятия, разумеется, не имеет. Однако у него есть интуиции, которые порой поразительно напоминают наши нравственные законы.

У Битова в давней книге «Птицы, или Новые сведения о человеке» ворона, подравшись с соперницей, удерживала свой клюв лапой, дабы не нанести той смертельный удар – потому что они были одной крови, одного рода-племени. И таких интуиций можно найти немало. Нравственность человека обретена в процессе жизни: что-то появилось как следствие умозаключения, а что-то – в качестве неперменного закона сосуществования.

Ольге Присекиной. Семинары в Липках мне знакомы опосредованно: в них в разные годы принимали участие молодые поэты из Воронежа и Новокуйбышевска. Насколько я помню, то был семинар Сергея Куныева и Андрея Воронцова. Сергей Бударин (Новокуйбышевск) и Алексей Ряскин (Воронеж) не почувствовали себя ни изгоями, ни плагиаторами, из которого можно вылепить все, что заблагорассудится руководителям. Напротив, потом с удовольствием вспоминали об этом событии, очень важном для них.

Прежде, когда ведущие были исключительно «либеральной окраски», все было довольно кисло.

В целом к наличию патриотического семинара на подобном творческом слете я отношусь одобрительно.

Лет восемь тому назад отличный воронежский прозаик Виктор Никитин был в Липках – и уехал оттуда с мутным осадком в душе, в полном соответствии с евангельским утверждением: не ходи, муж праведный, на собрание нечестивых.

Что касается меня, то я хорошо помню, что литературные семинары в Липках – детище фонда Сергея Филатова, которого после октября 1993-го стали называть «кровавый Сережа». Если посмотреть на липкинские семинары как на некое целое, то очевидно: эта школа создавалась для отбора и промывки мозгов способной молодежи. А традиционный семинар – только уступка времени и обстоятельствам. Я не верю в серьезность таланта, который прошел либеральную «полировку» в Липках: заданы не те координаты творчества, обозначены не те авторитеты, смешаны понятия о плохом и хорошем.

И все-таки нужно выходить на все площадки, где есть возможность говорить о настоящей русской литературе, несмотря на двусмысленные сопутствующие обстоятельства. Потому что серьезных предложений из хороших рук пока еще недостаточно.

Союз российских писателей закономерно отделился от Союза писателей России, уже хотя бы потому, что для «российских писателей» в их подавляющем большинстве слово «Россия» обозначает место пребывания, а не родную землю. Что и отражено именно в определении этих писателей, хотя в их числе есть много честных художников. То есть они в большей степени «писатели», нежели люди, впитавшие соки здешней почвы, и писательство для них – только умение, освобожденное от чувства долга. Но и там уже появляются совсем иные люди с правильно поставленной душой и верным нравственным чувством.

170

Светлане Сырневой. Я согласен с Вами: формалистические искания совсем не бесполезны для литературы. Исчерпав себя, они передают драгоценный опыт и умения реалистическому направлению, обогащают его оттенками, придают стилистике необходимую гибкость и способность отразить в искусстве слова новую реальность. Так было с футуризмом, акмеизмом (в огромной степени), символизмом. Другое дело, что, только появившись на свет, эти художественные течения стремятся сбросить реализм с корабля современности, да еще и подсунуть его под работающий корабельный винт... Это спор, который всегда выигрывается реализмом, от которого он только приобретает, поскольку вступает в тесный антагонистический контакт с соперником и перенимает его «боевые умения».

В молодой поэзии и прозе сегодня определенно возникают отголоски приемов литературы 20-х годов: ранний Заболоцкий, имажинисты, элементы футуризма. Порой заметно влияние Леонида Мартынова – как зрелого, так и первого периода его творчества. Интонации Бродского прошли по новой поэзии, будто грипп-испанка, задушив множество дарований и подарив юным поэтам ложную мысль, что можно писать обо всем и всегда, сколь угодно подробно и бойко – стихотворная форма оправдывает текст и обозначит его как поэзию. К сожалению, яс-

ных классических по форме стихов у молодежи сейчас не много – я имею в виду выдающиеся произведения и твердое следование автора этой тропой. Хотелось бы видеть продолжателей Бунина, Блока, раз уж сложилась тенденция к новому освоению опыта первой четверти прошлого века.

Ольге Суминой. Прежде всего, я хотел сказать об отсутствии счастья бытия у многих православных людей, которые погружены в смыслы – но не замечают самого радостного течения жизни. Осенью и зимой дыхание ее приглушено, в этом есть строгость, что важно осознавать, вслушиваясь в собственное сердце и православные поучения. Но ведь и пир лета, светлые обещания весны – удивительны. Да, аскеза имеет огромное значение – но только в случае духовного подвига. В мире ее отражением является просто скромность. А в это понятие без труда помещаются краски лета и любовное возрождение природы в период весны. Полноты бытия не хватает в суждениях многих православных писателей и поэтов. Потому что красота мира – Божий подарок, и не следует морщить лоб, пытаться вписать ее в схему недавно постигнутых евангельских постулатов. Ведь «Евангелие» – Живая Весть. Именно такая нарочитая строгость не близка православному мирянину: его крест не столь тяжел, как у старца или монаха.

Уже в праздничном восклицании «Христос Воскрес! Воистину Воскрес!» есть торжество сердца, радость тела, которому обещана вторая, иная жизнь в духовном измерении, есть упоение веры, которой дана Высшая Поддержка. Именно потому «весенняя и летняя радость есть часть православного одухотворенного календаря». Надеюсь, мое объяснение понятно, и я не «намудрил». Но примерно такой смысл и содержится в моей образной фразе из статьи о «Поэте и монахе» Юрия Кузнецова.

В отношении так называемых «православных писателей» я могу сказать только одно: не надо с энергией, достойной лучшего применения, воцерковлять литературу – это убьет ее. Литература исследует душу человека и его путь через чаши мира. В поле ее зрения непременно должны быть небеса, она вправе задумываться о духовном устройстве вселенной.

Однако сегодня появились «творческие люди», которые самостоятельно возложили на себя функции контроля за догматической верностью литературных произведений. Таких фигур в поле обсуждения поэзии Юрия Кузнецова довольно много. Они берут лекала домашнего производства с линиями, похожими на евангельские образцы, и, размахивая ими, «драконят» стихи поэта и уличают его читателей в том, что по жизни те идут неправильной походкой, смотрят не туда, говорят не так, рассуждают не по правилам. Однако притом сами могут отличаться злословием, вероломством, бесчувствием и рядом

других качеств, о которых нужно сокрушенно говорить на исповеди. Я думаю, что такого понятия – «православные писатели» – сегодня в применении к художественной литературе, скорее всего, нет. А есть православные миряне, которые пишут рассказы и стихи с оглядкой на небеса и с чувством горечи за собственные прегрешения и несовершенства.

Василию Килякову. Дорогой Василий! Я с наслаждением читаю твои записки, проникнутые сердечной болью за русский мир, за все нестроения, которые нас сегодня окружают. Твои строки обладают редким по нынешним временам достоинством: когда ты говоришь о несовершенствах и трагедиях современности, в твоих строках почти всегда виден упрек самому себе – как же я допустил этот позор, это отчаяние, эти победы неправды над русской истиной. Виновник и потерпевший – вот образ твоего Иова, который возносит свой голос в сумрачные небеса. Тут есть оттенок покаяния, но и неутоленная жажда справедливости, которая так свойственна русскому человеку.

Я говорю об интонациях твоей прозы потому, что многие ее качества носят характер необходимых свойств отечественного писателя – к сожалению, почти всегда только чаемых свойств.

Как часто мы видим участие авторитетного писателя в судьбе автора до поры неизвестного, терзаемого обстоятельствами жизни? Ведь довольно редко, не правда ли...

Всегда ли мы можем отказаться от личной удачи ради общего дела? Ой, не всегда...

И так далее, в том же духе.

Патриотическое писательское сообщество чрезвычайно разобщено, катастрофически склонно к житейскому компромиссу, во многом разучилось радоваться чужому успеху. Это не правило и не обличение, но всего лишь горькое наблюдение. Вместе с тем определенные изменения уже начали происходить, продиктованные чувством самосохранения государственной власти. И что же – потерпеть немного, а там все устроится? Напомню, что терпение – едва ли не самая трудная из христианских добродетелей. Просто надо делать свое дело: если ты хочешь писать кровью сердца, не стоит ходить в магазин за клюквенным соком, дабы разбавить эти страшные, почти мистические красные «чернила». И тогда приросший к мели корабль русской жизни понемногу будет обретать равновесие и способность к плаванию. Организационно все будет происходить постепенно, от одного – к другому, набирая критическую массу.

Сегодня у нас есть давно позабытое чувство русской победы – победы справедливости над вероломством. И очень важно, что это переживание связано с Крымом – местом и историческим понятием, где честное выше лживого, чистое очевиднее грязного, подвиг реальней корысти. Всего и нужно

от всех нас: соответствовать произошедшему, понимать этот «намеки» бытия и знать, что русские дети завтрашнего дня будут задавать нам свои наивные и беспощадные вопросы. Постараемся ответить на них немногословно, и чтобы старик не опустил взгляд под ясным взором младенца.

Любови Галицкой. Я совершенно согласен с Вашим взглядом на нынешних популярных авторов стихов-вишней. Но это отбор отрицательный. Человеку, возможно, способному, говорят: ты уже художник, пора выходить к людям. И он, как есть, фигурально говоря, профессионально «неумытый», «со щетиной», «с запахом изо рта» победным шагом выходит к читателям-зрителям. Далее следует раскрутка этого школяра, который полагает, что школа ему не нужна – профессионально-литературная, творческая, личностная. По телевизору показывают молодых поэтов в передаче Гаврилова. Смотреть и слушать эти выступления я не могу. С одной стороны, там делается акцент на частную жизнь в поэтических сюжетах, с другой сортируется география. А с третьей – сидит какой-нибудь нынешний кумир за столом аксакалов и судит-рядит с умным видом, хотя обсуждать, в первую очередь, нужно его самого: соответствует ли он громким похвалам, которые ему отпускаются. Но это ныне – повсеместно: молодой творческий человек – уже талант, потому что – новая кровь. Это глупость. Прежде нужно посмотреть на состоятельность дарования, на его способность откликаться на важнейшие темы – все это непременно должно быть искренним. И если вещь, которую написал молодой прозаик, отличается от произведения писателя старшего поколения некоторой поверхностностью, но чувствуется сердечное усилие автора, то здесь нужно понимать: следующее поколение должно освоить старый опыт, воспринять ушедшие события по-новому. Вот тогда литературный процесс будет двигаться естественно. Что касается меня, то я читаю и даю творческую оценку самым разным стихам – и авангардным, и традиционным по форме. Но душа моя склоняется к классическому выражению чувств и мыслей.

Александр Кердану. Конечно, дела с критикой сегодня достаточно плохи. В первую очередь потому, что критики поневоле стали чувствовать себя обслуживающим персоналом при писателях или поэтах. А это разрушительно сказывается на результатах их профессиональной деятельности. Когда я пишу статью о стихах такого-то поэта, мне важно разгадать тайну: что стоит за словами, как автор смотрит на мир, что видит, что ускользает от его внимания, а что он категорически не хочет рассматривать. По существу, речь идет о загадке творческой личности, которая отражена в ее художественных творениях. Если подходить к критической задаче таким образом, то ты удовлетворяешь

собственное исследовательское любопытство, которое сродни наблюдениям прозаика за внешним миром: вошел человек, загасил сигарету, положил окурок на угол стола. И ты понимаешь, что этот небрежно одетый художник, пробавляющийся оформительским заработком в НИИ связи, живет очень трудно: сигарета «Прима», а когда уходил – взял бычок: докурить. Вот с таким вниманием к деталям и стоит смотреть на стихи. Хотя детали могут быть и огромными – и не вещами, а понятиями.

Плохие критики не продуцируют отсутствие литературных гениев. Роль критики здесь вторична. Если перебить всех критиков, как кур, то поэты и прозаики не перестанут писать – как хорошо, так и плохо. Просто на поверхность выйдут случайные произведения, но потом все самоорганизуется. Однако такой взгляд по нраву не всем. Однажды на секции театральной критики нечто подобное я сказал о театре. Московская критикесса, привыкшая составлять поле фаворитов и поле неудачников по своему вкусу, со мной категорически не согласилась. Однако в ее словах я увидел только самооправдание и защиту своего социального и творческого положения. Увы, и больше ничего.

Екатерине Козыревой. Если автор дает понять читателю, что прошлое для него значимо и жизнь общая не зачеркивается трагичными человеческими судьбами давних лет, то это уже чувство истории. Если герои давно минувших лет для писателя важны, а иные фигуры – священны, это в ту же копилку. Очень часто, покрывая черной краской русское прошлое, стремятся его уничтожить, не понимая, что, сделав его другим, тем самым убирают из реальности себя или своих потомков. Бытие таких шагов не прощает. Просто дурковатые люди думают, что жизнь есть физическое преодоление пространства и времени: бегаешь, ешь, лежишь в постели с кем-то, смеешься, пьешь и т. п. Но ведь эмоции твои, печаль и радость – они из другой системы координат, в которой есть еще честь, долг, правда, терпение...

Говоря о правде мужицкой и «государственных уложениях», я предлагаю вспомнить «Капитанскую дочку», где своя правда и у Гринёва, и у Пугачёва. В свое время я прочел замечательную статью Лотмана на эту тему. Она словно сняла пелену с моих глаз, а когда я медленно читал пушкинский текст, то будто проваливался в космос, в котором все предметы взаимосвязаны. Однако правда Пугачёва, в случае ее победы, уничтожила бы русское государство. А многие официальные порядки, как известно, не учитывают человеческую боль или горе. Священная русская государственность важна? Да, несомненно важна, ее стоит беречь всемерно. Но терпение народное ведь не безгранично? Да, народ порой срывается в бунт, в первичной

основе которого – поруганное понятие о справедливости. Вот о чем я упомянул в той формуле.

А поэт или художник в любом случае «соревнователен» с Богом – таков онтологический изъян этой профессии или призвания. Тут важно понять свое место и не считать, что тебе – море по колено. В противном случае художник впадает в определенный демонизм.

Народному поэту прорваться сквозь толщу предвзятости и лжи чрезвычайно трудно. Кроме того, ему придется преодолеть заслон из тщеславных чувств своих более «продвинутых» коллег по литературному цеху. Тут рекомендаций быть не может. Просто читатель должен любить своего поэта и всякий раз его поддерживать, хотя бы и в разговоре с местной администрацией.

Сергею Донбаю. Возможно, я покажусь слишком тенденциозным, однако считаю, что региональные журналы и держат на своих плечах всю тяжесть сегодняшнего литературного процесса. Столицы шумят, пух-перо летит, но серьезная литература создается в тишине и самоуглублении. В Москве и Питере это почти невозможно. Поэтому я исключительно высоко ценю роль провинциальных журналов в современной литературе. Я намеренно пишу «провинциальных», потому что это определение – из толщи земной, а региональность есть только проявление административного деления страны, в достаточной степени условного.

У меня есть возможность следить за публикациями в «Русском эхе» (Самара), «Страннике» (Саранск), «Суре» (Пенза), «Гостином дворе» (Оренбург), поддерживать связи с белорусской «Новой Немигой литературной» (Минск) и рядом других журналов. Сейчас мы получаем Ваши «Огни Кузбасса», отправляем в Кемерово «Подъем». Все эти издания достойны государственной поддержки, все они – жизнь современной русской литературы.

Геннадию Иванову. Дорогой Геннадий, спасибо за предложение, я не возражаю возглавить секцию критики СП.

Перерегистрация членов союза – чрезвычайно трудная проблема. Я знаю, что в прежние годы в состав Союза писателей было принято много авторов очень слабых произведений. Но как отделить зерна от плевел? Это ящик Пандоры: только начни делить писателей на хороших и плохих, и все писательское сообщество взорвется. В малой степени это возможно сделать на местах. А в Москве принимать решение по характеристикам писателей из регионов – вещь самоубийственная. Возможно только утверждать принятое там.

Что касается объединения Союзов, то я категорический противник этого проекта. Во многом нам не о чем говорить с писателями альтернативного союза, к этому различию в системе ценностей нуж-

но относиться как к факту. Но участвовать отдельными идейно-художественными корпорациями в более общем литературном проекте вполне можно. В отношении изменений в работе Союза писателей России могу сказать кратко только одно: она должна иметь наступательный характер.

Помню, открывали мы мемориальную доску памяти писателей-воронежцев, погибших в годы Великой Отечественной войны. Происходило это 8 мая. И вдруг именитый воронежский литературовед стал говорить о том, что один из них злокозненно заставлял Мандельштама писать положительные рецензии на сочинения местных авторов (я же думаю, что просто давал опальному поэту возможность заработка), а другой публиковал статьи, в которых ругал стихи Осипа Эмильевича. Вот такими были эти два погибших «непозитивных» писателя. Все обомлели: здесь, в этот день и так! Пришлось мне сказать, что они могли, говоря современному, «откосить» от призыва в действующие части, устроиться в какую-либо тыловую газету, выхлопотать себе бронь... Однако они пошли на фронт и погибли. Потому-то мы стоим перед мемориальной доской и кладем свои цветы.

Это был их поступок, незаметный почти для потомков из либерального постсоветского сообщества, но очень важный для каждого русского писателя.

Василию Дворцову. Василий, время сейчас связано с коротким дыханием. Оно проявляется не только в частной жизни, но и в государственной. В годы войны невозможно было с уверенностью сказать, что будет через день или месяц. Но государство неуклонно заявляло о своей жизнестойкости, несмотря на отступления и поражения. И личное короткое дыхание поэта словно «вытягивалось», становилось длинным, и появлялась эпика. Сегодня эта вторая сторона нашей жизни, государственная, отличается большой зыбкостью. И вот совпадение двух упомянутых векторов приводит к отсутствию эпических произведений в поэзии. Но это – не навсегда. Потому не принимай всерьез бредни какого-нибудь бойкого критика, который станет утверждать: дескать, теперь мы живем в эпоху, когда наступил «конец поэмы». Читали уже прежде про «конец романа» и «похороны советской литературы»...

Нине Ягодинцевой. Литературно-критический принцип, который вы приводите как имеющий распространение подход критика к художественному произведению, сегодня воплощается в полемике вокруг христианских поэм Юрия Кузнецова. Все «свое» критик вонзает, будто заточенную вилку, в живое тело поэзии, а затем начинает ее «разделять», как запеченную грудинку. Для критики это катастрофический подход, потому что аналитик не замечает целого, отворачивается от деталей, не учитывает голос

автора и не понимает его позиции внутри мира, который поэт живописует. Конечно, важно вписать художественное произведение в систему координат русского мира. Ты можешь делать это, когда любишь само произведение, оно тебе интересно – или ненавидишь его, оно мешает тебе жить. Но стоит отдавать себе отчет и в ненависти, и в любви – пусть они не застят тебе глаза. Мне ближе первый принцип. А в целом важно быть корректным и не переделывать художественную литературу на свой лад, в соответствии с теми умными книжками, которые ты прочел в минувшем году. Тут важна честность, внимательность и, конечно, профессионализм. И потом, критик в своем рассуждении не должен заслонять автора, не быть «на всякой свадьбе – женихом»...

Валентине Коростелевой. Вы пишете о пожизненных индульгенциях на творчество, которые выдаются новым прагматичным молодым писателям. На самом-то деле ни о какой «пожизненности» тут речь не идет. Это просто мода, у которой периодически бывают обновления, а «писатели» думают, что подобный успех – навсегда. Гонорар, известность, влияние – ведь то же самое было в советское время. Но тогда все устраивалось куда прочнее, чем сегодня. Но и сейчас читатель очень благодарно отзывается на произведения тонкие, проникновенные. Нужно писать стихи и рассказы, повести, романы только потому, что писатель лишь отчасти хозяин своего дара: он ему вручен на время высшей силой. И потому такое мистическое Поручение необходимо выполнять честно, не по привычке садясь за стол перед листом чистой бумаги. Забудьте Вы про шорт-листы и «обоймы». Есть только две важные для писателя вещи: создавать художественные произведения и поддерживать свою семью. Без второго пункта первый очень скоро становится эгоистическим самовыражением: просто автору некогда любить, а это – дуновение из холодной бездны.

Что касается «всего мира», то я испытываю к нему полное равнодушие. У остального мира есть много очарований, которые увлекают его неудержимо. Пусть только уважают Россию – этого вполне достаточно.

Наталье Егоровой. А новое мощное поколение в русской поэзии есть, ему около 50 лет, спектр его интересов и размышлений весьма широк и независим от идеологических разнарядок. Большое видится на расстоянии, как известно, а в нас еще и сквозит ветерок эгалитарного общества, соединенный с привычной литературной соревновательностью и тщеславием. Как критику, который в первую очередь занимается поэзией, мне есть куда входить, на что обращать свой взгляд, над чем задумываться.

Для поэта важно уметь отказаться от собственного вчерашнего опыта и нащупать новые интонации и ритмы, которые адекватны реальности. Он должен

любить своего читателя, потому что в отсутствии взаимной читательской любви – он мертв. Родная земля для него – во многом материнский образ, иначе он бездомный скиталец, не интересный никому.

Русская литература во многом похожа на «детоводительницу ко Христу». Не случайно в 30-е годы отечественная классика, по сути, замещала собой христианские наставления. Конечно, со многими оговорками, но тогда было, образно говоря, не до жиру. Я противник воцерковления литературы, потому что есть в литературе свободная воля художника, которая ведет его к идеалу. Но сам путь – бесценен и поучителен. В случае воцерковления путь исчезает, на его место становится правило.

Что касается современной «духовной поэзии», то она часто в поэтическом отношении очень слаба, но канонически верна. Это именно то, что случится с нашей литературой, если ее постигнет воцерковление. Стихи иеромонаха Романа (Матюшина) – отдельный феномен, а не аргумент в споре о церковной огаде и русском поле.

Дмитрию. Для библиотеки важно иметь на своих полках столичный журнал и несколько региональных. Это в первую очередь связано с тем, что «Наш современник» или «Москва» – издания независимые, негосударственные и могут позволить себе публикации резкие, показывающие правду во всей ее остроте. Региональные журналы, финансируемые из областного бюджета более осмотрительны, что не всегда плохо. В них преобладает взвешенность суждений и отсутствие «баррикадных» настроений. В этой связи могу назвать «Аргмак-Татарстан», «Огни Кузбасса», «Подъем», «Север». Какие-то из этих названий можете заменить по своему усмотрению. Но все названные издания отличаются продуманной структурой, рубрикацией и последовательностью материалов, а это – важнейшая составляющая литературного «толстого» журнала, когда читатель постепенно переходит от одного текста к другому.

Геorgию Пашневу. Если Вы пишете в жанре фэнтэзи, то просто обязаны опираться на родовой опыт славян. Лишь в этом случае у Вас могут быть творческие удачи: есть почва. Мы говорим о том, что либеральная литература во многом безжизненна, потому что она беспочвенна, тотально эгоистична и часто безнравственна. Вам нужно нечто общее, что связало бы Вас и Ваших читателей в один круг, у которого есть подземная родовая крепь. Тогда фэнтэзи может стать не только упражнением в расхожем стиле. Что касается меня, то я не поклонник подобного рода сочинений. Тем не менее свойство, о котором я говорю, позволит фэнтэзи стать литературой в большей степени, нежели сейчас. А жизненный опыт писателю необходим. В противном случае он не сможет создать характер литературного героя и сделать его облик убедительным.

И ЧУВСТВА ДОБРЫЕ Я ПРОЗОЙ ПРОБУЖДАЛА

Так могла бы сказать о своей книге «Калейдоскоп судьбы» Людмила Яковлева из города железнодорожников Тайги.

Томик тиражом в 300 экземпляров вышел в Кемерове как раз к 75-летию автора. Писатель в коротеньких рассказиках – помните детскую игрушку калейдоскоп, предлагающую бесчисленное количество самых причудливых узоров из осколков цветных стеклышек, отражающихся в зеркалах, предлагает свою жизнь и судьбу с самых первых детских впечатлений до времен наступления человеческой мудрости.

Один из знаменитых режиссеров нашей страны записал: «Уметь чувствовать... Это значит, принимать чужие страдания как свои собственные». Людмила Яковлева умеет чувствовать по-настоящему.

Автор не чурается темных сторон бытия, но и сеет радость, обильно насыщая свои рассказы добрыми чувствами. Хотя все помнят цитату из большого поэта: «Для веселия планета наша мало оборудована». Поэт, конечно, прав, но без радости и восторга жизнь тоже не в жизнь, что душой понимает Яковлева (не все, ох, не все пишущие демонстрируют такое мировосприятие в своих творениях).

Как затронуть внутренние душевные ресурсы (иногда говорят – струны) читателя, повести его за собой к свету и созиданию мира – то тайна творчества. Судя по книге «Калейдоскоп судьбы», это творческое таинство автору ведомо.

И писательский язык для подобной прозы требуется такой, чтобы растапливать людские сердца. Вообще-то это главная забота любого автора: именно вокруг языка живет или не живет воображение, не говорим о закипании крови в жилах. И, конечно, без чувства доверия к написанному – никуда. У Яковлевой с этим все нормально.

Наш автор пишет просто, без нанизывания эпитетов-метафор и использования прочих красочных приемов, эта проза реалистична, лаконична и экономна на языковой материал. Кто-то может и утомиться от писательской простоты, мне об этом намекали некоторые друзья-читатели. Но отчего временами незатейливые случаи из жизни, явленные этой прозой, заставляют улыбнуться, а то и рассмеяться, и в то же время сопереживать жизненным испытаниям многочисленных героев, когда спазм в горле. И еще: без образного мышления искусства нет – это аксиома. У автора за каждым рассказиком стоят такие полнокровные писательские образы – успевай вглядываться-вчувствоваться.

Писатель погрузил в текст глубоко личное. Вот прозаик вспоминает самые первые годы сознательной жизни в начале книги: «Впереди были еще холодные, голодные зимы сорок пятого, сорок шестого

и сорок седьмого годов. И жестокая болезнь нашей мамы, и год, который мы с братом провели в детском доме. А самое главное – папа не вернулся к нам с войны». Такие вот всплохи памяти, если еще добавить, что отец бросил семью, заведя новую.

И еще из детства рассказик, как чужая бабуля Митревна («Бабушка Морозиха» – так называли ее дети за неожиданный новогодний подарок к зиме) подарила брату валенки, а ведь бегали в сентябре – октябре в школу босиком, растирая руками подошвы ног, а дома сразу залезали на русскую печь, чтобы согреться. «А я всю жизнь, долгие десятилетия вспоминаю с благодарностью в канун каждого Нового года добрую, давнюю нашу нежданную гостью». Если обобщить, это извечное добро нашего народа так и передается от поколения к поколению, и тем, я думаю, жив и будет всегда жить народный дух.

Писательница подробно описывает свои платья – этого мужикам не понять. Я вообще плохо помню неказистые наши одежды – жили бедновато, так ведь и поступал в институт после школы в 1966 году, а она – в техникум в 1957; времена «хрущевские» и «брежневские» сильно различались.

Так мы и идем неспешно вслед за писательницей по времени, разглядывая и вспоминая ушедшее. И как же радостно узнать-ощутить в книге свое, увидеть себя, узнать в лицо то, что живет внутри тебя.

Автор не ломает действительность, на первый взгляд, только отображает. Однако удивительным образом действительность пластично преобразуется. Одна история проходит, следом другая, и все они – жизнь, где все намешано: прошлое, настоящее, будущее, хорошее, дурное. И остается нравственное послевкусие чистоты, радости и счастья от бытия. А еще из страниц встает целый мир, бесконечность, в которых множество человеческих жизней. И томительное читательское желание знания о чужих жизнях, историях, всматривание сквозь окна, рубленные автором. Можно войти в этот мир или остаться по другую сторону, спрятавшись за «ничего никому не скажу». Вам выбирать: включить воображение или пригасить...

Есть ли тоска от прочитанного? Совсем чуть. Остается, прежде всего, светлое чувство от пережитого. Тем более что в этой прозе в наличии юмор – легкий и светлый, необходимый для героев, воздушный. Вся жизнь советского человека, с его тихими радостями и печалью панорамно разворачивается перед нами. Бытие тех, кого ныне некоторые презрительно называют «совком», на что у Яковлевой просто рука не поднимается.

Я бы сравнил количество ее персонажей с тем, сколько их, наверное, у Чехова – тьма людей перемешивает пространство. Тут тебе и работники-сослуживцы, и колоритные старики – злых среди них нет, и бездомные, и преступники, и безумные – весь круг жителей малых городов и сел, с которыми сводила судьба писателя. Из калейдоскопических картинок-стеклышек бытия складывается широкая па-

норама жизни миллионов людей нашей страны в самых разных регионах, сказочные картинки: повернешь немного – уже другие, и так до бесконечности. Жили хуже, чем в странах народной демократии? Да, подтверждает Яковлева, рассказывая о дружбе по переписке с девочкой из Чехословакии и уже взрослых поездках в гости за рубеж с детьми. И что с того?..

Эта книга включает в себя богатую россыпь реалистических зарисовок – очень похоже на интернет-блог, большинство из картинок в духе опять-таки незабвенного Антона Павловича, когда за скупостью характеристик каким-то чудом появляется человеческая глубина.

Яковлева пытается не расплескать свет, который излучает ее солнечная проза. Не искусственное освещение, а – свет!

И вдруг такая жалость протяжная о судьбе Евдокии из рассказика «Сруб нового дома». Опять общеизвестное: в сыновьях и дочках улада и надежда на то, что жизнь ненапрасно прогорела. А если сын по тюрьмам, и никому крупницы добра от него не было?..

Отсюда вытекает, а таких примеров не один, не два, что у прозаика шествуют не одни херувимы – и браки по расчету совершаются, и «квартирный вопрос их испортил», и на преступления некоторые готовы – это их жизнь, какая им была дана. Вот так и текли годы тихонько, иногда убыстряясь, добавляя мудрости с возрастом.

А еще большой плюс подобной прозы – любовь во всем ее величии, сладости чувств, когда сердце замирает от сочувствия и нежности к героям.

Есть еще один вопрос из извечных русских: насколько труден нравственный выбор между добром и злом?.. Или все совершается случайно? У нашего автора есть и такой ответ, зачастую выборочный – в случайности. Вот идет женщина, а на нее нападает пьяный насильник и грабитель, которого она узнает как школьного друга своего сына, служащего в армии. А потом суд, и через семь лет ей передают отобранное башибузуком обручальное колечко. «Тюрьма лечит!» – вывод пострадавшей. А все мучения нравственные и физиологические далеко за рамками рассказанной жутковатой истории.

Людмила Яковлева имеет за плечами приличное количество изданных книг, в которых есть место и повестям с романами, но, думаю, ее излюбленный писательский жанр – все-таки небольшие рассказы, в которых еще надо умудриться исследовать вершины добра и глубины зла, чтобы ни грана тайны не осталось – ни светлой, ни темной.

Есть ли претензии к «Калейдоскопу судьбы»? Есть. Когда ближе к концу писатель начинает искать причины «в политике» и «политиках». Последние десятилетия, а, может, и два десятка лет настолько противоречивы, что писателю-лирику, а Яковлева безусловный лирик в прозе (кто-то может назвать ее быто-

писателем – пусть их), лучше поостеречься от скользких политических дорожек.

И наконец в книгах с обозначением «В авторской редакции» необходимо очень скрупулезно вычитывать текст. В противном случае обидные и обильные числом опечатки, которые легко исправляются редактором, портят общую картину.

Валерий ПЛЮЩЕВ

ЖИВУТ ПОЭТЫ

Название отклика на вышедший в 2013 году в издательстве «Сибирское время» коллективный сборник прокопьевских поэтов и прозаиков «Когда приходит вдохновение...» подсказано одним из авторов:

Живут в Прокопьевске поэты.

Живут, работают, как все...

Издание осуществлено Управлением по культуре города Прокопьевска под патронатом главы города В. А. Гаранина. Помимо ныне здравствующих, читатель получил возможность оглянуться и на творчество ушедших из жизни авторов. Красочно оформленное юбилейное издание, приуроченное к 70-летию Кемеровской области, заняло достойное место в ряду таких, например, проектов, как литературная страница в городской газете «Шахтерская правда», редакция которой стала в свое время своеобразным лито для местных поэтов, и городской поэтический клуб «Вдохновение», которым вот уже двадцать с лишним лет руководит Л. Г. Руденко.

Стихи пишут школьники и студенты, представители самых разных профессий и ветераны. Поэзия, по большому счету, рождается в сокровенных глубинах народного самосознания, таящих в себе неисчерпаемый источник вдохновения.

Сколько копий и сколько дров наломали мы, противопоставляя форму содержанию! Договорились даже до того, что чем выше мастерство версификации, тем с большим недоверием должны мы относиться к лирическому образу. В этом, должно быть, сказалась наша реакция на чрезмерное увлечение формальными экспериментами. Но очистительную стихию самодетельной поэтической глубинки никакой пеной не замутить – заимствованной или доморощенной. Примерами вдохновенного стихотворства полнится и рассматриваемый сборник.

При восприятии поэтических произведений мы, прежде всего, ориентируемся на свой литературный вкус: вот какие стихотворения мне понравились, вот из каких я выписал для себя отдельные строки и вот еще в каких меня восхитило мастерство исполнения. Не составляет исключения и настоящий отклик. Начну, для примера, со стихотворения Николая Клочкова «Зимние прогулки»:

*Лес заснеженный внимает
Сказке зимних грез.
Белый иней обнимает
Веточки берез.
Может, где-то на Канарах
Солнышко теплей,
Но сибирские поляны
Для меня милей.*

Непритязательный разноstopный симметричный хорей, а как задушевно сказано о нашей – такой огромной! – малой родине Сибири! Кстати, о размерах. В этом сборнике хорей вообще ненамного уступает ямбу, а вот трехсложными размерами наши поэты пользуются в два раза реже, чем двусложными. Причем анапестом написано почти столько же, сколько дактилем и амфибрахием, вместе взятыми. Попадают, к слову сказать, и четырехсложные пены. Это дает нам представление о том, каким инструментарием оперируют авторы сборника в целом: он достаточно разнообразен. Но говорит ли это что-нибудь о конкретном произведении? Очень мало. Пока, возьму другой пример, не прочтем у Дины Сабыниной написанное застывшим дольником стихотворение «Время», мы о такой редкой форме, как логзед, и думать не думаем:

*Время – оно бежит,
Время летит стрелой.
Новый виток прожит,
В прошлом – грядущий бой.
Время – оно как миг,
Время – оно как свет.
Гнался, мечты достиг!
Глядь, а полжизни нет.
Вроде в достатке дом,
Должность и внешний шик...
Только встаешь с трудом.
Глядь, а в запасе – пшик.
Год ли, неделя, день...
Замер в руке бокал...
Скука, враги, мигрень.
Разве о том мечтал?!*

Как не посочувствовать лирическому герою? И как не вспомнить при этом оставшуюся в прошлом устремленность – «Время, вперед! Вперед, время!» – в светлое будущее, о которой напомнила заключительная строка с удвоенными знаками препинания?! У той же поэтессы, кстати, мы найдем и вполне регулярный трехсложник; к традиционному трехstopному анапесту она обратилась, чтобы написать о долгожданной встрече с родным городом:

*Ты, конечно, трудяга, герой!
Но мне дорог ты вовсе не этим.
Ты как в светлое детство билетик,
Как отец – мудрый, строгий, родной.*

Ну а в целом заинтересованный читатель найдет в сборнике примеры всех традиционных типов русско-го дольника: и «есенинского», и «цветаевского», и «акмеистского». Не обошли авторы вниманием ни вольный стих, ни цезурованный, регулярный и «хромой»:

*Мою нежность к тебе голубые снега замели,
Но я буду твоим, убивая любовью морозы.
За седьмым горизонтом, за тихой далью земли
В аромате садов расцвели мои алые розы.
Если я потеряюсь иль вдруг упаду на бегу,
Обо мне никогда не печаль свою память слезами.
Без тебя я ничто, без тебя я нигде не смогу,
Я найду тебя даже с закрытыми в полночь глазами.
Мне всегда на земле, мне под солнцем всегда хорошо,
Средь людей мне везло, я святыми целован устами.
Не ищите меня. Я не где-то. Я просто ушел
За седьмой горизонт, чтоб к рассвету вернуться
с цветами.*

Легким «прихрамыванием» в пятиstopном цезурованном анапесте Виктор Савинков (1936 – 2009) делает свой стих адекватным создаваемому образу: безукоризненный печатный шаг тут, вероятно, резал бы слух. Так с помощью «алгебры» выстраивается необходимое соответствие между содержанием и формой.

Делением на строфы поэты усиливают ритмическую организацию стиха. Среди традиционных строф в сборнике явно преобладает четверостишие. Но присутствуют и примеры с ослаблением строфической композиции в виде нетождественных строф, строфоидов и строф с метрическими переборами. А нестрофических стихов здесь в три раза меньше. Все это вместе взятое обогащает ритмическую палитру книжной подборки. Обращает на себя внимание Григорий Маслов (1920–2007), который традиционен в выборе и темы («Пушкину»), и твердой формы строфы (венки сонетов) для ее воплощения. Вот один из пятнадцати искусно сплетенных сонетов:

*Стихи твои мы знаем с детства.
Когда наш мир был – стол, постель,
Тогда-то, в наше малолетство,
Зимою пела нам метель.
Стенала, вихрилась у дома
(Не знаю, что ее влекло),
Шепталась с кровельной соломой,
Упорно в мерзлое стекло
Озябшим путником стучала...
Что мог понять тогда малец?
Потом я понял наконец:
Она стихи твои читала.
Стихи! Их слушал млад и стар.
Они для нас – как божий дар.*

Кроме четко обозначенного ритма, традиционный стих, как известно, держится на рифменном со-

звучии. Чей-то слух, как в приведенном выше примере, ласкает точная рифма, а кто-то настраивается на различные от нее отступления. В принципе, нужное впечатление может равным образом достигаться с помощью как «стертых» от долгого употребления глагольных рифм (см. выше: стучала – читала), так и ослабленных, от ассонанса до приближенной (см. ниже: истекая – доверяю), и даже рифмы-диссонанса (с добрый десяток таких фигур высшего пилотажа мы обнаруживаем в представленных в сборнике образцах). Шесть десятилетий отделяет сегодняшнее юбилейное издание от времени первой публикации стихотворения Анатолия Грохова (1923–2011) «Отмечаю доброту», дай бог написанному сегодня прозвучать так же свежо и актуально в 2073-м!

*Когда снегам лежать не вмоготу
И плавятся, ручьями истекая,
Я отмечаю солнца доброту,
А доброте я сердце доверяю.
В войну ломали, били тьму-орду,
Со злостью гнали, смертно добивая.
И в этом видел только доброту,
А доброте я сердце доверяю.
В мышление набирая высоту,
И возмущенно зло изобличаю,
Познанием понимаю доброту,
И доброте я сердце доверяю.*

Мы знаем, что сегодня у нас не мытьем, так катаньем насаждаются нетрадиционные подходы – не только в версификации и не только в области культуры. Российская глубинка, в отличие от метрополии, более устойчива в своих привязанностях. Кое-кто в связи с этим спешит обвинить нас в дремучей отсталости, ссылаясь в том числе на то, что мы никак, дескать, не можем расстаться в стихосложении с безнадежно якобы устаревшей силлабо-тоникой. То ли, мол, дело – верлибр! Но как обстоит дело в действительности?

На возделенном Западе – что в Америке, что во Франции – экстравагантными поэтическими деликатесами, похоже, уже насытились. Там уже наметился обратный процесс, с которым нашим авангардистам еще предстоит столкнуться.

Ну, что ж: имеющий уши да слышит. И не только экспертов. Но и поэтов – среди прочих и тех, кто живет и работает рядом с нами, в том же, например, Прокопьевске.

Судя по юбилейному сборнику, мы слышим всех: и тех, кто уже утвердился в качестве признанного таланта, и тех, кто – лиха беда начало! – только еще вступает на благословенную стезю вдохновенного творчества.

Когда приходит вдохновенье...

27 марта 2014 г.

Вячеслав ЕЛАТОВ,

г. Прокопьевск

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

12 июня писатели Кемерово приняли активное участие в праздновании Дня города. Лауреат премии И. Киселева Е. Солодянкина и председатель Кемеровского отделения Союза писателей России Б. Бурмистров посадили первое дерево Аллеи искусств. В мероприятиях приняли участие С. Донбай, А. Катков, А. Ибрагимов, И. Фролова, В. Еременко, Д. Мурзин. В праздничных поэтических чтениях приняли участие члены литературной студии «Притомье», руководил выступлением староста студии В. Киселев.

20 июня в кемеровском клубе «Соотечественники» состоялась встреча из цикла «Русский мир». Почетными гостями храма преподобного Сергия Радонежского были герой очерка «Гвардеец Каткуова» («Огни Кузбасса», № 2, 2014 г.) ветеран Великой Отечественной войны, Почетный гражданин Кемеровской области Ярослав Маркович Панчишин и автор очерка Евгений Чириков.

Воспоминания участника Берлинской наступательной операции и штурма Рейхстага с большим интересом выслушали все присутствующие. Дети и взрослые читали стихи, вместе спели песни о войне. По обычаю сфотографировались на память.

С 15 по 23 июня в Иркутске прошел 13-й Международный фестиваль поэзии на Байкале, основанный когда-то прекрасным иркутским поэтом Анатолием Кобенковым. Среди приглашенных гостей были Горан Лазович (Сербия), Эдуард Лимонов, Мария Ватутина, Юлий Гуголев, Всеволод Емелин (Москва), Екатерина Боярских (Иркутск). Кузбасс представлял Дмитрий Мурзин. На фестивале вспомнили ушедших иркутских поэтов. Выступления прошли на филфаке университета, в центре Вампилова и на других площадках. Кульминацией и финалом стали два незабываемых поэтических вечера на берегу Байкала.

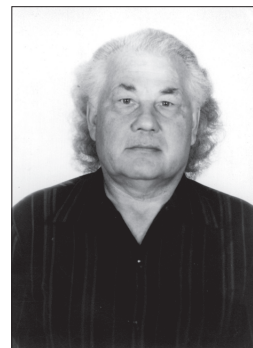
18 июля в Доме литераторов Кузбасса прошло представление третьего номера журнала «Огни Кузбасса».

О материале к столетию Первой мировой войны – воспоминаниям солдата Емельяна Суворова рассказала родственница солдата Л. Суворова и подготовивший воспоминания к публикации А. Ярошук. О начале публикации третьей части своей «Кузбасской

саги» поведал С. Павлов. Свои стихи прочитали А. Правда, А. Катков, В. Шумилов. Вспомнили об ушедшем поэте Руслане Сидорове. О своих публикациях рассказали З. Естамонова, В. Арнаут, Р. Чекалдина. Большой радостью для читателей стало выступление Т. Черняевой – приехавшей из Барнаула, чтобы представить публикацию очерков сибирского классика Г. Гребенщикова. Вел вечер главный редактор журнала С. Донбай.

В «литературной газете» за 23–29 июля 2014 года в рубрике «Рецензирует читатель» опубликована рецензия на книгу Владимира Переводчикова «Кукушата», вышедшую в Кемерово. Ее написал Дмитрий Мустафин, доктор химических наук: «В романе говорится об обитателях детского дома в послевоенное время, но многие описанные события происходят и в современных детских домах, подчеркивая суровую связь времен».

Поздравляем с 70-летием члена Союза писателей России, заводилу рабочего движения, писателя-правдоборца Михаила Петровича Анохина! Желаем Вам здоровья и долгих творческих лет жизни!

ИЗДАНЫ КНИГИ

Владимир Еременко. Свет не вечерний: стихи / В. С. Еременко. – Кемерово: ООО «Печатный двор Кузбасса», 2014. – 141 с.

Виктор Коняев. Непогасимая лучинка: повесть / Виктор Коняев. – Кемерово: ООО «Печатный двор Кузбасса», 2013. – 211 с.

«Образ». Литературный альманах. № 3 2014 / Сборник литературных произведений. Ленинск-Кузнецкий. – Кемерово: ООО «Офсет», 2014. – 88 с.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Альманах «Иркутское время» (2014 год) напечатал подборку стихов Дмитрия Мурзина.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов, г. Кемерово, пр. Советский, 40. В Новокузнецке – в киосках фирмы «ВестиЧ» во всех районах города, подписаться на журнал можно в «Курьерской службе» фирмы «ВестиЧ» по адресу: пр-т Metallургов, 54. Справки по телефону 60-05-85.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением

Свидетельство № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.

Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Технический редактор **В. И. Труханова**
Корректор **Е. В. Фефелова**
Компьютерная верстка **М. Л. Костомаровой**

Подписано к печати 20.08.2014. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1800 экз. Заказ № .
Цена свободная